

СВТ. ФЕОФАН ЗЯТВОРНИК

ПУТЬ КО СПЯСЕНИЮ

ПИСЬМА О ХРИСТИЯНСКОЙ ЖИЗНИ. ПОУЧЕНИЯ

Святитель Феофан
Затворник Вышенский

ПУТЬ
КО СПАСЕНИЮ
•
ПИСЬМА О
ХРИСТИАНСКОЙ
ЖИЗНИ
•
ПОУЧЕНИЯ

Москва
2005

УДК 27-42
ББК 86.372
Ф42

***По благословению
епископа Саратовского и Вольского
Лонгина***

Святитель Феофан Затворник Вышенский
Ф42 **Путь ко спасению. Письма о христианской жизни.
Поучения.** — М.: Лепта-Пресс, 2005 — 800 с. (Путь
святости. Вып. 4).
ISBN 5-98194-053-0

Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский (1815-1894) является истинным светочем Православия. До сегодняшнего дня его труды по истолкованию Священного Писания, аскетические творения, духовные письма, наставления и проповеди просвещают души людские и направляют их ко спасению.

Во второй том трилогии «Начертание христианского нравоучения», которую святитель составил еще при жизни на основе своих трудов, печатавшихся в журнале «Домашняя беседа», включены книги «Путь ко спасению», «Письма о христианской жизни» и «Поучения».

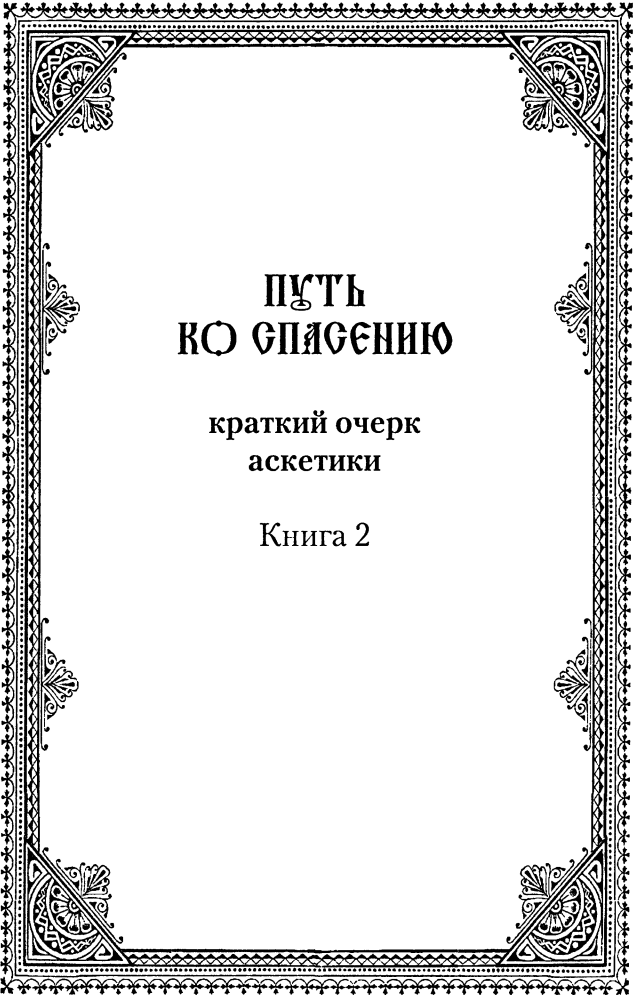
В «Пути ко спасению» рассматриваются степени развития в нас жизни христианской, «которые по свойству их можно назвать так: обращение к Богу, самоисправление, очищение», — писал святитель. В «Письмах о христианской жизни» и в «Поучениях» содержатся советы, утешения в скорбях, наставления — тот духовный опыт, который архипастырь щедро дарил ревнующим о спасении.

Книга адресована всем интересующимся основами православия и учением Православной Церкви о спасении.

УДК 27-42
ББК 86.372

ISBN 5-98194-053-0

© Издательство «Лепта-Пресс», оформление, 2005.

ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

краткий очерк
аскетики

Книга 2

ВВЕДЕНИЕ

В «Начертании христианского нравоучения» изображены обязательные для нас чувства и расположения, но этим сказано далеко не все, потребное к устройению своего спасения. Главное дело у нас действительная жизнь в духе Христовом. А этого только коснись, сколько откроется недоумений и сколько поэтому потребно указаний, и притом почти на каждом шагу!

Правда, там последняя цель человека указана — в общении с Богом — и путь к ней изображен: это вера с хождением в заповедях, при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! Иди!

Легко сказать: вот путь, иди! Но как сделать это? Большею частью недостает желания идти. Упорно отрывает душа, увлеченная какою-либо страстью, всякое понуждение и всякий призыв; очи от Бога отвращает и смотреть на Него не хочет. Закон Христов не по сердцу; ей и слушать о нем нет расположения: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желание идти к Богу путем Христовым; как сделать, чтобы закон напечатлелся в сердце и человек, действуя по этому закону, действовал как бы от себя, непри-

нужденно, чтобы закон сей не лежал на нем, а как бы исходил от него?

Но пусть обратился кто к Богу, пусть возлюбил закон Его; самое шествие к Богу, самое хождение путем закона Христова необходимо ли уже и будет успешно потому только, что мы возжелали сего? Нет. Кроме желания, необходимо еще иметь силы и умение действовать: нужна мудрость деятельная. Кто вступит на истинный путь Богоугождения или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу путем предначертанного закона Христова, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутья, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Сии распутья неизбежны по остающемуся, даже и в обращенном, греховному позыву и расстройству сил, которые и в сем состоянии способны представлять вещи в превратном виде — прельщать и губить человека. К сему присоединяется лесь от сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами, и когда кто из области его пойдет к свету Христову, гонится вслед его и всякие расставляет сети, чтобы снова уловить; и нередко действительно уловляет. Следовательно, и тому, кто имеет уже желание идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все отклонения, возможные на сем пути, чтобы шествующий наперед был предварен о сем, видел имеющие встретиться опасности и знал, как избежать их.

Эти общие всем неизбежности на пути спасения делают необходимыми особые руководительные в христианской жизни правила, коими должно быть определено: как дойти до спасительного желания богообщения и ревности пребывать в нем и как безбедно пройти к Богу, среди всех распутий, возможных на сем пути по всем степеням, — иначе: как начать жить по-христиански и как, начавши, усовершенствоваться в этом. Сие руководство должно взять человека вне Бога, обратиться к Нему и потом привести перед лице Его; должно проследить жизнь христианскую в его явлениях, на деле, от начала до конца, т.е. как она засеменяется, развивается, зреет и приходит в полноту, или — что то же — написать историю деятельной жизни каждого христианина, с показанием того, как в каком случае должен он действовать, чтобы устоять в своем чине.

Засеменение и развитие жизни христианской существенно различно от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения. Семя Христово падает на землю сердца уже бьющегося. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства, то — тогда как, например, в растении начало жизни есть возбуждение ростка семени, пробуждение как бы спящих сил — начало истинно христиан-

ской жизни в человеке есть некоторое воссотворение, дарование новых сил, новой жизни. Далее, пусть воспринято христианство как закон, т.е. положена решимость жить по-христиански: это семя жизни (решимость) не бывает окружено в человеке благоприятствующими ему стихиями; и при этом весь человек, его тело и душа остаются неприспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову; потому с сей минуты начинается у человека потовой труд — образовать всего себя, все свои силы по-христиански. Вот почему, тогда как возрастание, например, у растений есть постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, у христианина оно есть многотрудная борьба с самим собою — напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, к чему у них нет расположения: он, как воин, каждый шаг земли, хотя своей же, должен отнимать у врагов войною — обоюдоострым мечом самопринуждения и самопротивления. Наконец, уже после долгих трудов и усилий начала христианские являются победоносными, господствующими без сопротивления, проникают весь состав естества человеческого, вытеснив из него враждебные себе требования и стремления, и поставляют его в состояние бесстрастия и чистоты, сподобляя блаженства чистых сердцем — зреть Бога в себе в преискреннем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые по свойству их мож-

но назвать так: 1-ю — обращением к Богу, 2-ю — очищением или самоисправлением, 3-ю — освящением. На первой человек обращается от тьмы к свету, от области сатанины к Богу; на второй — очищает храмину сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения — цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все сие и определить правилами и будет значить — указать *путь ко спасению*. Полное в сем деле руководство берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и возводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова. Иначе, оно должно показать:

- 1) как начинается в нас христианская жизнь;
- 2) как совершенствуется — зреет и крепнет; и
- 3) какую является в полном своем совершенстве.

Отдел 1

О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ

*с указанием, как сохранить сию
благодать в период воспитания*

Как начинается в нас христианская жизнь?

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь для того, чтобы видеть, положено ли в нас начала жизни сей, и, в случае если не положено, знать, как положить оное, насколько это от нас зависит.

То не решительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие (Мф. 7:21). И не вси, сущии от Израиля, суть Израиль (Рим. 9:6).* Можно

быть в числе христиан и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течение жизни нашей, когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают проявляться отличительные черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельным, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в богообщении о Христе Иисусе Господе нашем — в богообщении вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности исключительно о христианском богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

Огня приидох воврещи на землю, говорит Спаситель, и как желал бы Я, чтобы он возгорелся

(Лк. 12:49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь сжигает то вещество, в котором внедряется, так и ревность о жизни по Христе сжигает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *всяк огнем осолится* (Мк. 9:49). И это есть указание на огонь духа, ревностию проникающего все существо наше. Как соль, проникая в удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая во все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашать* (1 Сол. 5:19), быть *тщанием не ленивым, духом гореть* (Рим. 12:11), — заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: *задняя забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести выш-*

ного звания о Христе Иисусе (Фил. 3: 13, 14); и другим внушает: *также тецйте, да постигнете* (1 Кор. 9:24). Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой перед Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: часто *имя только имеют, что живы*, будучи на деле мертвы (Апок. 3:1). Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительные отклонения от существенной правды при

делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знакомых, даже вещи его, цвет ему любимый, вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. То же и ревность о богоугождении истинная: преследует грех в малейших о нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуется в чем-либо усиленный труд, или какое-либо самопожертвование — тотчас последует отказ по невозможности совладеть с собою. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дело: саможаление подорвет все

опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Соглядатаи при Моисее убоялись оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сжигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателен на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, — говорит св. Иоанн Златоуст (Беседа 31 на Деян.), — усердие и многое разжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно царствие получить».

Дело благочестия и богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы поднять все эти труды? При помощи благодати Божией — в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? — Воодушевлением и любовью к своему делу. Не чем иным можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу

томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоход идет, но с болезнью, тогда как для быстрой сержны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать *все*; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать с вниманием и осмотрительностью, как *главное дело*; а иначе мы будем делать как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин плохой христианин — вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, и жизнь такая — не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о богоугождении. Спрашивается теперь: как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к скрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и через них — всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (через таинства) и, сочетавшись со свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни: о ней должно молиться и быть готовым принять ее. Огонь ревности с силою — это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающею только, но и вседействующею ревностию.

Иным приходит мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем — и еще что-либо сделаем. Ред-

кий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе — такой, которая приводит к спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию слова Божия, — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли закрыть уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, и она приподнимет нас и извлечет из этого тревобления временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет к греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн — куда делись все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием — одно другого хуже — начинают тревожить душу, когда забудет всякий про себя и неволь-

но воззовет с Пророком: *воды внидоша до души моя: углебох в тимении глубины* (Пс. 68:2). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же* (Пс. 117:25)!

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот воображено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечению — и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка — берется и за то: одного унизил, с другими поделился, третьего столкнул с места, — и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26:41). Видишь добро и творишь зло: *хотящу творити доброе, злое прилежит* (Рим. 7:21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, т.е. если не отвержение, то не чувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда — к свету, где хотят тебе дать какие-

то новые силы! Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усеет цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока, наконец, не низойдет на самое дно зла — к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это-то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской — сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, začínющую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию или предносим Богу свою непотребную природу, — и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было, для поражения гордого ума нашего, в самом начале истинной жизни со-

крыть силу Свою под сенью вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: *крещение* и *покаяние*. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг крещения, а другие — вокруг покаяния.

Как начинается жизнь христианская в Таинстве Крещения

Крещение есть первое в христианстве таинство, делающее человека христианином, достойным сподобляться даров благодати и через другие таинства. Без него нельзя войти в мир христианский — сделаться членом Церкви. Предвечная премудрость создала себе дом на земле: дверь, вводящая в сей дом, есть таинство крещения. Сею дверью не только входят в дом Божий, но при ней же облачаются и в достойную его одежду, получают новое имя и знак, отпечатывающийся во всем существе крещаемого, посредством коего разужнают и различают его потом и небесные, и земные.

Аще кто во Христе, нова тварь, учит апостол (2 Кор. 5:17). Сею новою тварию христианин становится в крещении. Из купели человек выходит совсем не таким, каким туда входит. Как свет тьме, как жизнь смерти, так крещенный противоположен некрещенному. Зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, человек до крещения носит в себе весь яд греха, со всею тяготою его последствий. Он состоит в немилости Божией, есть естеством чадо гнева; поврежден, расстроен сам в себе, в соотношении частей и сил и в их направлении преимущественно на размножение греха; подчинен влиянию сатаны, который действует в нем властно по причине греха, живущего в нем. Вследствие всего этого он по смерти неминуемо есть оброчник ада, где должен мучиться вместе со своим князем и его клеветами и слугами.

Крещение избавляет нас от всех сих зол. Оно снимает клятву силою Креста Христова и возвращает благословение: крещенные суть чада Божия, как именоваться и быть дал им область Сам Господь. *Аще же чада, то и наследницы: наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу* (Рим. 8:17). Царство Небесное принадлежит крещаемому уже по самому крещению.

Он изъемлется из-под владычества сатаны, который теперь теряет власть над ним и силу самовольно действовать в нем. Вступлением в Церковь — дом прибежища — сатане заграждаются входы к новокрещенному. Он здесь как в безопасной ограде.

Все это — духовно внешние преимущества и дарования. Что происходит внутри? Исцеление греховной болезни и повреждения. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает здесь Божественный порядок во всей его красоте, врачует расстройство, как в составе и отношении сил и частей, так и в главном направлении от себя к Богу — на богоугождение и умножение добрых дел. Почему крещение и есть возрождение или новое рождение, поставляющее человека в обновленное состояние. Апостол Павел всех крещенных сравнивает с воскресшим Спасителем, давая разуметь, что и у них такое же светлое в обновлении существо, каким явилось человечество в Господе Иисусе через воскресение Его в славе (Рим. 6:4). Что и направление деятельности в крещенном изменяется — это видно из слов того же апостола, который говорит в другом месте, что они уже *не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5:15). *Еже бо*

умре, греху умре единою, а еже живет, Богови живет (Рим. 6:10). *Мы спогребаемся Ему крещением в смерть* (Рим. 6:4), и: *ветхий наш человек с Ним распинается, яко ктому не работати нам греху* (Рим. 6:6). Так вся деятельность человека силою крещения обращается от себя и греха к Богу и правде.

Замечательно слово апостола: *яко ктому не работати нам греху...* и другое: *грех вами да не обладает* (Рим. 6:14). Это дает нам разуместь, что то, что в расстроенной, падшей природе составляет силу, влекущую ко греху, не истребляется вконец в крещении, а только поставляется в такое состояние, в коем не имеет над нами власти, не обладает нами, и мы не работаем ему. Оно в нас же находится, живет и действует, только не как господин. Главенство с сих пор принадлежит уже благодати Божией и духу, сознательно себя ей предающему. Св. Диодор, объясняя силу крещения, говорит, что до крещения грех живет в сердце, а благодать извне действует; после же сего благодать вселяется в сердце, а грех влечет извне. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется вне, в частях тела, откуда и действует раздробленно, набегами. Почему и есть непрестанный искушитель, соблазнитель, но уже

не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает (Добротолюбие, ч. 4:79 и далее).

Так зарождается новая жизнь в крещении! Что при этом требуется со стороны человека, или как доходит он до того, что обновляется в крещении, — изображено в «Начертании нравоучения христианского», особенно в статье «Норма христианской жизни». Здесь этого не повторяется, потому что взрослый, приступающий к крещению, есть то же, что грешник, обратившийся к Богу в покаянии; а о сем последнем речь будет впереди не краткая, будет второй отдел. Тогда вполне будет удовлетворено любование всякого в сем предмете.

Здесь обращается внимание на то, как начинается через крещение жизнь христианская в тех, кои крестятся младенцами, как это бывает преимущественно между нами. Ибо здесь начало христианской жизни устраивается с некоторою характеристическою особенностью, вытекающею из отношения благодати к свободе.

Вы уже знаете, что благодать нисходит на свободное желание и искание и что только взаимным сочетанием их зачинается сообразная с благодатию и свойством свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подает бла-

годать туне; но требует, чтобы человек искал ее и желательно воспринимал ее, посвящая себя всецело Богу. Исполнение сего условия в покаянии и в крещении взрослых очевидно. Но как оно исполняется в крещении младенцев? Младенец не имеет употребления разума и свободы, следовательно, не может исполнить условия к началу христианской жизни со своей стороны, т.е. желая посвятить себя Богу. Между тем, сие условие непременно должно быть исполнено. От способа исполнения сего условия начало жизни, через крещение младенцев, совершается с некоторою характеристическою особенностью. Именно.

Благодать нисходит на младенческую душу и производит в ней все *одна* так, как бы при сем участвовала и свобода, на том единственно основании, что в будущем сей, не сознающий себя и не действующий лично, младенец, когда придет в сознание, сам охотно посвятит себя Богу, желательно восприимет благодать, нашедши в себе ее действия, рад будет, что она есть, возблагодарит, что так сделано для него, и исповедует, что, если бы в минуту крещения даны были ему смысл и свобода, он не иначе поступил бы, как поступлено, и не захотел бы иного. Ради такого будущего свободного посвя-

щения себя Богу и сочетания свободы с благодатию Божественная благодать вся подается младенцу и без него все в нем производит, что производить ей свойственно, по одному уверению, что требуемое желание и предание себя Богу будет несомненно, — уверению, какое дают восприемники, поручаясь Богу перед Церковью, что сей младенец, пришедши в сознание, явит именно такое употребление свободы, какое требуется для благодати, принимая на себя обязанность самым делом довести до того младенца восприемлемого.

Таким образом, через крещение в младенце полагается семя жизни о Христе и есть в нем; но она еще как бы не его — действует, как образующая его сила. Жизнь духовная, зарожденная благодатию крещения в младенце, станет собственною человеку, явится в полном своем виде, сообразною не только с благодатию, но и со свойством разумной твари, с того времени, когда он, возникши к сознанию, свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит себе обретенную в себе благодатную силу. И до сего времени в нем действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, действует в нем, а есть еще как

бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственной, не благодатною только, но и свободною.

По причине этого более или менее продолжительного промежутка между крещением и посвящением себя Богу начало христиански нравственной жизни через благодать крещения в младенцах расширяется, так сказать, на неопределенное пространство времени, в продолжение коего младенец зреет и образуется в христианина в Св. Церкви среди христиан, как прежде телесно образовался в утробе матери.

Установитесь, читатель, покрепче в сей мысли. Она нам крайне будет нужна при определении того, как родители, восприемники и воспитатели должны обходиться с крещенным младенцем, который вверяется им от Св. Церкви и Господа.

Понятно само собою, что после крещения младенца очень важное дело предлежит родителям и восприемникам: так вести крещенного, чтобы он, пришедши в сознание, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием воспринял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни. Это лицом к лицу поставляет с вопросом о христианском воспитании или о воспи-

тании по требованию благодати крещения, с целью сохранения сей благодати.

Чтобы яснее было, как должно обходиться с крещенным младенцем в показанных целях, надо привести себе на память высказанную прежде мысль, что благодать осеняет сердце и обитает в нем, когда в нем качественно обращение от греха и себя к Богу. Ради этого настроения, деятельно являемого, далее подаются и все другие дары благодати, и все преимущества облагодатствованных, благоволение Божие, сонаследие Христу, поставление вне области сатаны, вне опасности быть осуждену в ад. Коль же скоро сие настроение ума и сердца умалется или теряется, тотчас грех снова начинает обладать сердцем, а через грех налагаются узы сатаны и отъемлются благоволение Божие и сонаследство Христу. Благодать в младенце укрощает и заглушает грех; но он может снова ожить и восстать, если дать ему пищу и свободу. Итак, все внимание тех, на коих лежит обязанность блюсти в целости принятое из купели дитя христианина, должно быть обращено на то, чтобы никак не допустить опять возобладать над ним греху, всячески подавлять сей последний и обессиливать, а направление к Богу возбуждать и укреплять.

Должно сделать, чтобы такое настроение в растущем христианине росло, хотя по чужому руководству, но самодеятельно, чтобы он более и более привыкал преобладать над грехом и одолевать его ради богоугождения, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это было не работа греху, а служение Богу. Что это возможно, видно из того, что рожденный и крещенный есть весь — семя будущего или земля, исполненная семян. Влитое благодатию крещения новое настроение не есть мысленное только или вменяемое, а действительное, т.е. тоже есть семя жизни. Если вообще всякое семя развивается по роду своему, то может развиваться и семя благодатной жизни в крещенном. Если в нем положено семя преобладающего над грехом обращения к Богу, то оно также может быть развито и возвращено, как и другие семена. Должно только употребить на сие действенные средства или определить целесообразный способ действовать на крещенного младенца.

Цель, к какой все при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы сей новый человек, пришедши в сознание, сознал себя не человеком только, существом разумно свободным, но вместе лицом, вступившим в обяза-

тельство с Господом, с Коим соединена неразрывно его вечная участь; и не только сознал себя таким, но и находил себя способным действовать по сему обязательству и видел в себе преимущественное к тому тяготение. Спрашивается, как сего достигнуть? Как поступать с крещенным, чтобы, пришедши в возраст, он ничего более не желал, как быть истинным христианином. Или — как воспитывать по-христиански?

В ответ на это не беремся рассматривать все подробно. Ограничимся одним общим обозрением всего дела христианского воспитания, имея в виду указать, как в каком случае поддерживать и укреплять добрую в детях сторону и как обессиливать и подавлять худую.

Здесь прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких-либо способностей. Младенец живет, следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Св. Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все сие в совокупности составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем сим таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая в младенце.

Частое причащение Св. Христовых Тайн (можно прибавить: сколько можно частое) живо и действенно соединяет с Господом новый член Его, через пречистое Тело и Кровь Его освящает его, умиротворяет в себе и делает неприступным для темных сил. Поступающие таким образом замечают, что в тот день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, кои в детях сильнее действуют. Иногда оно исполняется радостью и игранием духа, в коем готово всякого обнимать, как своего. Нередко Св. Причащение сопровождается и чудодействиями. Св. Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время причащения Господь благодатию Своею разрешил узы языка, после напоившего Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к Св. Причащению, и очень редко имел нужду употреблять потом медицинские пособия.

Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к Св. Крес-

ту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома — частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменiem, окропление св. водою, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны; вообще все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающуюся только душу, чтобы своим дыханием заразить ее.

Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он блюдет его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности детищем.

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития могут разорить и лишить плода неверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этом средства те или не употребляются, или употребляются не так, как

должно; но особенно по влиянию внутреннему. Правда, Господь милосерден, особенно к невинным, но есть непостижимая для нас связь души родителей с душою детей, и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних; и вместе, до какой степени, при заразительном влиянии первых, простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях.

Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно.

Есть некоторый особенный путь общения душ через сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем своим обращены в младенца. Отец и мать исчезают в дитяти и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием,

то быть не может, чтобы оно по своему роду не действовало на душу дитяти. Лучший внешний проводник при этом — взор. Тогда как в других чувствах душа остается сокрытою, глаз открывает ее взору другим. Это точка встречи одной души с другою. Пусть же через сие отверстие проходят до души дитяти души матери и отца с чувствами святыми. Они не могут не намазать ее этим святым елеем. Надобно, чтобы во взоре их светила не одна любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более, чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор сие сокровище, как некоторый сосуд благодати, снабдит их и достаточными силами к тому, чтобы сохранять его, и, наконец, непрерывно в духе совершаемая молитва, возбуждаемая надеждою по вере.

Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти этим духом искреннего благочестия, когда при сем, с одной стороны, Ангел Хранитель, с другой — Св. Тайны и вся церковность будут действовать на него со вне и внутрь, то этим составитя вокруг зачинающейся жизни родная ей духовная атмосфера, которая перельет в нее и свой характер, подобно тому, как и кровь, начало жизни животной,

в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь устроенный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое волеют в него в ту пору. То же должно сказать и о показанном устройении около детей. Оно благодатно, спасительно проникнет в устанавливающиеся формы жизни дитяти и будет полагать на них печать свою. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы.

Начавши такое устройство от колыбели, должно уже продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве. Церковь, церковность и Святые Тайны — как скиния для детей, под коею они должны быть неисходно. Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно (Самуил, Феодор Сикеот, 22 апреля и другие). Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял.

Когда у дитяти начинают пробуждаться силы одна за другою, родителям и воспитателям должно усугубить внимание. Ибо когда под осенением показанных средств будет возрастать и усиливаться в них тяготение к Богу и

увлекать вслед за собою силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого — брань внутренняя. Так как дети неспособны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но так как она должна быть ведена все же силами детей, то родители строго должны блюсти первые начатки их пробуждения, чтобы с первой минуты дать им склонение, сообразное с главною целью, к какой они должны быть направляемы.

Так начинается брань у родителей с грехом, живущим в дитяти. Хотя грех сей и лишен точки опоры, однако же действует и, чтобы остановиться на чем-нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Должно не допускать до сего и как бы вырывать силы из рук греха и передавать Богу. Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным ведением верности избранного способа, надобно хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, через что именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, суть своеумие (или пытливость) в уме, своеволие — в воле, самоуслаждение — в чувстве. Поэтому должно так вести и направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы

не отдать их в плен плотоугодию, пытливости, своеволию и самоуслаждению — ибо это будет плен греховный, — а, напротив, приучать отрешаться от них и преобладать над ними и таким образом сколько можно обессиливать их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним должно потом сообразовать и все воспитание. Пересмотрим с этою целью главнейшие действия тела, души и духа.

Прежде всего пробуждаются, и потом постоянно состоят в живой деятельности, до самой смерти, потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить навыком, чтобы потом меньше было от них беспокойства. Здесь неточное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к греховному услаждению плоти или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, — надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управлять-

ся с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище — два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.

Потому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая — для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в коих бы определялось время, количество и способ питания, и 3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе, как с болезнью может отказываться от пищи. Вместе с сим оно привыкает к своенравию оттого, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с хо-

лодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду — не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания — изменяя, как само собою разумеется, правила в применениях, а не в существе — до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, возьмет сам себя в руки.

Второе отправление тела есть движение; орган его — мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, орудия труда. В отношении к душе оно — седалище воли и очень способно развивать своеволие. Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других — вялость, безжизненность, леность. Первое укрепляет и обращает в закон своенравие и непокорность, в связи с коими находятся задорность, гневливость, неудержимость в желаниях. Последнее погружает в плоть и предаёт чувственным наслаждениям. Итак, должно иметь в виду, чтобы, укрепляя силы тела, не раздуть через то своеволия и ради плоти не погу-

бить духа. Для этого главное — мерность, предписание, надзор. Пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий их шаг, разумеется, в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Своевольно порезвившись, дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь малостях. И это — с одного раза; что же сказать, где эта часть совсем в небрежении? Как трудно после истребить своенравие, коль скоро оно осядет в теле, как в крепости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз даже не хочет смотреть, как приказывают. Напротив, дитя выходит неподвижное на всякое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям. Сверх того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям.

Третье отправление телесное лежит на нервах. Из нервов чувства — орудия наблюдений и пища пытливости. Но о сем после. Теперь же о другом общем назначении нервов, как седалище чувствительности тела или способности принимать приятные и неприятные для него внешние впечатления. В этом отношении должно поставить правилом приучить тело безбо-

лезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жара, холода, уязвлений, болей и проч. Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек, способный на самые трудные дела во всякое время и во всяком месте.

Душа в таком человеке является полною владычицею тела, не отсрочивает, не изменяет, не оставляет дел, боясь неприятностей телесных; напротив, с некоторым желанием обращается к тому, чем может озлобляться тело. А это очень важно. Главное зло в отношении к телу — телолобие и жаление тела. Оно отнимает всякую власть у души над телом и делает первую работу последнего; напротив, не жалеющий тела не будет в своих предприятиях смущаться опасениями со стороны слепого животолубия. Как счастлив приученный к сему с детства! Сюда относятся медицинские советы касательно купаний, времени и места гуляний, платья; главное — содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а напротив, более содержать под впечатлениями беспокоивающими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех дитя всего боится, а при этих на все готово и способно стоять в начатом терпеливо.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогикою. Здесь показывается только, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни именно тем, что ревностное их исполнение заграждает вход в душу непотребному зелью чувственных наслаждений, своеволия, телолюбия или саможаления, образует противоположные им расположения и вообще приучает владеть телом как органом и не подчиняться ему. А это очень важно в жизни христианской, по самому существу своему отрешенной от чувственности и всякого угодия плоти. Итак, не должно оставлять на произвол развития тела дитяти, а надо держать его под строгою дисциплиною с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, ни даже своего родительского сердца, чтобы доставить сие благо детям. Ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или даже бесплодны. Тело — седалище страстей, и большей частью самых свирепых, каковы похоть и гнев. Оно же и орган, через который демоны проникают в душу или приселяются к ней. Само со-

бою разумеется, что при этом не должно упускать из вида церковности, и из ней ничего такого, чем можно прикасаться к телу, ибо тем будет освящаться тело и усмиряться жадная животность.

Все здесь не пишется, и только указывается главный тон действия на тело. Подробности укажет дело, кому нужно. По этому очертанию разумеется и то, как должно обходиться с телом и во все прочее время жизни: ибо дело у нас с ним одно.

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе не замедляются высказываться низшие способности в естественной их последовательности. Вот дитя начинает останавливать взор свой на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится более, а другой менее. Это первые начатки употребления чувств, за коим тотчас следует пробуждение деятельности воображения и памяти. Способности эти стоят на переходе от телесной деятельности к душевной и действуют совместно, так что сделанное одною тотчас передается другой. Судя по важности, какую они имеют в настоящее время в нашей жизни, как хорошо и спасительно первые начатки их освятить предметами из об-

ласти веры. Первые впечатления глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является в мир голою силою; возрастает, богатеет во внутреннем содержании и разнообразится в деятельности она уже после. Первый материал, первую пищу для образования своего она получает извне, от чувств, через воображение. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не препятствовать, а еще более способствовать образующейся христианской жизни. Ибо известно, что как первая пища имеет значительное влияние на темперамент тела, так и первые предметы, коими занимается душа, имеют сильное влияние на характер души или тон ее жизни.

Развивающиеся чувства доставляют материал воображению; воображенный предмет хранится в памяти и составляет, так сказать, содержание души. Пусть чувства получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы — для глаз, священные песни — для слуха и проч. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него перед глазами, но его глаз и слух привыкают к сим предметам, и они, предзанимая сердце, тем самым ста-

вят вдали другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут священные; ему легче будет воображать эти предметы, чем другие: таковы его первые сгибы. Затем, на будущее время, изящное, которое одною стороною существенно связано с формами чувств и воображения, будет привлекать его не иначе, как под священными формами.

Итак, пусть ограждают дитя священными предметами всех видов; все же, могущее развратить, в примерах, изображениях, вещах, — удаляют. Но потом и во все последующее время надо хранить тот же порядок. Известно, как сильно действуют на душу растленные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, бывает подавляемо множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями. Это то же для души, что чад для головы.

Не должно также упускать из виду и образа деятельности этих сил. Дело чувств — видеть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытаться. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потом ради них переходит в воображение и память и, приобретши в них оседлость, становится несокрушимым тираном

для души. Не употреблять чувств нельзя: ибо не иначе, как через них и познаются вещи, кои знать должно, ради славы Божией и блага нашего. Но при этом неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность — без цели видеть и слышать, что где делается и как что бывает. Как же при этом поступить? Испытывание необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоит в том, где стараются все разузнать беспорядочно, бесцельно, не различая, нужно ли то или не нужно. Итак, следует только при упражнении чувств соблюдать меру и порядок и обращать их на одно нужное и по сознанию нужды — тогда для пытливости не будет пищи; т.е. должно приучить дитя то испытывать, что считается для него необходимым; от всего же другого удерживаться и отстраняться. Потом в самом действии испытывания соблюдать постепенность — не перебегать с предмета на предмет или от одной черты к другой, а, пересматривая одно за другим, о том заботиться, чтобы вообразить после предмет, как должно. Такой род занятий избавит дитя от настроения развлекаться даже среди позволенного, приучит владеть чувствами, а через них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, сле-

довательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе, мутя ее приливом и отливом своих беспутных видений. Не умеющий владеть чувствами и воображением бывает рассеян и непостоянен, будучи томим пытливостью, которая будет гонять его от одного предмета к другому до расслабления сил, и все это без плода.

Современно этим способностям возникают у дитяти страсти и начинают тревожить его с раннего времени. Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже серчает, завидует, присваивает себе, особится и проч., вообще являет действие страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно противодействовать ему с первых его проявлений. Как это сделать — определить трудно. Все дело зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) предупредить всячески их возникновение; 2) потом, если проявилась какая страсть, надобно спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этим предотвратится укоренение их или предрасположение к ним. Страсть, чаще других обнаруживающуюся, врачевать должно с особым вниманием, пото-

му что она может быть господствующей распорядительницей жизни. Благонадежнейший способ врачевания страстей — употребление благодатных средств. К ним с верою должно обращаться. Страсть — явление душевное, между тем действовать на душу у родителей сначала нет способов... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершит Свое дело. Дальнейшим в этом руководителем для ревностного отца или матери, или няньки будет опыт. Когда дитя будет со смыслом, тогда могут быть употребляемы уже и общие против страстей средства. Всячески на них должно вооружаться вначале и преследовать потом во все время воспитания, чтобы дитя умело и привыкло владеть ими; ибо их возмутительные набеги не прекратятся до конца жизни.

Если будет строго соблюдаем предписанный порядок действия на тело и низшие способности, то душа получит от этого прекрасное подготовление к истинно доброму настроению; однако же только подготовление — самое же настроение надобно созидать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце.

Наум. У детей скоро обнаруживается смысленность. Она современна говорению и растет

вместе с усовершенствованием последнего. Поэтому начать образование ума нужно вместе со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров и вопросов. Родители сами говорят между собою: дети прислушиваются и почти всегда усваивают себе не только мысли, но даже обороты их речи и манеры. Пусть же родители, когда говорят, называют вещи всегда собственными их именами. Напр.: что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи и проч. Пусть говорят с детьми и толкуют им или прямо, или, всего лучше, посредством рассказов: хорошо ли, например, наряжаться, счастье ли это, когда получишь похвалу, и проч. Или пусть спрашивают детей, как они думают о том и другом, и поправляют их ошибки. В непродолжительном времени этим простым средством можно передать здравые начала для суждений о вещах, кои потом не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Таким способом в самом корне бу-

дут подавлены мирское мудрование и пытливость злая, ненасытная. Истина связывает ум тем, что насыщает его. Мирское же мудрование не насыщает и тем разжигает пытливость. Избавив от него, большое благо доставят детям. И это еще прежде, чем они возьмутся за книги. Далее стоит только не давать детям книг с растленными понятиями, и ум их сохранится целым, во здравости святой и Божественной. Напрасно не заботятся таким образом упражнять дитя в том предположении, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя премудрее философов — показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде он был повсюду. Например, во время мученичества малые дети рассуждали о Господе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и проч.; это оттого, что мать или отец натолковали им о том в простой беседе. Истины эти сроднились с сердцем, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за них.

На волю. Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея отличать доброго от злого, оно всего желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается

неукротимо своевольным. Потому родителям строго должно блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения. Пусть со всяким желанием прибегают к родителям и спрашивают: можно ли сделать то или другое? Убедить их опытами собственными и чужими в том, что им опасно, не спросясь, исполнять свои желания, настроить их так, чтобы они даже боялись своей воли. Это расположение будет самое счастливое, но вместе оно и самое легкое для напечатления, ибо дети и так большею частью обращаются с расспросами к взрослым, сознавая свое неведение и слабость; стоит только возвысить это дело и поставить его им в закон непременный. Естественным следствием такого настроения будут полное послушание и покорность во всем воле родителей наперекор своей, расположение во многом отказывать себе и навык к этому, или уменьше; а главное, опытное убеждение в том, что не должно слушать во всем себя. Это всего понятнее для детей из их же опытов, что они многое желают, а между тем это желаемое вредно для их тела и души. Отучая от своей воли, надо приучать дитя делать добро. Для этого пусть

родители сами представят истинный пример доброй жизни и знакомят детей с теми, у коих главные заботы не о наслаждениях и отличиях, а о спасении души. Дети любопытны. Как рано они умеют копировать мать или отца! Здесь происходит нечто похожее на то, что бывает с одинаково настроенными инструментами. Вместе с тем и самих детей надо вызывать на добрые дела и сначала приказывать им делать их, а потом наводить, чтобы сами делали. Самые обыкновенные при этом дела суть: милостыня, сострадание, милосердие, уступчивость и терпение. Всему этому весьма нетрудно приучить. Случаи поминутны, стоит взяться. Отсюда выйдет воля с настроением на разные добрые дела и вообще с тяготением к добру. И доброделанию надобно научить, как и всему другому.

На сердце. Под таким действованием ума, воли и низших сил само собою и сердце будет настраиваться к тому, чтобы иметь чувства здравые, истинные, приобретать навык услаждаться тем, что действительно истинно услаждает, и нисколько не сочувствовать тому, что, под прикрытием сладости, вливает яд в душу и тело. Сердце — способность вкушать и чувствовать насыщение.

Когда человек был в союзе с Богом, находил вкус в вещах Божественных и освященных благодатию Божиею. По падении он потерял этот вкус и жаждет чувственного. Благодать крещения отрешила от сего, но чувственность снова готова наполнить сердце. Не должно допустить до этого, должно оградить сердце. Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, отречение от блестящего и привлекательного к мирской суете не могут лучше напечатлеваться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы — первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе. Надобно помнить, что по вкусу сердца будет назначаться и будущая вечная обитель, а вкус у сердца там будет такой, каким образуют его здесь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное негодны для христиан.

Усмиренная и организованная таким образом душа не будет, свойственною ей беспорядочностью, препятствовать развитию духа. Дух легче развивается, нежели душа, и прежде ее обнаруживает свою силу и деятельность.

К нему относятся: *страх Божий* (в соответствие разуму), *совесть* (в соответствие воле) и *молитва* (в соответствие чувству). *Страх Божий* рождает молитву и просвежает совесть. Нет нужды, что все это обращается к иному, невидимому миру. У детей есть к тому предрасположение, и они скоро усваивают себе эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют в домашних молитвах и церковном богослужении, и рады этому. Потому не должно лишать их этой части образования, а мало-помалу вводить их в сие святилище нашего существа. Чем раньше напечатлеется страх Божий и возбудится молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время. В некоторых детях дух этот проявлялся сам собою, даже среди видимых препятствий к его обнаружению. Это очень естественно. Дух благодати, полученный при крещении, если он не погашен неправым развитием тела и души, не может не оживлять духа нашего, — а при этом что может препятствовать ему являться в своей силе? Ближайшего, впрочем, руководства требует совесть. Здравые понятия, с добрым примером родителей и другими способами обучения добру, и

молитва осветят ее и напечатлеют в ней достаточные основания для последующей доброй деятельности. Но главное, в них должно образовать настроение к совестливости и сознательности. Сознательность есть дело чрезвычайной важности в жизни; но как легко ее образовать, так легко и заглушить в детях. Воля родителей для малых детей есть закон совести и Божий. Сколько есть у родителей благоразумия, пусть так распоряжаются своими повелениями, чтобы не поставлять детей в необходимость быть преступниками их воли; а если уже сделались такими — сколько можно располагать их к раскаянию. Что мороз для цветов, то и отступление от родительской воли для дитяти; оно не смеет смотреть в глаза, не желает пользоваться ласками, хочет убежать и быть одно, а между тем душа грубеет, дитя начинает дичать. Как хорошо предварительно расположить его к раскаянию, сделать, чтобы без боязни, с доверием и со слезами пришло и сказало: «Вот я то и то сделал худо». Само собою, что все это будет касаться одних обыкновенных предметов; но хорошо и то, что здесь положится основание будущему постоянному истинно религиозному характеру — тотчас восставать по падении, образуется умение скорого

покаяния и очищения себя или обновления слезами.

Вот порядок: пусть дитя растет в нем, и более будет развиваться у него дух благочестия. Родители должны следить за всеми движениями раскрывающихся сил и все направлять к одному. Это закон — начать с самого первого дыхания дитяти, начать всем вдруг, а не одним чем, вести все это непрерывно, ровно, степенно, без порывов, с терпением и ожиданием, наблюдая, однако ж, мудрую постепенность, подмечая ростки и пользуясь ими, не считая ничего маловажным в деле столь важном. Подробности не раскрываются; ибо имеется в виду указать только главное направление воспитания.

Нельзя определить, когда человек приходит к осознанию себя христианином и к самостоятельной решимости жить по-христиански. На деле это бывает разновременно: в 7, 10, 15 лет и позже. Может быть, прежде этого настанет время обучения, как и бывает большею частью. При этом неперменное правило — хранить весь прежний порядок без изменения и на все время обучения: ибо он существенно вытекает из природы сил наших и требований христианской жизни. Порядок обучения никак не дол-

жен быть противоположен показанному на-строению, иначе будет разорено все, что там создано; т.е. должно оградить и детей-учеников, как и младенцев, благочестием всех окружающих, церковностью, таинствами, и так же должно действовать на их тело, душу и дух. При этом применительно к учению должно только присовокупить: пусть обучение будет так расположено, чтобы видно было, что главное и что подчиненное. Мысль о сем всего легче напечатлеть распределением предметов обучения и времени. Пусть считается главным изучение веры, пусть лучшее время назначается на дела благочестия и в случае столкновения, преимуществуют последние над научностью; пусть одобрение заслуживает не одна успешность в науках, а также вера и добронравие. Вообще, надобно так расположить дух учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа жизни христианской, как эта научность и ис-

ключительная о ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удержать в нем, а иногда еще и присовокупить разврат, если встретятся благоприятные тому обстоятельства. Другое, на что должно обращать внимание, это дух преподавания или воззрения на предметы обучения. Должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана началами христианскими, и притом православными. Всякая наука способна к тому, и даже тогда только и будет истинною наукою в своем роде, когда исполнит это условие. Христианские начала несомненно истинны. Поэтому, не сомневаясь, поставляй их общею меркою истины. У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь в том предположении, что вера и наука — две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает и науки, и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь? При том же и область истины одна. Зачем набивать в голову то, что не из этой области, или с чем

нельзя показаться во дворе ее светлом. Если в таком порядке будет вестись обучение, чтобы вера и жизнь в духе веры высились над всем во внимании обучаемых, и по образу занятия, и по духу преподавания, то нет сомнения, что положенные в детстве начала не только будут сохранены, но и возвысятся, укрепятся и придут в соразмерную зрелость. А как это благотельно!

Если вести в таком порядке воспитание человека с первых лет, то мало-помалу будет разоблачаться перед ним характер, какой должна иметь его жизнь, больше будет привыкать он к мысли о том, что на нем лежит обязанность от лица Бога и Спасителя нашего жить и действовать по Его предписаниям; что все другие дела и занятия ниже их и уместны только в продолжение настоящей жизни; и что есть другое место жительства, другое отечество, к которому и надобно устремлять все свои мысли и все свои желания. В естественном ходе развития сил каждый естественно доходит до сознания, что он человек. Но если к естеству его привито новое начало благодатно христианское, в самый первый момент пробуждения его сил и их движения (в крещении), и если потом во всех точках развития сих сил это но-

вое начало не только не уступало первенства, а напротив, всегда преобладало, давало как бы форму всему, то, приходя к сознанию, человек вместе с тем найдет себя действующим по началам христианским, найдет себя христианином. А это и есть главная цель христианского воспитания, чтобы человек вследствие этого сказал себе, что он христианин. Если же, пришедши в полное сознание себя самого, он скажет: я христианин, обязанный от Спасителя и Бога жить так и так с тем, чтобы удостоиться блаженного общения с Ним и избранными Его в жизни будущей, то, возникши к самостоятельности или к своеобразному разумному учреждению жизни, он поставит для себя первым существенным делом — самостоятельно хранить и возгревать дух благочестия, в котором ходил прежде по чужому руководству.

Прежде было припоминаемо, что должен быть особый момент, когда надобно намеренно возобновить в сознании все обязательства христианства и наложить на себя иго их как непреложный закон. В крещении они были приняты не сознательно, потом были хранимы более чужим умом по чужому настроению и в простоте. Теперь сознательно должно по-

ложить на себя благое иго Христово, избрать христианское житие, исключительно посвятить себя Богу, чтобы потом все дни жизни служить Ему с воодушевлением. Здесь только человек сам собою собственно начинает жизнь христианскую. Она была в нем и прежде, но, можно сказать, исходила не от самодеятельности, как бы не от лица его. Теперь он сам, от своего лица, начнет действовать в духе христианина. Тогда свет Христов был в нем так, как свет первого дня, несцентрированный, разлитый. Но как свету нужно было дать центры, привлекая его к солнцам, средоточиям планет, так и этому свету надобно как бы собраться около исходной точки нашей жизни, нашего сознания. Человек становится вполне человеком, когда приходит к самопознанию и разумной самостоятельности, когда становится полным владыкою и распорядителем своих мыслей и дел, держится каких-либо мыслей не потому, что другие ему передали их, а потому, что он сам находит их верными. Человек и в христианстве остается человеком. Потому ему и здесь должно быть разумным, только сию разумность он должен обратить в пользу святой веры. Пусть разумно убедится, что исповедуемая им святая вера есть единственно вер-

ный путь спасения и что все другие пути, несогласные с ним, ведут в пагубу. Не слепым исповедником быть есть честь человеку, а сознающим, что, поступая так, он действует как должно. Все это он и сделает, когда сознательно наложит на себя благое иго Христово.

Только здесь его личная вера, или добрая по вере жизнь, получает твердость и непоколебимость. Он не соблазнится примером, не увлечется пустыми мыслями, потому что ясно сознает обязательство мыслить и действовать уже определительным образом. Но если он этого не сознал, то как прежде добрый пример настроил его делать так, как он делает, так теперь недобрый пример может расположить его к недоброму, увлечь к греху; и как добрые мысли других прежде владели его умом легко и без прекословия, так теперь завладеют им злые мысли. И на опыте видно, как шатки исповедание веры и доброта жизни у того, кто раньше не осознал себя христианином. Кто мало встретит соблазнов, тот и дольше будет продолжать зреть в простоте сердца. Но кому нельзя миновать их, тот стоит перед лицом большой опасности. Мы видим в житии всех, сохранивших благодать крещения, что у них была минута, когда они решительно посвяща-

ли себя Богу. Это обозначается словами: возгорелся духом, Божественным желанием воспламенился.

Осознавший себя христианином, или сознательно решившийся жить по-христиански, пусть теперь сам хранит со всем тщанием принятое от прежнего возраста совершенство и чистоту жизни, как прежде хранили ее другие. Особенных правил в руководство ему предлагать нет нужды. На сей точке он сходится с покаявшимся, который, отстав от греха, приемлет воодушевленную решимость жить по-христиански. Потому отселе он должен руководиться одними с ним правилами, о коих сказано будет в 3-м отделе.

Какое отличие есть у него с покаявшимся в восходе к совершенству, это выяснится само собою.

Теперь нужно сделать только некоторые, весьма, впрочем, важные, предостережения для возраста юношеского, исключительно к нему относящиеся. Как хорошо и спасительно не только быть настроенным в воспитании по-христиански, но и потом осознать себя и решиться быть христианином, — прежде вступления в юношеские лета. Это необходимо ввиду великих опасностей, каким неизбеж-

но подвергается юноша 1) по свойству своего возраста и 2) по великим в продолжение его соблазнам.

1) Река жизни нашей пресекается волнистою полосою юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок, мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются к покою; одна юность кипит жизнь. Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Самая беспорядочность и порывистость движений опасна. Начинаются первые его собственные движения — начатки пробуждения его сил, и имеют для него всю прелесть: силою своего влияния они вытесняют все, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее для него станет мечтой, предрассудком. Только настоящие чувства истинны, только они имеют действительность и значение. Но если он, прежде пробуждения сих сил, связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, тогда все возбуждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых уже потому, что те старее, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное — скреплены обетом. Юноша решительно хочет держать всегда свое слово. Что сказать о том, кто

не только не любил христианской жизни и истины, но даже никогда не слышал о них?

В этом случае он — дом без ограды, преданный разграблению, или сухой хворост, преданный горению в огне. Когда своеволие юношеской мысли на все кидает тень сомнения, когда сильно тревожат его возбуждения страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движениями — юноша в огне. Кто даст ему каплю росы для прохлады или подаст руку помощи, если из сердца не выйдет голос за истину, за добро и чистоту? А он не выйдет, если любовь к ним не поселена прежде. Даже советы в этом случае не помогут. Их тогда не к чему привить. Силен совет и убеждение, если, сходя через слух в сердце, они пробудят там чувства, кои есть и имеют для нас цену, но только в настоящий момент отстранены другими, а сами мы не найдемся, как их высвободить и сообщить им свойственную силу. В этом случае совет — драгоценный дар юноше от советника. Но если в сердце нет начатков чистой жизни, он бесполезен.

Юноша живет сам по себе, и кто исследует все движения и отклонения его сердца? Это то же, что исследовать путь птицы в воздухе или бег корабля в воде! Что брожение в скисающей

жидкости, что движение стихии при разнородной их смеси, то сердце юноши. Все потребности так называемой природы в живом возбуждении, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Как в природе нашей качественно расстройство, так и совокупность этих голосов тоже, что беспорядочные крики шумной толпы. Что же будет с юношею, если он наперед не приучен влагать в некоторый строй свои движения и не наложил на себя обязательства хранить их в строгом подчинении некоторым высшим требованиям. Если сии начала глубоко напечатлены в сердце в первоначальном воспитании и потом сознательно приняты в правило, то все волнения будут происходить как бы на поверхности, переходно, не сдвигая основания, не колебля души.

Какими мы выходим из лет юношеских, очень много зависит от того, какими вступаем в них. Вода, падающая с утеса, кипит внизу и клубится, а потом идет уже тихо разными протоками. Это — образ юности, в которую каждый ввергается, как вода в водопад. Из нее выходят два порядка людей, одни сияют доброю и благородством, другие омрачены нечестьем и развратом; а третий — средний класс, смесь добра со злом, коим подобие — головня

из огня, кои склоняются то на добро, то на зло, как испорченные часы — то идут верно, то бегут или отстают.

Кто заранее скрепил себя обязательством, тот как бы укрылся в крепком, не пропускающем в себя воды кораблике, или провел по водовороту покойный желоб. Без этого же и доброе воспитание не всегда спасет. Пусть иной и не впадет в грубые пороки, но все же если он не сомкнут в себе, то сердце его, не отрешенное от всего обетом, будет изорвано увлечениями, и он неминуемо выйдет из лет юности охлажденным, не приставшим ни туда, ни сюда.

Так спасительно прежде лет юности не только получить доброе настроение, но и скрепить себя обетом — быть истинным христианином. Решившийся пусть боится самой юности, как огня, и потому избегает всех случаев, в коих юность легко развязывается и делается неукротимой.

2) И сама по себе юность опасна; но к этому присоединяются еще два, свойственные этому возрасту, влечения, от которых юношеские возбуждения сильнее разгораются и приобретают большую силу и опасность. Это: а) жажда впечатлений и б) склонность к общению. Поэтому как средство к избежанию опасности

юношеского возраста можно советовать — подчинить правилам эти влечения, чтобы вместо добра они не принесли зла. Добрые расположения, возбужденные прежде, останутся во всей силе, если их не погашать и не утеснять.

а) *Жажда впечатлений* сообщает некоторую стремительность, непрерывность и разнообразие действиям юноши. Ему хочется все испытать самому, все видеть, все слышать, везде побывать. Ищите его там, где есть блеск для очей, гармония для слуха, простор для движения. Он хочет быть под непрерывным потоком впечатлений, всегда новых и потому разнообразных. Ему не сидится дома, не стоит на одном месте, не вникается одному предмету. Его стихия — развлечения. Но этого для него мало; он не довольствуется действительным, личным испытанием, а хочет усвоить и как бы перенести на себя впечатления других, изведать, что чувствовали, как действовали другие сами по себе, или в подобных ему обстоятельствах. Затем он кидается на книги и начинает читать; перебирает одну книгу за другой, часто не разбирая содержания их; у него главное — найти так называемый эффект, из какого бы рода вещей он ни был и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро — самая

лучшая для него рекомендация книге. Здесь обнаруживается и образуется склонность к легкому чтению — та же жажда впечатлений, только в другом виде. Но и здесь еще не все. Юноше часто наскучивает действительность тем, что как бы навязывают ему со стороны: это связывает его и заключает слишком в определенных границах, а он ищет некоторой свободы. Затем он часто отрывается от действительного, уходит в свой созданный мир и там начинает действовать на славу. Фантазия строит ему целые истории, где большей частью герой — его собственное лицо. Юноша только вступает в жизнь. Перед ним обольстительное, заманчивое будущее. Со временем и ему там нужно быть: что же он будет? Нельзя ли как-нибудь приподнять эту завесу и посмотреть? Фантазия, очень подвижная в эти лета, не медлит с удовлетворением. Здесь обнаруживается и в таком роде действий воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтение, развлечения, все это одно почти по духу — дети жажды впечатлений, жажды нового, разнообразного. И вред от них одинаков. Ничем нельзя лучше заморить добрых семян, положенных прежде на сердце юноши, как ими. Молодой цвет, посаженный

на таком месте, где со всех сторон дуют на него ветры, немного потерпит и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет; часть тела, которую подвергают долгому трению, немеет. То же бывает и с сердцем, и с добрыми в нем расположениями, если предаться мечтам или пустому чтению, или развлечением. Кто долго стоял на ветру, особенно сыром, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в нем будто как не на своем месте, то же бывает и в душе, развлекшейся каким бы то ни было образом. Возвратившись из рассеяния в себя, юноша находит в душе своей все в извращенном порядке; а главное — некоторым покрывалом забвения задерживается все доброе, и на первом плане стоят одни прелести, оставленные впечатлением; следовательно, уже не то, что было и чему всегда следует быть: расположения поменялись главенством. Отчего, возвратившись в себя после какого-нибудь рассеяния, душа начинает тосковать? Оттого, что находит себя скраденною. Рассеянный сделал душу свою большою дорогою, по которой, через воображение, как тени, проходят соблазнительные предметы и манят за собою душу. Но тогда, как она таким образом оторвется как бы от себя, тайно подходит дьявол, уносит доброе семя и

полагает злое. Так учит Спаситель, когда объясняет, кто похищает посеянное при пути, и кто есть всеявый плевелы. То и другое враг человек творит.

Итак, юноша! Желательно тебе сохранить чистоту и невинность детства, или обет христианского жития без укоров? Сколько есть сил и благоразумия, удерживайся от развлечений, беспорядочного чтения соблазнительных книг и мечтаний! Как хорошо подчинить себя в этом случае строгой и престрогой дисциплине и быть во все время юношества под руководством. Тех юношей, коим не позволяют распоряжаться самим своим поведением до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юноше надобно радоваться, если он поставлен в таких обстоятельствах. Сам юноша, очевидно, дойти до этого едва ли может; но он покажет много ума, если поверит совету быть больше дома за делом, не мечтать и не читать пустого. Развлечение пусть отклонит трудолюбием, мечтательность — серьезными занятиями под руководством, которому особенно должно быть подчинено чтение, и в выборе книг, и в образе чтения. Как бы, впрочем, это кто ни сделал, пусть только сделает. Страсти, сомнения, увлечения разгораются имен-

но в этом, так сказать, шатком брожении ума юноши.

б) Вторая, столь же опасная склонность у юноши есть *склонность к общению*. Она обнаруживается в потребности товарищества, дружбы и любви. Все они в истинном порядке хороши, но вставить их в этот порядок должно не юноше.

Юношеский возраст есть время живых чувств. Они у его сердца — как прилив и отлив у берегов моря. Его все занимает, все удивляет. Природа и общество открыли перед ним свои сокровища. Но чувства не любят быть скрытыми в себе, и юноша хочет делиться ими. Затем имеет нужду в лице, которое бы могло разделять его чувства, т.е. в товарище и друге. Потребность благородная, но она может быть и опасною! Кому вверяешь свои чувства, тому даешь некоторым образом власть над собою. Как же надобно быть осторожным в выборе близкого лица! Встретишь такого, который далеко-далеко может завести от прямого пути. Само собою разумеется, что добрый естественно стремится к доброму, а отклоняется от недоброго. Есть на это некоторый вкус у сердца. Но опять, как часто случается простосердечию быть завлеченным хитростью? Затем справед-

ливо всякому юноше советуют быть осторожным в выборе друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше иметь первым другом отца или того, кто во многом заменяет отца, или кого из родных — опытного и доброго. Для положившего жить по-христиански первый Богом данный друг — это духовный отец; с ним беседуй, ему поверяй тайны, взвешивай и поучайся. Под его руководством, при молитве, Бог пошлет, если нужно, и другого друга. Не столько, впрочем, опасности в дружбе, сколько в товариществе. Редко видим друзей, но больше знакомых и приятелей. А здесь сколько возможно и сколько бывает зла! Есть кружки приятельские с очень недобрыми правилами. Склонившись к ним, не заметишь, как объединишься с ними в духе, подобно тому, как незаметно наполнишься смрадом в смрадном месте. Они сами часто теряют сознание непотребства своего поведения и спокойно грубеют в нем. Если и пробуждается в ком это сознание, он не имеет сил отстать. Каждый опасается объявить о том, ожидая, что его после всюду будут преследовать колкостями и говорить: «Так и быть, может быть, пройдет». *Тлят обычаи благи беседы злы.* Избави, Господи, всякого от этих глубин сатаниных. Для решивше-

гося работать Господу одно товарищество с благочестивыми, ищущими Господа; от других же надо удаляться и искренно с ними не обращаться, следуя примеру святых Божиих.

Самый верх опасностей для юноши — от обращения с другим полом. Тогда как в первых соблазнах юноша только сбивается с прямого пути, здесь он, кроме того, теряет себя. В первом своем пробуждении дело это смешивается с потребностью прекрасного, которая со времени пробуждения своего заставляет юношу искать себе удовлетворения. Между тем прекрасное мало-помалу начинает в душе его принимать образ, и обыкновенно человеческий, потому что мы не находим ничего краше его... Созданный образ носится в голове юноши. С этого времени он ищет будто прекрасного, т.е. идеального, неземного, а между тем встречается с дочерью человеческою и ею уязвляется. Этого-то уязвления больше всего надлежит избегать юноше, потому что это есть болезнь, и болезнь тем опаснейшая, что больному хочется болеть до безумия.

Как отвратить эту язву? Не ходи тем путем, которым доходят до уязвления.

Этот путь вот как изображен в одной психологии. Он имеет три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвестно о чем и от чего, отзывающееся, однако ж, тем особенно, что он будто один. Это — чувство одиночества. Из этого чувства тотчас отражается другое — некоторая жалость, нежность и внимание к себе. Прежде он жил, как бы не замечая сам себя. Теперь он обращается к себе, осматривает себя и всегда находит, что он не худ, не из последних, есть лицо стоящее: начинает чувствовать свою красоту, приятность форм своего тела, или — нравиться себе. Этим оканчивается первое движение соблазна к себе. С сих пор юноша обращается к внешнему миру.

2) Это вступление во внешний мир воодушевляется уверенностью, что он должен нравиться другим. В сей уверенности он смело и как бы победительно выходит на поприще действия и, может быть, впервые поставляет себе законом опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинает бродить или искать знакомств, как будто без определенной цели, по тайному, однако ж, влечению чего-то ищущего сердца, и при этом старается блистать умом, приятностью в обращении, предупредительным вниманием, вообще всем, чем надеется нравиться. Вместе с тем он дает всю волю

преимущественному органу душеобщения — глазу.

3) В этом настроении он похож на порох, подставленный под искры, и скоро встречается со своею болезнью. Взором очей, или голосом особенно приятным, как стрелою пораженный или подстреленный, стоит он сначала несколько в исступлении и остоленении, от которого пришедши в себя и опомнившись, находит, что его внимание и сердце обращены к одному предмету и влекутся к нему с непреодолимою силою. С сей поры сердце начинает снестаться тоскою; юноша уныл, погружен в себя, занят чем-то важным, ищет, как будто что потерял, и что ни делает, делает для одного лица и как бы в присутствии его. Он точно потерянный, сон и еда нейдут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в расстройство; ему ничто не дорого. Он болен лютою болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни. Вот постепенный ход уязвлений! И само собою видно, чего должно опасаться юноше, чтобы не впасть в эту беду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвестников — неопределенную грусть и чувство одиночества. Делай им наперекор: стало грустно — не мечтай, а начни делать что-нибудь

серьезное со вниманием — и пройдет. Стала зарождаться жалость к себе или чувство своего хорошества — поспеши отрезвить себя и отогнать эту блажь какою-нибудь суровостью и жестокостью к себе, особенно выяснением здравого понятия о ничтожности того, что лезет в голову. Случайное или намеренное унижение в этом случае было бы как вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тут начало движения. Остановись тут — дальше не пойдешь: не родится ни желание нравиться, ни искание нарядов и щегольства, ни охоты на посещения. Прорвутся эти — и с ними борись. Какая надежная в сем случае ограда — строгая дисциплина во всем, труд телесный и еще более головной! Усиль занятия, сиди дома, не развлекайся. Нужно выйти — храни чувства, избегай другого пола, главное же — молись.

Кроме этих опасностей, вытекающих из свойств юношеского возраста, есть еще две: во-первых — настроение, по которому до небес возносится знание рассудочное, или своеличное постижение. Юноша считает преимуществом — на все налагать тень сомнения, и все то ставит в стороне, что не совпадает с меркою его понимания. Этим одним он отсекает от сер-

дца все настроение веры и Церкви, следовательно, отпадает из нее и остается один. Ища замены оставленному, кидается на теории, построенные без соображения с Откровенною истиною, опутывает себя ими и изгоняет из своего ума все истины веры. Еще больше беды, если повод к тому подаст преподавание наук в училищах и если подобный дух становится там преобладающим. Думают обладать истиною, а набираются туманных идей, пустых, мечтательных, большею частью противных даже здравому смыслу, которые, однако же, увлекают неопытных и становятся идолом юноши любознательного. Во-вторых — светскость. Пусть она может представлять нечто полезное, но преобладание ее в юноше пагубно. Она знаменуется жизнью по впечатлениям чувств, таким состоянием, в коем человек мало бывает в себе, а все почти во вне или делом, или мечтою. С таким настроением ненавидят внутреннюю жизнь и тех, кои говорят о ней и живут ею. Истинные христиане для них мистики, запутавшиеся в понятиях, или лицемеры и проч. Разуметь истину мешает им дух мира, качеству в кругу светской жизни, соприкасаться с которой невозбранно позволяют и даже советуют юношам. Этим соприкоснове-

нием мир со всеми своими растленными понятиями и обычаями набивается в восприимчивую душу юноши, не предваренного, не настроенного противно тому, а еще только принимающего настроение, и отпечатлевается на ней, как на воске, — и он невольно становится чадом его. А это чадство противно чадству Божию во Христе Иисусе.

Вот опасности для юношей от юности! И как трудно устоять! Но хорошо воспитанному и решившемуся посвятить себя Богу прежде лет юности она не так опасна: немного потерпеть, а там настанет покой чистейший и блаженнейший. Сохрани только обет христианской чистой жизни и в это время; а после будешь жить с некоторою святою непоколебимостью. Кто прошел безопасно юношеские лета, тот как будто переплыл бурную реку и, оглянувшись назад, благословляет Бога. А иной со слезами на глазах, в раскаянии, обращается назад и окаявает себя. Того никогда не воротишь, что потеряешь в юности. Кто падал, тот достигнет ли еще того, чем обладает не падавший?

Из сказанного доселе легко дойти до уразумения того, где причина того, что так редки хранящие благодать крещения? Воспитание всему причиною — и доброму, и злему.

Оттого не сохраняется благодать крещения, что не соблюдаются порядок, правила и законы примененного к тому воспитания. Главнейшие причины суть: а) отдаление от Церкви и благодатных ее средств. Это заморяет росток христианской жизни, разобщая ее с источниками, и она увядает, как увядает цвет, поставленный в темном месте. б) Невнимание к отправлениям телесным. Думают, что тело может всячески развиваться без вреда для души: между тем в его отправлениях седалища страстей, кои вместе с его развитием развиваются, коренятся и овладевают душою. Проникая в телесные отправления, страсти получают в них себе оседлость или устраивают из них неприступную некоторую крепость и тем упрочивают за собою власть на все последующее время. в) Безразборное, не направленное к одной цели развитие сил души. Не видят цели спереди — не видят пути к ней. Отсюда при всей заботе о современном образовании ничего более не делают, как только раздувают пытливость, своеволие и жажду наслаждений. г) Совершенное забвение о духе. Молитва, страх Божий, совесть редко берутся во внимание. Была бы исправность видимая, а те внутреннейшие состояния всегда предполагаются и всегда потому

оставляются себе. д) Во время обучения — закрытие главного дела побочными, заслонение его — единого — множеством других. е) Наконец, вступление в юность без предварительного положения добрых начал и решимости жить по-христиански, и далее — неудерживание влечений юношеской жизни в должном порядке, предание себя всей жажде впечатлений через развлечение, легкое чтение, разгорячение воображения мечтами, неразборчивое общение с подобными себе, и особенно с другим полом, исключительная научность и преданность духу мира, ходячим мыслям, правилам и обычаям, кои никогда не бывают благоприятны благодатной жизни, но всегда враждебно вооружаются против нее и стремятся подавить ее.

Каждой из этих причин и даже одной достаточно к тому, чтобы погасить в человеке благодатную жизнь. Но бывает большею частью, что они действуют совместно, и одна неминуемо привлекает другую; все же в совокупности они так забивают духовную жизнь, что и малейших следов ее не бывает иногда заметно, как будто человек и не имеет духа, создан не для общения с Богом, не имеет к тому предназначенных сил и не получал благодати, оживляющей их.

Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания — причина этому или в неведении такого порядка, или в небрежении о нем. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где, по-видимому, воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющим от цели по причине ложных идей и начал, на которых строится порядок его. Не то имеется в виду, не то поставляется главным, что должно; именно не богоугодное, не спасение души, а совсем другое — или усовершенствование сил только естественных, или приспособление к должностям, или годность к жизни в свете и проч. Но когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на нем не может вести к добру.

Как на главные уклонения, можно указать: 1) на отстранение благодатных средств. Оно есть естественное следствие забвения того, что воспитываемый есть христианин и обладает не естественными только, но и благодатными силами. А без этих средств христианин есть раз-

гороженный сад, который топчут рыщущие бесы, ломает буря греха и мира, которых некому и нечем остепенять и прогонять; 2) на преимущественное приготовление к счастью в жизни временной, с заглушением памяти о вечной. Об этом говорят дома, об этом толкуют в классах, это главным выставляется в простых беседах; 3) на преобладание внешности во всем, не исключая даже священнослужения.

Не подготовленный дома, прошедши такое воспитание, неизбежно отуманен в голове, на все смотрит не теми глазами, какими должно; все представляет в извращенном виде, как сквозь разбитые или ложные очки. Поэтому и слушать не хочет ни о последней истинной своей цели, ни о средствах к тому. Все это у него дело стороннее, как бы шуточное.

После этого нетрудно определить, что же именно нужно, чтобы исправить такой худой порядок вещей? Нужно: 1) хорошо понять и усвоить начала истинного христианского воспитания и действовать по ним прежде всего дома. Домашнее воспитание есть корень и основание всему последующему. Хорошо воспитанного и заправленного дома, превратное школьное воспитание не так легко собьет с прямого пути.

2) Вслед за тем перестроить по новым, истинным началам школьное воспитание, внести в него христианские элементы, неисправное исправить; главное — держать во все время воспитания воспитываемого под обильнейшим влиянием Св. Церкви, которая всем своим устройством спасительно действует на созидание духа. Это не давало бы разгораться греховным возбудителям, отвевало бы дух мира и отгоняло дух из бездны. Вместе с этим надо направлять все от временного к вечному, от внешнего к внутреннему, воспитывать чад Церкви, членов Царствия Небесного.

Нужнее всего: 3) воспитывать *воспитателей* под руководством таких лиц, кои знают истинное воспитание не по теории, а по опыту. Образуясь под надзором опытейших воспитателей, они опять передадут свое искусство другим, последующим и т.п. Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых. Воспитание из всех святых дел самое святое.

Плод доброго воспитания есть сохранение благодати Святого Крещения. Последнее вознаграждает с избытком все труды по первому. Ибо некоторые высокие преимущества принадлежат тому, кто сохранил благодать крещения и с первых лет посвятил себя Богу.

1) Первое преимущество, как бы основание всех других преимуществ, есть целость естественно благодатного состава. Человек назначен быть вместилищем необыкновенно высоких сил, готовых излиться на него из источника всех благ, только пусть не расстраивает себя. И кающийся может быть исцелен совершенно; но ему, кажется, не дается то знать и чувствовать, что не падавшему, или он не может услаждаться той целостью и обладать тем дерзновением, которое бывает ее следствием.

2) Отсюда сами собою вытекают живость, легкость, непринужденность доброделания. Он ходит в добре как в единственно сродном себе мире. Кающемуся надобно долго напрягать и приучать себя к этому добру, чтобы совершать его легко, но и достигши этого, постоянно держать себя в напряжении и страхе. Напротив, тот живет в простоте сердца, в некоторой ублажающей его уверенности спасения, и уверенности необманчивой.

3) Затем в его жизни появляется некоторая ровность и безостановочность. В нем нет ни порывов, ни ослабления; и как дыхание у нас совершается большею частью ровно, так и у него хождение в добре. Бывает то же и у покаявшегося, но не скоро приобретается и не в таком совершенстве является. Колесо починенное нередко дает знать о своем пороке; и часы починенные уже не так исправны, как нечиненные и новые.

4) Не падавший всегда юн. В чертах нравственного его характера отражаются чувства дитяти, пока оно еще не сделалось виноватым перед отцом. Здесь первое чувство невинности — детство во Христе, как бы неведение зла. Сколько оно отсекает у него помыслов и томительных волнений сердца! Затем необыкновенное радушие, искренняя доброта, тихость нрава. В нем во всей силе обнаруживаются указанные апостолом плоды Духа: любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5:22). Он как будто облечен в утробы щедрот, благодать, смирномудрие, кротость, долготерпение (Кол. 3:12). Затем он сохраняет непритворное веселонравие, или радость духовную; ибо в нем царствие Божие, которое есть мир и радость о

Духе Святе. Затем ему свойственна некоторая прозорливость и мудрость, видящая все в себе и около себя и умеющая распоряжаться собою и делами своими. Сердце его принимает такое настроение, что тотчас говорит ему, что и как надо сделать. Наконец, можно сказать, ему свойственна небоязнь падений, чувство безопасности в Боге. *Кто ны разлучит от любви Божия* (Рим. 8:35)? Все это в совокупности делает его и достоуважаемым, и достолюбезным. Он невольно влечет к себе. Существование в мире подобных лиц есть великая благодать Божия. Они заменяют апостольские мрежи. Как около сильного магнита собирается множество опилок или как сильный характер увлекает слабых, так обитающая в них сила Духа влечет к себе всех, особенно же тех, у коих есть начатки духа.

5) Главнейшее же нравственное совершенство, принадлежащее сохранившемуся целым в лета юности, есть некоторая непоколебимость добродетели во всю жизнь. Самуил остается твердым при всех искушениях соблазна в доме Илии и среди волнений народных в обществе. Иосиф, среди недобрых братьев, в доме Пентефрия, в темнице и в славе, равно сохранил свою душу непорочною. Поистине,

благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. Иер. 3:27). *Чадо, от юности твоя избери наказание и тогда до седин обрящеши премудрость. В делании ея мало потрудишися, и скоро ясти будеши плоды ея* (Сир. 6: 18, 20). Правое настроение обращается как бы в природу, и если иногда несколько нарушается, скоро приходит в первый строй. Потому в Четь-Минях святыми находим большею частью тех, кои сохранили нравственную чистоту и благодать крещения в юности.

Сверх того, кто, сохранив чистоту, посвящает себя Богу с ранних лет, тот:

1) Делает дело самое угодное Богу, приносит Ему жертву самую приятную: а) потому что Богу вообще, по закону оправданий, угоднее всего первое: начатки плодов, первенцы людей, животных, и, следовательно, первые лета юности; б) потому что приносится жертва чистая — непорочная юность, что главным образом и требовалось от всякой жертвы; в) потому что совершают это с преодолением немалых препятствий и в себе и извне, — с отречением от удовольствий, к каким, особенно в это время, чувствуют позыв.

Тот: 2) Совершает дело самое благоразумное. Надобно же посвятить себя Богу, ибо в

этом одном спасение. Разве только кто предался отчаянию. Но нет лучше и надежнее для сего времени, как первое, в какое мы сознали себя, ибо кто знает, что будет на завтрашний день? Но если бы и надеялся кто прожить долее, все не посвящая сего времени Богу, он будет только затруднять себя, привыкая к противоположной жизни, и Бог знает, одолеет ли себя после. Пусть даже и одолеет: что то за жертва Богу — больная, истощенная, поврежденная в членах, не целая? Впрочем, хотя все это бывает, но как редко! Как редко потерявший невинность успевает возвратить ее! Как трудно обратиться не познавшему доброй жизни с детства, живо изображает по собственному опыту блаженный Августин в своем исповедании. «Лета отрочества, — говорит он, — провел я в резвости и шалостях, даже непозволительных, в непослушании и невнимании к родителям. Со вступлением в юность началось распутство, и в три года я до того развратился, что после, в продолжение 12 лет, все полагал намерение исправиться и — не находил сил этого выполнить. Даже после того, как сделал я поворот к решительному перелому воли, еще медлил два года, отлагая обращение со дня на день. Так расслабла воля от первых страстей! Но, по решитель-

ном обращении и принятие благодати в Св. Крещении, что я должен был претерпеть, борясь со своими страстями, сильно влекшими меня на прежний путь!»

Удивительно ли, что так мало спасающихся из неисправно проводших юность?! Этот пример яснее всего показывает, в какой великой опасности находится лицо, не получившее добрых правил в юности и Богу себя заранее не посвятившее. Какое поэтому счастье получить доброе истинно христианское воспитание, вступить с ним в лета юности и потом в том же духе вступить в лета мужества.

Отдел 2

О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ПОКАЯНИЕ,

*или о покаянии
и обращении грешника к Богу*

Как начинается христианская жизнь в Таинстве Покаяния?

Начало благодатной христианской жизни полагается в крещении. Но редкие сохраняют благодать сию; большая часть христиан теряет ее. Видим, что одни являются в действительной жизни больше или меньше развращенными, с недобрыми началами, которым попущено развиться в них и укорениться. В иных, может быть, и положены добрые начала, но в ранние лета юноши, по собственному ли влечению или по соблазну от других забывают их, начинают привыкать к худому, и привыкают. Все таковые не имеют уже в себе жизни истинно христианской; им снова надобно начинать ее. Свя-

тая вера наша предлагает для сего таинство покаяния. *Аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника* (1 Ин. 2:1). Согрешил ли, познай грех и покайся. Бог простит грех и опять даст тебе *сердце новое и дух новый* (Иез. 36:26). Другого пути уже нет: или не грехи, или кайся. Даже, судя по многочисленности падающих по крещении, надобно сказать: покаяние стало для нас единственным источником истинно христианской жизни.

Надобно знать, что в таинстве покаяния у одних возочищается только и возгревается дар благодатной жизни, уже воспринятой и действующей в них; у других полагается только начало сей жизни, или жизнь сия снова даруется и приемлется. Мы будем рассматривать его с сей последней стороны.

В сказанном втором отношении оно есть решительное изменение на лучшее, перелом воли, отвращение от греха и обращение к Богу, или возгнетение огня ревности об исключительном богоугождении, с отвержением себя и всего другого. Больше всего характеризует его болезненный перелом воли. Человек привык к худому; надобно теперь как бы раздирать себя. Он оскорблял Бога; надобно теперь гореть в огне суда неумытого. Кающийся испы-

тывает болезни рождающих и в чувствах сердца некоторым образом прикасается к мучениям ада. Плачущему Иеремии заповедал Господь *разорять, и паки созидать и насаждать* (Иер. 1:10). И плачевный дух покаяния послан Господом на землю, чтобы, проходя в приемлющих его до разделения *души и духа, членов же и мозгов* (Евр. 4:12), разорял ветхого человека и полагал основы для созидания нового. В кающемся то страх, то легкая надежда, то болезнование, то легкое утешение, то ужасы почти отчаяния, то веяние отрады милосердия сменяются одни другими и поставляют или держат его в состоянии разлагающегося, или расстающегося с жизнью, в чаянии, однако ж, восприятия новой.

Это болезненно, но спасительно и так неизбежно, что кто не ощущал такого болезненного перелома, тот не начинал еще жить через покаяние. И нет надежды, чтобы человек смог и стал очищать себя во всем, не прошедши через это горнило. Решительное и живое противление греху бывает только от ненависти к нему; ненависть к нему — от чувства зла от него; чувство же зла от него испытывается во всей силе в этом болезненном переломе в покаянии. Тут только всем сердцем ощущает человек, сколь

великое зло есть грех; затем после и будет бежать от него, как от огня геенского. Без этого же болезненного испытания, хоть и станет себя очищать иной, но будет очищать только слегка, больше внешне, чем внутренне, больше в делах, чем в расположениях; а потому и сердце его будет все оставаться нечистым, как не переплавленная руда.

Такое изменение производится в человеческом сердце Божественною благодатию. Только она может воодушевить человека поднять руку на себя, чтобы заклать себя и принести Богу в жертву. *Никто же может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя, привлечет его* (Ин. 6:44). Сердце новое и дух новый подает Сам Бог (Иез. 36:26). Человеку самому жаль себя. Слившись с плотью и грехом, он стал одно с ними. Раздвоить его и вооружить против себя может только сторонняя, высшая сила.

Так, изменение грешника производит благодать, однако ж не без свободного желания. В крещении благодать дается нам в момент совершения над нами сего таинства; а свободное произволение приходит после и усваивает себе данное. В покаянии же свободное желание должно участвовать в самом акте изменения.

Изменение на лучшее, обращение к Богу как будто должно быть мгновенным или минутным, как это и бывает. Но, приготовительно, оно проходит несколько оборотов, означающих сочетание свободы с благодатию, где благодать овладевает свободою и свобода подчиняется благодати, — оборотов, необходимых у всякого. Одни проходят их скоро, у других же это продолжается целые годы. Все, что здесь происходит, кто может исследить, особенно когда очень разнообразны способы благодатного действия на нас и бесчисленны состояния людей, на коих она начинает действовать? Должно, однако ж, ожидать, что при всем разнообразии есть здесь один общий порядок изменения, которого никто миновать не может. Всякий кающийся есть живущий во грехе — и всякого из таковых перетворяет благодать. Посему, на основании понятия о состоянии грешника вообще и отношения свободы к благодати, и можно теперь изобразить сей порядок и определить правилами.

Состояние грешника

Грешника, коему предлежит необходимость обновляться в покаянии, Слово Божие большею частию изображает погруженным в глу-

бокий сон. Отличительная черта таких лиц не всегда явная порочность, но собственно отсутствие этой воодушевленной, самоотверженной ревности о богоугождении, с решительным отвращением ко всему греховному — то, что у них благочестие не составляет главного предмета забот и трудов, что они, заботливые о многом другом, совершенно равнодушны к своему спасению, не чувствуют, в какой опасности находятся, не радеют о доброй жизни и проводят жизнь холодную к вере, хоть иногда исправную и безукоризненную совею.

Это общая черта. В частности безблагодатный вот каким является:

Отвратившись от Бога, человек останавливается на себе и себя поставляет главной целью всей своей жизни и деятельности. Это уже и потому, что после Бога нет для него ничего выше себя самого; особенно же потому, что, получив прежде от Бога всякую полноту, а теперь опустевши от Него, спешит он и заботится, как бы и чем бы себя наполнить. Образовавшаяся в нем пустота, через отпадение от Бога, непрестанно возжигает в нем ничем не удовлетворимую жажду — неопределенную, но непрестанную. Человек стал бездонною пропастью; всеусиленно заботится он наполнить

сию бездну, но не видит и не чувствует наполнения. Оттого весь свой век он в поте, труде и великих хлопотах: занят разнообразными предметами, в коих чает найти утоление снedaющей его жажды. Предметы сии поглощают все внимание, все время и всю деятельность его. Они — первое благо, в коих живет он сердцем. Отсюда понятно, почему человек, поставляя себя исключительною целью, никогда не бывает в себе, а все — вне себя, в вещах сотворенных или изобретенных суетою. От Бога, Который есть полнота всего, отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них. Так грешник жаждет, заботится, суетится о предметах вне себя и Бога, о вещах многих и разнообразных. Почему характеристическая черта греховной жизни есть, при беспечности о спасении, забота о многом, *многопопечительность* (Лк. 10:41).

Оттенки и отличия сей многопопечительности зависят от свойства образовавшихся в душе пустот. Пустота ума, забывшего о Едином, Который есть все, рождает заботу о многознании, разведывание, пытанье, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладания Единым, Который есть все, производит мно-

гожелание, стремление к многообладанию или всеобладанию, чтобы все было в нашей воле, в наших руках: это любоимание. Пустота сердца, лишившегося наслаждения Единым, Который есть все, образует жажду удовольствий многих и разнообразных или искание тех бесчисленных предметов, в коих чаем найти услаждение своих чувств, внутренних и внешних.

Так грешник непрестанно в заботах о многознании, многообладании, многонаслаждении услаждается, овладевает, пытается. Это — круговращение, в коем кружится он весь свой век. Пытливость манит, сердце чает вкусить сласти и увлекает волю. Что это так — всякий может поверить сам, устроив наблюдение над движениями души своей в продолжение хоть одного дня.

В круговращении этом и пребывал бы грешник, если бы его оставить одного: такова уж природа наша, когда состоит в рабстве греху. Но это круговращение в тысячу раз увеличивается и усложняется оттого, что грешник не один. Есть целый мир лиц, кои то и делают, что пытаются, услаждаются, стяжают, кои все в сих видах приемы привели в порядок, подчинили законам, поставили в необходимость

всем, принадлежащим к их области, кои при взаимном союзе, приходя неизбежно в соприкосновение, трут друг друга и в сем трении только возвышают в десятки, сотые и тысячные степени пытливость, любоимание и самораспятие, в их распадении поставляя все счастье, блаженство и жизнь. Это *мир суетный*, коего занятия, обычаи, правила, связи, язык, увеселения, развлечения, понятия — все, от малого до великого, пропитано духом тех трех исчадий многопопечительности, о которых сказано выше, и составляет безотрадное крушение духа миролюбцев. Состоя в живом союзе со всем этим миром, всякий грешник опутывается тысячесплетенною его сетью, закутывается в нее глубоко-глубоко, так что его самого и не видно. Тяжелое бремя лежит на всем лице грешника-миролюбца и на каждой его части, так что и малым чем пошевелинуться не по-мирски не имеет он сил, потому что тогда необходимо бывает ему поднять как бы тысячепудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дело и не берется никто, и не думает никто браться, но все живут, движась по той колее, в какую попали.

К большей еще беде, в мире сем есть свой князь, единственный по лукавству, злобе и

опытности в обольщениях. Через плоть и вещественность, с коими смешилась душа по падении, имеет он к ней свободный доступ и, подступая, разносторонне разжигает в ней пытливость, любоимание, сластолюбивую самоутешность; разными своими прельщениями держит в них безвыходно, разными подущениями наводит на планы к удовлетворению их и потом или помогает выполнить их, или разоряет указанием других сильнейших планов, все с одною целью — продлить и углубить пребывание в них. Это и составляет смену мирских неудач и удач, Богом не благословенных. Князь сей имеет целое полчище слуг, подчиненных себе духов злобы. В каждое мгновение быстро носятся они по всем пределам обитаемого мира, чтобы там засеменить одно, в другом месте — другое, углублять запутанных в сети греха, подновлять путы ослабевшие и порвавшиеся, — особенно же блюсти, чтобы никто не вздумал разрешиться от их уз и выйти на свободу. В сем последнем случае они поспешно стекаются вокруг своевольника, сначала по одному, потом отрядами и легионами, и наконец всем полчищем — и это в разных видах и приемах, чтобы заградить все исходы, починивать нити и сети и, по другому сравнению,

опять столкнуть в бездну начавшего выбирать-ся из нее по крутизне. Есть у этого невидимого царства духов особые места — тронные, где составляются планы, получают распоряжения, принимаются отчеты с одобрением или укором деятелей. Это глубины сатанины, по выражению св. Иоанна Богослова. На земле, в среде царства их из людей, места сии суть союзы злодеев, развратников, особенно неверов-кощунников, кои делом, словом и писанием всюду разливают мрак греховный и заслоняют свет Божий. Орган, коим выражают они здесь свою волю и власть, есть совокупность обычаев мирских, пропитанных греховными стихиями, всегда одуряющих и отвлекающих от Бога.

Вот строй греховной области! Всякий грешник — весь в ней, но держится преимущественно чем-либо одним. И это одно, может быть, на вид иногда очень сносно и даже одобрительно. У сатаны одна забота: чтобы то, чем человек весь занят, где его сознание, внимание, сердце, — было не Бог единственно и исключительно, а что-нибудь вне Его, чтобы, прилепившись к сему умом, волею и сердцем, он имел то вместо Бога и о том только заботился, о том разведывал, тем услаждался и обладал. Здесь

не только страсти плотские и душевные, но и вещи благовидные, как, например, ученость, художественность, житейскость — могут служить узами, коими держит сатана ослепленных грешников в своей власти, не давая им опомниться. Если посмотреть на грешника, в его внутреннем настроении и состоянии, то окажется, что он иногда и много знает, но слеп в отношении к делам Божиим и к делу своего спасения; что он хоть непрестанно в хлопотах и заботах, но бездействен и беспечен в отношении к устройению своего спасения, что он хоть непрестанно испытывает тревоги или улады сердца, но совершенно нечувствителен ко всему духовному. В отношении к сему грехом поражены все силы существа, и в грешнике качествуют ослепление, нерадение и нечувствие. Не видит он своего состояния, а потому не чувствует и опасности своего положения; не чувствует опасности своей, а потому не заботится и избавиться от нее. Ему и на мысль не приходит, что нужно изменяться и спасаться. Он в полной, ничем не колеблемой уверенности, что состоит в своем должном чине, что ему нечего желать, что так всему и должно оставаться, как оно есть. А потому всякое напоминание о другом роде жизни считает лишним

для себя, не внимает ему, даже понять не может, к чему оно, — чуждается его и избегает.

Действие Божией благодати

Мы сказали, что грешник есть то же, что человек, погруженный в глубокий сон. Как крепко спящий, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется сам и не встанет, если не подойдет кто сторонний и не разбудит его, — так и тот, кто погружен в греховный сон, не опомнится и не встанет, если не придет к нему на помощь Божественная благодать. По беспредельному милосердию Божию, она и готова для всех, всех обходит и всякому внятно вызывает: *востани спяй и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос* (Еф. 5:14).

Такое сравнение грешников со спящими дает точки для всестороннего рассмотрения обращения их к Богу. Именно: спящий пробуждается, встает, собирается идти на дело. И грешник, обращающийся и кающийся, *возбуждается* от греховного усыпления, доходит до *решимости* измениться (встает) и, наконец, *облекается силою* на новую жизнь в таинствах покаяния и причащения (готов на дело). В притче о блудном сыне эти моменты указаны так: *в себе пришед* — опомнился; *востав идущу* —

решился остановить прежнюю жизнь; и *возстав иде*; причем он говорит отцу: *согреших* — покаяние, а отец облакает его в одежды (оправдание и разрешение от грехов) и уготовляет ему трапезу (Св. Причащение).

Таким образом в обращении грешников к Богу есть три момента: 1) возбуждение от греховного сна; 2) восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению; 3) облечение силою свыше на дело сие в таинствах покаяния и причащения.

Пробуждение грешника от греховного сна

Пробуждение грешника есть такое действие благодати Божией в сердце его, вследствие которого он, как от сна пробужденный, *видит* свою греховность, *чувствует* опасность своего положения, начинает страшиться за себя и *заботится* о том, как бы избавиться от своей беды и спастись. Прежде он был в отношении к спасению слеп, нечувствен и беспечен, теперь и видит, и чувствует, и заботится. Но это еще не изменение, а только возможность изменения и призывание к тому. Благодать только говорит здесь грешнику: «видишь, куда зашел; смотри же, возьми меры ко спасению». Она

только изъе́млет его из всегдашних его уз, ставит и держит вне их, давая ему таким образом возможность избрать совсем новую жизнь и определить себя на нее. Воспользуется сим — благо ему; не воспользуется — опять будет брошен, опять погрузится в тот же сон и ту же бездну пагубы.

Достигает сего Божия благодать тем, что раскрывает перед сознанием и чувством человека ничтожность и срамоту того, чему он предан и что так ценит. Как Слово Божие проходит до разделения *души же и духа, членов же и мозгов* (Евр. 4:12), так и благодать проходит до разделения сердца и греха и разлагает незаконный их союз и сочетание. Видели мы, что грешник всем своим существом ниспадает в такую область, где начала, понятия, суждения, правила, обычаи, наслаждения, порядки — все совершенно противоположно истинной жизни духовной, к коей предназначен человек. Ниспадши же сюда, не пребывает здесь особным, отрезанным, но проникается всем, растворяется во всем: есть весь во всем. Отсюда естественно ему не знать и не помышлять о том, что противно сему порядку и не иметь к тому никакого сочувствия. Область духовная совсем закрыта от него. Очевидно после сего, что дверь к

обращению открыться может только с тем условием, если перед сознанием грешника во всей светлости раскрыт будет порядок духовной жизни, и не только раскрыт, но и прикоснут к сердцу; порядок же греховной жизни осрамлен, отвержен и разорен — тоже перед его сознанием и чувством. Только тогда и может родиться забота — покинуть сей и вступить в тот. Все это и совершается в одном акте благодатного возбуждения грешника.

В образе своего действия возбудительная Божия благодать всегда соображается не только с узами, в коих держится грешник, но и с особым состоянием грешника. В сем последнем отношении более всего надо взять во внимание ту разность в действии благодати, какую являет она, действуя на тех, кои никогда не были возбуждаемы, и на тех, кои испытывали уже сие возбуждение. Тому, кто ни однажды не имел возбуждения, оно дается как бы туне, как всеобщая предваряющая или зовущая благодать. От него самого предварительно нечего и требовать, потому что он весь направлен не туда. Но тому, кто уже был возбуждаем, знал и ощущал, что такое жизнь во Христе, и опять предался греху, возбуждение не дается даром. Нечто требуется и от него самого предвари-

тельно. Он как бы должен еще заслужить и вымолить; не только желать, но и делать нечто над собою, чтобы привлечь благодатное возбуждение. Такой, вспоминая прежнее пребывание в добром порядке христианском, по часту желает снова его, но не получает власти над собою; хотел бы исправиться, но не может совладать с собою и одолеть себя. Он в бессилии безнадежном, оставлен самому себе за то, что прежде сам оставил дар, укорил *Духа благодати и смерть Сына Божия пограл* (Евр. 10:29). Теперь дается ему ощутить, как велика благодатная сила эта тем уже, что она не скоро подается. Поищи и потрудись, и трудностию приобретения научись ценить ее. Такой человек бывает в томительном некотором состоянии: жаждет и не напояется, алчет и не питается, ищет и не обретает, напрягается и не приемлет. Иной оставляется в сем состоянии очень-очень долго, до того, что чувствует как бы отвержение Божие, будто Бог забыл и отверг его, предал клятве, как землю, которая напоялась многократно сходящим на нее дождем и осталась бесплодною (Евр. 6: 7, 8). Но это медление прикосновения благодати к сердцу ищущего есть только испытательное. Проходит срок испытания, нисходит и на него

снова возбудительный дух, труда ради его и потового искания, как на иных сходит он туне. Такой образ действия спасительной благодати указывает нам: а) на чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешника и б) на обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати.

Чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешников от сна греховного

Живущим благодатною жизнью душеспасительно знать сии действия, чтобы, видя многопечительность Божию о грешниках, прославлять неизреченную благодать Божию и воодушевляться благонадежием помощи свыше на всякое благое дело. Ищущим же Божественной благодати того ради особенно нужно знать их, что в них яснее, чем где-либо, выражаются свойства благодатного возбуждения, которые нам надо хорошо сознать и уяснить, чтобы определить — благодатное ли возбуждение есть то, что испытываем мы, — и если уже действует кто, то по благодатному ли возбуждению действует, или по самодельному воодушевлению. Истинно христианская жизнь есть жизнь благодатная. Самодельная жизнь, как

бы она ни была красна на вид и как бы ни держалась форм христианской жизни, никогда не будет христианскою. Начало ее полагается в благодатном возбуждении, которого внявший не лишается потом благодатного руководства и общения во все время, как пребывает верным ее внушениям. Вот почему надо хорошо себе уяснить, есть ли, было ли в нас благодатное возбуждение. Можно в удовлетворение сего требования сказать: суди себя по свойствам благодатного возбуждения, открывающимся в чрезвычайных случаях, ибо они одинаковы как в чрезвычайных случаях, так и в обыкновенном порядке, — только в первых открывается ярче, определеннее и различительнее.

При благодатном возбуждении, как было уже указано, совершается мгновенно разорение в сознании всего установившегося там порядка самоугодливой греховной жизни и раскрытие перед ним иного, лучшего, Божественного порядка, единого истинного и убажжающего. Сокращенно сей порядок можно изобразить так: Бог, во Св. Троице покланяемый, мир сотворивший и о нем промысляющий, спасает нас, падших, в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа, под руководством и блюстительством Св. Церкви, через крестную, ис-

пытательную здесь жизнь, преводя к вечному, нескончаемому блаженству в будущей жизни. Он совмещает и лица, и события, и учреждения, и самые начала, по которым все движется. Весь сей порядок действием благодати живо печатлется в духе человека-грешника и, разительно представляя противоположность ему и самого человека с его настроениями, и всего, чем он прежде жил и услаждался, тогда как обязан быть в совершенном с ним согласии и подобонастроении, — поражает его. Всякая черта его издает обличенье и укор человеку в неразумии и недобросовестности прежней, которые тем бывают впечатлительнее, что в то же время в духе видится вся достойная презрения ничтожность прежнего грешного порядка. Под сим действием сердце разрешается от прежних уз и стоит свободно и потому свободно избрать новый род жизни. Это предел действия благодатного возбуждения. Оно разоряет в сознании и чувстве все прежнее — худшее, и живо представляет лишь новое — лучшее, оставляя в сем положении человека, пораженного, свободным избрать новое или обратиться опять на старое. Замечательно, что благодатное возбуждение всегда сопровождается поражением и некоторого рода испугом; потому ли, что оно вдруг,

как бы врасплох, схватывает грешника на распутьях жизни, как преступника, и представляет неотклонимому судилищу Божию, или потому, что новый порядок, раскрываемый в сознании, совершенно нов для него и разительно противоположен прежнему — и не нов только, но и совершенен во всех частях и блаженствоподателен, тогда как в первом, ничтожном, одна туга сердца и крушение духа.

Все же исходная точка всех благих действий благодатного возбуждения есть — это живое сознание нового Божественного порядка. Исходя из сего понятия, приведем на память все бывшие опыты благодатного сего действия. Сознание нового порядка бытия и жизни производится двояким образом: аа) иногда тот самый порядок, весь или в частях, видимо, ощутительно, самым делом представляется взыскиваемому грешнику; бб) *иногда* же дух человека вводится в него и ощущает его внутренно.

аа) Милосердый Господь различным образом раскрывает перед сознанием обращаемого Свой Божественный мир, в котором определено жить духу нашему. 1) *Нередко* для сего Он является Сам, видимо, под каким-либо образом, при бодрственном состоянии человека или во сне. Так явился Он апостолу Павлу на

пути его в Дамаск, Константину Великому, Евстафию Плакиде (20 сентября), Неанию, шедшему мучить христиан (это Прокопий, муч. июля 8), Патермуфию (во сне, 9 июля) и многим другим. 2) *Иногда* благоволит посылать из того мира разные лица, тоже в яве или в сновидениях, в своем виде или под каким-либо другим образом. Так многократно являлась *Матерь Божия*, Одна или с Предвечным Младенцем, или в сопровождении святых — одного, двух и многих: великомученица Екатерина, например, обращена явлением ей Божией Матери во сне с Предвечным Младенцем, обручившим ее Себе в невесту (24 ноября). Многократно являлись *ангелы*, по одному и целыми сонмами: например, св. Андрею юродивому во сне представился весь мир свв. ангелов, в противоположность полчищу темных сил (2 октября); многократно являлись святые: например, святитель Митрофан — врачу-лютеранину, девице больной и многим другим. 3) *Иногда* самый мир тот и особенно его чин и как бы основные начала живописуются перед неведущим сознанием в поразительном каком-либо образе, как это видно из приведенного уже случая со св. Андреем юродивым и из многих других примеров, в которых лицам обра-

щаемым были представлены *или* блаженные селения праведных, как царю индийскому и брату его, после того как св. апостол Фома роздал бедным данные ему на построение дома деньги (6 октября), или страшные мучения грешников, как Исихию Хоревиту (3 октября, Пролог), *или* производство посмертного суда, как Петру булочнику, бросившему булку в лицо нищему, *или* была напечатлеваема глубокая мысль о смерти и участии после нее, как Иоасафату царевичу (19 ноября), св. Клименту (25 ноября) и одному юноше развратному, которому умирающий отец завещал непременно каждый вечер заходить в комнату, где он умирает. 4) *Иногда* дается осязательно ощутить невидимую некоторую силу, среди видимых сил и явлений действующую, но разительно отличную от них и исходящую из иного мира. Сюда относятся все вообще чудеса, помощью которых бывшие обращения исчислить и возможности нет. И Спаситель сказал, что неверующие и не уверуют, если не увидят знамений. Большая часть их явлена после Христа Спасителя, в первые времена христианства апостолами, а за ними свв. мучениками. Разительность присутствия здесь силы невидимой Божией часто обращала целые села и города,

но никогда не оставалась совсем бесплодною. Кровь мучеников действительно лежит в основании Церкви... *Бывали и такие случаи*, что сила Божия являлась сама, без посредства лица человеческого, как при обращении Марии Египетской, или при посредстве святых вещей, икон, мощей и др. Так, обращение евреев в Вирите совершилось от чудных явлений на иконе Распятия Господня. При всех таких явлениях сознание, запутанное разными предметами и обольщениями мира и держимое безвыходно в порядке видимом, чувственном, внешнем, — разительным, нечаянным и мгновенным представлением ему высших лиц и сил, из невидимой некоторой области, мгновенно исторгается из своих уз и втесняется в иной чин бытия и жизни, и, пораженное, стоит в нем. Здесь происходит то же, что при возбуждении электричества в каком-либо теле электричеством другого тела. Это последнее исторгает то, из уз вещества, и, привлекая к поверхности, держит перед собою.

бб) Дух наш, как мы видели, закрыт и заглушен многими покровами. Но по природе своей он есть зритель Божественного порядка. Способность к тому тотчас бывает готова явить и действительно являет силу свою, коль скоро

устраняются вяжущие ее препятствия. Посему, для возбуждения дремлющего в человеке духа и введения его в созерцание Божественного порядка, благодать Божия или а) *непосредственно* действует на него и, исполняя его силою, дает возможность разорвать обдерживающие его узы, или б) *посредственно*, стрясая с него покровы и сети и давая через то свободу быть в своем чине.

а) *Непосредственно* наитствует дух человека Божественная, вездесущая и всепроникающая благодать, напечатлевающая в нем мысли и чувства, отрекающие от всех вещей конечных и обращающие к другому, лучшему, хотя незримому и неведомому, миру. Общая черта сих возбуждений есть *недовольство* собою и всем своим и *туга* о чем-то. Становится человек неудовлетворяющимся ничем, что окружает его, — ни своими совершенствами, ни тем, что имеет, хотя бы то были несметные сокровища, и ходит, как будто горем убитый. Не находя отрады ни в чем видимом, обращается он к невидимому и приемлет его с готовностью и искренно присваивает его себе, и себя — ему. Многие с вопросом: чем все это кончится и к чему приведет — оставляли все и изменяли не только чувства и поведение, но и род жизни.

Бывали случаи, что такое недовольство выражалось преимущественно в части *знательной*, как у Иустина философа, который преимущественно искал света ведения Божественного Существа; иногда в части *сердечной*, как у Августина, который преимущественно искал покоя своему мятущемуся сердцу; а иногда, большею, впрочем, частию, — в части *деятельной*, в *совести*, как у разбойников Моисея и Давида. Множество бывало случаев, что вдруг озарялась внутренняя хранилища духа, засеменялось влечение и устремляло дух инуды. *Не веси, откуда приходит, и камо идет*, сказал о сем Господь (Ин. 3:8). Часто дух пробуждается напоминанием прошедшего. Так обращена Мария, племянница Авраамия затворника; погибавший в разбойничестве ученик св. Иоанна Богослова; Феофил, экононом церковный. Откуда-то входит внутрь и внятно совести произносится речь: «помяни, откуда ниспал еси» — и сильно поражает забывшегося. Сюда можно отнести все обращения после юношеских падений. Нет сомнения, что и такие изменения промыслим Божиим издали готовятся разными случаями, располагающими к восприятию благодатного воздействия; потому и здесь непосредственность только от-

носительная. Но, с другой стороны, и то надо ведать, что и всякое благодатное возбуждение обнаруживается в подобных сим влечениях и пробуждениях духа нашего. Благодать, хотя через видимое посредство, всегда, однако ж, невидимо и непосредственно прикасается к духу и извлекает его из томящих его уз во свет Божий, в область жизни Божественной.

б) *Все посредства*, относящиеся сюда, направлены на разорение уз духа. Разреши дух, дай ему свободу, и он сам собою потечет туда, откуда взят, — к Богу. Узы духа, как мы видели, треплетены, составляемы будучи: аа) *самоугодием*; bb) *миром*; cc) *диаволом*. Против них и направляются разрушительные действия возбуждающей дух благодати.

аа) Ближайшие на духе узы суть узы *самоугодия* всестороннего, качественно в нашей животнодушевности. Они — точка соприкосновения и других уз, тех, кои идут от мира и диавола. Потому разорвание их очень важно, хотя очень трудно и многосложно. Ибо, как необращенный весь живет животнодушевностию, то узы с сей стороны расширяются, много и разно сплетаются на такое пространство, как далеко расходится жизнь животно-душевная. Чтобы понять, как разоряются эти узы,

надо взять во внимание, что здесь *то*, к чему примыкает сия жизнь, тем питается, в чем преимущественно выражается, составляет твердую для нее опору, на которой, утверждаясь, она стоит и не боится поражения, не думает о нем и не чаает его. Когда кто, например, пристрастился к художественности или житейскости или даже учености и весь живет в какой-нибудь из них, то на нее он опирается и в ней почивает всеми силами, помышлениями и надеждами. Так как отсюда исходит вся затем самоугодная жизнь, вяжущая дух, то сия опора самоугодия естественно становится основанием твердости и крепости уз, от него налагаемых на дух, как бы точкою, к коей прикрепляются сии узы. Посему обратно, чтобы освободить дух от уз самоугодия, Божественная возбуждающая благодать обыкновенно разоряет опоры, на коих почивает самоугодливая самость. Поколебав сии опоры в основании, она ослабляет узы и дает возможность приподнять главу умученному и истомленному духу.

Опор у нашего самоугодия много; они есть и в нашем существе, то есть в теле и душе, и во внешней жизни нашей, и вообще во всем порядке быта нашего. Таково плотоугодие в разных видах, то есть сластолюбие, роскошь, по-

хотность, празднолюбие, страсть к развлечениям, житейская многопопечительность, честолюбие, властолюбие, видимая в делах успешность, зажиточность, лестный внешний быт, ценность связей, мирность внешних отношений, пристрастие к художественности, учености, предприятиям. Все это, в многообразнейших видах, составляет твердую опору нашей самости, которая, с уверенностью в ее надежности и прочности, спокойно поживает на том и, пространно питаясь, возрастает день ото дня, у одного преимущественно в одном роде, у другого — в другом.

Спасительная Божественная благодать для пробуждения грешника от усыпления, направляя свою силу на разорение той опоры, на которой кто утверждает и поживает своею самостью, — вот что делает: кто связан плотоугодием, того ввергает в болезни и, ослабляя плоть, дает духу свободу и силу прийти в себя и отрезвиться. Кто прельщен своею красотой и силою, того лишает красоты и держит в постоянном изнеможении. Кто упокоевается на своей власти и силе, того подвергает рабству и унижению. Кто много полагается на богатство, у того отнимается оно. Кто высокоумничает, тот посрамляется как маловедущий. Кто опи-

рается на прочность связей, у того они разрываются. Кто положился на вечность установившегося вокруг него порядка, у того он разоряется смертью лиц или потерей вещей нужных. Держимых в узах беспечности внешним счастьем чем иным отрезвить, как не скорбями и несчастьями? И не для сего ли вся жизнь наша преисполнена бедствий, чтобы она споспешествовала намерению Божию держать нас в трезвенности?..

Все такого рода разорения опор беспечного самоугодия составляют повороты жизни, кои, потому что они бывают всегда нечаянны, действуют поразительно и спасительно. Сильнее всего в сем отношении действует чувство опасности за жизнь. Это чувство расслабляет все узы и убивает самость в самом корне; человек не знает, куда деваться. Такого же свойства и теснота обстоятельств, или чувство всеобщего оставления. То и другое оставляет человека одного с самим собою и от себя, ничтожнейшего, тотчас препосылает к Богу, или обращает.

bb) Вторые узы духа налагаются от мира и лежат поверхностнее тех. Мир со своими понятиями, началами, правилами, вообще со всем своим порядком, возведенным в неизменный закон, налагает тяжелую владычественную

руку на всех своих чад; вследствие чего никто из них не смеет и подумать о восстании против него, или отвержении его власти. Перед ним все благоговеют, с какою-то робостию держатся его правил и нарушение их считают как бы уголовным преступлением. Мира нет, как лица, но дух его каким-то образом держится в свете, влияет на нас и связывает, как узами. Очевидно, что власть его мысленная, воображаемая, а не действительная, не физическая. Следовательно, стоит только развеять сию воображаемую силу мира — и к нам близка будет возможность отрезвления от его обаяний. Так и действует Божие спасительное промысление о нас. С сею целью, оно:

α) постоянно перед лицом мира и нами держит два других мира, святых, Божественных, и в них и, через них представляя вниманию и даже давая ощутить лучшее, непрестанно твердит о пустоте мирской жизни и мирских надежд. Эти Божий миры суть: видимая природа и Церковь Божия. Опыт показывает, как нередко ум, отуманенный чадом мирским, отрезвлялся созерцанием творений Божиих или вступлением в Церковь. Один зимою смотрел на дерево, стоявшее перед окном, и очнулся; другой, после шумной беседы ощутив сладость душев-

ного покоя в храме, оставил прежние обычаи и посвятил себя служению Богу. Природа видимая и храм Божий не только вразумляли и отрезвляли часто христиан, беспечных и грешных, но обращали даже язычников к истинному боговедению и богоугождению. Одной женщине пало на сердце слово *осанна* и сделало ее христианкою. Обращение наших предков окончательно утвердилось воздействием на них храма. Великомученицу Варвару обратило от идолов к Богу созерцание красот видимых творений Божиих. Сила их и влияние зависят от того, что они утомленному, изможденному, обессиленному, умученному суетою мира духу живо и ощутительно представляют лучший, блаженнейший порядок жизни и, мгновенно изливая в него отраду сей жизни, вразумляют человека тем, что, предаваясь владычеству мира, он только терзает и мучит себя, что счастье сокрыто совсем в другом мире и что если теперь так мучительно содружество с миром, то чего должно ожидать после? Этим зарождается призыв к миру Божию и отрывание от мира суетного, кои, иногда в виде сильного порыва, а иногда постепенно, и совсем, наконец, исторгают дух человека из уз мира. Таким образом, природа и Церковь суть отгнатели, раз-

веватели, оттиратели обаяний суетного и многопрелестного мира. Они того ради Господом и поставлены в такой с нами связи, чтобы тем чаще и непрерывнее действовать на нас, разительнейше представляя противоположность одной жизни с другою.

β) Второй способ благодатного исторжения из уз мира состоит в том, что благодатию Бога-всепромыслителя иному перед очи представляется на деле жизнь совершенно противоположная той, в которой он движется. Сюда относятся особенно все обращения посредством *мученичества*, и примеров тому было бесчисленное множество. Иногда мученический подвиг одного обращал целые веси и города. Тут, очевидно, присутствие нравственной силы из другого, не нашего мира. Иногда, кажется, надлежало бы быть верному поражению, а нет его; мучимый остается непобежденным, благодуществующим, не зная отчего и как. Мгновенное соображение сего и ударяет в ум, и разгоняет в нем обаяние прежних порядков жизни. Сюда же относится обращение разбойника царем Маврикием, который, вместо казни ему, обошелся с ним милостиво, как с заслуженным человеком; обращение блудницы, которую одна мать просила помолиться и возвратить к

жизни умершего единственного сына ее, и еще другой блудницы, пришедшей в раскаяние от одного воззрения на иноков, смиренно занявшихся молитвою и богомыслием, когда она в том же доме предавалась роскоши и разврату. И все обращения *примерами жизни* принадлежат сюда же. Сила действия их в том, что лицом к лицу видятся лица довольные и покойные, без удовольствий и успокоительных предметов, коими обильно обладая, другой не находит, однако ж, ни довольства, ни покоя. Отсюда разочарование и изменение жизни.

γ) Третий способ отвлечения от мира есть посрамление его в лице чад своих. Иулиан превозносится над всем, свирепо восстает против христиан и грозит подавить их своею силою, но потом неожиданно падает. Это не только утвердило веровавших, но много и неверовавших обратило к Богу истинному. На св. Макария по лжесвидетельству восстает целое селение, бьет, терзает, налагает наказание: мир восторжествовал; но потом истина открывается, посрамляет всех и всех возвращает к благоговейству и страху Божию. Сюда относятся все вразумления падениями и нечаемою смертию сильных и великих мира. Посрамление мира здесь унижает его перед лицом своих привер-

женцев, обличает его бессилие и тем, с одной стороны, отвращает от него, с другой — дает смелость противостать ему.

б) Нередко, наконец, мир сам теснит и гонит из себя как бы самим собою, именно тем, что не удовлетворяет или постыждает ожидания. Ищем счастья; в мире и есть только слава, честь, власть, богатство, утехы — но ничто такое не удовлетворяет искателя. Рассудительный скоро замечает обман и берется за ум. В святых Божиих видим, что многие из них, рассмотрев суету и мятежность мира, удалялись от него и решительно посвящали себя Богу. Блудный сын в притче говорил: *аз же голодом гиблю* (Лк. 15:17).

сс) Третьи узы духа идут от сатаны и духов его. Они невидимы и большей частью совпадают с узами самоугодия и мира, которые сатана своим влиянием укрепляет и через них держит ум в омрачении. Но есть нечто и непосредственно исходящее от сатаны. От него некоторая неопределенная робость и боязнь, мятущая душу грешника во всякое время, а тем более тогда, когда задумает он о добре. Это почти то же, что господин грозит слуге, когда тот начинает что-либо делать не по его воле и планам. От него разные лести духовные, как то: у одних чрезмерная, без верных оснований, на-

дежда на милосердие Божие, не отрезвляющая, а все более и более углубляющая в грехолюбие; у других, напротив того, отчаяние; у этого — сомнение и неверие; у того — самоуверенность и самооправдание, заглушающее всякое чувство раскаяния. Да, многое, многое прямо зависит от сатаны, хотя определить это трудно. Но и все греховное надо относить к нему, как к источнику, ибо он царь грешного мира. Одна из хитрых его уловок — скрывать себя, то есть наводить на грешников уверенность, что его нет, вследствие чего он и самовольничает со свирепостью в грешной душе, слагая греховные стремления, им внушаемые, на природу и располагая к ропоту на Бога, запрещающего будто бы естественное и повелевающего то, что выносить у них сил недостает. Вразумляющая Божественная благодать нередко исхищала грешников из челюстей ада посрамлением сатаны. Она выводила его на позор и предавала посмеянию, обнажая его бессилие и глупость и разоблачая хитрости. Так постыжден он в лице Симона волхва, в лице Киприана антиохийского и многих других. Все такие случаи сопровождались обращением и вразумлением немалого числа ослепленных. Во дни Господа на земле бесы, источник неверия и со-

мнений, становились проповедниками веры. И свв. мученики, силою всемогущего Бога, часто заставляли и отца и детей лжи говорить истину через кумиры в капищах. Такое раскрытие козней лукавого приводит грешника к уверенности, что он в злобных и вражеских руках, что его дурачат назло ему самому, что обманно ведут каким-то мрачным путем к гибели и хотя бы порадоваться ей. Это неминуемо рождает чувство опасения за свое собственное благо, осторожность, подозрение, отвращение и к хитрецу, и к его изобретениям — порокам и страстям, и ко всей прежней жизни. Отсюда уже недалек переход к источнику истины, добра и блаженства — Богу.

Вот пути и способы, коими воздействует Божия благодать на дух человека, исторгает его из уз несвойственной ему жизни и лицом к лицу показывает другую, лучшую, ту, в которой его радость и покой. Но очевидно, что все они сами по себе неполны, будто не договаривают всего. Например, родилась жажда лучшего: но где же это лучшее и как его достигнуть? Или потряс страх смерти и суда — что же делать, чтобы избыть от беды? Так и во всех других случаях. Они немые: ко всем им должен быть приложен еще способ дополнительный и

совершительный. Это — слово, или проповедь. Слово Божие в разных его видах действительно и сопровождает все показанные способы, поясняя их и указывая последнюю их цель. Без него они оставляют еще человека в неопределенном некотором состоянии и, следовательно, не производят всего, что должно. Так, апостол Павел вразумлен небесным явлением. Но Господь не все совершил в нем здесь, а сказал: «Поди к Анании и он скажет, что делать». Иустин философ, Варвара великомученица, Иосаф царевич увидели ложь, но, чтобы познать истину, имели нужду в особых руководителях и истолкователях. Потому и поставлено у Господа Промыслителя законом: *всем всюду проповедывать*, да покаются (Деян. 17:30). Вера от слуха, следовательно, глаголом Божиим (Рим. 10:17). И сей глагол, от апостолов, через их преемников возглашается теперь во всех концах земли. И вот существенная нужда оглашения — сказания общего, спасительного порядка Божия, необходимость общеизвестности лиц и места, куда должен обратиться за истолкованием возбужденный, чтобы не потерять напрасно возбуждения или чтобы не блуждать с ним по распутиям, истощая бесплодно силы и время. Катихизическое учение

непрестанно должно быть слышимо (и действительно слышится) в Церкви. Верные — стоящие — будут через то более и более созидаться; падшие же и возбужденные тотчас будут иметь нелестного путеуказателя. Как многоценен долг священников благовременно и безвременно возвещать спасительные пути Божий, не полагаясь на общеизвестность, большей частью предполагаемую!..

Но Слово Божие не только восполняет все показанные способы, но и заменяет их. Оно возбуждает полнее и внятнее. По сродству его с духом нашим, так же исходящим от Бога, оно проходит внутрь, до разделения души и духа, оживляет последний и осеменяет его к плодоношению дел жизни духовной (отчего слово и называется *семенем*). Возбудительная сила его тем значительнее, что оно действует разом на всего человека, на весь его состав — тело, душу и дух. Звук, или членосостав слова, поражает слух, мысль, занимает душу, а невидимая, сокровенная в нем энергия касается духа, который, если вонмет, после того как слово благополучно пройдет и тело, и душу, — эти грубые заставы, — возбуждается и, приходя в напряжение, разрывает держащие его узы.

Слово Божие показанными же способами и возбуждает; именно — или живейшим представлением сознанию Божественного порядка, или введением в него нашего духа через разорение держащих его преград. Например, один старый слуга сказал в простоте больному своему господину: «Сколько ни бейся, батюшка, а придется умереть», — и тем возбудил его к покаянию. Другой прочитал под изображением распятого Господа: «Вот что Я для тебя сделал; ты же что для Меня?» — и пробудился от усыпления. Св. Пелагея слышала о смерти, суде и горькой участи грешных и отстала от грешной жизни. Равноапостольный князь Владимир обращен описанием всего Божественного порядка, начиная с сотворения мира до конца всех вещей, Страшного Суда и вечной участи добрых и злых. Да и вообще проповедь свв. апостолов, а по их следам и всех проповедников Евангелия, состояла в простом, без умствования, представлении истины. Св. апостол Павел говорит о себе, что его слово и проповедь были не в убедительных человеческой мудрости словах, а в простом сказании о деле спасения через Господа нашего Иисуса Христа, на кресте распятого (1 Кор. 2: 2–4). И это, можно сказать, естественнейший способ действия через сло-

во — изображать истину как она есть, не загрождая ее умственными соображениями и особенно предположениями о вероятностях. Истина сродна духу. Просто и искренно высказанная, она найдет его; обставленная же образами, офигуренная и разукрашенная, останется в фантазии — загроможденная соображениями и доказательствами, задержится в рассудке или душе, не достигая духа и оставляя его праздным. Можно сказать, что вся неплодность проповедания зависит от умствований, которыми набивают его. Но разъясни истину просто, раскрой, в чем она, — и дух будет побежден. Еврей читал Евангелие — и обратился, ибо узрел истину в простом евангельском сказании. Вообще, множество вольнодумцев обратилось живым сознанием Божественных вещей, по указанию Слова Божия — живого или писанного. Истина рассеивает мрак суетных помышлений, освежает душу, освещает дух. Можно бы с великою пользою употреблять почаству, в общих разговорах, краткий пересмотр того, как все началось, чем кончится и почему.

С другой стороны, силою слова нередко разоряются преграды духа и дается ему свобода. Так, св. Антоний Великий услышал слово о ничтожности благ земных — и все оставил.

Один юноша прослушал проповедь о блудном сыне — и покался. Изображением суетности житейской и мирской многие святые, уже на брачном ложе, склоняли своих супругов к беспорочной, чистой жизни. Вообще, представление Божественного порядка — с одной стороны, и раскрытие разных очарований — с другой, исполняют душу полнотою *спасительного ведения*, или ясным и убедительным знанием спасительного пути, против которого редко может устоять упорство сердца. Очень многие, если не действуют, как должно, с напряжением, а остаются в усыплении и беспечности, то потому, что не знают спасительных истин или неполно знают. Полнота знания победительна, ибо тогда некуда укрыться лукавому сердцу.

В силу сей всеобъемлющей общегодности к пробуждению грешников Слово Божие на земле ходит и до слуха нашего доходит многообразно. Оно неумолчно слышится в храмах, на всяком богослужении, и вне храмов, во всяком чине церковном; оно в пениях и песнях церковных; оно в проповедях отеческих и во всякой душеполезной книге; оно в душеспасительных беседах и ходячих изречениях назидательных; оно в школах, картинах и всяком видимом предмете, представляющем духовные ис-

тины. Судя по сему, мы объаты Словом Божиим, оглашаемся им со всех сторон. Отовсюду идут к нам гласы трубные на разорение твердынь греха, как стен иерихонских. Во всех сих видах своих Слово Божие уже показало и постоянно показывает свою победоносную над сердцем человеческим силу. Надлежит только заботиться, чтоб пути, коими расходится Слово Божие, были хранимы и непресекаемы, чтобы не умолкала проповедь искренняя, чтобы богослужение совершалось по чину и в назидаение, чтобы иконописание было здраво и свято, пение трезвенно, просто и благоговейно. Исполнение сего лежит на служителях алтарей. Они потому суть в руках Промысла Божия самые необходимые и самые могущественные орудия к обращению грешников. Надобно им сознать сие и не молчать не только в храмах, но и в домах, всяким случаем пользуясь — то изобразить в слове мир Божий, то раскрыть обольщения нашего духа призраками душевно-телесности.*

* Прекраснейшие образцы в сем роде — у святителя Тихона. Он глубже всех, кажется, уразумел, что лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на уразумление и пробуждение грешников от усыпления. К тому и ведет почти всякая статья его. Такою же должна быть и всякая церковная проповедь и всякая беседа. (Прим. авт. — здесь и далее без объяснений.)

Обыкновенный порядок стяжания дара возбуждательной благодати

Замечено уже было, что в разнообразии действий благодатных возбуждений особенного достоин замечания тот образ действия ее, какой употребляет она в отношении к грешнику, уже испытавшему сии возбуждения и опять отпавшему в грех решительным падением в обычные свои смертные грехи. Чем чаще повторяются сии отпадения, тем слабее становится возбуждение, потому что к нему сердце как бы привыкает, и оно переходит в ряд обычных явлений душевной жизни. Вместе с таким умалением оно из чувства энергического, каким характеризуется в настоящем своем виде, все более и более приближается к мысли и, наконец, переходит в одно простое помышление и воспоминание. Это помышление до поры до времени принимается с согласием, потом только терпится, хоть без неудовольствия, но холодно, без особого внимания; а затем уже становится докучливым, его спешат поскорее сбить, и, наконец, от него чувствуют неприятность и отвращение; его уже не любят, а ненавидят, преследуют, гонят. Соответственно сему падает убеждение в необходимости лучшей духовной жиз-

ни; сначала необходимость сия представляется только вероятною, далее закрывается сомнениями в виде вопросов о разных сторонах своих, еще далее ненужность и излишность ее становится более чем вероятною; наконец, внутри полагается решение: «Живи, как живется, и так можно прожить; все другое — излишние хлопоты». Здесь человек приходит в глубину зол и нерадит — состояние, сходное с состоянием и того, кто ни однажды не принимал возбуждения.

Очевидно, что спасение последнего в крайней опасности. Велико Божие милосердие, но и оно, может быть, не возможет уже сделать с ним ничего, как с землею, многократно пившею сходящий на нее дождь и неплодоносною, которая стала *клятвы близ* (Евр. 6:8). И вот это — последствие, от неустояния в порядке жизни, требуемом благодатными возбуждениями, особенно надобно напечатлеть в памяти тем, кои нуждаются в нем. Правда, Божественная благодать не связывается в своих действиях подобными измерениями и определениями, но бывает, что и согласуется с ними. Потому, хотя не должно отчаиваться в возможности обращения и спасения, сколько бы слабо ни было призывание на возврат к доброй жизни, однако

же всегда с робостию и боязнию должно помышлять о своем положении при такой слабости. Не ниспали ль мы до последней возможности принимать благодатные возбуждения? Не преградили ль все пути всежелательной нашего спасения Божественной благодати действовать на нас? Не последние ли это приближения ее к нам с целию образумить нас и положить конец безобразию жизни нашей? Посему, коль скоро подобные призывания слабы, надобно спешить воспользоваться ими со всею твердостью намерения, хотя более рассудочного, и усилить их, сколько это дано свободе человека. Очевидно, такое усилие будет не что иное, как разверстие себя для призываемой и искомой благодати, — разверстие, ибо в прежние падения более и более ожестевали мы и закрывались для благодати, то в той, то в другой части. Оно будет совершаться преданием себя благодати тем путем, какой будет сейчас указан к восхождению до энергии первовозбужденного, ибо должно думать, что последняя будет расти вместе с тем, как будет приниматься тот или другой прием к раздражению усыпленных духовных движений. Таким образом, тогда как у первовозбужденного все совершается ретиво, быстро, огненно, — у последнего

дело идет холодно, неспешно, многотрудно. Его будто оставляет благодать себе самому, чтобы дать почувствовать, как драгоценно неизменное послушание Богу зовущему, и поселить расположение дорожить Божиими пособиями. Желание при сем хранит Господь, отрешение же не вдруг подает, а держит человека посреди, в томлении, не склоняя будто ни туда, ни сюда, чтобы испытать усердие и образовать желание и обещание постоянства. Затем испытанного уже и отрешает.

Этими немногими чертами имели мы в мысли различить два образа действий Божией благодати, из которых об одном Господь говорит: *се стою при дверех и толку* (Апок. 3:20), а о другом: *ищите и обрящете; толцыте и отверзет-ся вам* (Лк. 11:9).

Первый образ нами описан; относительно второго предлежит вопрос: как искать и во что *толкать*?

В чрезвычайных случаях благодать Божия оказывает свое действие быстро и решительно, как видим, например, на апостоле Павле, Марии Египетской и прочих, но в обыкновенном порядке обращений большею частью бывает так, что приходит человеку только мысль — переменить жизнь и стать лучше в

своих делах и внутренних расположениях. Приходит мысль — но как много надо придать ей, чтобы она возоблудала над душою! Большею частию такого рода благие помышления остаются бесплодными, не по своей, однако ж, вине, а по недолжному отношению к ним тех, чью душу посещают они.

Первая и главная в отношении к ним погрешность та, что их оставляют неисполненными, отлагают день ото дня. Отлагательство — общий недуг и первая причина неисправимости. Всякий говорит: еще успею — и остается в старых порядках привычной недоброй жизни. Итак, пришла благая мысль исправить — ухватись за нее, займись тем, чего ради она послана к тебе; и с сею целию прежде всего гони отлагательство.

Гони отлагательство. Не позволяй себе сказать: завтра или когда-нибудь после займусь этим, а сейчас же приступи к делу. Возьми в орудие себе здоровое рассуждение и помощь его:

а) живее вообрази неразумие, безобразие и опасность отлагательства. Говоришь: после, — но после будет труднее это сделать, потому что сам больше привыкнешь ко греху и больше сделаются запутанными обстоятельства и

связи твои греховные. Но какой смысл опутанному больше и больше себя опутывать и держать на уме, что и при этом после распутаться ему будет так же легко, как и теперь? Уж если сознаешь, что таким оставаться тебе нельзя, каков ты теперь, что мешкаешь? Ведь, наконец, и Бог может сказать: «был ты мне в сытость» (Ис. 1:14), и сам можешь зайти за черту, из-за которой нет возврата. А это такого рода беда, для избежания которой нет труда, который основательно можно было бы пожалеть. Если добросовестная мысль озабочится представить все это отчетливо и живо, то все главные деятели души отвратятся от отлагательства, внутри не будет за него заступника. Увидишь, что оно вражески относится к тебе, и сам взглянешь на него неприязненно.

б) Отлагаем оттого, что благая мысль, посетившая нас, стоит в нас еще только как мысль, еще не привлекла сочувствие, не движет желания. Она среди других наших интересов явилась как чуждая гостья, манит издали, действует не впечатлительно. Провести ее дальше в глубь души и указать ее цену и привлекательность — твое уже дело. Итак, поставь ее на первом плане, вообрази ее правоту, покажи радость

и высоту, какие она обещает, уверь себя в легкости ее исполнения. Благая мысль действует слабо и не привлекает сердца оттого, что есть другие планы в голове, есть предметы интереснее, по указанию предзанявших тебя влечений. Так вызови же все на среду и сличи беспристрастно. В сравнении с тем, что представляет благая мысль, ничто устоять не может; все отодвинется на задний далекий-далекий план. Указуемое благою мыслию останется одно и, как единственное и прекрасное, привлечет.

в) Недугуем отлагательством наиболее оттого, что в эту пору позволяем ослабеть в себе энергии, поблажаем лености, вялости, сонливости, нерешительности и в мысли, и в деятельных силах; так можно взять себя и с этой стороны, поживее представив себе, как унижительно попускать это в обыкновенных делах, тем паче в самонужнейшем деле спасения, — что во всем должно оказывать себя живым и быстродейтельным, что стыдно допускать противное, стыдно отлагать до завтра то, что можно и должно сделать сегодня.

Такими и подобными приемами гони отлагательство. Как кто сумеет это сделать, только сделай. Пришла благая мысль — уговори себя не отлагать исполнение ее, расположи и зас-

тавь себя сейчас же начать действовать по указанию ее. Кто отложил дело до следующих дней, тому сегодня нечего предлагать дальнейших советов.

Но полагаем, что благая мысль принята и заняла внимание. Теперь надобно поспешить довести ее до такой меры возбужденности, на которой она сильна будет стать рычагом, легко и сильно приводящим в движение все внутреннее наше. Для сего надо дать ей простор пройти внутрь, а для этого надлежит делать над собою, скажем так, некоторые операции, как самое нужное и самое действенное приготовление к возбуждению.

Операции сии должны быть противоположны тем тонким сетям, или тому порядку расположений, коими задерживается человек в грехе. Грех опутывает душу многими сетями, или скрывает себя от неё многими покровами, потому что сам по себе он безобразен и с первого раза мог бы оттолкнуть от себя. Самый глубокий и ближайший к сердцу покров составлен из *самообольщения, нечувствия и беспечности*; выше над ним, ближе к поверхности, лежат *рассеянность и многозаботливость* — *главнейшие деятели, скрывающие и питающие грех и греховные обычаи и порядки*; самый верхний покров —

это преобладание плоти, — покров, более других видный, не менее, однако ж, их сильный и значительный.

Первый покров есть существенный покров. Он производит то, что человек не видит опасности своего положения и не желает переменить его. Последние два суть только орудия; ими лишь обнаруживается и поддерживается то греховное состояние. Когда приходит Божественная благодать, она, проходя до разделения *души* и *духа*, прямо ударяет на первый покров и разрывает его. Под ее действием человек грешный тотчас становится обнаженным и стоит перед своим сознанием во всем безобразии. Но когда человек только еще сам ищет благодатного возбуждения, ему надобно начать действовать совне и простираться внутрь.

Итак, хочешь ли как следует заняться объявившим тебя помышлением о перемене недоброй жизни — начинай снимать с себя греховные покровы, как снимают слои земли, чтобы открыть сокрытое там.

а) Прежде всего возмись за *тело*. Откажи ему в наслаждениях и удовольствиях, стесни удовлетворение самых естественных потребностей; продли часть бдения, умали обычную меру пищи, приложи к трудам новый труд.

Главное, как хочешь и как можешь, облегчи плоть, утончи ее дебелость. Этим душа высвободится из связности веществом, станет подвижнее, легче, приемчивее для впечатлений добрых. Вещественное тело, преобладая над душою, сообщает ей свою неподвижность и холодность. Подвиги телесные ослабляют эти узы и устраняют следствия их. Правда, не всякий грешник живет невоздержно и поблажает телу — но едва ли найдется лицо из обычно живущих, которое не имело бы в чем отказать телу, когда на сердце упадет желание спасения. А цель много значит: она совсем изменяет действия. Что прежде делал ты по обычаю или в пользу своих занятий — начни то делать теперь с некоторыми, конечно, переменами и прибавками строгости, спасения ради — и осязательно ощутишь разность.

б) Тело обременяет душу сновне; *заботы* и *расхищение мыслей* томят ее внутри. Допустим, что смирена уже плоть — этим сделан первый шаг; но две заставы отделяют душу от себя самой.

Заботы не оставляют времени заняться собою. При них одно дело в руках, а десятки в голове. Оттого они гонят человека все вперед и вперед, не давая ему возможности осмотреть-

ся и взглянуть на себя. Итак, отложи на время заботы, все без исключения, отложи только на время; после опять возьмешься за обычные дела, только теперь прекрати их, выкинь их из рук, выбрось их и из мысли.

Но и тогда, как заботливые дела прекращены, смятение еще надолго остается в голове: мысль за мыслию, то в согласии, то одна другой наперекор; душа рассеяна, ум шатается в разные стороны и тем самым не дает установиться в себе чему-либо постоянному и твердому. Собери же рассеянных чад своих воедино, как пастырь собирает стадо или как стекло рассеянные лучи, и обрати их на себя.

Желание углубиться в себя и заняться собою пресечением рассеяния мыслей и заботливости потребует, конечно, как неизбежного средства, с одной стороны — уединения, с другой — прекращения обычных занятий, и житейских и должностных; прежде же указанное смирение плоти потребует изменения в порядке удовлетворения естественных потребностей. Судя по сему, самым удобным временем к тому, чтобы устроить перемену своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же Великого. Тут все к тому преднастроено — и дома, и в церкви, и даже в обществе. На это

время все и смотрят, как на приготовление к покаянию. Однако ж из этого не следует, что, когда пришла благая мысль о перемене жизни, исполнение ее надо отлагать до наступления поста. Все требуемое при сем может быть исполнено и во всякое другое время, кроме поста. Но уж, конечно, когда пришел святой пост — грех пропустить его, не позаботясь о спасении души, как пропускается другое время. Кому придет спасительное помышление о перемене жизни не во время поста и кто находит к приведению его в исполнение какие-либо помехи в своем быту, тому лучше всего удалиться на время в какую-либо обитель. Там удобнее совладать с собою.

в) Вот ты стоишь теперь у своего сердца. Перед тобой твой внутренний человек, погруженный в глубокий сон беспечности, нечувствия и ослепления. Начинай будить его. Пришедшая благая мысль уже потревожила его немного. Приступи же тем с большею благонадежностью и сильнейшим напряжением мысли, собрав все свое внимание, начинай наводить на себя разного рода представления, более или менее сильные и поразительные, применяя, однако ж, их к внутреннему своему состоянию.

1) Прежде всего снимай с очей ума твоего покровы, содержащие его *в ослеплении*. Если человек не отстает от греха и не бежит от него, то это наиболее оттого, что не знает себя и той опасности, в какой находится ради греха. Если бы ему открылись очи, то он побежал бы от греха, как бежит из дома, объятая огнем. Такое ослепление происходит и от невнимания к себе: человек не знает себя потому, что никогда не входил в себя и не думал о себе и своем нравственном состоянии; но большею частью ослепление поддерживается некоторыми определенными предубеждениями относительно себя. Человек сам по себе составляет некоторую сеть помышлений, систематически закрывающих его от себя самого. Пусть сии помышления — сеть паутинная, только самые легкие вероятности, но уму некогда с отчетливостью разобрать их, — а тут за их действительность и истину так громко говорит сердце. Это собственно наши нравственные заблуждения, или предрассудки, происходящие от вмешательства сердца в дела разума. Вот почему к глубокому вниманию надобно присоединить с сей минуты еще некоторую трезвенность, отстраняющую всякую лесть сердца лукавого. Пусть с этой минуты, если что нужно чувствовать сердцу, оно чувствует под

влиянием представлений ума, а не само по себе, как бы забегаая вперед; иначе оно опять заставит разум представлять вещи по-своему, опять подчинит его себе, опять внесет беспорядок в понятия и вместо просветления еще в большее повергнет ослепление.

Поставив теперь себя в такое положение, начинай изводить на середину разные помышления, держащие тебя в ослеплении, и подвергай их строгому и нелицемерному суду.

а) *Я христианин* — говоришь ты, и успокаиваешься на этом. Вот первая лесь — перенесение на себя преимуществ и обетований христианских без заботы об укоренении в себе истинного христианства, или усвоение имени того, что может лежать и держаться только на силе и внутреннем достоинстве. Объясни же себе, что обманчива надежда на имя, что Бог может и из камней воздвигнуть чад Аврааму и во всякое время отменить Свои обетования, коль скоро не исполняются условия к участию в них. Главное, уясни себе, что значит быть христианином, сличи себя с сим идеалом — увидишь, насколько основательна эта опора твоего ослепления.

б) *Да ведь мы не из последних*; знаем кое-что, и если обсудить что возьмемся, сумеем обсу-

дить, и дела свои ведем не наобум и не без такту, как другие. Так иные прельщаются душевными своими совершенствами. Другим, напротив, лезут в глаза телесные совершенства — сила, красота, род. Те и другие тем резче ослепляются, чем выше мы стоим над всеми в окружающей нас среде. Уверь же себя:

а) что естественные совершенства и вообще не имеют цены нравственной, потому что они не наше приобретение, а дарованы нам Богом; тем паче в христианстве все естественное не ценно по причине порчи естества в падении. Освяти свое добро верою во Христа Спасителя и жизнью по сей вере, тогда и посмотри на него как на добро.

б) Опять — все ли сделано тобою, что можешь и должен ты сделать по твоим дарованиям? Ты большему подлежишь ответу, потому что тебе больше дано. Не о способностях дело, а об их употреблении. Укажи, что приобрел ты ими? Соответствует ли прибыток употребленному расходу?

с) Про телесные или какие-либо случайные преимущества нечего и говорить. Св. Златоуст в одном месте выставляет человека, который хвалит другого за то, что он хорош собою, статен, богат, имеет хороший дом, ездит на отлич-

но убранных лошадях, и проч., и потом обращается к нему с такою речью: «Что ж ты мне ничего не сказал про него самого? Все, что ты говорил, не есть он».

д) А на других смотреть нечего; пусть они сами по себе. Всякий за себя будет давать отчет. Ты на себя смотри и, отрезав себя от других, себя только одного суди без сравнения с другими. Или если уж сравниться хочешь с кем-нибудь, то сравни себя со святыми угодниками. Они суть живой закон христианский, или живой образец спасающихся. По ним если станешь судить себя, не ошибешься.

в) *Мы не так еще худы*: кажется, не безобразничаем, и другие смотрят на нас не как на худых, не лишают своего уважения и внимания, — и притом не простые только, но и из важных особ. Самого густого мрака покров ослепления благовидностью внешнего поведения и внешних отношений! Уясни себе повпечатлительнее, что внешнее не ценно без внутреннего. Внешняя исправность поведения — листья; внутренние добрые расположения — плод. Смоковница листьями обещала плоды, но Спаситель, не найдши их на ней, проклял ее. Таков же перед лицом Его и всякий внешне исправный, без искренне доброго и богобоязнен-

ного сердца. *Сыне, даждь ми сердце*, говорит Господь у Премудрого. Из сердца как все доброе, так и все злое. Каков ты в сердце, таков ты перед лицом Господа. Если ты горд в сердце, то как ни смиренничай наружно, все Господь видит тебя гордым. Так и во всем прочем. А суд других — обманчивая лесть. Другие не знают нас, а относятся к нам хорошо, или предполагая нас добрыми, или подчиняясь закону приличия. Не бывает ли так, что те, кои около нас и видят худо в нас, но не намекают нам о том по своим причинам? Не бывает ли и таких опытов, что иные, видя худо в других, похваляют их за то и тем возбуждают некоторый дух молодечества в художелании; и неразумный вниматель их пошел, без остановки, все глубже и глубже во зло и худобу; ибо когда видит человек в окружающих улыбку удовольствия от дел своих, то остается во зле с некоторым самодовольством. Не потерпеть бы и нам чего подобного, если так чутко будем прилагать ухо только к суждениям о нас других!..

г) Но пусть и худо есть во мне; *будто я один таков?* Таков же и тот-то, и тот-то, даже и вот кто. И мало ли можно найти таких, которые худы, еще хуже меня... — Ослепляем себя обычностью греха вокруг нас. Уясни же себе, что

множество грешащих не изменяет закона правды и не избавляет никого от ответственности. Бог не смотрит на число. Хоть все согреши, всех и накажет. Сколько народилось людей до потопа, а все погибли, кроме осьми душ, а с Содомом и Гоморрой пять городов пожрал огонь с неба, — и никто не спасся, кроме Лота с дочерьми. И в аду мучения не легче будут от того, что много там окажется мучимых; напротив даже, не усилятся ли там вместе с тем страдания каждого?

Таковыми и подобными рассуждениями спеши разогнать мрак предрассудочных помышлений, держащих тебя в ослеплении и не дающих тебе взглянуть на себя как следует. Целью сей первой работы над собою поставь — привести себя в сомнение и колебание относительно безопасности своего стояния. Ты дойдешь до сего естественно, когда одна за другою начнешь отнимать опоры, на которых ложно утверждается наше ослепление, мало-помалу начнешь разрушать пустые надежды на себя и что-либо свое, мало-помалу станешь разбивать *непщевания вины о гресех*, т.е. склонность всегда и во всем себя оправдывать. Уверь себя, что христианство твое ни во что, если ты худ, что совершенства твои больше обличают, чем оп-

равдывают тебя, что исправность твоя внешняя есть лицедейство богоненавистное, при неисправности сердца, что ни похвалы других, ни широкость товарищества в художестве не укроют тебя от Божия суда и гнева. Мало-помалу будешь обособляться в мысли и становиться одним — один перед взором ума и совести, которая подаст сильный голос против тебя, особенно после того, как, сличив себя с тем, каким тебе подобает быть во Христе, найдешь, что ты далеко отстал от своего первообраза. Вследствие сего, если сознание твое не будет лукавить перед собою, естественно тебе оробеть за себя. Отрезанный как бы от всех и всех опор лишенный, ты должен будешь поразиться чувством безнадежности и опасения за себя. Всячески до сего именно предела должен ты доводить помянутую работу над своим ослеплением. Возрождение сего чувства есть всегда преддверие бегства греховного, как на войне колебание рядов вражеских есть знак скорого их обращения в бегство.

2) Коль скоро произойдет таким образом хоть легкое движение чувства своей греховности и опасности оставаться в ней, углубись еще больше в себя и еще с большим напряжением мысли поражай себя какими-либо грозными и

отрезвляющими представлениями; потрясай и умягчай ими *нечувственное сердце* свое, как тяжелый молот умягчает жесткий камень.

а) Помяни последняя твоя. Говори себе: «Увы, скоро *смерть*». Один, другой умирают около тебя; вот-вот ударит и твой час. Не отдаляя от себя часа смертного, внуши себе, что уже послан Ангел смерти, идет, приблизился. Или вообрази себя человеком, над головою которого меч, готовый поразить его. Затем живее представь, что будет с тобою в смерти и после смерти. *Суд при дверех*. Тайная твоя обличатся перед ангелами и всеми святыми. Там перед лицом всех будешь стоять ты один с делами твоими. От них или осудишься, или оправдаешься. А что — рай, и что — ад?.. В раю — блаженство, которого описать нельзя; в аду — мука без отрады и конца; на нем печать решительного отвержения Божия. Восприими все это в чувство и понудь себя побыть в нем, пока не исполнит тебя *страх и ужас*.

б) Обратись потом к Богу и поставь себя, оскверненного и обремененного многими грехами, перед лицом Его, вездесущего, всеведущего, всещедрого, долготерпеливого!.. Еще ли будешь оскорблять око Божие мерзким видом своим греховным? Еще ли будешь обращать

неблагородно хребет к ущедряющему тебя всесторонне? Еще ли будешь затыкать уши перед отеческим гласом, милостиво призывающим тебя? Еще ли будешь отвращать руку, простираемую к приятию тебя?.. Восприими в чувство эту несообразность и поспеши возбудить и укрепить в себе жалость и печаль по Богу.

в) Помяни при том, что ты христианин, куплен кровию Христовою, омыт водою крещения, принял дар Духа Святого, бываешь на трапезе у Господа и питаешься плотию и кровию Его. И все сие попроано тобою греха ради, разрушающего тебя!.. Взойди мысленно на Голгофу и пойми, чего стоят грехи твои... Ужели и еще будешь уязвлять главу Господа терниями грехов твоих? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, прободать ребра Его и издеваться над долготерпением Его? Или ты не ведаешь, что, греша, участвуешь в мучении Спасителя и разделишь за то участь мучителей; а если бросишь грех и покаешься, то причастишься силы смерти Его? Избирай одно из двух: или распинать и вечно гибнуть — или сраспинаться и живот с Ним вечный наследовать.

г) Рассуди далее, что такое грех, к которому ты так льнешь. Это зло, бедственнейшее из всех

зол, оно отдаляет нас от Бога, расстраивает душу и тело, предаёт мучениям совести, подвергает казням Божиим в жизни, в смерти и по смерти, ввергает в ад, заключая рай на веки. Какое чудовище любим!.. Восприими в чувство все зло от греха и напрягись *возгнушаться им и отвратиться* от него.

д) Посмотри, наконец, на грех со стороны диавола, первого его производителя и размножителя, и рассмотри, кому работаешь ты грехом. Бог все для тебя и делал, и делает, а ты не хочешь угождать Ему; диавол ничего для тебя не делает и только тиранит тебя грехом, а ты охотно и неумоимо работаешь ему. Ты друhestвуешь с ним через грех, а он злобствует к тебе через него. Манит к греху обещанием сласти от него; впадающих же в грех мучит и терзает им. Здесь внушает, что грехи — ничего, а там будет выставлять их в наше обличение как важные пункты. Он трясется от злобной радости, когда кто попадетсЯ в сети греха и остается в них. Сообрази все сие и возбуди в себе неприязнь к этому человеконенавистнику и делам его.

Когда таким образом будешь втеснять в сердце одно за другим сокрушающие и умягчающие чувства, — то ужас и страх, то печаль и жа-

лость, то отвращение и ненависть, — оно будет мало-помалу согреваться и приходить в движение; а за ним начнет приходить в движение и напрягаться расслабленная воля. Как струи электричества сообщают телу некоторую напряженность и возбужденность или как утренний, чистый и прохладительный воздух сообщает некоторую свежесть и подвижность, так и чувства сии, исполнив душу, возбудят уснувшую ее энергию, возродят позыв и готовность действовать для выхода из опасного своего положения. Это будут первые начатки деятельного попечения о спасении своем. Спешите же с сей минуты еще решительнее.

3) Гнать *сон беспечности*. Расслабла воля на добро долгим пребыванием в грехе — собирай теперь вокруг нее такие помышления, которыми обыкновенно возбуждается энергия: представь на стороне добра спасительность, высоту, общегодность, легкость исполнения и удаления препятствий, отраду, сейчас готовую, и главное — необходимость; на стороне же греха — все противоположное сему; подольше и поискреннее потолкуй это себе, пока расшевелишь себя и приведешь в бодрое напряжение, готовое тотчас приступить к делу. Говори душе своей:

а) ведь одно из двух — или вечно погибать, если так останешься, или, если не хочешь этого, то покайся и обратись к Господу и заповедям Его. А медлить чего ради? Чем дальше, тем хуже. Блюдись при том, ведь смерть при дверях.

б) Много ли труда? Только начни, только подвигнись. Господь близ, и всякая помощь от Него готова тебе.

в) А благо какое!.. Сбросишь это бремя и эти узы, вступишь в свободу чад Божиих.

г) Что мучишь ты себя, как враг какой? Ни днем, ни ночью не видишь покоя. Всюду смятение и тревога. Только один сделай поворот внутри, и все это исчезнет, увидишь отраду жизни.

д) Посмотри, все уже пошли ко Господу... и тот обратился, и другой, и третий. Ты что стоишь? Иди! Разве ты хуже других?

е) Все вокруг тебя живет, и все призывает тебя к жизни. Бог несть Бог мертвых, но Бог живых. Приобщись и ты к живущим Его жизни. Иди, пей из источников воды живой.

Энергия расслабевшей воли всегда возбуждается, когда поставит себя человек между крайностями — или гибнуть, или изменить жизнь. Чувство самосохранения тотчас начнет возбуждать на дело.

Укажи после сего, сколь великое благо ожидается от перемены жизни на лучшее, как легко это сделать, и как ты способен к тому и призван, и все средства имеешь под руками, — как все добрые, и на земле и на небе, будут обрадованы, вступят в общение с тобою, на руки тебя возьмут, и пойдет радость в общей жизни со всеми живущими о Христе Иисусе Господе нашем, — укажи все это, и воспрянет ослабшая воля, исправятся расслабленные колена твои.

Так трудясь над собою, больше и больше будешь прогонять свое ослепление, нечувствие и беспечность. Но трудись, и трудись, не ослабевай. Есть лукавство в грешной душе, что она всячески уклоняется от труда по делу спасения. Приди, возьми и понеси ее; поперечить не станет — ей лишь самой потрудиться не хочется. В твоём внутреннем никто господином быть не может, кроме тебя самого. Сам войди в себя и сам себя ломай, поражай, вразумляй; сам с собою води дело перед лицом Бога; сам себя уговаривай и убеждай. Посему-то, в деле обращения, рассуждение с самим собою, можно сказать, единственная к тому дверь. Уж если сам собою не рассудишь и не обдумаешь, как быть, — кто за тебя это сделает? Оттого и гово-

рится тебе: «О том рассуди, то представь, в то и то вникни».

Судить по сему можно, какое великое благо для грешника, если развращение его не успело еще погасить в нем совсем света видения истины.

Пусть нрав испортился, пусть чувства нечисты; но если держатся в душе здоровые понятия — все еще есть за что взяться тому, кто стал думать о спасении. Когда же и их не станет, когда развратится и ум — или падет в сомнение, потеряв убеждение, или примет совсем превратные учения, — тогда нечем уже действовать человеку на себя, тогда надо уже признать, что от ног до главы нет в нем целости. До такого, впрочем, состояния редкие доходят. И те, кои доходят, если есть для них возможность обращения, обращаемы бывают чрезвычайными и поразительными действиями благодати Божией. Большая же часть грешников не теряют веры, или образа здравых, по апостолу, словес, а только нравственно развращаются. Таковым достаточно возочистить забвением потемненные понятия и восставить ослабевшее убеждение в них — от невнимания и небрежения о всяком вообще добре. Сядь и сам все просмотри, чему должен ты веровать, как жить и чего наде-

яться, по символу веры и заповедям Господним. Если затрудняешься, посмотри в катехизисе; если и этого не можешь, переговоры с кем-либо, ближе же всего с духовным отцом твоим. Когда это сделаешь, победоносно восстанет в тебе царственная истина — и начнет со властью теснить овладевшую тобою неправоту дел, расположений и чувств. Легко тогда будет твоему рассуждению — и ослепление свое разоблачать, и нечувствие поражать, и беспечность прогонять.

Когда столько указывается предметов, о коих надо рассудить с самим собою, то не следует думать, будто это могут выполнить только ученые. Рассуждение с самим собою о спасении всякий может вести, даже дитя. Это не то, что ученое рассуждение. Всякая приведенная на мысль истина сама тотчас внушает, чего она требует. Будь только добросовестен и возроди искреннее желание добра себе, с готовностью последовать указаниям истины.*

* При всем том никак не излишне иметь под руками душеспасительные книги, в которых ясно и с силою были бы раскрыты все предметы, о которых следует рассуждать с собою. Неоценены в сем отношении в писаниях святителя Тихона статьи о грехе, об ослеплении, о прощении некаяющего, келейные письма. В пособие к сему именно рассуждению с собою издается *сборник святоотеческих писаний* под заглавием: «*Востани спяй...*»

Но всячески рассуждение свое надо так вести, чтобы оно было приспособлено к цели — действовать на душу и возбуждать. Для сего:

а) когда рассуждаешь, то не умствуй, задаваясь разными вопросами, но, уяснив себе предмет, поставь его к сердцу тою стороною, какая, чаешь, будет впечатлительнее, и созерцай его так.

б) Не перебегай скоро от одной мысли к другой — это скорее рассеет, чем соберет и окажет какое-либо действие на душу. И солнце не согрело бы ни одной твари на земле, если бы пробегало по лицу ее мгновенно. Мерово рассуждения о том или другом да будет сочувствие. Всякую мысль доводи до чувства и до тех пор не отступай от нее, пока не проникнет она сердце.

в) Если можно, не оставляй мысль голою, в одной, так сказать, рассудочной форме, а облечи ее в какой-либо образ и носи его потом в голове, как постоянного возбудителя. Всего лучше, если можно в одном образе сосредоточить несколько поразительных представлений. Так, св. Тихон, чтобы напечатлеть в уме грешника мысль об опасности его положения, вот что говорит: «Над тобою — меч правды, под тобою — ад, готовый пожрать тебя, впереди — смерть, сзади — множество грехов, по правую

и левую стороны — толпы злобных врагов: тебе ли быть в беспечности?..». Образ легче вспоминается и держится в уме, действует сильнее и впечатлительнее.

г) Прибери краткие, но сильные изречения, применительно к твоему состоянию, и потом чаще повторяй их в себе умственно или внешним словом. Например: «Позна вол стяжавшего, и осел ясли господина, а ты? Или о богатстве благодати и долготерпения нерадиши?.. По жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себе гнев в день гнева и праведного суда Божия. — Бди, не веси бо, когда Господь придет. — Се ми гроб пренадлежит, се ми смерть предстоит. — Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бегу? — Оброцы греха смерть. — Враг, яко лев, рыкая, ходит. — Дай отчет о приставлении домовне; емуже дано много, много взыщется от него; раб, ведевый волю господина, биен будет много; помяни, откуда ниспал еси», и проч. Собери и запомни такие изречения и бей ими твое сердце. Может быть, какая-либо из них станет огненною стрелою, которая поразит и разжжет.

С одним рассуждением, однако ж, не оставайся, а перемежай его молитвою. Ведь мы то же теперь делаем, как и тогда, когда хотим выр-

вать дерево, вросшее в землю. Подходим и колышем, напрягая силу рассуждения с самим собою, себя-уговаривания, себя-убеждения. Колышем, а вытащить не можем — глубоко вросли корни. Нет в нас потому силы, нет силы и подрезать эти корни. Вот и ищи помощи!

а) Во время ли рассуждения падет какое чувство на сердце, или так возбудится какое умиление — встань и молись. Молись, чтобы Бог освятил твой труд над своим окаменелым сердцем, чтобы какой-нибудь твоей мысли дал силу, разрушающую и созидающую, или Сам пришел бы и умягчил, пробудил, уязвил.

б) В молитве сей сам молись; изреки то, что на душе, и свою кровную нужду открой благонадежно, словом простым, детским, кратким, а лучше и без слов, так, припадай к Богу в болезненном к Нему обращении.

в) Не умствуй, не сочиняй молитв. Приступи в простоте, с одною нуждою своею, как больной к врачу, как связанный к освободителю, расслабленный к восстановителю, с искреннею исповедью немощи своей и бессилия одолеть себя и с преданием себя Божией вседействию.

г) Падай ниц, клади поклоны — многие, многие, бей в перси. И не отходи от молитвы,

пока движется молитва. Охладеет молитва, берись опять за размышление, а от сего опять переходи к молитве.

д) И для молитвы, как для рассуждения, приberi краткие к Богу воззвания и повторяй их чаще: «Пощади Твое создание, Владыко! — Боже, милостив буди мне грешному! — О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспеши же!» Припоминай церковные возбудительные песни и пой их: «Се жених грядет.... Множество содеянных мною лютых, помышляя, окаянный, трепещу страшного дне судного. — Душе моя, душе моя, востани, что спиши!» — и подобные...

Так трудя себя, бей непрерывно в двери милосердия Божия.

Чего ищем, трудясь? — Благодати Божией возбуждающей. Благодать Божия обыкла, для воздействия на нас, избирать известные посредства, как сказано в описании чрезвычайных действий благодати. Итак, приложи к себе сии посредства и ходи под их осенением и влиянием. Не падет ли и на тебя из какого-нибудь луч благодати, как падал на других, подобных тебе, грешников?

а) Избирала Божия благодать для действия своего храмы Божий и церковный чин. Ходи и ты в церковь и терпеливо, внимательно и бла-

гоговейно выстаивай священнодействия. И вид церкви с устройством ее, и чин последования служб, и пение с чтением — все может подействовать. И не дивно, что, вошедши в церковь праздным, выйдешь оттуда зачавшим дух спасения.

б) Действовала благодать через Слово Божие. И себе возьми его и читай. Может быть, встретишь такое место, которое поразит и тебя, как поразило Августина место, на которое пали глаза его, по раскрытии Нового Завета.

в) Умягчалось сердце иных грешников от бесед с людьми благочестивыми. Поди и ты побеседуй. Слово за слово в беседе — не выпадет ли и такое, которое и у тебя пройдет до разделения души и духа, *судительно помышлениям и мыслям сердечным*? Может быть, живое слово, согретое любовью, пройдет до глубины сердца твоего и потрясет составившиеся там твердыни греха.

г) Сильною являлась молитва бедных. Поди и ты умножь милостыню, отри слезы несчастных, устрой, если можешь, разорившихся. Молитвенный вопль нищего доходит до неба и проходит небеса небес. Не изведет ли он и к тебе Ангела-руководителя, как к Корнилию сотнику?

Ходя среди сих и подобных дел, будешь касаться сосудов и носителей благодати. Упадет, может быть, и на тебя откуда-нибудь живительная роса ее и оживотворит замерзшие в тебе ростки духовной жизни.

Итак, пришла мысль об исправлении своей жизни и своего нрава, — отгнавши отлагательство, утесни и облегчи плоть свою подвигами телесными, отстрани заботы и развлечения прекращением на время обычных дел и уединением, и затем, сосредоточившись в себе вниманием, разными спасительными помышлениями напрягайся разогнать ослепление, нечувствие и беспечность посредством рассуждения с самим собою, или разглагольствия с душою своею, перемежая его молитвою и постановлением себя под влияние таких случаев, кои Божественная благодать избирала уже в посредство к своему воздействию на души грешников.

Трудись, напрягайся, ищи — и обрящешь; толцы — и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни, что труды сии составляют только опыты усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого еще мы ищем. Недостает главного — благодатного возбуждения. Очень заметно, что, рассуждаем ли, молимся ли, или

другое что делаем, — втесняем как бы нечто чуждое в свое сердце, совне. Бывает, что соответственно силе напряжения некое воздействие от сих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергнется, по какой-то упругости непокорного и непривычного к тому сердца, подобно тому, как извергается из воды палка, вертикально погруженная в воду. Тотчас же после сего опять начинается холодность и дебелисть на душе — явный знак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие. Поэтому не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они-то и были то, что тебе следует сыскать. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздателя. Итак, при рачительном употреблении всех предуказанных средств ищущему следует еще ходить, ожидая посещения Божия, которое, впрочем, не приходит с усмотрением, и никто не знает, откуда оно приходит.

Когда придет сия возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дело

перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать нельзя, — будут одни попытки неудачные. Свидетель тому блаженный Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. Придет — и все устроит.

Естествен после этого вопрос: что же такое благодатное возбуждение? В какое состояние оно поставляет человека-грешника? И как состояние это разнится от других подобных состояний? Надо знать характеристические черты возбуждения, чтобы не пропустить его бесплодно и чтобы вместо его не принять какого-либо естественного состояния.

Состояние души, возбужденной благодатью, определяется по противоположности состоянию души, усыпленной грехом:

1) грех разлучает между Богом и человеком. Человек, отходя от Бога ко греху, не ощущает своей зависимости от Него, живет себе, как будто он не Божий и Бог не его, как своевольный раб, бежавший от своего господина. Теперь это средостение разоряется. *Чувство зависимости от Бога* возвращается. Человек живо сознает свою всецелую подчиненность Богу и полную перед Ним ответственность. Прежде

небо было для него медяно и словно густым покровом простиралось над его главою, а теперь некоторый луч проходит сквозь сей мрачный покров и указывает ему Бога Владыку и вместе Судию. В нем возбуждается с силою чувство Божества, со всеми Его совершенствами, и неотразимо стоит в душе, исполняя ее всю. Тут основание и возможность будущей благодатной духовной жизни.

2) Грех окутывал прежде человека слепотою, нечувствием, беспечною. В момент воздействия благодати спадает эта трехслойная окаменелая чешуя с окованной ею души. Человек теперь хорошо *видит все безобразие* свое внутри, и не только видит, но и *чувствует*. Вместе с тем сознает опасность своего положения, начинает робеть за себя и заботиться о своей участи. И не только западает в душу робость, но, при чувстве ответственности своей перед Богом, страх, томление, досада, стыд начинают сильно поражать его сердце. Его *грызет совесть*.

3) Но тут же дается ему некоторое ощущение и сладости жизни по Боге. Чувствуя всю непотребность греховной жизни и питая отвращение к ней, как морю зла, он вместе предощущает, что в открывшейся теперь для его душев-

ного ока области добра сокрыты отрада и утешение. Она созерцается им, как земля обетованная, как место блаженнейшее и безопаснейшее от всех треволнений. Сие-то предошущение и есть преимущественно такое явление в душе грешной, которого человек сам собою произвести никак не может. То — блага Божии и состоят в Его власти. Думать о них — не значит ощущать их. Бог Сам вводит дух человека в Свою сокровищницу и дает вкусить от благ ее.

4) Заметь, сколь необходимо сие действие благодати Божией на пути освобождения души из области греха. Цель возбуждения благодатного и сила его — в том, что оно извлекает человека из уст греха и поставляет на точке безразличия между добром и злом. Весы воли нашей, в которых она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны теперь стоять в уровень. Но этого не будет, если не дать грешнику вкусить хоть в предошущении сладость добра. Если не дать сего, то сладость греха, как уже изведанная, сильнее влекла бы его к себе, нежели добро, и выбор все падал бы на сторону сего последнего, как и бывает в задумываниях переменить жизнь без благодатного возбуждения.

Ибо то общий закон; *ignoti nulla cupido*, то есть чего не знаешь, того не желаешь. Но когда

в благодатном возбуждении дается ему вкушать сладость добра, то и оно начинает привлекать его к себе, как уже изведенное, ведомое и ощущаемое. Весы равны. В руках человека полная свобода действия.

5) Таким образом, как блеском молнии освещается все и в человеке, и вокруг его при благодатном возбуждении. Он вводится теперь сердцем, на одно мгновение, в тот порядок, из которого изгнан грехом, вставляется в цепи творения в ту связь, из которой самовольно исторгся грехом. Оттого это действие благодати всегда почти обозначается испугом и мгновенным потрясением, как спешно идущего в задумчивости потрясает внезапно услышанное: «стой!» Если смотреть на это состояние по понятиям психологическим, то оно есть не что иное, как пробуждение духа. Собственно духу нашему свойственно сознавать Божество и высший некоторый мир, или порядок вещей, возвышать человека над всем чувственным и уносить в чисто духовную область. Но в греховном состоянии дух наш теряет свою силу и сорастворяется с душевностью, а через нее с чувственностью до того, что будто исчезает в них. Вот теперь благодатью он извлекается оттуда, поставляется, как

на свещнице, во внутренней нашей храмине и светит всему там сущему и оттуда зримому.

То состояние, в какое поставляется душа в благодатном возбуждении, сходно со многими естественными состояниями, с которыми его, однако ж, смешивать не должно.

1) При благодатном состоянии человек находится в некотором томительном, скорбном состоянии недовольства собою и своим положением: однако это не то, что *скука*. В скуке нет определенного предмета: тут человек крушится и грустит, не зная сам, от чего и о чем; напротив, в благодатном возбуждении есть определительный предмет скорби, именно оскорбление Бога и осквернение себя. Та душевна, а это духовно; та мучительна, мрачна, убивающая, отчего и говорят: «душит тоска», а это оживляет и возбуждает. В обыкновенном нашем быту этих неопределенных тоскований бывает немало, и каждое со своими оттенками. Между ними достойно особенного замечания — тоскование о родине небесной, чувство недовольства ничем тварным, чувство голода духовного. И это одно из естественных движений нашего духа. Когда мало-помалу умолкнут страсти, он поднимает свой, внятно отзывающийся в сердце вопль о стеснительном и

униженном состоянии, в котором его держат, почему его не питают тем, чем должно, а томят голодом. Это — тоска по отчизне, воздыхание, которое апостол слышал и во всей твари. Однако ж и это не то, что благодатное возбуждение. Оно есть одно из естественных движений или отправлений нашего духа, и одно само по себе немо и бесплодно. Благодатное возбуждение на него нисходит и сообщает ему светлость и оживленность.

2) При благодатном возбуждении есть крушение духа, пробуждение тревог совести; однако ж это совсем не то, что обыкновенное досадование на себя за промахи в нашем быту, более или менее значительные. Мы терзаемся, когда не то скажем, не так что сделаем, и вообще во всех случаях, где, как говорится, пришлось осрамить себя, говорим даже при этом: «Ах, как совестно!» Но это совсем не то, что голос совести в духе, теперь слышимый. Там человек имеет в виду только себя и свои временные отношения, а здесь, напротив, себя и все временное совсем забывает и видит только одного Бога оскорбленного и свои вечные отношения расстроеными. Там он стоит за себя и человеческие правила, а здесь — за волю Божию и славу Его. Там скорбит о том, что ос-

рамылся перед людьми, а здесь о том, что постыдил себя перед Богом, до людей же и даже до целого света ему и дела нет. Затем — там скорбь безотрадная, а здесь она растворяется некоторою отрадою. Ибо там вся опора его на себя и других, и когда эта основа расстроилась, то ему некуда уже обратиться, а здесь все от Бога, Которым он не чаает быть отверженным, но уповаает на Него. И обыкновенные наши совестности подражают действиям совести истинной: можно сказать, что они суть тоже действия совести, только искаженной, низведенной из своего чина. Вместе с духом и она ниспала со свойственной ей высоты, из области духовной, и впала в руки и власть душевно-телесности, стала служить одним земным целям — стала, так сказать, светскою совестию, которая сильнее чувствует оскорбления человека, нежели Бога.

3) При возбуждении благодатном дается сердцу ощутить иную некую лучшую, совершеннейшую, отраднейшую жизнь; однако ж это совсем не то, что бывает у тех, кои чувствуют пробуждение светлых порывов и благороднейших стремлений (назвать бы — движение идей). Эти явления сходны тем, что возвышают над обыкновенным порядком вещей и стре-

мят к осуществлению внушаемого; но они далеко расходятся в направлениях и целях. Последние упираются в какую-то туманную область, а первое обращает к Богу, в Нем указывает успокоение и дает предвкусить его. Цель первого — жизнь в Боге с вечным блаженством, а у последних имеется в виду нечто, конечно, всегда великое, особенное, но о чем ничего более нельзя сказать, кроме «нечто». Разительнейшая же разность их в том, что последние прерываются и действуют поодиночке: дух пробуждается здесь у одного — одною, у другого — другою стороною; первое же обнимает весь дух всесторонне и, ставя его у его цели, удовлетворяет его или дает предвкусить полное в сем порядке удовлетворение. Порывы высших стремлений духа суть остатки образа Божия в человеке — образа разбитого, посему и обнаруживаются подобно тому, как лучи раздробленные и рассеянные. Надобно собрать эти лучи в одно, как бы сконцентрировать, и тогда в фокусе образуется луч зажигающий. Сие-то, так сказать, сконцентрирование лучей духа, единичного в себе, но раздробившегося в многочастной душе, и производит возбуждающая его благодать и возжигает огонь жизни духовной, не в холодное созерцание поставляя

человека, а в некое горение живительное. Такое собрание духа воедино сходится в чувстве Божества: тут и зародыш жизни. Так и в природе: до тех пор не является жизнь, пока силы ее действуют раздробленно; но как скоро высшая сила собирает их воедино, тотчас является живое существо, например, растение. Так и в духе. Пока стремления его прорываются раздробленно, то одно, то другое, и одно в одну сторону, а другое в другую, — нет в нем жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитствуя дух, сводит все его стремления воедино и держит их в сем едином, тогда — и огонь жизни духовной.

По таким признакам легко отличить благодатное возбуждение от обыкновенных явлений духовной жизни в человеке, чтобы не смешать и — главное — не пропустить воспользоваться им к своему спасению. Это особенно надобно знать тем, на коих благодать Божия воздеиствует без предварительных собственных трудов их и не с особенною силою. Возбужденного состояния пропустить без внимания нельзя, но можно не обратить на него внимания должного и, побывши в нем, опять низойти в обычное круговращение движений души и тела. Возбуждение не завершает дела обращения

грешника, а только зачинает и после него предложит труд над собою, и труд очень сложный. Все, впрочем, относящееся сюда совершается в двух поворотах свободы: сначала в движении к себе, а потом от себя к Богу. В первом человек возвращает себе потерянную над собою власть, а во втором себя приносит в жертву Богу — жертву всесожжения свободы. В первом доходит он до решимости оставить грех, а во втором, приближаясь к Богу, дает обет принадлежать Ему Единому во все дни жизни своей.

Восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению

а) Восход до решимости оставить грех

Сама ли собою посетит кого благодать или взывает кто ее и обрящет — состояние, в которое поставляет она человека в первом своем действии на него, в том и другом случае одинаково. Возбужденный поставляется благодатию в среднее между грехом и добродетелию состояние. Она извлекает его из уз греха, лишив сей последний власти определять его к действию, как бы против воли, но не переводит его на сторону добра, а только дает ощутить его превосходство и отрадность с чувством обязательства быть на его стороне. Че-

ловек стоит теперь точно между двумя распутьями, и ему предлежит решительный выбор. Св. Макарий Египетский говорит (Сл. 1, о хранении сердца, гл. 12, стр. 451), что и приходящая к нему (человеку) благодать нимало «не связывает его воли принуждающею силою и не делает его неизменным в добре, хотя бы он хотел или не хотел сего. Напротив того, и присущая в человеке Божия сила дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека, согласуется ли или не согласуется она с благодатию». С сей минуты начинается сочетание свободы с благодатию. Совне воздействовала благодать — и состоит совне. Входит она внутрь и начинает обладать частями духа не иначе, как когда желанием своим открывает ей человек вход в себя, или отверзает уста к принятию ее. Возжелает человек — и она готова с помощью. Сделать или утвердить в себе доброе сам человек не может, но желает его и напрягается; ради же сего желания благодать укрепляет за человеком желаемое добро. Все так и будет идти до окончательного возобладания человека над собою в видах добра и богоугождения.

Все, что должен сделать человек в сем труде над собою, или как дойти до решимости, есть

то же, что обыкновенно бывает, когда решаемся на какое-либо дело или предприятие. Обыкновенно после того, как родится мысль что-либо сделать, мы склоняемся на эту мысль желанием, удаляем препятствия и решаемся. То же и в решимости на христианскую жизнь, надо: а) склониться желанием на нее, б) удалить препятствие внутри образованию решимости и в) решиться. Хотя действие благодати поставляет дух в возбужденное состояние, но все же внушение ее переменить жизнь есть только помышление, хотя более или менее живое: «не оставить ли грех» или «надо оставить». Пробудившийся от сна видит, что пора и надо встать, но чтобы встать, должен употреблять особые усилия, делать особые движения разными частями тела. Он напрягает мышцы, сбрасывает то, чем прикрыт, и встает.

Итак, восчувствовав в себе благодатное возбуждение, спешి склонить на его требования свою волю, согласишься на его внушение, что тебе, безответному перед Богом и нечистому, необходимо исправиться и приступить к этому *сейчас же*.

У того, кто искал благодатной помощи и теперь чувствует посещение ее, такое желание должно быть присуще — оно уже и руководи-

ло его во всех указанных трудах; но в состав его, или к его совершенству, и здесь прибавляется нечто. Есть желание мысленное: ум требует, и человек себя нудит; такое желание направляет приготовительными трудами. Есть желание сочувственное; оно зарождается под действием благодатного возбуждения. Есть, наконец, желание деятельное — согласие воли сейчас приступить к делу востания от падений; ему должно образоваться теперь, по благодатном возбуждении. И вот первое дело возбужденного по возбуждении.

Что не всякий возбужденный приступает к делу перемены жизни на лучшее, это всякому известно, как и не всякий проснувшийся тотчас встает, а бывает, что несколько раз снова засыпает.

Благодатное возбуждение, с одной стороны, поставляет человека в льготное и живое состояние, а с другой — предъявляет требования довольно стеснительные. Кто теперь более приляжет к первой стороне, тот может позволить себе парение мыслей и преждевременно предаться радости жизни, как будто уже все имеется, что следует иметь. Эта льготность, себе данная, не даст обратить должного внимания на происшедшее, а сопряженное с тем

рассеяние внутреннее скоро охладит, — и благоприятное время и состояние пропущено. Опять настает обычная дебелость, при которой не совладаешь с собою. Кто, напротив, прелегает более ко второй стороне, тот может позволить себе несколько поосвободить себя из этого стеснения, как дитя сбрасывает повязку с раны с целительным пластырем потому только, что она теснит. При этом иной, чтобы развеять мрачные, как ему кажется, мысли, берет-ся за невинные будто бы развлечения — беседы, чтения; а иной подвергает исследованию родившееся томительное чувство, чтобы доискаться, отчего и как могло оно образоваться. Там — сторонние впечатления, а здесь — разлагающее действие исследования изглаждают спасительное изменение, происшедшее внутри. От сего и этот ниспадает, наконец, в обычную, неподвижную дебелость.

Кажется, и не следовало бы этому быть, а бывает, потому что и благодатные возбуждения находятся в разных степенях и обстоятельствах, в которых они приходят, могут быть таковы, что заслонят важность и цену явления их внутри. Премудрая благодать попускает это, искушая свободное произволение человека. Вот почему и говорим: коль скоро восчувство-

вал ты благодать возбуждения, сознал, что это — оно, а не другое что, то спеши склонить на его внушения волю твою. А для сего:

а) поверь в простоте сердца, что это от Бога, что Сам Бог зовет тебя к Себе, Сам приблизился к тебе, чтобы произвести в тебе спасительное изменение.

б) Поверив, не позволяй себе пропустить и это действие милости Божией бесплодно. Только возбуждение сие дает силу преодолеть себя. Отойдет — сам себя не одолеешь. А придет ли еще — сказать не можешь. Может быть, в последний раз является тебе это снисхождение. После него впадешь в состояние ожесточения, а из него — в нечаяние и отчаяние.

с) Употребляй старание и усилие, сколько можно, удержать себя в том спасительном состоянии, в котором ты поставлен. Как горючее вещество, если его долго держать перед огнем, не только согревается, но и загореться может, так естественно может возгореться желание благодатной жизни, если подольше продержат себя под действием благодати.

д) Посему отстрани все, могущее погасить этот зачинающийся огонек, и окружи себя всем, что может питать его и довести до пламени. Уединись, молись и с самим собою пораз-

мысли, как быть. Тот порядок жизни, занятий и трудов, какой указан уже и который проходить принуждал ты себя, ища благодати, есть самый благоприятный и для продления в себе ее начавшегося действия. Лучшие же из них в этом случае — уединение, молитва и размышление. Уединение будет собраннее, молитва глубже и размышление действеннее. Рассуждай с собою, проходи все мысли, какие и прежде собирал ты, пытаясь прогнать ослепление, нечувствие и нерадение. Пусть теперь этих трех нет уже, но тебе предлежит разжечь желание, начать дело сейчас. На это и обрати все действие. Теперь рассуждение твое с собою будет не то, что было прежде. Без возбуждения оно обычно уклоняется в общность; теперь, напротив, подражая благодати и под руководством ее, оно все будет относить прямо к тебе самому, без всяких извинений и уклонений, будет обращать к тебе предметы сторонами, наиболее могущими действовать на тебя. Потому, собственно, ты в сем случае не только размышлять будешь, сколько переходить от ощущения к ощущению.

Вот в этом-то труде твоём над собою при помощи благодати и произнесется, наконец, в сердце Единому Богу и тебе слышное слово:

«надобно же, наконец; итак, сейчас начну». Видимо, что это есть заключение; но по каким законам и из каких положений оно выводится, никакая наука определить не может. Все предметы рассуждений предыдущих могут быть ведомы ясно, а заключения того может и не быть. Бывает даже так, что иной все те предметы так сильно излагает в слове, что от действия их десятки и сотни доходят до того заключения, а у него самого оно не произносится в сердце. И того никто не может сказать, кто тут действующий — благодать или свобода, ибо бывает, что благодатное действие туне проходит и все усилия свободы остаются бесплодными. И та и другая сочетаются непостижимым для нас образом, сохраняя, однако ж, каждая свою природу. Можно так сказать: свобода предает себя, благодать приемлет и проникает ее. Отсюда — сила желания: «так, сейчас за дело».

Вот, наконец, склонился человек на сторону добра, готов вступить на этот святой путь, готов ходить в добрых делах богоугождения; но в это мгновение вся бездна зла, крывшаяся в сердце, возмещается, как прах, и стремится опять покрыть всю душу. В минуту возбуждения и склонения грех молчит, как будто не до

него касается то, что происходит у человека; но теперь, когда хотят его поправить, он, тысячеглавый, как называет его св. Лествичник, тысячи воплей испускает на человека, замышляющего сие. Подобно тому, как пробудившийся пока думает еще только встать, — все в теле у него спокойно. Но лишь только положит он встать самым делом и мало напряжет мышцы — все боли в теле, которые дотоле не беспокоили, теперь дают о себе знать и поднимают жалобы. Так и у склонившегося на благодатный зов греховные боли молчат, пока он доходит до сего склонения; но как только положит он приступить к делу, все эти немощи поднимают тревогу — сильную и смутительную. Помысл за помыслом, движение за движением поражают бедного человека и влекут назад; нападая без всякого порядка со всех сторон, охватывают душу и погружают ее в волнении своем. Все доброе у человека держится как бы на волоске, и сам он поминутно готов оторваться от того, чем держится, и снова погрузиться в ту же среду, из которой восхотел выйти. Одно спасает его — та сладость, льгота и отрада, которые вкусить удостоился он в момент возбуждения, и та крепость, которую ощутил он, когда изрек в сердце: «Итак, сей-

час начну». Кто видел, как малая искра туда и сюда носится в дыме, но все еще как бы стоит за себя, или как малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверх, то вниз, то вправо, то влево, — тот имеет в этом образ того, что бывает в сию минуту с благим желанием человека. Не в душе только смятения, но и кровь вся волнуется, бывает даже шум в ушах и туман в глазах. Нетрудно понять, что такое восстание не от греха только, живущего в сердце, но паче от родителя всех грехов — дьявола, который не может оставаться покойным, когда появляется такой возмутитель в его царстве. Святитель Тихон говорит: «Когда грешник, благодатию Божиею подвигшись, начинает каяться, то сретает его различное искушение. Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его женет и отвлекает от Христа, запинаят и различные простирает сети». У нас рассказывают о привидениях — и страшных, и прелестных, какие встречают добыватели какого-то цветка для отыскивания кладов; этот психологический миф лучше всего изображает все хлопоты дьявола, чтобы отвлечь человека от доброго намерения купить бисер многоценный или достать сокровище, сокрытое на селе.

Здесь-то предлежит человеку сильная борьба с собою, как бы генеральная битва с грехом. Здесь он должен решительно пленить и поразить врага своего, наступить на сего змия, связать и всю его силу истощить. На успешном одолении греха здесь основывается надежда и действительность всех последующих его одолений в его восстаниях частных. Все, что здесь происходит, определить нет возможности, по разнообразию действующих лиц. Главные, впрочем, пункты или обороты сей брани указать нетрудно, больше, однако ж, в пособие борющимся, нежели в интересах знания.

Видимо, что в душе нет точки опоры: она вдается, хотя еще цела, не разбита в своем добром намерении, вспомоществуемая благодатью Божиею. И кто другой поддержит, кто установит ее? Вот почему теперь наипаче предлежит ей вопиять к Богу усиленно, как вопиет утопающий. Враг схватил и поглотить хочет — вопий, как Иона во чреве китове или утопающий Петр. Видит Господь нужду твою и труд — и подаст руку помощи, поддержит и установит тебя так, как следует быть воину, выступающему на брань.

Вот где опора! Всего опаснее, если душа вздумает обрести ее в себе самой; тогда она все

потеряет. Зло опять одолеет ее, затмит этот слабый еще в ней свет, погасит сей едва зажегшийся огонек. Душа знает, сколько она бессильна одна; потому, ничего не ожидая от себя, пусть падает в унижении перед Богом, пусть в сердце своем обратит себя в *ничто*. Тогда вседейственная благодать из сего *ничто* сотворит в ней все. Кто в конечном самоуничтожении полагает себя в руку Божию, тот привлекает к себе Его, сердобольного, и сильным становится Его силою.

При всем том, однако ж, от самоуничтожения не должно ниспадать до расслабления душевного и, предав себя Богу, вместе с тем предаваться бездействию. Нет, всего ожидая от Бога и ничего от себя, должно и самому напрягаться к действию и по силе действовать, чтобы было к чему прийти Божественной помощи, было что осенить Божественной силой. Благодать уже присуща, но она будет действовать вслед за своеобразными движениями, восполняя бессилие их своею силою. Итак, став твердою ногою в самоуничтоженном молитвенном предании себя в волю Божию, и сам действуй, не расслабляясь.

Действуй против греха вообще, но особенно против коренных его возбудителей. Когда

все мятется в душе, и помыслы, как привидения какие, стоят и объемлют ее, со всех сторон устремляя стрелы в самое сердце, — нетрудно заметить главных, так сказать, поджигателей зла. За множеством частных воителей стоят там, на самом заду, воители главные, отдающие приказания, заведывающие всеми распоряжениями, всем ходом войны. Это и суть коренные возбудители греха. На них и надо устремить все внимание, против них прямо вооружиться, их побороть и уничтожить. Когда они будут побеждены, мелкие воители рассеются сами собою.

Какие это главные возбудители греха и главные воители в защиту его, это указал Спаситель, когда призывал идти вслед Себя (Мк. 8: 34–38). Кто хочет идти вслед Меня, говорил Он, *да отвержется себе* — отворотится от себя, сочтет себя будто чужим для себя, не стоящим внимания и сочувствия, за которого стоять не стоит. Это предполагает, что в сердце грехолюбивом постоянно живет и качественно противоположное сему расположение — саможаление, как оно и есть на самом деле. Человек-грешник обходится с собою, как мать с нежно любимым детищем: жаль в чем-нибудь отказать себе, в чем-нибудь поперечить; не

может одолеть себя, чтобы в чем-нибудь поднять на себя руку. Далее Спаситель обязует отказаться от всего, что в мире, для спасения души: *кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою?* Мир есть совокупность вещей вне нас — видимое, осязаемое, чувственное. Следовательно, приведенное обязательство предполагает в сердце человека склонность к вещественному, падкость на осязаемое, некоторую страсть питать себя и услаждать только видимым, чувственным. И действительно, в грехолюбце качеству чувственности: не имеет он вкуса к невидимому и духовному, а все чувственное так известно и так переиспытано. Потом внушает Господь, чтобы не стыдились Его в роде сем прелюбодейном и грешном. Это заставляет предполагать в грехолюбивом сердце стыдение людей, в ущерб добру и правде. Так оно и есть. Живет обычно человек этою ненарушимостью заведенного вокруг порядка, или установившихся отношений, оттого робеет поколебать их и для поддержания их готов бывает скорее покривить душою, нежели сделать кому-либо что наперекор, не уважить, войти в неприятности. Это — *человекоугодие*: «что скажут и как быть, если придется разорвать связи?» Должно быть,

это самая чувствительная уза греха, если для того, чтобы разорвать ее, он угрожается за сей стыд пристыждением на всеобщем суде: *Иже аще постыдится Мене и словес Моих в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми.* Это заключительное обращение к веку грядущему указывает в грехолюбивом сердце отсутствие чувства будущей жизни, заставляет предполагать, что той жизни для него будто нет, а оно все погружено в жизнь настоящую. Так это и есть. Живет обычно человек на земле, будто тут вечно жить, а о будущем забывает; знает счастье только земное, и все цели сходятся у него в одном, как бы здесь хорошо прожить, а что дальше будет, о том и думки нет. Итак, *саможаление, чувственность, человекоугодие и земность* (что только и жизни, что на земле) суть характеристические черты грехолюбивого сердца — следовательно, и коренные возбудители греха и главные за него воители. Самим нам грешным и не открыть бы их, и если бы не указал их Спаситель, конечно, мы и не знали бы их. Теперь же, когда они открыты, видно, что так, кажется, и быть должно. Человек, падший от Бога, обратился к себе — и наказан

саможалением: это выходит из главного свойства грехопадения. Падший расстроился в себе, из духа ниспал в плоть — и томится в чувственности. Главное поприще, на котором раскрывается и свирепствует грех, — это общество человеков грешащих, с такими порядками и соотношениями между ними, кои питают и поддерживают грех. Когда во всех сих оброках греха все идет благополучно — вот и счастье. Но как такого рода течение дел может быть только в сем веке, будущий же век требует совсем иного, то о нем и помышления нет — оно не вмещается в голове и, тем более, не находит сочувствия в сердце.

Так вот эти-то корни грехов и являются возбудителями всех помыслов, восстающих на человека, когда он готов сделать движение из области греха на сторону добра, — поднимают весь рой искусительных помышлений, смущающих, ужасающих, пресекающих. *Саможаление* вопит: «Что это за жизнь? Впереди видится один труд, тяготы, скорби, лишения, которым конца не видно; иди, как среди терний по колючкам голыми ногами, — поминутные уязвления!» *Чувственность* подает голос: «И ту вещь оставь и другую, и то перестань делать и другое, — словом, все, в чем я находила вкус, —

а занимайся только духовным! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно». *Что скажут?* — Сочтут странным и чуждаться станут; между тем надо порвать и ту, и ту связь — как же быть после? А вот с этой стороны и вражды еще жди. Это вопль *человекоугодия*. А вот вопль *земляности*: «Будущее, конечно, будет — кто против этого спорит, — но ведь далеко еще, а тут-то как прожить? Живали же другие... Земное мы знаем, а там что? Это — в руках, а то — где оно?»

Да, приступит человек работать Господу, все это и завопит на него. И добро бы это были легкие какие-нибудь помышления, а то нет: они проходят до глубины души, поражают и влекут на свою сторону так, как если бы кто зацепил удою за живое тело и тянул к себе. Что тут делать человеку?

Помощь близ... Ты только усилия употребляй — и одолеешь, но употребляй усилия целесообразно. Молитвенно утвердившись, как сказано, в самоуничиженном предании себя воле Божией и вседействию благодати, —

а) спеши прогнать все эти помыслы из души, вытесни их из сознания особым напряжением самодеятельности, втесни их опять в то сокровенное место, из которого они вышли, и воз-

врати покой сердцу, потому что пока не успокоится сердце, ничего нельзя будет делать дальше. Для сего на первый раз не занимайся с ними нисколько и не вступай в беседу, хоть бы и не мирную. Толпа необразованных скоро разбегается, если поступить с ними сурово с первого раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему — они набираются смелости и делаются настойчивее в своих требованиях. Так и толпа искусительных помыслов становится безотвязнее, если позволить им сколько-нибудь замедлить в душе, а тем более если войти с ними еще и в переговоры. Но если их с первого раза оттолкнуть сильным напряжением воли, отвержением и обращением к Богу, то они тотчас удалятся и оставят атмосферу души чистою.

б) Но пусть прогнано это мрачное полчище злых помыслов, пусть сердце опять спокойно и стало на душе светло — помнить надобно, что тут для дела своего собственно ничего еще не сделано. Эти враги все еще живы. Они только вытеснены из внимания и, может быть, намеренно скрылись, чтобы в нечаянном нападении в благоприятное время тем вернее возвратить себе победу. Нет, на этом никак не следует останавливаться, иначе ни покоя, ни успеха не

будет. Их надо умертвить, выманить и заковать на жертвеннике самоотвержения. Итак, снова утвердившись в молитвенном предании себя Богу и благодати Его, вызывай каждого из возбудителей греха и старайся отвратить от них сердце и обратить его на противоположное, — этим они будут отрезаны от сердца и должны будут замереть. Для сего дай свободу здравому рассуждению, а по следам его веди и сердце. Просветленное истиною и вспомоществуемое сокровенно действующею благодатию, рассуждение твое: а) пусть сначала представит все безобразие сих, можно сказать, исчадий ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать *отвращение* к ним; б) потом пусть живее изобразит опасность, в какую они ввергают, пусть укажет в них самых злых врагов; ты же подвигни сердце свое возыметь к ним *ненависть*; в) затем пусть полнее изобразит перед тобою всю красоту и сладость жизни, в которую вступить они мешают, всю прелесть свободы от сих тиранов, ты же сердце свое, уже возымевшее отвращение и ненависть к ним, напруги *устремишься* от сих к тем, как елень на источники водные. Этим будет достигнуто требуемое. Коротка программа, но дело совершится, может быть, и не так скоро. Тут означены только стороны,

на какие должно обратиться рассуждение, нить же самого рассуждения — вести и довести до цели надо всякому самому; своеобразному рассуждению видна действенная и сильная мысль в том или другом отношении. Ведать, впрочем, надо, что рассуждение — рычаг, все же дело — в поворотах сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдут в сердце указанные повороты, то мы — у цели.

Этот труд есть самый существенный в деле перелома воли. Надо и энергично производить его, и не отступать; пока сердце не дойдет в сих поворотах своих до последних пределов; последние же пределы суть *противочувствия* греховным возбуждениям — расположения, противоположные коренным требованиям греха. Таким образом, все надо трудиться над собою, пока, вместо *саможаления* не возродится *безжалостность* к себе и непоощаение, не восчувствуется жажда страданий, желание умучить себя, истомить и тело свое, и душу; пока вместо *человекоугодия* не образуется, с одной стороны, *отвращение* от всех недобрых обычаев и связей, некоторое враждебное, с раздражением, противление им, а с другой — *обречение себя* на все неправды и все поношения людские; пока вместо *вкуса* только в одном вещественном,

чувственном, видимом придет *безвкусие* к ним и омерзение и зачнется искание и жаждание одного духовного, чистого, Божественного; пока вместо *земности* ограничения жизни и счастья только землею не исполнит сердца чувство *странничества на земле*, с единственным стремлением к отечеству небесному.

Когда образуются такие расположения, тогда все опоры греха будут подорваны. Он теряет стойкость и власть определяющую, которая переходит теперь к самому человеку. Грех извергнут вон, стал вне. С сей минуты он уже будет искушающим, а не определяющим. И всякий раз стоит только привести в движение стяжанные теперь противочувствия ему, чтобы прогнать его. Из сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь труд: им образуется внутри нас из нас новое лицо, с решительным отвращением от зла и направлением к добру — совершается перелом воли, вследствие которого все в нас должно принять новый порядок.

Вот человек стоит уже на самом краю области греховной — ничто не отделяет его от страны света, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадno на душе; она готова воспарить к Богу. Но коварство врага еще не истощилось.

Еще есть у него стрела, которую приберег он к последней минуте. Только что душа напряжет свои силы, чтобы сделать последний шаг из области самоугодливого греха, как поражает ее внимание жалобный вопль: «Еще денек, и довольно — завтра переступишь сию границу». Потому ли, что в предыдущей борьбе душа утомляется и требует отдохновения, или потому, что уж таков закон у греха, только голос сей слышится. Тут нет противления добру, а только прошение — несколько поослабить приобретенное напряжение. Это вопль самый обольстительный: враг стоит будто за нас, умоляет, чтобы мы сжалились над собою, но склонись только мало на сей вопль, на это внушение, и все потеряешь, что приобрел. Тайными какими-то путями те прогнанные возбудители греха прокрадутся к сердцу, без нашего ведома совершат с ним прелюбодеяние — и все расслабят и расстроят, что было задумано, так что, пришедши в себя, человек видит себя на старой линии, как будто ничего и не предпринимал делать над собою. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолевают его — хоть начинай сначала все, что, казалось, уже было пройдено. Поэтому не презирай сего малого будто бы требования: оно мало и ничтож-

но на вид, но на деле есть сокращение всего зла, есть прелестное представление рабства в виде свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Возненавидь его всею ненавистью и, как только заметишь, — а он пролетает быстро, как молния, — спеши изгладить след его так, чтобы и знака его не оставалось. Поставь себя опять в то же состояние, в каком был перед сим, и в том же напряжении внутреннем и внешнем решишь держать себя навсегда. Поразив и сего врага, ты останешься решительным победителем, взявшим себя в свои руки, станешь сам себе полным владыкою.

Таким образом, вслед за возбуждением благодати, *первое* предлежит свободе человека — *движение к себе*, которое она совершает тремя актами: а) склоняется на сторону добра — избирает его; б) устраняет препятствия, разрывает узы, державшие человека в грехе, изгоняя из сердца *саможаление, человекоугодие, склонность к чувственному и земность* и на место их возбуждая безжалостность к себе, безвкусию к чувственному, предание себя позору всякому и переселение сердцем в будущий век с чувством странничества здесь; в) наконец, воодушевляется сейчас же вступить на добрый

путь, нисколько не послабляя себе, а содержа себя в постоянном некотором напряжении.

Таким образом все стихает в душе. Возбужденный, освободившись от всех уз, с полной готовностью говорит себе: *восстав, иду*.

С этой минуты начинается *другое движение* души — *к Богу*. Одолев себя, овладев всеми исходами своих движений, возвратив себе свободу, он должен теперь всего себя принести в жертву Богу. Значит, дело сделано еще только наполовину.

б) Восход до обета посвятить себя Богу

Казалось бы, что все уже сделано, если принята решимость оставить грех и остается только действовать. И точно, можно действовать: но что это будет за деятельность и что за дух в ней? Человек остановился только еще на себе. Если он станет действовать, отправляясь от сей точки, то будет действовать от себя и для себя, хоть и в нравственном порядке. Это будет нравственность эгоистическая, языческая. Есть люди, которые говорят, что делают добро, как добро, — делают это потому, что достоинство человека того требует, или потому, что действовать иначе было бы неблагородно, неблагоразумно. Все такие делатели обличают, что образование в них внутреннего, нравственного

человека не доведено до конца: они возвратились к себе, но от себя к Богу не подвиглись и себя Ему в жертву не принесли — остановились, значит, на полдороги. Цель свободы человека — не в ней самой и не в человеке, а в Боге. В свободе Бог уступил человеку как некую часть Своей Божественной власти, но с тем, чтобы он сам произвольно принес ее в жертву Богу, как совершеннейшее приношение. И потому если возобладал ты собою — иди, отдай теперь себя Богу. Когда грешил ты, то не себя только терял, но, теряя себя, отдалялся и от Бога. Теперь, возвращаясь из греховного плена, после того как возобладал ты собою, возврати себя и Богу.

Казалось бы также, что и обращение от себя к Богу должно быть делом и не трудным, и не многосложным, как, например, обращение с запада на восток. Но ведь грешник, приступающий к Богу, не есть лицо от Него независимое и приближается к Нему не так, чтобы за ним ничего не было. Нет, он то же, что беглый раб, возвращающийся к своему господину, что виновный, являющийся перед лицом царя-судии. Надо посему приступить так, чтобы быть приняту. В человеческих порядках господин принимает раба и царь возвращает милость винов-

ному, когда, приступая к ним, каждый из них сознает вину свою, раскается в ней и даст искреннее обещание быть вперед совершенно исправным.

То же — и в возвращении грешника к Богу. Он будет принят Богом, если: а) сознает свои грехи; б) раскается в них и в) положит обет не грешить. Это — необходимые акты в сердечном воссоединении с Богом, от которых зависят твердость в новой жизни, совершенство в ней и благонадежность неизменного действия по сим требованиям. Блудный сын, возвращаясь к отцу, говорил: *реку: согреших* — сознание греха; *несмь достоин* — окаявание себя; *приими, яко единого от наемник* — обет работать. Итак, возвращаясь к Богу:

а) *познай свои грехи*. И в возбуждении решимости оставить грех знал ты, что грешен, ибо иначе какая нужда замышлять перемену жизни? Но эта грешность представлялась тогда в смутном виде. Теперь надобно определительно разузнать, что именно грешно и в какой степени, — ясно, раздельно, как бы численно узнать свои грехи, со всеми обстоятельствами, умаляющими или увеличивающими греховность действий, — критически пересмотреть всю свою жизнь, с судом строгим и нелицеприятным.

Для сего поставь с одной стороны — закон Божий, а с другой — собственную жизнь, и смотри, в чем они сходны и в чем не сходны. Бери ты свое дело и подводи его под закон, чтобы видеть, законно ли оно; или бери закон и смотри, осуществлен ли он в твоей жизни. Чтобы ничего не опустить в сем важном деле, держись в нем какого-либо порядка. Сядь и припомни все обязанности твои в отношении к Богу, ближнему и к самому себе и потом просмотри свою жизнь по всем сим отношениям. Или — разбирай заповеди десятисловия и заповеди о блаженствах, одну за другою, со всеми их приложениями, и смотри — такова ли твоя жизнь. Или — читай главы Св. Евангелия от Матфея, где Спаситель излагает закон собственно христианский, также послание св. апостола Иакова, последние главы посланий св. апостола Павла, в которых сокращенно излагаются обязательные для христианина дела, например — с 12-й главы послания к Римлянам, с 4-й главы послания к Ефесянам, и проч. Последние особенно важны тем, что изъясняют дух христианского жития. Сей дух ясно и сильно выражается и в 1-м послании св. Иоанна Богослова. Читай все это и поверяй жизнь свою, такова ли она.

Или, наконец, возьми чин исследования исповеди и по нему обсуди свое поведение. Жизнь свою и дела рассматривай не как только дела человека как человека, но как дела человека-христианина, и притом в определенном звании и состоянии.

Вследствие такого пересмотра своей жизни откроется бесчисленное множество дел, слов, помышлений, чувствований, желаний незаконных, коим не следовало быть, а они допущены, — множество таких, кои следовало сделать, а они не сделаны, да немалое число и из деланных по закону окажутся оскверненными по нечистоте побуждений. Соберется всего этого бесчисленное множество, а может быть, и вся жизнь окажется составленною из одних дел недобрых. Главное, что надобно иметь в виду на сей первой степени познания своей греховности, — это есть точная определенность дел. Как послужной список пишется с численною определительностию, так и список дел своих каждый в уме своем должен вообразить с такою же определенностию — со всеми обстоятельствами времени, места, лиц, препятствий и проч. Если самоиспытание у нас остается бесплодным, то это потому, что мы делаем только общие обзоры.

При всем том, однако ж, на сих дробностях останавливаться не должно, а надобно проходить далее по пути греха, или глубже входить в греховное сердце. Под делами, словами, частными помышлениями, пожеланиями и чувствами лежат постоянные расположения сердца, составляющие характеристические черты наши. Иные дела наши случайно прорывались, иные же исходили из сердца, и с такою силою, что их остановить не было силы, — а иные делались непрестанно, обратились как бы в закон. Такое рассмотрение даст нам знать, каких дел производители скрываются в сердце и рождают постоянный, оттуда возникающий, позыв на них. Это и суть склонности греховные. Раскрывая их, мы разоблачим строй нашего сердца, число и взаимное сочетание склонностей его. Когда это будет сделано, не может укрыться и главная, всем заведывающая страсть. Известно, что корень всех грехов есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корыстность, сластолюбие, а от этих — все другие страсти, между которыми главных считают восемь, а прочим, производным, и числа нет. У всякого грешника есть все страсти — иные на деле, другие в зародышах, потому что у всякого, кто грешит, заправляет делами са-

молюбие — семя всех страстей, или склонностей греховных. Но не у всякого все они раскрываются в равной степени: у одного преобладает гордость, у другого — сластолюбие, у третьего — корыстность. И гордый не чужд чувственных удовольствий — но ничего, если и не придется иметь их. И своекорыстный думает о себе высоко — но ничего, если иногда из выгод придется поступить и низко, и сластолюбец любоимателен — но ничего и ущерб, если им покупаются утехы. Так у всякого одна главная страсть. Все другие стоят в тени, в подчинении ей и ею управляются, не смея властно действовать наперекор главной страсти. Все склонности и порочные привычки, открытые уже человеком в себе, оттеняются одною какою-либо страстию и ею воодушевляются. Она есть то, в чем наиболее качественно и воплощается в его лице корень всех зол — самолюбие. Познанием ее и должно завершиться сознание своей греховности.

Так, наконец, познаешь и корень своей греховности, и ближайшие его порождения — склонности, и порождения дальнейшие, многочисленные дела, — вообразишь всю историю своей грешности и напишешь ее, как на картине.

б) Познав свою грешность, не будь холодным ее зрителем, но старайся возбудить и соответственные ей спасительные *чувства сердечного раскаяния*. Казалось бы, что чувства эти тут в тебе и родятся, как только познаешь грех, а на деле не всегда так бывает. Сердце грубеет от греха. Как чернорабочий грубеет от своей работы, так грубеет и человек-грешник, сам себя продающий в черную работу греху — копать рожцы и питаться ими. Потому и здесь надо работать над собою, чтобы раздражить чувства раскаяния.

К сим чувствам переходят через чувство *виновности* в грехах и безответности в них. Чувство виновности стоит на середине между познанием грехов и покаянными чувствами и само посредствуется *обличением себя*.

Начни же прежде *обличать себя* — и обличи. Устрани все из внимания и оставь себя одного со своею совестью перед лицом Бога-Судии всевидящего. Раскрой, что ты знал, что не должно, — и, однако ж, похотел; мог и похотевши отстать — и не употребил в свое благо своего самовластия; и разум и совесть были против, и совне препятствия были, но все эти вразумления презрены тобою. Так сделай в отношении к каждому греху. Увидишь, что вся-

кий грех делан самоохотно, с сознанием его грешности и еще с усилием в преодолении препятствий, — и совесть заставит тебя беспрекословно сознаться в виновности. Лукавство грешного сердца начнет, может быть, изобретать извинения — то в немощи естества, то в силе темперамента, то в стечении обстоятельств, то в напоре житейских отношений — не слушай. Все это могло усиливать влечение ко греху, но согласия на грех никто никогда вынудить не может, — оно всегда есть дело произволения. Сказать бы: «Не хочу», — и всем искушениям конец! Наперекор этим непщеваниям *вины о гресех*, раскрой пополнее твои личные отношения: кто ты, где, когда и как грешил, чтобы открыть, сколько грешен грех именно твой, в твоем лице и в твоих обстоятельствах, — и во всем увидишь не поводы к извинениям, а моменты, увеличивающие твою виновность. Предел, до которого должно доводить дело самообличения, есть чувство безответной виновности, — состояние, в котором скажется в сердце: «Ничего не имею в оправдание — виноват».

В этом действии обличения совестью человек утвердит за собою один грех за другим, и скажет: «И в том виноват, и в другом, и в тре-

тьем; во всем, во всем виноват», — облечется в свои грехи и станет чувствовать, что они лежат на нем всей своею тяжестью. В познании грехов можно еще представлять их вне сущими; в обличении же они зрятя внутрь именно нас самих и тяготят, и тем больше тяготят, что мы безответны в них. Дошедши до сего пункта, что остается сказать грешнику, кроме: *окаянен аз!* И то не хорошо, и это худо, я сам виноват в том, что это не хорошо и что оно во мне есть.

Как только произнесет человек в сердце своем: *окаянен аз*; — тотчас начнут возрождаться в нем, одно за другим, болезненные чувства раскаяния в грехах. Ему и *стыдно*, что вдался в такие низкие дела, и *досадно*, что поблажил себе и поддался своему злему произволу, и *болезненно*, что довел себя до такого нравственного расстройства, и *страшно*, что оскорбил Бога и поставил себя в такое опасное положение и во времени, и в вечности. Чувства сии сменяются одно другим, и человек горит в них, как в огне. Он зрит себя висящим над бездною и в чувстве нисходит до состояния отверженных. Безотрадное томление дает проход и чувству безнадежности. И вот точка, на которой схватывает иногда человека-грешника бес от-

чаяния, внушая: *взявшая вина твоя, еже оставшийся тебе.*

В большей или меньшей степени испытывает эти чувства всякий грешник. Нечего жалеть, что они есть, а надобно желать, чтобы они были, и были посильнее. Чем больше горит в них человек и чем сильнее горение, тем спасительнее. В силе сего горения — основание будущей исправности. Тут узнает сердце; сколь сладок плод греха и в этом почерпает крепость отвращаться от обаяний его.

в) Чувства раскаяния, очевидно, имеют разлагающее действие. Слово некое проходит до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судит помышления и мысли сердечные. Но цель, для чего производится сие в человеке благодатию Божиею, не та, чтобы только разорить, но чтобы через разорение старого создать новое. Это новое засеменяется веянием надежды на возможность все поправить. Есть возможность исправить неисправное и возвратить потерянное, только возьмись за дело. Казалось бы, что от чувств раскаяния — прямой переход к обету: «Итак отвергаю грех и даю обещание работать Единому Богу в исполнении Его заповедей». Но дающему такой обет надо быть уверену, что, с одной стороны,

прежняя его неисправность прощена может быть, а с другой — что он может получить силы в помощь к устоянию в обете. Вот почему положение обета работать Господу посредствуется благонадежностью на помилование и на получение помощи свыше; а сия благонадежность производится верою в Господа Спасителя, Коим на кресте рукописание грехов наших разодрано и, по вознесении, поданы нам все *Божественные силы, яже к животу и благочестию.*

Без сей веры и порождаемого ею благонадеяния томимый сокрушительными чувствами раскаяния идет путем иудиным. Вот когда для человека крест Спасителя, действительно, есть якорь! Влаясь, как над бездною, в болезненном сокрушении о грехах, зрит он его единственным спасителем, за него емлется всею силою веры и упования и из него черпает силу воодушевления на положение обета. Как утопающий крепко берется за дерево, так кающийся — за Крест Христов, и чувствует, что уже не погибнет. Обыкновенно мы знаем силу крестной смерти Господа, а прошедший это болезненное раскаяние во грехах чувствует ее, потому что она становится элементом жизни его.

Итак, томимый чувствами раскаяния и уже колеблемый безнадежностью, подвигаясь к желанному обету, —

а) прежде поспеши воскресить живую веру в силу крестной смерти Христа Спасителя. Все грехи всех людей пригвождены ко кресту, а следовательно, и твои. Оживи сию уверенность, и на сердце твое повеет отрадою, и возникнет оно к благонадежию тотчас, как согреется сею верою.

б) К сему приложи крепкую уверенность и в том, что тебе даны будут силы к исполнению обета, как только приступишь к таинствам. В них никому нет отказа. Затем они и стяжены Господом, чтобы их раздавать. Эта уверенность приведет в напряжение и твои собственные силы и родит готовность усердно работать при такой помощи. Родится ли обет без уверенности в помощи свыше? Но, с другой стороны, придет ли и уверенность эта, если не помышляется об обете? Тут — взаимодействие.

в) И вот, когда произойдет у тебя внутри это сочетание уверенности и готовности, давай обет — *прочее* Единому Богу работать все дни живота твоего. Сей сердечный обет, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, искренно произнесенный, развеет весь мрак, облежавший

душу, и осветит все нити внутренней и все порядки внешней жизни твоей. Здесь заключается завет сердца с Богом во Христе Иисусе. Посему в сем действии прежняя решимость получает истинно христианский характер.

**Облечение силою свыше
на дело богоугождения
в Таинствах Покаяния и Причащения**

Восходом до обета завершается движение кающегося грешника ко Господу. Теперь он делать будет только некоторые шаги к принятию исходящего в сретение его Господа. Блудного сына встретил отец припадением на выю его и облобызанием, в знак всепрощения, затем одел его, как следует, и учредил для него трапезу. а) Всепрощение кающемуся Бог изрекает в таинстве покаяния; б) облакает же его силою и предлагает вечерю в таинстве причащения.

***а) Кающемуся изрекается всепрощение
в Таинстве Покаяния***

После того, как человек-грешник дошел до обета работать Единому Богу, он должен спешить к таинству покаяния. Необходимость сего так велика, что все, сделанное доселе, без него не только останется недовершенным, но и должно пропасть без цены. Весь свой вес, все значе-

ние и силу оно получает только в сем таинстве. Потому-то там, где нет таинства покаяния, нет и живущих истинно по-христиански.

а) Первое, что делает необходимым это таинство, есть некоторая нетвердость внутреннего делания вообще, некоторая его неопределенность и шаткость. Мысли наши, пока еще они в голове, бывают в ходе своем изменчивы, в порядке нестройны, в движении не установлены — и это не только тогда, когда предмет еще не уяснен, но и тогда, когда мы обсудили его хорошо. Но как скоро изложим их на бумаге, то они не только устанавливаются в порядке, но и окончательно уясняются и утверждаются. Точно таким же образом и перемена жизни, внутри только задуманная, одна бывает нерешительна и не тверда, и формы жизни, предначертанные в это время, шатки и неопределенны. Прочную установленность они получают в таинстве покаяния, когда грешник в церкви откроет свои неисправности и утверждает обет быть исправным. Растопленный воск разливается неопределенно; но когда его вливают в форму или налагают печать, из него выходит нечто. И на внутреннего нашего человека надо положить свою печать, чтобы он принял определенный образ. Это делается над

ним в таинстве покаяния: тут запечатлевает его Божественная благодать Духа.

б) Духовную жизнь получает человек от Духа Божия. Благодать Духа сорастворяется с нами, начинает жить и действовать в нас и производит жизнь по духу. В кающемся доселе она действовала совне: совне возбудила его, совне назирала все исправительные движения внутри и содействовала им; но еще не проникла внутрь, не вселилась. Это совершается ею в таинстве покаяния (а у обратившегося в первый раз к Господу — в крещении). Как томимый жаждою от принятия прохладной воды чувствует прохладу и подкрепление, так и горящий в огне раскаяния получает в таинстве покаяния окончательно услаждающую его горести и вместе укрепляющую силу.

в) Что особенно делает необходимым таинство покаяния, так это, с одной стороны, свойство греха, а с другой — свойство нашей совести. Когда мы грешим, то думаем, что не только вне нас, но и в нас самих не остается следов греха. Между тем он оставляет глубокие следы и в нас, и вне нас — на всем, что нас окружает, и особенно на небе, в определениях Божественного правосудия. В час греха решается там, чем стал согрешивший: в книге живота

он внесен в список осужденных — и стал связан на небе. Божественная благодать не низойдет в него, пока на небе не изгладится он из списка осужденных, пока там не получит он разрешения. Но Богу угодно было небесное разрешение — небесное изглажение из списка осужденных поставить в зависимость от разрешения связанных грехами на земле. Итак, прими таинство покаяния, чтобы сподобиться всестороннего разрешения и открыть в себя вход духу благодати. Совесть, теперь возочищенная, возвратившая нежность и чутье к нравственному порядку, не даст покоя, пока решительно не уверимся в прощении. Такова она в обыкновенном порядке нашей жизни: не дает она нам и на глаза показаться к тому, кого оскорбили, пока не уверимся, что он простил нас. В отношении же к Богу она еще разборчивее. Хотя в то время, когда человек возвышается до решительного обета, сходит на него некоторое уверение, что он теперь не противен Богу; но эта уверенность — своя и прочна быть не может, — ее скоро поколеблет сомнение: «Да так ли, да не самообольщение ли это», а сомнение внесет тревогу внутрь, от тревоги же — расслабление. При этом жизнь не будет иметь ни твердости, ни стройности. Итак, на-

добно человеку услышать всепрощение от лица Божия, чтобы, окончательно успокоившись уверенностью в милости Божией, действовать потом решительнее и тверже в этой уверенности. Поди же исповедуйся — и получишь от Бога объявление о прощении.

К спасительной исповеди надо достоительно подготовиться. Кто прошел все сказанное доселе, тот готов. Приступи же с благоговейною верою!

а) Твердо убедившись в необходимости сего таинства, иди к нему — не как к какому-либо придатку в перемене жизни твоей или простому обычаю, а с полною верою, что для тебя, как грешника, это — единственно возможный путь спасения; что, минуя его, ты пребудешь в числе осужденных и, следовательно, вне всяких милостей; что, не вошедши в сию лечебницу, не возвратишь здоровья духу своему и останешься, как был, больным и расстроенным; что не увидишь царствия, если не войдешь в него дверью покаяния.

б) Такими убеждениями возроди в себе желание сего таинства. Приступай к нему не как к месту заклания, а как к источнику благ. Кто живо вообразит себе тот плод, который рождается в нас от исповеди, тот не может не стре-

миться к ней. Идет туда человек весь в ранах, от главы до ног нет целости, — а оттуда возвращается здоровым во всех частях, живым, крепким, с чувством безопасности от будущих зараз. Идет туда под тяжелым бременем — вся сумма прошедших грехов на нем, она мучит и отнимает всякий покой у него, — а оттуда возвращается облегченный, обрадованный, в отрадном расположении духа, что получил хартию всепрощения.

в) Будут приражаться стыд и страх — пусть! Тем и вожделенно должно быть сие таинство, что наводит стыд и страх; и чем больше будет стыда и страха, тем спасительнее. Желая сего таинства, желай большего устыждения и большего трепета. Кто решается лечиться, разве не знает о болезненности лечения? Знает; но, решаясь на лечение, он вместе с тем определяет себя и на сопряженные с ним страдания в надежде выздоровления. И ты, когда томился в нашедших на тебя чувствах раскаяния и порывался приблизиться к Богу, не говорил ли: «Все готов перенести, только помилуй и прости!». Вот и случилось по твоему желанию. Да не смущают же тебя находящие стыд и страх — они твоего ради блага сопряжены с этим таинством. Перегоревши в них, больше окреп-

нешь нравственно. Горел уже ты не раз в огне раскаяния, погори и еще. Тогда один горел ты перед Богом и совестью, а теперь погори при свидетеле, от Бога поставленном, во свидетельство искренности того уединенного горения, а может быть, в восполнение неполноты его. Будет суд, и на нем стыд и страх отчаянные. Стыд и страх на исповеди искупают стыд и страх *тогдашние*. Не хочешь тех — перейди эти. Притом всегда так бывает, что, по мере тревоги, какую проходит исповедающийся, избыточествуют в нем и утешения по исповеди. Вот где Спаситель воистину являет Себя успокоителем труждающихся и обремененных! Искренно покаявшийся и исповедавшийся опытно сердцем ведает сию истину, а не верую одную приемлет.

г) Затем, припомнив снова все содеянные тобою грехи и возобновив созревший уже в тебе обет не повторять их более, восставь живую веру, что стоишь перед Самим Господом, приемлющим исповедание твое, и рассказывай все, ничего не утаив из того, чем тяготится совесть твоя. Если ты приступил с желанием устыдить себя, то не будешь укрывать себя, а изобразишь сколько можно полнее твою срамоту в падкостях на грехи. Это будет служить

к насыщению твоего сокрушенного сердца. Надобно быть уверенным, что всякий сказанный грех извергается из сердца, всякий же грех утаенный остается в нем тем в большее осуждение, что с этою раною грешник был близ Врача всеисцеляющего. Утаив грех, он прикрыл рану, не жалея, что он мучит и расстраивает его душу. В повести о блаженной Феодоре, проходившей мытарства, говорится, что злые обвинители ее не находили в хартиях своих записанными те грехи, в которых она исповедывалась. Ангелы потом объяснили ей, что исповедь изглаждает грех из всех мест, где он обозначается. Ни в книге совестной, ни в книге животной, ни у этих злых губителей не числится уже он за тем человеком — исповедь изгладила эти записи. Извергни же без утайки все, тяготящее тебя. Предел, до которого надо довести открывание своих грехов, тот, чтобы духовный отец возымел о тебе точное понятие, чтобы он представлял тебя таким, каков ты есть, и, разрешая, разрешал именно тебя, а не другого — чтобы, когда скажет он: «прости и разреши кающегося, о нихже содела согрешениях», — в тебе не оставалось ничего, что не подходило бы под эти слова. Хорошо делают те, кои, готовясь к исповеди в первый раз пос-

ле долгого пребывания во грехах, находят случай предварительно переговорить с духовным отцом и рассказать ему всю историю жизни своей греховной. Таким нет опасности забыть или пропустить что-либо в смятении во время исповеди. Всячески стоит позаботиться о полном открытии грехов своих. Господь дал власть разрешать не безусловно, а под условием раскаяния и исповеди. Если это не выполнено, то может случиться, что тогда, когда духовный отец будет произносить: «прощаю и разрешаю», Господь скажет: «а Я осуждаю».

д) Вот исповедь кончена. Духовный отец поднимает епитрахиль, покрывает им голову кающегося и, держа на ней руку, произносит разрешение во всех грехах, запечатлевая его крестным по главе знамением. Что происходит в это мгновение в душе, известно всякому, искренно каявшемуся. Потоки благодати от главы разливаются в сердце и преисполняют его отрадою. Это — не от человеков, ни от кающегося, ни от разрешающего: это тайна Господа Целителя и Успокоителя душ... Бывает при этом, что у иных в сердце внятно слышится какое-либо Божественное слово в укрепление и воодушевление на будущее делание. Это как бы духовное оружие, вручаемое

от Христа Спасителя человеку, который теперь вступает в число воинствующих под Его знаменем. Кто сподобился услышать такое слово — пусть хранит его потом, как успокоительное и воодушевительное; успокоительное, ибо явно, что исповедь принята, когда Господу угодно было вступить как бы в беседу с кающимся; воодушевительное, потому что в час искушения стоит только припомнить его, и откуда сила возьмется!.. Воины на брани чем воодушевляют себя? Тем словом из речи полководца, которое сильнее подействовало. Так и тут.

е) Тем все завершается... Остается припасть к Богу в чувствах благодарения за неизреченные Его милости и поцеловать Крест и Евангелие в знак обета — идти неуклонно путем, указуемым в Евангелии, с самораспинанием, идти в след Христа Спасителя, как описано в Евангелии, под благим игом Его, теперь только взятым на себя. Совершив это, иди с миром, в намерении непременно действовать по тому, как обещал, памятуя, что суд с этих пор над тобою будет уже от слов твоих. Положил обет — держи его; запечатлел его таинством — тем более будь верен ему, чтобы не попасть опять в разряд попирающих благодать.

ж) Духовный отец наложит на тебя епитимию, прими ее с радостью. А если бы духовный отец не наложил, то проси наложить. Это будет не только напутствием тебе в добрый путь, на который вступаешь, но и защитой и прикрытием от сторонних враждебных действий на тебя в новом порядке жизни твоей. Вот что пишет об этом святейший патриарх Константинопольский в ответ лютеранам: «Отпущение грехов мы сопровождаем епитимиями по многим уважительным причинам. Во 1-х, для того, чтобы через добровольное злострадание *здесь* грешнику освободиться от тяжкого невольного наказания *там*, в другой жизни, ибо Господь ничем столько не умилощивляется, как страданием, и тем более страданием добровольным. Потому и св. Григорий говорит, что за слезы воздается человеколюбием. Во 2-х, для того, чтобы истребить в грешнике те страстные вожделения плоти, которые порождают грех, ибо мы знаем, что противное врачуется противным. В 3-х, чтобы епитимия служила как бы узами, или уздой для души и не давала ей снова приниматься за те же порочные дела, от которых она еще только очищается. В 4-х, для того, чтобы приучить к трудам и терпению, ибо добродетель есть дело трудов. В 5-х, для того, чтобы

нам видеть и знать, совершенно ли кающийся возненавидел грех».*

Кто проходит весь этот курс врачевания духовного, как должно и, главное, без утайки исповедует свои грехи, тот возвращается из дома Божия — как возвращаются из судебного места виновные, кои, вместо приговора на смерть, услышали там объявление помилования и забвение их преступлений, — возвращаются с глубочайшим чувством благодарения к Спасителю душ наших, с твердою решимостию посвятить Ему и исполнению заповедей Его всю остальную жизнь, с крайним отвращением от всех прежних грехов и неудержимым желанием изгладить все следы прежней недоброй жизни. Получивший разрешение чувствует в себе, что он не празден, что его посетила особая некая сила. Божественная благодать, которая доселе только совне действовала на него в помощь ему в победе над собою, теперь со словами: «прощаю и разрешаю» — вошла внутрь, срастворилась с его духом и исполнила его огненностию и стремительностию, с которыми и исходит он теперь на дело и на делание свое до вечера жизни своей.

* Христ. Чт. 1842 г., т. 1, стр. 244.

б) Кающийся приступает к Таинству Святого Причащения

В притче о блудном сыне отец, приняв возвращающегося к нему с раскаянием сына, после того, как падши на выю его, облобызал его в знак всепрощения, повелел одеть его и приготовить вечерю светлую и отрадную. Родительское сердце не довольно было прощением — оно решительнее хочет уверить сына в своем с ним примирении и сильнее выразить, радость свидания с ним по расставании столь горестном. Отецеская любовь дает то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грешник мог ожидать большего чего-нибудь после того, как получил всепрощение? И вот, однако ж, он приглашается еще и на вечерю Господню, где Господь Сам дает ему плоть Свою ясти и кровь Свою пити. Это — венец щедродательности к обращающемуся грешнику и, однако ж, не избыток, а существенная необходимость в воссоединении с Господом.

Жизнь христианская есть жизнь в Господе Иисусе Христе. Уверовавший облачается во Христа и живет Им. Падший по крещении теряет эту благодать; восставая от падения и возвращаясь ко Господу, ему опять надо сподобиться ее — и сподобляется в Св. Причащении.

Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем, говорит Господь (Ин. 6:56). Тут в кающемся и начало жизни о Христе Иисусе. Господь сказал, что Он есть лоза, а верующие в Него — ветви (Ин. 15: 4–6). Ветвь не живет, если она не на лозе; так и верующие не живут, если не в Господе. Нигде нет жизни истинной, как только в этой лозе. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочет жить истинно, тот должен привиться к ней, принимать от нее соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитие и совершается во Св. Причащении — здесь христианин становится едино с Господом. Когда Господь руководил только грешника к полному покаянию, то толкал лишь в двери сердца; когда же отверзаются они сокрушением и покаянием — Он входит внутрь и вечеряет с причастником.

Теперь человек рождается вновь. Начинается у него жизнь совершенно в новом роде. Жизнь не может продолжаться без пищи, и притом пищи сродной себе. А такого-то рода пища и есть Тело и Кровь Господа. Сам Он сказал: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Ин. 6:55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сию жизнь. Тем паче необходимо вкусить сей пищи

на первых порах, при первых, так сказать, движениях новой своей жизни. Говорят, что первая пища имеет влияние на характер телесной жизни и после составляет постоянную потребность тела. Какой же должен быть характер жизни у покаявшегося? — Жизнь о Христе Иисусе, Господе нашем. Что должно составлять постоянную потребность его? — Потребность общения с Господом. Пусть же спешит на первых движениях сей жизни вкусить Тела и Крови Христовых, чтобы положить, так сказать, основу жизни сообразной со Христом и зародить живую потребность постоянного с Ним общения посредством сего вкушения. Вкушающий, ощутив сладость сей манны небесной, уже не может потом не алкать и не жаждать больше и больше сего вкушения.

Итак, получив помилование и всепрощение в покаянии, приступи к Св. Причащению, для полноты оживления внутреннего твоего человека.

Нет нужды прописывать особые правила приготовления к сему. У покаявшегося есть уже все к тому потребное, и он естественно переходит к причащению. Кто оплакал свои грехи и исповедался, тот готов приступить к сему великому таинству. И апостол ничего бо-

лее не предписывает; он говорит только: *да искушает себя, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет*. Можно сказать: имей то, что есть, или не потеряй того, что имеешь, — и довольно.

По заведенному у нас порядку после исповеди до причащения не много проходит времени: большею частью только вечер, утро и литургия. В эти моменты и позаботиться надобно сохранить благонастроение, принесенное из храма после исповеди, и применить к общению с Господом во Св. Причащении.

а) Храни неразвлеченным внимание и сердце безмятежным. Блюдись рассеяния и смятенных забот и, от всего отстраняясь, войди в себя и пребудь сам с единою мыслью о Господе, имеющем прийти к тебе. Устрани всякое движение мысли и, созерцая Единого Господа, молись Ему неразвлеченною сердечною молитвою.

б) Если мысль не может пребыть в сем едином, — дай ей в занятие размышление о самом причащении; а чтобы она не блуждала много, связывай ее словами Господа и свв. апостолов о сем таинстве.

в) Размышляя о каком-либо изречении Господа или свв. апостолов, извлекай из них на-

зидание и располагай себя к сокрушенной молитве. Когда придет молитва, падай перед Господом и не отступай от молитвы, пока есть молитва.

г) В этих занятиях проводи вечер, пока сон смежит очи. Настанет утро. Как только придешь в себя, проснувшись, прежде всего воскреси сознание о величии наступившего для тебя дня. Но не суетись, не развлекайся многим, имея во внимании только то, что имеет быть с тобою и в тебе. Блюдись! Враг всячески искушать будет, чтобы поставить душу в недоброе состояние, стараясь или мысли рассеять, или заботу о чем породить, или недовольство чем, или неудовольствие на кого возбудить. Внимай себе, молясь ко Господу, и избежишь сих преткновений.

д) Вошедши в храм, чувствуй себя так, как если бы ты был в Сионской горнице, где Господь причащал свв. апостолов, и внимай более чем когда поемому и читаемому, направляя все к тому помышлению, что это для тебя Сам Господь готовит спасительную вечерю.

е) При сем возгревай *веру* в действительное присутствие Самого Господа и Спасителя в Св. Тайнах. Исходя от сей веры и созерцая Самого Господа, уже как бы грядущего к тебе, *само-*

уничижено взывай: *несмы достоин, да под кров мой внидеши*. От самоуничужения переходи к сыновнему страху, не отрезающему, но приносящему благоговейную трезвость. Поелику же Сам Господь и приглашает, и повелевает приступить — будь готов приступить *благонадежно, с желанием и жаждаанием*, как елень на источники водные, и чая с уверенностью принять Самого Господа, а с Ним и все сокровища жизни, в Нем сокровенные. От сего чаяния, которое не посрамит, опять обращаясь на себя, в готовности сретить Господа, сильнее возгрей сердечное *сокрушение* и повтори *обещание* отворачаться от греха, хоть бы для сего и умереть пришлось.

ж) Потрудишься всю литургию простоять, переходя от одного из сих чувств к другому, и в сем благонастроении приступи, наконец, к чаше Господней, узрев которую, воздай поклонение грядущему к тебе Господу и, отверзши уста и сердце, приими Его, смиренно и благоговейно воззвав с апостолом Фомою: *Господь мой и Бог мой!*

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

Приступив с таким расположением к чаше Господней и отходя от нее, ты будешь чувство-

вать в сердце своем: *истинно слово, Божественных причащался благодатей, не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, светом трисолнечным, просвещающим мир.* Отселе ты начинаешь носить в себе Христа. Попекись же усердно успокоить Его всячески и удержать в себе. Если Христос в тебе, кто против?.. И все прочее можешь о укрепляющем тебя Господе.

Этим завершается образование духовной жизни в человеке-христианине, после грехопадения снова обращающемся к богоугождению.

Вот весь порядок обращения! Он представлен здесь в виде долгой истории для того, чтобы яснее видеть все обороты, какие должен делать обращающийся, при взаимодействии свободы и благодати. Все сказанное бывает у всякого обращающегося; но как и в какой мере — это зависит от личностей и обстоятельств каждого. У иного все обращение совершается в несколько минут, а между тем он и возбужден бывает, раскаивается и восходит до решимости. Духовные явления мгновенны. Впрочем, такого рода примеры обращения очень редки; большею же частию все обращение совершается не вдруг, а постепенно. Самые изменения внутренние хотя мгновенны, но до-

ходят до них не всегда вдруг, а иногда после довольно долгого труда над собою. У иного потому обращение полное продолжается годы. Главные точки, на которых делается застой, суть те, где должно страдать самолюбие, при одолении, например, препятствий или возбудителей греха, при исповеди и проч. Последнее состояние, до которого должно дойти, есть совершенное отрешение от всего и предание себя Господу. С этой минуты и начинается полная истинно христианская жизнь, потому что тогда человек бывает у цели — сокровен в Боге. Все зависит от ретивости, с какою кто возьмется за себя, и убеждения, что уж что необходимо, то надобно сделать — теперь ли, после ли, а надобно: лучше же теперь, и начинает работать, и скоро устанавливается. А установиться и есть главное дело обращения.

Отдел 3

О ТОМ, КАК СОВЕРШАЕТСЯ, ЗРЕЕТ И КРЕПНЕЕТ В НАС ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ,

*или, то же, о порядке
богоугодной жизни*

Как совершается, зреет и крепнет в нас христианская жизнь

Утвердим внимание наше на том, что человек только что обратился от тьмы к свету, из области сатанины к Богу, только что вступил в новый путь, на котором не сделал еще ни одного шага, но горит ревностью все сделать, что окажется нужным для того, чтобы устоять в начатом деле и не поддаться опять прежним своим властителям, отдалявшим его от Бога и Спасителя и увлекавшим в погибель.

Спрашивается теперь: куда ему идти, и что должен он делать, дабы прийти куда должно, и прийти верно, прямо, скоро, успешно?

Цель, к которой должен все свое внимание и все труды направлять обратившийся, и есть последняя цель человека и домостроительства спасения, именно — богообщение, живой союз с Богом, удостоверение вселения Его. Тогда только успокоится ищущий и ревнующий дух, когда стяжет Бога, вкусит Его и насытится. Потому для него первый закон: *ищи Бога, взыщи лица Его выну*. В чем состоит сие благо — для человека непостижимо. Сам он даже и не подумал бы о такой высоте. Но когда Богу угодно было назначить ему сей чин, дерзко было бы человеку отвергать его неверием, невниманием, опущением из мысли, даже при трудах. *Вселюся в них* (2 Кор. 6:16), говорит Бог, и это — всеми Лицами Пресвятыя Троицы. О Боге Отце и Себе говорит Господь: *к нему* (верующему и любящему) *приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23). О Себе Едином: *вниду к нему и вечеряю с ним* (Апок. 3:20); и еще яснее: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14:20). О Духе же Святом говорит апостол: *Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3:16), или: *обетование Духа приимем верою* (Гал. 3:14).

Должно заметить, что это вселение Бога не есть только мысленное, какое бывает в богомыслии от лица человека и в благоволении со

стороны Бога, а есть живое, жизненное, к коему те должны быть почитаемы только средством. Умное и сердечное устремление к Богу, под благоволением Божиим, prepares человека к приятию Бога истинною; это такое единение, в коем, не поглощая сил и лица человеческого, Бог является *действующим* в нем *и еже хотети и еже деяти* (Флп. 2:13); и человек, по апостолу, *не ктому себе живет, но живет в нем Христос* (Гал. 2:20). Это цель не только человека, но и Самого Бога. Все сотворенное в Боге и Богом стоит. Свободные твари уступлены себе самим, но не окончательно и не вконец, а с тем, чтобы и они себя отдали Богу вседействующему, не составляя из себя особого, в царстве Божиим, царства, независимого от Бога.

Может казаться странным, что общения с Богом достигать еще должно, когда уже оно есть, или дается в таинстве крещения или покаяния, ибо говорится: *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27); или: *умросте, и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3:3). Да и по простому понятию Бог везде есть, *не далече от коегождо нас, да поне осяжем Его* (Деян. 17:27), и готов вселиться во всякого, готового принять Его.

Только одно нехотение, небрежение, грешность отделяют нас от Него. Теперь, когда покающийся отверг все и себя предает Богу, — что препятствует вселению Бога в него?

В устранение такого недоумения надобно отличать разные виды богообщения. Оно начинается с минуты возбуждения и обнаруживается, со стороны человека, исканием, стремлением к Богу, со стороны же Бога — благоволением, содействием, покровом. Но Бог еще вне человека и человек вне Бога, не сопроникаются, невзаимновходны. В таинстве крещения или покаяния Господь благодатию Своею входит внутрь человека, живо общается с ним и дает ему вкусить всю сладость Божества, так обильно и ощутительно, как свойственно совершенным, но потом опять сокращает сие явление Своего общения, только по временам возобновляя его — и то легко, как в отражении только, а не в подлиннике, оставляя человека в неведении о Себе и Своем в нем пребывании до определенной меры возраста или воспитания по мудрому Своему руководству. После же сего Господь осязательно являет Свое вселение в дух человека, который тогда становится храмом преисполняющего его Триипостасного Божества.

Итак, есть три вида богообщения: одно — мысленное, бывающее в период обращения, а другие два — действительные, но одно из них — сокрытое, невидимое для других и незнаемое самим, другое же — и для себя, и для других явное.

Первый вид общения, самый понятный и общий, не перестает и во второй степени и даже в третьей, потому что жизнь духовная есть жизнь умная; однако в сих степенях отличается от первого своего свойства характеристически, чего, впрочем, изъяснить словом нет никакой возможности. Вся жизнь духовная состоит в переходе от мысленного богообщения к действительному, живому, ощущаемому, являемому.

Мы смотрим на человека покаявшегося — следовательно, на такого, который действительно вступил в общение с Богом, но еще скрытое, тайное, не являемое, и имеет целию достигнуть общения полного, ощущаемого, осязаемого. Надобно точнее определить себе все это и увериться, потому что на сих понятиях должна строиться вся деятельность покаявшегося во спасение; именно: что в таинстве покаяния (или крещения) нисходит благодать ощутительно для духа, но потом скрывается от сознания, хотя

не отходит делом, — и это до очищения сердца, когда она вселяется видимо и окончательно. Очевидно, что наставниками нам в сем деле могут быть только свв. отцы. Из них никто так хорошо не изобразил сего, как св. Диодок, епископ Фотики, и св. Макарий Египетский. Приведем их свидетельства на наши положения.

1) *Благодать вселяется в человека и бывает при нем с минуты принятия таинства.* «Благодать, говорит св. Диодок, с самого того мгновения, в котором получаем крещение (или покаяние), поселяется в самой глубине ума...»* Еще: «Божественная благодать через Св. Крещение сочетавает себя с непостижимою некоею любовью, чертами изображения по образу Божию, в залог подобия».** Св. Макарий: «Благодать непрестанно присутствует с человеком, еще с молодых лет соединившись и укоренясь, как бы нечто природное и неотделенное в сердце его, соделавшись с ним, как бы одно существо»***

2) *При первом вселении своем через таинства благодать сия сподобляет человека полного вку-*

* § 77.

** § 78.

*** Беседа 8, § 2.

шения блаженства от богообщения. «Всесвятый Дух, говорит св. Диодор, в начале усовершенсия, если ревностно возлюбим добродетель Божию, дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, для того чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов».* Еще: «благодать сначала обыкновенно озаряет душу своим светом так, что она может обильно ощущать его».** Сие ощутительнейшее осенение благодати вначале изображается белою одеждою, в какую на *семь* дней одеваются крещаемые. Что это не один обряд, видно из примеров святых обращенных, ибо иных видимо одевал свет, на других нисходил голубь, у иных просветлялось лицо. Вообще же, все, истинно приступавшие ко Господу, ощущали сие некоторым взыгранием духа своего, подобным тому, каким взыгрался Предтеча Господень во чреве Елисаветы, при приближении Матери Божией и в Ней Господа. В житии Симеона и Иоанна (июля 21) говорится, что они видели свет около брата, окрещенного и приявшего образ монашеский, — и это *семь* дней. Ощу-

* § 90.

** § 69.

тив, по приятии образа, и в себе действие Божие особенное, они взыскали сохранить его навсегда, для чего тотчас же и удалились на уединение — способнейший к тому образ подвижничества.

3) *Потом благодать скрывает себя от спасаемого* и, хотя пребывает в нем и действует, но так, что тот не замечает сего, и до того не замечает, что нередко считает себя оставленным от Бога и гибнущим, отчего впадает в тугу, сетование и даже легкое нечаяние. Так св. Дидоох, после приведенных перед сим мест, продолжает: «впрочем, долго потом скрывает драгоценность сего животворного дара, чтобы мы, хотя исполним все добродетели, считали себя совершенно ничем, потому что не обратили еще святой любви как бы в навык себе...», «но, в продолжение подвигов, производит в богословствующей душе свои тайные действия неизвестным для нее образом, дабы в первом случае склонить нас, призываемых от неведения к ведению, с радостию вступить на стезю Божественных созерцаний, а во втором, среди подвигов, охранить наше знание от тщеславия». В другом месте* он объясняет, как вооб-

* § 85.

ще действует благодать: «Благодать сперва утаевает свое присутствие, выжидая произвола души, и как скоро человек совершенно обратится ко Господу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие и опять ожидает движения души, попуская между тем диавольским стрелам достигать до глубокого чувства ее, дабы она с ревностнейшим произволением и со смиреннейшим расположением взыскала Бога... Впрочем, надлежит знать, что хотя благодать и утаевает от души свое присутствие, однако же подает ей помощь скрытным образом, дабы показать врагам, что победа принадлежит единственно душе. Посему-то душа бывает тогда в унынии, скорби, унижении и даже умеренном отчаянии».* И св. Макарий Египетский говорит**, что «сила благодати Божией, бываемая в человеке (которая уже есть, дарована), и дар Св. Духа, коего верная душа прияти сподобляется великим трудом — многим ожиданием, долготерпением, искушениями и испытаниями приобретается», — разумея не первое ее получение, а ее полное вселение и действие, как

* § 87.

** См. Беседа 9, § 8.

видно из его слов, где говорит он, что «благодаря, с великим долготерпением, премудростию и таинственным ума испытанием в человеке, уже долгое время в разных случаях подвизавшемся, действовать начинает». Он же объясняет это примерами Авраама, Иакова, Иосифа и Давида, кои, получив великие обетования, потом долгое время должны были страдать в неизвестности, пока наконец увидели исполнение обетований.* Надобно заметить, что эта сокровенность и неощутимость бывает не сплошная, а по временам растворяется утешениями, хотя утешения сии — совсем другие, нежели те, которые бывают после, по вселении Духа.

4) *Наконец, когда кончится сей период сокровенного богообщения и Божия в душе действия, продолжение которого не в руках человека, а в руководительной премудрости спасающей человека благодати — Бог особенным образом вселяется в человека, видимо преисполняет его, соединяется и общается с ним, что и составляет цель всего подвижничества и всех трудов со стороны человека и всего домостроительства спасения от лица Божия, и всего, что бывает с каждым человеком в жизни на-*

* См. св. Макарий. Беседа 9, § 1–6.

стоящей от рождения до гроба. У св. Макария говорится, что дело благодати, после долгих испытаний, наконец, совершенно показывается, и душа приемлет полное всыновление Духа. Бог Сам Себя вверяет сердцу, и человек удостоивается быть един духом с Господом. Испытанный, по Диодоху*, делается уже вполне жилищем Св. Духа. Благодать озаряет все его существо в глубочайшем каком-то чувстве.** Действие это открывается или сопровождается разным у разных людей образом.

Эти два способа действительного богообщения прекрасно изобразил и описал премудрый Сирах (Сир. 4: 18–21), говоря о Премудрости, которая и есть спасающая нас Божия благодать: *яко стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нѣ, и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиих своих: и паки возвратится прямо к нему, и возвеселит его: и открит ему тайны своя.*

Яко стропотно ходит с ним в первых — то есть сурово, строго, немилостиво, с некоторою как бы нелюбовию;

* § 82.

** § 85.

*боязнь же и страх наведет на нѣ — страх оставления Божия и готового всегда нападения лютых врагов; причем, по Диодоху**, благодать действует подобно матери, скрывающейся от дитяти, которое потому, из боязни, и начинает кричать и искать матери, особенно когда увидит при себе чужие лица;

*и помучит его в наказании своем — долго продержит его в сем сокровенном и строгом своем обучении. По св. Макарию***, «благодать многоразличными образами, по своему произволению и сообразуясь с пользою человека, все располагает, держит его во многих искушениях и таинственном ума испытании» и проч.;

дондеже веру имет души его и искусит его в оправданиих своих — то есть доведет его до того, что на него можно будет положиться вполне, как на испытанного и верного. У св. Макария сказано: «Когда воля, по многом искушении, Святому Духу благоугождающею является и через долгое время показывает себя в том терпеливою и непоколебимою; когда душа ни в чем не оскорбляет Духа, но с благодатию во всех заповедях согласна», тогда и паки возвратится прямо к нему — то есть от-

* § 89.

** Беседа 8, § 2.

крыто, лицом к лицу, явится к нему как бы снова после разлуки и несвидания. Тогда, по св. Макарию*, дело благодати в нем совершенно является, — он приемлет полное усыновление; или, по Диодоху, благодать озаряет все существо его в глубоком каком-то чувстве, и он делается вполне жилищем Святого Духа: знаменается на нем свет лица Божия (Пс. 4:7); Господь и Бог приходит и обитель в нем сотворяет (Ин. 14:23);

и возвеселит его. Возрадуется сердце ваше, говорит Господь, и радости вашае никтоже возьмет от вас (Ин. 16:21). Царство Божие — *радость о Дусе Святе* (Рим. 14:17). Свет, сияющий в человеке, говорит св. Макарий, так всю внутренность пронзает, что он весь, погрузясь в сей сладости и приятном чувствии, находится вне себя ради преизобилующей любви и сокровенных таинств, собою созерцаемых. «Душа пламенеет тогда, — говорит св. Диодох**, — и с неизъяснимою какою-то радостью и любовью стремится тогда выйти из тела и отойти ко Господу и как бы не знать временной сей жизни».

И откроет ему тайны своя — тайны Божественной премудрости, достопоклоняемой

* Беседа 9, § 1.

** § 13.

Троицы, домостроительства спасения, усвоения его, тайны греха и добродетели, промысления о тварях умных и вещественных и вообще всего Божественного порядка вещей, как это подробно изображается у св. Исаака Сирианина в послании к Симеону. «Когда ум обновится и освятится сердце... тогда ощущается духовное познание творений, возсиявает в нем созерцание тайн Святой Троицы с тайнами достопоклоняемого Оной смотра о нас, и тогда он получает всесовершенное познание надежды будущего. Такой не учится, не изследывает, но созерцает славу Христову, наслаждается удовольствием созерцания тайн нового мира. Такое совершенство познания приходит с приятием Духа, Который вводит дух наш в тот мир, порядок или область созерцаний.* Дух Святый отъемлет от души покрывало, восхищает ее в оный век и вся чудная ей показывает».**

Итак, теперь очевидно, что к обращенному через таинства приходящая благодать единится с ним и сначала дает ему вкусить всю сладость жизни по Богу, а потом скрывает от него свое присутствие, оставляя его действовать как

* Слово 55.

** Макарий Великий. Слово о возвышении ума § 13, о свободе 24, 20 и 21. Беседа 17, § 4.

бы одного, среди трудов, потов, недоумения и даже падения; наконец, по прошествии сего периода испытания, вселяется в него явно, действительно, сильно, ощутимо.

Спрашивается: что за причина, что благодать Божия вселяется не вдруг вполне, или, что то же, что не вдруг открывается торжество полного общения души с Богом? Надобно знать эту причину, чтобы действовать против нее и действовать успешнее, потому что только устранением ее и можно достигнуть полного вселения благодати.

Чтобы понять, почему это так бывает, обратимся к внутреннему строению обратившегося. Грех овладевает человеком и увлекает к себе его внимание, и все стремления, и все силы его. Действуя под влиянием греха, человек всего себя пропитывает им и все части своего существа, и все силы приучает к деятельности по его внушению. Эта пришлая, отвне навязанная деятельность, от долгого пребывания, до того сродняется с нами, что обращается уже в природную, принимает вид естественной, а потому неизменной и необходимой. Так срастаются, например, кичение — с умом, своекорыстие — с пожеланиями, похотливость — с сердцем, со всеми начинаниями — самость и неко-

торая неприязненность к другим. Таким образом, в своем сознании и произволении, в силах души — уме, воле и чувстве, во всех отправлениях тела, во всех своих делах внешних, в поведении, в сношениях, правилах и обычаях, — человек весь проникнут грехом, то есть самостию, страстностию, самоугодием. У св. Макария это изображается так, что грех, по падении вошедший в нас, имеет будто весь образ человека, почему и называется он человеком плотским, душевным, внешним, и потому облек своими частями соответственные части нашей природы: ум умом, волю волею и проч., и, подавив собою естественную деятельность сил наших, издавал за них деятельность свою неестественную, содержа между тем человека в той уверенности, что она-то и естественна. В сем мраке, под гнетом греха, в области сатанинской пребывает всякий человек не обращенный, не покаявшийся, не пришедший до решимости служить Богу в духе и истине.*

Пришедшая Божия благодать — сначала через возбуждение, а потом через весь период обращения — рассекает человека на человека, вводит его в сознание сей двойственности, в

* Беседа 2, гл. 1, 2, 4, 12.

видение неестественного и того, что должно быть естественно, и доводит до решимости отречься, или отчистить, все неестественное, чтоб явилось в полном свете естество богоподобное. Но очевидно, что такая решимость есть только начало дела. В ней человек только еще сознанием и произволением вышел из области пришлой, качествующей в нем неестественности, отказался от нее и приложился к естественности ожидаемой и желаемой: но на самом деле, во всем своем составе, остается еще таким, каким был, то есть пропитанным грехом, и в душе по всем силам, и в теле по всем отправлениям качествует страстность, как и прежде, с тем только различием, что прежде все это желалось, избиралось и действовалось от лица человека, с желанием и услаждением, теперь же оно не желается, не избирается, а ненавидится, попирается, гонится. Человек при этом вышел из себя, как бы из смердящего трупа, и зрит, какую какая часть его источает страстную вонь, и против воли обоняет иногда, до омрачения ума, весь смрад, издаваемый собою.

Таким образом, истинная благодатная жизнь в человеке вначале есть только семя, искра; но семя, всеянное среди терния, — искра, отовсюду закрываемая пеплом... Это еще свеча слабая,

светящая в самом густом тумане. Сознанием и произволением человек прилепился к Богу, и Бог воспринял его, соединился с ним в сей самосознающей и произволяющей силе, или уме и духе, как говорится об этом у св. Антония и Макария Великого. И доброго, спасенного, богоугодного в человеке только и есть. Все другие части находятся еще в плену и не хотят и не могут еще покорствоваться требованиям новой жизни: ум не умеет мыслить по-новому, а мыслит по-старому; воля не умеет хотеть по-новому, а хочет по-старому; сердце не умеет чувствовать по-новому, а чувствует по-старому. То же и в теле, во всех его отправлениях. Следовательно, он весь еще нечист, кроме единой точки, которую составляет сознающая и свободная сила — ум или дух. Бог чистейший и соединяется с сею единою частию, все же другие части, как нечистые, остаются вне Его, чужды Его, хотя Он готов преисполнить всего человека, но не делает сего потому, что человек нечист... Затем, коль скоро он очистится, Бог тотчас являет полное Свое вселение. Св. Григорий Синаит пишет: «Если естество наше посредством Духа не сохранится от скверны и не сделается так, как было, чистым, то ни в нынешней, ни в будущей жизни не возможен соединиться со Хри-

стом в одно тело и дух; ибо всеобъемлющая и соединительная сила Духа не обыкла к новой ризе благодати в восполнение пришивать рубище ветхих страстей». * Нельзя Господу вселиться вполне — жилище еще не приготовлено; нельзя излиться в него благодати вполне — сосуд еще худ. Сделать это значило бы напрасно иждивать и губить сокровища духовные. *Кое общение свету ко тме, или Христу с велиаром* (2 Кор. 6: 14–15)? И Господь, обетовая прийти со Отцем и обитель сотворить, поставляет непременно к тому условием исполнение заповедей — разумеется, заповедей всех, иначе — правую во всем деятельность, которая невозможна без правоты сил, а правота сил — без отторжения от них прившедшей неправоты, или отребления греховности и страстности. Сюда можно отнести, некоторым образом, следующее место: *Аще речем, яко общение имамы с Ним, и во тме ходим, лжем и не творим истины; аще же во свете ходим, якоже Сам Той есть во свете, общение имамы друг ко другу* (1 Ин. 1: 6–7). Тьма эта есть тьма страстей, потому что после св. Иоанн в таких же местах употребляет вместо нее нелюбовь и троякую похоть (1 Ин. 2: 10,

* Добротолубие, гл. 41.

11, 15). Свет же, по противоположности, есть свет добродетелей; и опять потому же, что после свет у него заменяется добродетелями. Отсюда видно, что тогда только и можно истинно стоять в совершенстве богообщения, когда прогнан мрак страстей и возсиял свет добродетелей, когда они напечатлелись, срослись как бы с существом нашим, облекли и проникли собою силы наши, изгнав, вытеснив из них страсти так, чтобы быть уже не отсвечиваемыми, а самосвещающими. До того же времени богообщение так сокровенно, так неизвестно, что может казаться не сущим и в некоторой степени должно быть почитаемо ненадежным, нерешительным, неполным, или несоответствующим себе.

Итак, что Господь, пришедши в союз с духом человека, не вдруг вполне преисполняет или вселяется в него, это зависит не от Него, готового все преисполнить, а от нас, именно от страстей, растворившихся с силами нашей природы, еще не отторженных от них и не замененных противоположными добродетелями. «Греховные страсти, — говорит св. Антоний Великий, — не позволяют Богу сиять в нас».* Если же главная цель, к которой дол-

* Доброт., ч. 1, гл. 150.

жен стремиться покаянник, есть полное богообщение, светоносное, блаженное, — главнейшее же препятствие к сему составляет бытие в нем качествующих и действующих еще страстей, ненапечатление добродетелей и неправота сил, — то очевидно, что главнейшим делом своим, тотчас по обращении и покаянии, он должен поставить искоренение страстей и напечатление добродетелей, — одним словом, исправление себя... Удаление всего неправого и приятие или помещение правого, прогнание греховных страстей, привычек, недостатков, даже как будто естественных, и других неправостей, будто извинительных, и приусвоение добродетелей, добрых нравов, правил и вообще всесторонней исправности, не упуская, однако ж, из внимания последней своей цели, но действуя со всем рвением против страстей, очи ума между тем имеет обращенными к Богу, — в этом состоит исходное начало, которого должно держаться в построении всего порядка богоугодной жизни, которым должно измерять прямоту и кривость изобретаемых правил и предпринимаемых подвигов. В этом должно убедиться как можно полнее, потому что все, кажется, заблуждения деятельные происходят от незнания

сего начала.* Не разумея всей силы сего, иные останавливаются на одной внешности упражнения и подвижания, другие — на одних делах добрых и навыке в них, не простираясь выше, а третьи прямо идут в созерцание. Все сие нужно, но всему своя чередa. Сначала все — в семени, потом развивается не исключительно, но преимущественно в той или другой части, однако ж неизбежна постепенность — восход от внешних подвигов к внутренним, а от тех и других — к созерцанию, а не наоборот.**

Уверившись в этом, мы теперь легко можем извлечь руководительные правила для богоугодной жизни, или дух и строй подвижничества.

Воротимся несколько назад и станем опять вниманием своим перед человеком, посвятившим себя Богу и давшим обет действовать всегда и во всем по воле Его, во славу Его, богатеть истинно добрыми делами. Решившись на это, чем другим может он действовать в сем роде, когда как мы видели, ни та, ни другая наша часть неспособна к тому? Грех вознена-

* Оно намеренно и со всею широтою изображено св. Исааком Сирианом в его послании к св. Симеону Столпнику. То же смотри в 1-й и 2-й беседах св. Макария Великого.

** Диодок, 82, конец. Беседы 9, 19, 10, 11. Сл. 2, 3, 4.

виден в духе, но тело и душа сочувствуют ему, льнут к нему, потому что облечены страстями. Добро или воля Божия возлюблены в духе, но тело и душа не сочувствуют ему, отвращаются от него или, если нет сего, не умеют делать его. Потому решившийся, по ревности своей, пребыть верным обету данному и, по сознанной необходимости, пребывать в добре неизбежно в каждом добром деле (а недобрых у него и не должно быть) должен противиться требованиям своего тела и души и, отказывая им в этом, понуждать их на противное. А так как тело и душа не отходят от его лица, а составляют его же, то это — то же самое, что противиться себе в худом и принуждать себя на добро. *Самопротивление и самопринуждение* — это два оборота возрожденной в духе ревности, форменные как бы начала подвижничества. То и другое составляет борение человека с собою, или, иначе, подвиг.

Отсюда обратившийся покаянник, с первых минут новой жизни, неизбежно вступает в подвиг, в борение, в труд, и начинает несть тяготу, иго. И это до того существенно, что единственно верным путем добродетели всеми святыми признается его болезненность и трудность, а противная тому льгота есть при-

знак пути ложного: *царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11:12). Кто не в борении, не в подвиге, тот — в прелести... У апостола сказано: кто не терпит, тот не сын (Евр. 12:8).

Итак, ревнующий ревнует о подвигах самопринуждения и самопротивления с целью самоисправления или возведения себя в чистоту первоизданную, чтобы тем скорее удостоиться богообщения. Очевидно, что чем он ретивее, тщательнее, стремительнее делает это, тем успешнее достигает своей цели. Это то же, что — кто ненавистнее и неприяженнее идет против себя, круче и решительнее действует, тот скорее вступает в чистоту. Оттого видим, что все святые, востекшие на высоту христианского совершенства, вслед за обращением начинали самые строгие подвиги самоумерщвления — посты, бдения, долулегания, уединения и проч. Это была сознательно избранная, благодатию внушенная мера, принятая к скорейшему созрению, и оно действительно скоро подавалось. Напротив, облегчения, остановки, жаления себя, хоть не постоянные, замедляли и замедляют всегда ход духовного спеяния.

Итак, дело решившегося: ревнуй, решительнее берись за подвиги, тоже решительнейшие

и приспособленнейшие, — ведь и между ними одни более, а другие менее способствуют к умерщвлению страстей и напечатлению добродетелей. Уж если это страдательное состояние неизбежно, хоть и переходно, то что за смысл растягивать это дело по одной оплошности? Нерешительность, оплошность, вялость — великая препона.

Решился, так не стой, а ратуй; это — от лица человека. Но надобно при этом постоянно содержать в мысли, что хотя безжалостное к себе ревнование спасительно для обратившегося, однако же успех и плоды его трудов и подвигов, то есть воздействие и влияние их на очищение страстей и образование истинного добронравия, — не от него. Плод подвигов засеменяется и зреет под ними, но не ими и не через них единственно, а от благодати. *Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (1 Кор. 3:6). Как жизнь духовная началась Божию благодатию, так ею же может только и храниться, и зреть. *Силен есть*, говорит апостол, *начный в вас дело и до конца совершит его* (Флп. 1:6). Первое семя новой жизни состоит из сочетания свободы и благодати, и спеянием ее будет развитие сих же одних элементов. Как там, полагая обет жить по воле Бога, во славу Его, говорил

кающийся: «Только Ты укрепи и утверди», — так и во все последующее время он поминутно должен полагать, так сказать, себя в руку Божию с молитвою: «Ты Сам соверши, что воле Твоей угодно», — чтобы таким образом, как в сознании и произволении, так и на самом деле Бог был *действуяй в нас, и еже хотети, и еже деяти о благоволении*. Минута, в которую человек сам чает что-нибудь произвести над собою и в себе самом, есть минута погашения жизни истинной, духовной, благодатной. В сем состоянии, несмотря на непомерные труды, истинного плода не бывает. Бывают следствия, которых нельзя назвать худыми, если смотреть на них отдельно; но в ходе дела они — остановка и уклонение, а нередко и зло, ибо ведут к кичению, самомнению, кои суть семя диавольское, им всеваемое и с ним сродняющее. При этом к делу Божию в нас примешивается не Божие и портит его, так что, вместо того, чтобы возводить опомнившегося человека, благодать предварительно будет еще очищать и отреблять попорченное самодельностью. *Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть*, учит апостол, *разве точною чим неiskusни есте* (2 Кор. 13:5). Соединившись с Господом в таинстве покаяния или крещения, Ему себя и предать должны, да

вошедши в нас Сам, как Господь всяческих, Он, *имиже вестъ судьбами*, устроит наше спасение. Сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5), — надобно поверить и просить, чтобы Он делал в нас, чтобы нас очищал от страстей, напечатлевал в нас добродетели и творил все то, что целительно. Это существенное настроение покаянника: *«имиже веси судьбами*, спаси мя, Господи, а я буду трудиться и нелицемерно, без уклонений, перетолков, по чистой совести творить все, что уразумею и смогу!». Кто так настроит себя внутри, того действительно воспринимает Господь и действует в нем, как царь. У него учитель — Бог, молитвенник — Бог, хотетель и деятель — Бог, плодотворец — Бог, властитель — Бог. Это — семя и сердце небесного в нем древа жизни. Но для него непременно должна быть вещественно-духовная ограда. Эту ограду составляют руководитель и правила.

Покаявшийся, предав себя Богу, тотчас поступает под Его непосредственное руководство и приемлется Им. Кто успеет сделать это как должно вначале, тот спешно, ровно и благонадежно ведется Божиею благодатию к совершенству. Но на самом деле таких очень мало. Это — избранники Божии, кои неимоверно

быстрым порывом от себя полагали себя Богу в руки, были Им принимаемы и водимы. Таковы, например, Мария Египетская, Павел Фивейский, Марко Фраческий и другие. Их спасло одно решительное предание себя Богу. У Марии Египетской, во всех ее жестоких бражах со страстями, было правилом — повергать себя в руку Божию, и страсти отходили, известно, по подвиге. То же, без сомнения, делала она и в других случаях: обращалась, например, за вразумлением и получала его.

Но такой путь не был и не мог быть всеобщим. Он принадлежал и принадлежит особенным избранникам Божиим. Другие все зреют под видимым руководством опытных мужей. Стоя в той вере, что только Бог возвращает, покаянник, чтобы успеть, непременно должен предаться отцу-руководителю. Необходимость этого представляется потому, что нет полного предания себя Богу — недостаток, принадлежащий большинству. До него должно зреть и зреть многими опытами, а до образования его нет точки, к коей прикасалась бы руководящая рука Господня, — нет как бы повода, за который весть должно. Следовательно, без этого условия начинающий сам делать дело спасения неизбежно будет идти путем, о коем нельзя

решительно сказать, что он есть путь верный, а это и опасно, и томительно для духа. Св. Антоний Великий, когда пришел к мысли, верны ли его правила, тотчас начал вопиять: «Скажи мне, Господи, путь», — и, получив уверение, успокоился. Вступающий в духовную жизнь — то же, что вступивший в обыкновенный путь. Так как путь этот нам неизвестен, то и надобно, чтобы кто-нибудь проводил нас. Самонадеянно было бы остановиться на мысли, что я и сам могу... Нет, тут ни сан, ни ученость — ничто не помогает. Не менее самонадеянно и то, если кто, без крайней нужды, имея возможность снискать руководителя, не избирает его, в той мысли, что Бог непосредственно будет руководить его. Действительно, ведение к совершенству принадлежит Богу, приявшему нас, но под руководством отца. Отец не возносит на степени, а способствует быть возводимыми от Бога. Однако ж, в обыкновенном порядке, Бог ведет нас через других, вразумляет, очищает, сказывает волю Свою. Оставшийся один, сам с собою, находится в крайней опасности, уже не говоря о том, что он будет биться и толочься на одном месте почти без всякого плода. Не зная ни подвигов и упражнений духовных, ни порядка в них, он будет делать

только и переделывать, как взявшийся за дело неумеючи. Нередко по сей причине многие застаиваются, хладеют и теряют ревность. Но главная опасность оному — от внутренней нестройности и лести сатанинской. У начавшего внутри — туман, как от испарений смрадных, от страстей и неправых изданий из себя, из испорченных сил. Он есть у всякого, более или менее густой, судя по предшествовавшей испорченности. В тумане же этом как хорошо и верно различать предметы? Блуждающему в тумане нередко и малый ряд травяников кажется лесом или деревнею — так и начавшему в духовной деятельности неизбежно видится многое там, где ничего нет на самом деле. Вразумить и разъяснить, в чем дело, может уже только глаз опытный. Опять же он — больной: как же он будет врачом себе? Уморит и задушит он себя из одной любви к себе: ведь и тела не врачуют сами врачи. Но главнейшая при этом опасность — от сатаны. Так как он сам преимущественно своеумник, то и между людьми больше любит тех, кто руководится своим умом, — на этом он преимущественно запутывает и губит. И можно сказать, что одно это и дает ему доступ до нас, или возможность ввергать в пагубу. Кто не верит своему разуму и сер-

дцу и, напротив, все, что есть в чувстве и мысли, предлагает на суд другого, тот, хотя бы и всеял диавол что-либо опасное и пагубное, не постраждет, потому что опытность и разум другого разгадают прелесть и предостерегут. Поэтому-то говорят: кто имеет руководителя и вверится ему, к тому не приступает сатана, чтобы не быть постоянно посрамляемым и не вынаружить всех своих козней. Напротив, он неотходно при том, кто верит одному себе или слагает свой разум и на него полагается. Такого, разными благовидностями напечатлеваемыми через воображение, или силу мечтающую, он водит по разным распутиям, пока, наконец, погубит совершенно.

Судя по сим причинам, сильно уважительным, начинающий должен согласиться на то, чтобы иметь руководителя, избрать его и предаться ему. Под ним он безопасен, как под кровом и оградою, — тот уже будет ответчик и перед Богом, и перед людьми за неверности. Но то дивно, что ищущему искренно всегда подается истинный руководитель. И руководитель, кто бы он ни был, всегда дает точное и верное руководство, как скоро руководимый предается ему всею душою и верою. Сам Господь уже блюдет такого преданника... Молись — и Гос-

подъ укажет руководителя: предайся руководителю — и Господь научит его, как руководить тебя.*

Другое, что неизбежно нужно для решившегося покаянника, это — правила. Правило есть определение или способ, образ и учреждение какой-нибудь деятельности — внутренняя ли то, или внешняя. Им дается направление и определяется весь ход — начало, время, место, обороты, конец действия. Так, например, надобно читать — это есть одно из подвижнических деланий. Правилom должно быть определено: какие читать книги, в какое время, сколько, как приготовиться, как начать, продолжать и кончить, что делать с прочитанным. То же — для молитвы, рассуждения и других деланий. Очевидно, что правила охватывают собою всякое делание, составляют его внешнюю оболочку, как бы тело. Их надобно наложить на все наши силы, на все исходы нашей деятельности так, чтобы никакого движения не было совершаемо без того, чтобы к нему не было приложено свое правило.

Необходимость этого очевидна сама собою. Начинается совершенно новая, необычная

* Подробнее о руководителе — в особой брошюре под заглавием: «Что потребно покаявшемуся, и проч».

жизнь, в коей мы не упражнялись еще, к коей непривычны наши силы. Для приучения себя к тому или другому деланию и укрепления в нем, и должно назначить определенные правила, как и что делать, подобно тому, как новобранному воину показывают, как стать, взять ружье и проч. Без них не образуются силы, не будет и деятельности исправной. Тот не будет уметь молиться, кто не имеет правила для молитвы, или поститься — без правила поста; вообще неправильный ничего не будет уметь делать, как должно, а, следовательно, и жизнь его будет не жизнь, несмотря на труды и поты, ибо жизнь слагается из наших деятельностей. Сверх того, жизнь без правил не может быть ровною, степенно и стройно развивающеюся. Дитя пеленают, чтобы оно не стало уродом или с горбом: так и духовная деятельность вся должна быть повита правилами, целесообразно, чтобы вся жизнь развивалась под ними ровно и стройно, ни одна деятельность не приняла, по неведению, направления, выдающегося из других и вредящего целому строю, или сама по себе не попала бы на ложный путь, как, например, пост. Молодое растение подпирают или привязывают к крепкому, чтобы стояло и росло прямо. Раз-

вивающийся без правил, сам собою, есть необученный, неискусный, иное неумеющий сделать, иное не так делающий, а иное и так, но то — не к месту, то — не к лицу. Наконец, и опасность немалая: без правил, как без опоры, неизбежно падать и ошибаться. У такого вся деятельность будет висеть на присутствии духа, соображении и желании. Но можно ли положиться на такие начала? Присутствие духа не всегда сохранишь; соображение должно быть обучено, и, кроме того, оно не всегда бывает подвижно, остро и тупится; желанием же кто сумеет владеть постоянно? Потому, когда нет правил, неизбежны пропуски, ошибки, остановки. С правилами же одно: хочется или не хочется, а делай, как положено, и делается; остановки не будет, и пойдет вперед. И еще: как иначе обуздать своеобразие и своемыслие — это опаснейшее расположение?*

Таким образом, с правилами, под руководством отца ревнующий, подвизаясь в самопринуждении и самопротивлении, или пребывая в неопустительном борении, будет день ото дня преспевать в совершенстве, приближаться к чистоте через искоренение своих страстей и

* Подробнее о правилах — в указанной выше брошюре.

стяжание добродетелей. Но надо знать, что этот восход к совершенству невидим для него: трудится в поте лица, но будто без плода — благодать строит дело свое под прикрытием. Видение человеческое, глаз, съедает доброе. Человеку самому остается на долю одно — видение своего непотребства. Путь к совершенству есть путь к сознанию, что я и слеп, и нищ, и наг, в непрерывной связи с которым стоит сокрушение духа, или болезнь и печаль о нечистоте своей, изливаемая перед Богом, или что то же — непрестанное покаяние. Покаянные чувства суть отличительные признаки истинного подвижничества. Кто уклоняется от них и избегает, тот уклонился от пути. В положении начала новой жизни было покаяние; оно же и в возрастании должно быть и зреть вместе с ним. Зреющий созревает в познании своей порчи и греховности и углубляется в сокрушенные чувства покаяния. Слезы — мера преспеяния, а непрестанные слезы — признак скорого очищения. Что это так и должно быть, видно из того, что мы — в падении, в изгнании, вне отчего дома, и притом за собственную вину. Плачет и жалеет изгнанник о родине; так и начавшим идти к очищению себя должно печаловать и сетовать и в слезах искать возвраще-

ния в рай чистоты. Притом подвизающийся — поминутно в борении то с нехотением, то с противохотением; то помысл, то пожелание, то страсть, то грех, хотя ненамеренный, поминутно мутят чистоту его ума и напоминают ему, что он содержит в себе одну нечистоту, греховное, Богу противное. Он зрит себя подобным смердящему труп, лежащему перед лицом и терзающему обоняние до омрачения головы. «Положи грехи твои перед тобою, — говорит Антоний Великий, — и зри через них к Богу».* Наконец, частые падения и оступки в новоначальных по неопытности, неведению, неискусству, а иногда и по слабости тяжким бременем ложатся на его совесть, и может быть тяжелее, чем прежде — в беспечности, — грехи большие. Он походит на дитя, учащееся ходить и падающее. А падения требуют очищения, следовательно — сокрушения, покаяния, слез; потому — всем и заповедуется каждодневное и даже ежеминутное покаяние. *Боже, милостив буди мне грешному!* — это должно быть непрестанною молитвою подвижника.

Таким образом, начинающий с пламенною и быстрою ревностию предает себя всего са-

* Патерик Скитский.

мым решительным подвигам, всего ожидая, однако ж, от силы и помощи Божией и предавая себя Ему в чаянии успеха, но не видения его, а потому в непрестанном начинании, под руководством отца, среди правил, держась всегда смиреннейшей части. В таком духе и строе подвижник благонадежно может начинать свое дело — дело искоренения страстей, или очищения своей природы от примеси неестественной страстности. В духе его есть крепкая, как смерть, *ретивость*; но и самая сильная ретивость имеет нужду в плане, чтобы верно идти к предположенной цели. В объяснении его будут состоять все правила для вступающего в подвиг. Это будет не что иное, как изложение тех правил, необходимость которых показана перед сим. Знать это более всего должен руководитель, хоть по общей теории и, применяясь к лицу руководимому, может и изменять их в терпящих изменении случайностях.

Для построения таких правил утвердим опять мысль на состоянии покаянника-подвижника. Дух в нем воскрешен и оживлен действием благодати, принятой в таинствах. Но он один только и есть исцеленная часть, сокрытая в самой глубине нашего существа. Это то же, что целительное лекарство, принятое час-

тью тела, всецело истлевающего. Затем, вне, его душа, во всех своих силах, и тело, во всех отправлениях, и лично сам человек, во всех внешних отношениях, переполнены и пропитаны страстностью не мертвою, а действующею в них, живою. Главная задача трудов — умертвить страстность во всех ее оттенках и восстановить естество в свойственной ему чистоте, чтобы таким образом благодать изнутри, по мере очищения, выступала, как бы проникая в человеке одну часть за другою, с мудрою постепенностью и целесообразностью.

Отсюда тотчас виден весь порядок имеющих строиться правил, или видна нить измерительная для провода и черчения их. Таким образом:

1) посеяно семя жизни: храни его всем хранением, иначе не к чему прилагать и трудов и нечем нести их. Принял Духа — не угашай Духа; ревнуешь — ревнуй большего. Блюда то, что дано, что стяжано, — это стяжанное есть монета для покупки сокровищ. Оно пропадет — и все дело пропадет. Как во время войны сильно заботятся удерживать всячески свою позицию, так и здесь.

2) Нужно отрывать страстность, сросшуюся и срастворившуюся с силами нашего есте-

ства. Так как это сращение подобно сращению химических составов, то и способы отрешения ее нужно применить к способам химического разложения. Именно, для высвобождения стихии из ее принужденного состояния в связи с другою приводят ее в соприкосновение с третьею стороною, внешнею, с коею она находилась бы в сильнейшем сродстве, нежели с прежнею. Когда это будет действительно, то связывавшая ее стихия отпадает, а с этою новою она соединяется и получает вместе с нею новый вид. Применяясь к сему, надлежит ко всем силам души и тела и всей деятельности нашей, плененным страстностию и держимым в принужденном, неестественном состоянии, приложить что-нибудь такое, с чем бы они состояли в ближайшем сродстве и соестественности, чтобы, таким образом, прилагаясь и как бы прирастая к тому, соразмерно с тем высвободиться из страстных уз и принимать новый естественный вид бытия. Это будет правило деланий или занятий, налагаемых на силы. Ходя в них, при хранении того внутреннего стяжания Духа благодати, сродного с ними и с силами нашей природы, человек более и более будет исполняться сим Духом, огонь Которого, получая таким образом более свободы проходить внутрь, тем

быстрее будет попалять нечистоту, чем большее встретит расширение естественности.

3) Два этих пункта исчерпывают строй положительных деланий подвижника, или, что то же, упражнения самопринуждения. Ими одними можно было бы ограничиться, если бы презираемая и оставляемая страсть в пользу добра оставалась в покое или мирно испарялась из нашего естества; но так как она, частью по природному упорству греха, частью по его сильному подкреплению или со стороны неточного начала своего — диавола, или со стороны вместилища сродных ему стихий мира, не терпит мирной, уступчивой покорности, даже и отпадши и как бы отделившись, снова восстает и ищет занять первое свое место, властное, вяжущее, то тою одною деятельностью довольствоваться никак нельзя, а необходимо при ней и прямо действовать против страстей, в лицо им противопоставать, бороться их и побеждать и в самих себе, и в их источниках и подкрепителях. Определение правил, относящихся сюда, составит изображение брани внутренней или духовной как в общем ее очерке, так и по частям. Это — подвиги самопротивления.

Таким образом, все правила должны быть сведены к одному следующему, начальному:

храни внутренний дух жизни, усердие и ревность, ходи в деланиях или упражнениях, с одной стороны, способствующих к оживлению уморенных сил, а с другой — умерщвляющих или заглушающих страсти. Следовательно, все сюда относящееся должно заключить в сих трех пунктах:

1) правилах хранения внутреннего духа ревности.

2) правилах упражнения сил в добре, или самопринуждении и

3) правилах брани со страстями, или упражнения в самопротивлении.

О хранении духа ревности по Богу

Надобно исполнять заповеди, и исполнять все; но естественного у нас нет желания, усердия и ревности на то. В покаянии, ради духа сокрушенного и обета творить волю Божию, Божиею благодатию возжен сей огонь в духе нашем; он-то и есть сила на творение заповедей, и только он один и способен поднять все это бремя. Если в исполнении заповедей — основание спасения, то дух ревности есть единственная для нас спасительная сила. Где он, там тщание, заботы, усердие, готовность, живость на дела, угодные Богу. Где нет его, там

все прекращается и падает: нет жизни духа — он хладеет, замирает. Там пусть будет и творение дел добрых — они добры будут только по форме, а не по силе и духу. Это тот огонь, который пришел возжечь на землю Господь наш Иисус Христос и который возжигается Духом Святым в сердцах верующих, нисшедшим в виде огненных языков.

О сем духе ревности Господь говорит: *огнь приидох воврещи* (Лк. 12:49). Апостол заповедует *духа не угашать* и о себе свидетельствует: *со усердием гоню* (Флп. 3:14). И у свв. отцов он именуется разное: исканием, предложением, усердием, тщанием, теплотою духа и горением и просто ревностью. Судя по сей великой важности и великому значению ревности, первым делом христианина-подвижника должно быть хранение сей ревности и усердия, как неточной силы богоугодной жизни. Хранить, следовательно — употреблять особого рода приемы и упражнения, способствующие к сему. Какие же именно? Ревность должно сохранять таким же путем, каким она родилась; а родилась она внутренним изменением сердца, под невидимым действием благодати Божией.

Внутреннее, невидимое восхождение нашего духа до ревности началось *пробуждением*

благодатным и окончилось решительным обетом ходить неуклонно в воле Божией. В этом восхождении соблюдалась постепенность самая строгая. Человек-грешник, живущий весь вне и потому называющийся *внешним*, пришедшею благодатию втесняется *внутри* себя, и здесь, как от сна пробужденный, узревает совсем *новый мир*, дотоле ему неизвестный. Это — первый толчок, после которого при помощи Божией через разные *помышления* и *чувства* он мало-помалу высвобождается из первого мира, переходит в другой и повергается перед Царя его и Господа, предлагая Ему клятвенный завет навсегда быть Его рабом. Итак, желающему сохранять неугасаемую ревность, должно: а) пребывать внутри, б) зреть новый мир и в) стоять в тех чувствах и помышлениях, через кои он, как бы по ступеням лестницы, восшел к подножию престола Господа.

Вот что должно быть непрестанным упражнением, подвигом и деланием христианина-подвижника!

а) Внутри-пребывание

Когда наседка, нашедши зерно, дает знать об этом своим детенышам, тогда они все, где бы ни были, летом летят к ней и собираются своими клювами к той точке, где и ее клюв. Точно

так же, когда Божественная благодать воздействует на человека в сердце его, тогда дух его проникает туда своим сознанием, а за ним и все силы души и тела. Отсюда — закон для внутри-пребывания: держи сознание свое в сердце и собирай туда напряжением все силы души и тела. Внутри-пребывание собственно есть заключение сознания в сердце, напряженное же собрание туда сил души и тела есть существенное средство, или делание, подвиг. Впрочем, они взаимно друг друга рождают и предполагают, так что одно без другого не бывает. Кто заключен в сердце, тот собран; а кто собран, тот — в сердце.

Около сознания в сердце должно собираться всеми силами — и умом, и волею, и чувством. Собрание ума в сердце есть *внимание*, собрание воли — *бодренность*, собрание чувства — *трезвление*. Внимание, бодренность, трезвление — три внутренних делания, коими совершается самособрание и действует внутри-пребывание. У кого есть они, и притом все, тот — внутри; у кого нет, и притом хоть одного, тот — вне. Вслед за такими деланиями душевными туда же должны направляться и телесные, им соответствующие органы: так за вниманием — обращение *внутри очей*, за бодренностью — напряжение

мускулов во всем теле, в направлениях к *персам*, за трезвенностию — оттеснение мокротных, как выражается Никифор, каких-то расслабляющих движений, подходящих к сердцу из нижних частей тела, подавление услаждения и покоя плоти. Такие телесные делания, действуя неразлучно с душевными, суть самые сильные, помогающие тем душевным средствам, без коих им и быть нельзя.

Итак, все делание внутри-пребывания через самособрание состоит в следующем. В первую минуту, по пробуждении от сна, как только сознаешь себя, *низойди* внутрь к сердцу, в эти перси телесные: вслед за тем созывай, привлекай, напрягай туда и все душевные и телесные силы, вниманием ума, с обращением туда очей, бодренностию воли, с напряжением мускулов и трезвением чувства, с подавлением услаждения и покоя плоти, и делай это до тех пор, пока сознание не установится там, как на своем месте — седалище, не прилепится, не привяжется, как липкое что-либо к крепкой стене; и потом пребывай там неисходно, пока пользуешься сознанием, часто повторяя то же делание самособрания и для возобновления его, и для укрепления, потому что оно поминутно то расслабляется, то нарушается.

Надобно знать, что это внутри-пребывание и собрание не то же, что углубление при размышлении, или дума (от слова — задумываться), хотя много походит на него. Последнее стоит только в исходище ума, оставляя другие силы незанятыми, и держится в голове; а то стоит в сердце, в исходище всех движений, ниже и глубже всего, что в нас есть и бывает, или происходит так, что все это совершается уже поверх его, перед его глазами, и то позволяется, то запрещается. Отсюда само собою очевидно, что внутри-пребывание есть, в истинном своем виде, условие истинного господства человека над собою, следовательно, истинной свободности и разумности, а потому и истинно духовной жизни. Это подобно тому, как во внешнем мире владельцем города считается тот, кто занимает крепость. Потому всякое духовное делание и всякий вообще подвиг должен быть совершаем отсюда, иначе он — не духовен, ниже подвижничества и должен быть отметаем. *Царствие Божие внутри вас есть*, говорит Господь, и потом для одного духовного делания заповедал: *вниди в клеть твою и затвори двери...* Это — клеть сердца, по разумению всех свв. отцов. По сей-то причине, человек духовный, спасающийся, подвизающийся и называется *внутренним*.

Что собрание внутрь есть приспособленнейшее средство к хранению ревности, это сейчас видно: 1) Собранный должен гореть, ибо собирает все силы воедино, подобно как лучи рассеянные, будучи собраны в одну точку, обнаруживают сильный жар и зажигают. И действительно, с собранием всегда соединена теплота: дух здесь видится сам с собою, как говорит Никифор, и играет от радости. 2) Собранный силен, подобно войску устроенному, или пуку слабых тростей связанных. Оно, подобно препоясанию чресл, означает готовность и силу действовать. Несобранный всегда слаб и или падает, или не делает. 3) Собранный зрит все в себе. Кто в центре, зрит по всем радиусам, все видит в круге ровно и как бы в один раз, а выступивший из центра видит по направлению одного только радиуса; точно так и тот, кто собран внутрь, видит все движения своих сил — видит и управлять может. Горение же духа — сила и зрячесть и составляют истинный дух ревности, который из них слагается. Потому следует сказать: только будь внутрь и не перестанешь ревновать.

Так-то значительно внутрь-пребывание! Значит, должно потрудиться, чтобы стяжать его, ибо и оно не вдруг оказывается, а по вре-

мени и многом искании. На первом месте оно поставляется потому, что есть условие духовной жизни. Его совершенствование зависит от совершенства трех производящих его душевных и трех телесных деланий, именно — внимания ума с обращением внутрь очей, бодренности воли с напряжением тела и трезвения сердца с отбиванием услаждения и покоя плоти. В полном же свете явится тогда, когда будет стяжена чистота ума от помыслов, чистота воли от пожеланий, чистота сердца от пристрастий и страстей. Но и до того времени все же оно есть внутри-пребывание, хотя несовершенное, незрелое, не непрерывное.

Отсюда само собою очевидно, какие средства к неисходному внутри-пребыванию, или, лучше, средство одно: удаляй все, что может нарушать показанные три делания, в их двойном сочетании, или все, что может отвлекать во вне силы души, с соответственными им отправлениями тела: ум и чувства, волю и мускулы, сердце и плоть. Чувства развлекаются внешними впечатлениями, ум — помыслами, мускулы расслабляются распущенностию членов, воля — пожеланиями, плоть — покоем, сердце — пленом или прилеплением к чему-нибудь. Следовательно, держи ум без помыс-

лов, чувства — без развлечений, волю — без пожеланий, мускулы — без ослабы, сердце — без плена, плоть — без угодия и покоя. Итак, условие и вместе средство к внутри-пребыванию: в душе — борение с помыслами, пожеланиями и пленами сердца, в теле — связание его, а за ними — изменение внешнего порядка. Судя по сему, и все последующие подвиги, кои будут направляться к умерщвлению самости, суть вместе средства и к внутри-пребыванию.

Вот почему в наставлениях свв. отцов (учение о трезвении, блюдении ума) внутренняя жизнь всегда поставляется в неразрывной связи с подвижническою бранию. Однако же собрание не то же, что брань. Это — особое делание духовное, начальнейшее. Оно есть место, где все духовное делается — и брань, и чтение, и богомыслие, и молитва. Что ни делал бы подвижающийся, прежде всегда войди внутрь и оттуда действуй.

б) Зрение другого мира

«Старайся войти в храмину, находящуюся внутри тебя, и увидишь храмину небесную», — говорит святой Исаак Сирианин. И действительно, вступивший внутрь себя видит иной некоторый мир, подобный необъятной храмине, невидимый и невоображаемый, но печатлею-

щийся в сознании, в коем, однако ж, не себя зрит человек и не то, что происходит в нем, ибо все это должно замолчать — и молчит. В первый удар благодати зовущей, вместе с вступлением внутрь, открывается и сей мир, независимо от человека, хочет ли он того или не хочет. После же зрение его, равно как и внутрень-пребывание, предается свободе человека и должно быть *делается*. Такое делание, как воспроизведение второго изменения, при восхождении человека до решимости и ревности, есть второе средство к сохранению и возгреванию ревности.

Оно состоит в том, чтобы содержать в сознании и чувстве все строение духовного мира. Подобно тому, как вступивший в комнату называется зрящим ее, когда держит в сознании всю ее, со всем ее расположением, так и вступивший внутрь себя, как на порог, будет зреть иной мир, когда напечатлевает в сознании своем все его строение. Все, следовательно, сюда относящееся, исполнится, когда ум поймет, что такое строение духовного мира, когда напечатлеет его в сознании, или затворится в нем сознанием и будет стоять в нем неисходно.

Все строение духовного, невидимого, мысленного, но тем не менее действительного мира

кратко может быть выражено так: «Бог единый, в Троице поклоняемый, вся сотворивший и вся содержащий, восставляет, или, по апостолу, возглавляет (Еф. 1:10) всяческая в Господе нашем Иисусе Христе, через Духа Святого, в Св. Церкви действующего, Который, по усовершении верующих, переводит их в другой мир, что и будет продолжаться до времени исполнения всех, или кончины века, когда, по воскресении и суде, воздается каждому по делу: одни ниспадут в ад, другие вселятся в рай, и *Бог будет всяческая во всех*».

Это — всеобъемлющая рама всего истинно сущего, бывающего и имеющего быть. Здесь сокращенно все содержание Божественного откровения. Все возможное и действительное входит сюда и есть здесь. Это также содержание Символа Веры. Главнейшие предметы здесь: вседержительство Божие, домостроительство спасения и четыре последних — смерть, суд, рай и ад. Эти именно предметы святитель Христов Тихон заповедует всем христианам непрестанно помнить, от младенчества до гроба.

Это строение должен напечатлеть подвизающийся христианин в уме своем, довести то есть до светлой ясности сознания или так глу-

боко войти в него, или его воспрять в себя, чтоб оно было как бы навязанным на него, — так сраствориться с ним, чтобы сознание и в движение не могло приходить без ощущения его в себе или на себе, подобно тому, как нельзя сделать движения руки без того, чтобы не сотрясать воздуха, или открыть глаза без того, чтобы не подлежать впечатлению ударов света. Лучшее средство к тому установление себя в этом строении, подобно тому, как окинувший себя взором зрит себя установленным в известном мерном соотношении со всеми вещами, окружающими его, — установление, следовательно, во вседержительстве Божиим, в Его деснице, ощущение себя держимым от Него, Им проницаемым и зримым, или, как говорит Василий Великий, памятование, что ты еси называем; установление в участии в домостроительстве спасения, в качестве члена Церкви, — чувствии, по Златоусту, что ты воин Христов и записан в оном граде; установление в смерти и суде, с обращением ока то в рай, то в ад.

Установление это дается не вдруг... Оно — цель. Искание его, делание с целью приобрести есть подвиг мысленный, многотрудный и продолжительный, но нельзя сказать, что многосложный. Весь он состоит в простом напря-

женном зрении умом на сии предметы. Зри себя содержимым десницею Божиею и зримым оком Божиим, спасаемым в Господе, стоящим в смерти, под судом, чтобы, вследствие того, или рай приять, или быть поглощену адом. Весь труд сначала обращается на то лишь, чтобы узреть все это. Когда кто раз добьется зренья, тот после начнет узрывать легче и чаще; и чем кто непрерывнее, напряженнее и усерднее будет совершать это, тот тем скорее достигнет непрекращаемого зренья, или, что то же, стояния в духовном мире, перед Богом, в Церкви, в час смерти и суда, в преддверии ада или рая.

Последний предел сего делания есть стояние в мире духовном или как бы ощущение себя в нем. Именно: в отношении к *вседержительству* Божию бытие в таком ощущении, в каком дитя на руках матери; ко *всезрительству* Божию, в каком подданный перед царем; к *домостроительству* спасения, в каком воин в строю или сын в доме отца, или искусник за делом, или как товарищ в кругу друзей, или как свой в своем семействе; к *смерти и суду*, как преступник, ждущий ежеминутного приговора; к *раю и аду*, как стоящий на самой узкой дощечке, с одной стороны коей — бездна, kloкочущая огнем, а с другой — прекрасней-

ший сад. Кого сподобит Господь все это воспринять в чувство, о том надобно сказать, что он исшел из сего мира и пребывает в другом своим сознанием и сердцем, что он вошел в царствие Божие или воспринял его в себя. *Царствие Божие внутрь вас есть*. Это выступление из настоящего мира и вступление в другой должно быть поставлено целью и составляет предмет напряженного искания.

Условие к тому есть, само собою, внутри-пребывание, в неразрывной связи с которым и начинается, и зреет, и совершается, так что когда образуется неисходное внутри-пребывание, тогда образуется и стояние в мире Божием; и обратно, тогда только и благонадежно внутри-пребывание, когда укрепитя стояние в ином мире.

Самое *делание* состоит, как сказано, в понуждении воззреть на сии предметы сколько можно чаще, с желанием непрерывного зренья их. С первой минуты пробуждения к сознанию, войдя внутрь и со всевозможным напряжением вставляй себя в этот строй и порядок. Сначала лучше устанавливать взор на одном каком-либо предмете и зреть его, пока напечатлется он, а потом переходить к другим. Когда переберутся все, тогда и весь строй может быть

сознаваем в один миг. Иные распределяют это делание по дням, иные — по частям дня: например, о смерти — после обеда, как кто найдет удобным или к чему сознает подвижнейшим дух свой. Только одного закона должно держаться — не переменять часто, ибо это отнимает у делания весь плод. Не должно также упускать из виду, что это переменяемое зрение есть только средство, цель же есть неисходное стояние во всем том строе. Кто, навывкнув зреть одно, не переходит к другому, тот остановился на пути и обманывает себя, воображая, что уже имеет то, к чему только лишь подвигся или к чему начал стремиться. Навывкнув в одном, всегда через него переходит к другому, как для того, чтобы не губить стяжанного трудом, так и для того, чтобы тем подготовиться к скорейшему напечатлению другого. Должно помнить, что это — не размышление, а недвижимое зрение ума, или вера в тот предмет; движение уже ума к помышлению, как случайность невольная, бывает, но не советуется, не благоволяется, а должно быть пресекаемо тотчас по сознании того.

В пособие к успешнейшему прохождению сего делания и совершенству в нем можно взять место Св. Писания, относящееся к тому или

другому предмету, и повторять его непрестанно в продолжении дня или более, например: *камо пойду? — предлежит единою умереть, потом же суд... Собиравши себе гнев на день гнева... Несть иного имени, о немже подобает нам спастися*, и проч.; иметь картину смерти, креста или суда страшного и поставить в таком месте, чтобы она как можно чаще и невольно ударяла в глаза; избирать книги и статьи, резко изображающие сии предметы, и беседы, если случатся с единомысленным, вести более о том же; чаще поминать суды Божии невидимые и неожиданные, случаи смертные, умерших родных и их состояние, видеть себя на одре смертном, смотреть на похороны. Все это резче действует на дух человека, если он стоит в этих предметах во время молитвы. При помощи Божией таким порядком напечатление совершается очень быстро. Надобно только напечатленный в молитве предмет не кидать потом, а ходить с ним, пока можно, хотя бы и несколько дней, стараясь поддерживать впечатление то писанием, то чтением, то беседою, то другими способами. Хорошо для совместного всех их напечатления мысленно напрягаться, зреть их в один миг или, по крайней мере, в одно время хоть один после другого. Лучше всего, впрочем,

сколько можно чаще прочитывать Символ Веры, напрягаясь, тоже все истины его озирать в один миг. Труд, напряжение, усилие скоро приведут к желанной цели; только не ослабевай, не прерывай, а все делай и делай, хоть плода и умения не видно. Годы пройдут без плода, а одна минута все даст неутомимому делателю в вертограде царства Христова, ради постоянства его в труде и усердия терпеливого.

Такое зрение другого мира способно содержать и возгревать дух ревности тем, что доставляет истинное поприще для действия ревнующему духу. «Ты — не здешний, — говорит Златоуст, — а из другого мира: следовательно, и действовать должен как бы в том мире, а для того и зреть его». С другой стороны, кто зрит его, тот постоянно будет иметь перед глазами как бы норму какую и образчик, напоминающий, чтобы не уклониться, не сделать чего-нибудь криво. Это хорошо и тогда, когда бы кто умом только зрел эти предметы. Если же кто дойдет до блага воспринять их в чувство хоть чуть-чуть, у того они возводят мгновенно ревность до великого напряжения. Все свв. отцы называют их «остнами бодущими». И что из этого ни было бы принято чувством, оно того, кто принял, не допустит до

греха. *Помни, учит Сирах, последняя твоя, и во веки не согрешиши. Предзрех*, свидетельствует Пророк Давид, *Господа, да не подвижуся*. Макарий Великий был иссушен, как сам он говорит, памятию огня геенского, другие же плакали непрестанно от памяти смертной. И множество есть изречений у свв. отцов относительно сих предметов и относительно того, как сильно они напрягают дух человека и возгревают ревность. Пришедший в чувство их зрит себя в великой тесноте, а в крайностях, известно, как бывает сильно напряжение.

***в) Стояние в чувствах,
доведших до решимости***

Но все это есть только приготовление, условие и средства к возгреванию ревности. Восстановление ревнования самого решительного и усердия крепкого совершается через воспроизведение тех чувств и помышлений, через кои первоначально, вслед за пробуждением от греховного усыпления, взойдено до него.

По пробуждении видел ты себя в крайней опасности, гибнущим, был в великой нужде и туге, и теперь восставляй это же чувство опасности и крайности, ибо они есть на самом деле. Бывай в боязни и не допускай думать и успокаиваться тем, что все будто миновалось.

Тогда ты, отрешаясь от всего, все оплевал и презрел, избрав иные блага — нечувственные, невидимые, духовные: отрешайся и теперь, все отревай и склоняйся к невидимому, духовному; его зри и напрягайся возлюбить.

Отрешался ты тогда от человекоугодия: почитай и теперь себя ниже всех; имей готовность на презрение и поношение всякое.

Все вменил ты тогда ни во что: не дорожи и теперь ничем; носи готовность, повергши все, остаться голому.

Попрано было тобою тогда саможаление: возвышайся и теперь до готовности к самым крутым крестам и продолжай самоозлобление.

Тогда разбирал свою жизнь: продолжай и теперь возрастать в самопознании; вникай в заповеди евангельские и смотри, чего нет в тебе; там положено семя — теперь расти его.

Тогда, по познании греховного жития, видел ты себя безответным и сокрушался: не переставай и теперь стоять безответным перед лицом правды Божией; осуждай себя всегда и во всем без всякого оправдания и уклонения льстивого, ненавидь свою волю и хотение, и разумение; поражай себя стыдом и страхом безнадежности; зри себя висящим над бездною и недостойным пощады.

Тогда возник ты духовно и по вере в Господа и в надежде на помощь Его, дал обет усердно работать Ему во все дни жизни, до умучения себя самого безжалостного; и теперь зывай: «Достоин я всякого осуждения и муки, но ради беспредельного желания Божия нашего спасения, по коему и Единородный Сын не пощаден, не отчаяваюсь в своем спасении. Не знаю, когда и как, но верую, что буду спасен. Только, Сам Господи, дай Ты мне биться все время жизни, ища спасения у Тебя — в надежде, что не оставишь помощь, ради милости Твоей и ходатайства угодников Твоих. Имиже веши судьбами, спаси мя!»

Вот чувства! Все их прилично назвать *жизнедеятельностью духовною*. И действительно, когда они есть, значит — духовная жизнь в действии; и когда нужно возжечь ослабевающую жизнь, надобно стать в какое-либо из этих чувств. Свв. отцы все говорят о них — то о всех в совокупности, то по частям. И это общий совет и заповедь — непременно стоять в каком-нибудь чувстве. Кто выступил из них, не ищет их, не жалеет об отсутствии их, тот есть охладель и потому состоит в опасности — замер, может быть, и навсегда останется таким, то есть в смерти.

Итак, вошедши внутрь, утвердись в зрении духовного мира и начинай возгревать деятельность жизни духовной или переходи сначала к помышлению, чтобы потом возыметь и в чувстве показанные состояния, — все это есть спасенное устроение ума и сердца. Существенное и неизбежное приготовление к сему суть внутри-пребывание и зрение духовного мира. Первое вводит, а последнее поставляет человека в некоторой духовной атмосфере, благоприятствующей горению жизни. Потому, можно сказать, только производи эти два приготовительные делания — и последнее пойдет само собою. Жалуются часто: ожестело сердце... Не дивно. Не собирается внутрь и не навек тому, не устанавливается, где должно, и не знает сердечного места — как же быть исправной жизнедеятельности? Это — то же, что сдвинуть сердце с места и требовать жизни. Кто воздвигнет веру, зрящую мир духовный и себя в нем, тот не может не прийти в тревожное состояние, не размягчиться; а когда это есть, то после не так трудно печатлеть и другие чувства.

В пособие для сего, так же как и в зрении духовного мира, берут места Писания, кратко и сильно выражающие то или другое состояние, — например: *пощади Твое создание, Вла-*

дыко; возсмердеша и согниша раны моя... Аще Сына Своего не пощаде... Имиже веси судьбами, спаси мя... и проч., — и действуют ими, часто повторяя одно и то же до напечатления.

Не всякое всегда легко чувство, но иногда одно, а иногда другое, и пользоваться должно такими предрасположениями для скорейшего стяжания сих чувств. Оно легко открывается во время утреннее, или должно так делать, чтобы в это время открылось, дабы потом целый день быть с ним. Разверзи сердце и совершай молитвование, и что подвигнется в сердце, при том неотступно и будь вниманием. Облеки это чувство Писанием и повторяй его. Действуя так, будешь все в чувстве и скоро навькнешь деланию духовному. Должно, впрочем, помнить, что не всегда полезно ожидать предрасположения: иногда должно действовать, хотя ничего нет на душе, а иногда, когда есть одно, надобно вытеснить его другими; ибо, судя по состоянию духа, иногда надобно наклониться на одно, а иногда преимущественно на другое чувство. Само собою, что это будет самое счастливое строение духа, если кто может все их проходить разом. Такое совершенство духовной жизнедеятельности должно поставить целию и искать его. Для того

всякий раз, когда становится кто на молитву, по собрании внутрь и вступлении в мир духовный, начинать воспроизводить их по порядку, одно за другим, сначала хоть в помышлениях, пока даст Господь — и в чувствах. Хорошо для этого избрать какую-либо молитву, в которой были бы они все, затвердить и перечитывать часто со вниманием. Молитв множество в Псалтири, и всякий может найти по себе, ибо не для всякого одна молитва. Они кратко содержатся в двенадцати дневных и двенадцати ночных прошениях св. Златоуста. Но то несомненно, что нет надежнейшего средства к их впечатлению, как пребывание в церкви на богослужении.

Как эти чувства способствуют горению духа ревности, очевидно само собою: будь хоть одно, и он уже теплится, потому что каждое из них входит в его состав и имеет в нем свою частичку. Дух ревности прост и единичен, но всеобъемлющ. Начальным чувством всегда должен быть страх Божий, а заключительным — самоуничиженное предание себя в волю Божию, благую, нас спасающую. Первое выносится из зрения духовного мира, последнее же рождается из всех последующих по вере. Впрочем, какие чувства из каких и как порождаются, опре-

делить нет возможности — у всякого это бывает своим образом. Оттого у святых отцов и разные на то указания, или разные объяснения. Большею же частию они предлагаются в раздробленных наставлениях: имей страх Божий, вся во мне уметы, не люби мира, имей себя под всеми и во всем себя осуждай, зри грехи свои, к Богу Единому прибегай. Совокупность всех — в болезненном, со страхом Божиим, припадании к Богу со словами: «Господи, имиже веси судьбами, спаси мя, я же буду трудиться по силе». Тут — все. Кто навыйкнет поставлять себя в духе в такое чувство, тот имеет готовое и безопасное пристанище. Быть в каком-нибудь чувстве очень многозначительно в духовной жизни. В ком есть оно, тот уже — внутрь себя у сердца, ибо мы всегда вниманием в действующей части, и если это сердце, то — в сердце.

Кто внутрь себя, тому и мир духовный открыт. Отсюда видно, что как внутрь-пребывание, со зрением иного мира есть условие к возгреванию духовных чувств, так и обратно — последние предполагают первые и своим рождением вызывают их. Совокупным же взаимодействием тех и других спееется духовная жизнь. Кто в чувстве, того дух связан и привязан, а у кого нет его, тот парит. Потому, чтоб успешнее

пребывать внутри, спеши до чувства, хотя тоже через напряженное самовнедрение. Оттого, кто хочет остаться с одним собиранием умовым, тот трудится напрасно: одна минута — и все разлетается. Не дивно после сего, что ученые при всем образовании непрестанно мечтают, это — оттого, что работают одною головою.

Нет нужды в частности излагать правила и свойства каждого чувства, — это должно быть предметом частных наставлений, размышлений, чтений. У свв. отцов они большею частию излагаются отрывочно, в виде изречений. Главное, чего они искали и что советовали, — это понять духовное строение и уметь держать его. Кто достигнет сего, тому остается одно правило: будь внутри, имей тайное поучение в сердце. Тайным поучением они называли зрение какого-нибудь предмета из духовного мира, или возбуждение духовного чувства посредством какого-либо слова Св. Писания, или слова отеческого, или молитвенного. Так у них: поучайся в памяти Божией, в памяти смертной, в памяти грехов, самоукорении, то есть сознай сей предмет и говори о нем внутри беспрестанно, например: *камо пойду* или: *червь, а не человек*. Это и подобное, во внимании и чувстве творимое, есть тайное поучение.

Отсюда следует, что сокращенно все способы или приемы к возгреванию и содержанию духа ревности можно сократить так: вслед за пробуждением войди в себя, стань в место свое у сердца, пройди всю жизненную деятельность духовную и, остановившись на одном чем-нибудь, будь в нем неисходно. Или еще короче: соберись и твори в сердце тайное поучение.

Этим средством, при помощи благодати Господней, дух ревности, в истинном его строении, будет поддерживаться — и то теплиться, то пламенеть. И это — внутренним путем. Надобно знать, что это есть самый прямой путь к устроению спасительному. Можно все оставить и заняться только этим деланием — и все будет идти успешно. Напротив того, хоть и все будем делать, но без внимания к сему, не будем видеть плода.

Тот, кто обращается не внутрь и не к сему духовному деланию, только проволакивает дело. Правда, делание это чрезвычайно трудно, особенно вначале, но зато прямо и плодно. Потому священнику руководствующему надлежит как можно скорее вводить своих питомцев в это делание и утверждать в нем. Можно даже вводить в него прежде всего внешнего, но всячески совместно с ним — и не можно толь-

ко, но и должно. Это потому, что семя этому деланию положено в обращении, в коем все оно проходится. Следует только разъяснить его, натолковать, как важно, и руководствовать. Тогда и внешнее все пойдет охотно, спешно и зрело. Напротив, без сего оно одно, как гнилые нитки, все будет рваться. Заметь то правило, что надо не вдруг, а исподволь; оно должно иметь великие ограничения; ибо оно вести может не к сему внутреннему деланию, в коем существо дела, а ко внешним правилам. Потому, несмотря даже на то, что есть люди и такие, кои восходят отвне внутрь, должно остаться неизменным правилом — входить скорее внутрь и здесь разогревать дух ревности.

Кажется, простая вещь; но, не узнав о ней, можно долго пропотеть — и все малоплодно. И это по свойству телесной деятельности. Она легче, потому и привлекает; внутренняя же трудна, потому и отталкивает. Но привязавшийся к первому, как вещественному, и сам в духе постепенно овеществляется, потому хладеет, становится неподвижнее и, следовательно, все более и более удаляется от внутреннего. И выходит, что сначала оставит иной внутреннее, будто до времени созрения — придет-де срок, — но после, оглянувшись, находит, что

срок пропущен и, вместо приготовления, он вовсе стал к нему неспособным. Опять и внешнее не должно оставлять: оно — опора внутреннего, а то и другое должно идти совместно. Очевидно только, что преимущество — за первым, ибо служить Богу должно духом и кланяться Ему в духе и истине достоин. То и другое должно быть во взаимном подчинении, по достоинству их удельному, без насилий друг другу и насильственного разделения.

**Указание упражнений,
способствующих к утверждению в добре
душевных и телесных сил человека**

Таким образом, благодатная внутри, в духе, жизнь будет гореть и разгораться. Ради ревности и усердия человека, предающего себя Богу, благодать будет наитствовать его и проникать своею освящающею силою и все более и более, или усвоять себе. Впрочем, на этом не можно и не должно останавливаться. Это еще семя, точка опоры. Надлежит сделать, чтобы сей свет жизни проходил далее и, проникая собою естество души и тела и таким образом освящая их, присвоя себе, отривал прившедшую неестественную страстность и возводил их в чистый и естественный их вид, — не оставался в

себе, а разливался по всему нашему существу, по всем силам. Но поелику силы эти, как выше сказано, все пропитаны неестественным, то дух благодати, чистейший, пришедший в сердце, не может прямо и непосредственно входить в них, будучи преграждаем их нечистотою. Посему надлежит утвердить некоторые посредства между духом благодати, живущим в нас, и силами, через кои он переливался бы в них и целил их через них, как через приложенные к больным местам пластыри. Очевидно, что все эти средства, с одной стороны, должны носить характер и свойства Божественного или небесного происхождения, а с другой — стоять в совершенном согласии с нашими силами в их естественном устройении и назначении, иначе благодать не пройдет через них и силы не извлекут себе целительности из них. Таковы посредства должны быть по своему происхождению и внутреннему свойству. Сами же в себе они не могут быть иным чем, разве действиями, упражнениями, трудами, поелику прилагаются к силам, коих отличительное свойство — действовать. Итак, надобно теперь искать, какие Сам Бог в Писании Своем, или через наущение святых после него, избрал и указал дела и упражнения, как средства к уврачеванию сил

наших и возвращению им потерянной чистоты и целости.

Открыть такого рода упражнения и делания нетрудно — стоит только пересмотреть несколько житий мужей подвизавшихся, и они окажутся сами собою. Пост, труд, бдение, уединение, удаление от мира, хранение чувств, чтение Писания и свв. отцов, хождение в церковь, частая исповедь и причащение, обеты и другие дела благочестия и доброделания — все это в совокупности, а иногда преимущественно в каких-нибудь одних частях, можно встречать в каждом почти житии святых отцов. Всем им общее имя — подвиг — как бы устрашает, но должно привлекать показанное значение, то есть их целительность. Укажем только каждому из сих подвигов и упражнений свое место, в какой силе и к чему какой подвиг приложить должно.

Чтоб успешнее сделать это, покажем ход всякого нашего действия и, следовательно, всей деятельности. Всякое действие свободное, зарождаясь в сознании и свободе, следовательно, в духе, ниспадает в душу и силами ее — рассудком, волею и чувством — заготавливается к исполнению и потом исполняется силами тела, в известном времени, месте и других внешних

обстоятельствах. Внешнее дело большею частью проходит бесследно, когда оно не повторено, не замечено и не перенято другими. Когда же бывает это, то оно переходит в постоянное правило, нрав, обычай, словно закон. Совокупность этих обычаев составляет дух того общества или круга людей, в коем утверждают такие обычаи. Если исходище их хорошо, то и обычаи хороши, и общество хорошо. Если исходище худо, то и обычаи худы, и общество худо. Но в последнем случае кто вступил в сие коловращение обычаев и нравов, тот неизбежно раб их и, несмотря на труд рабства, раболепствует беспрекословно. Кто живет помирски, тот раболепствует обычаям и духу мира. Но и тот, кто входит свежим в сей мир, неизбежно проникается духом его и скоро уравнивается с другими, ибо эти обычаи суть стихии для образования в нас духа греховного, страстного, богоборного, потому что сами суть не что иное, как ходячие страсти.

Имея целию очистить и исправить человека, Божественная благодать прежде всего вручает исходище всей его деятельности, именно: обращает сознание и свободу к Богу, чтоб отсюда потом проводить целение и по всем силам, через их деятельность собственную, назна-

чаемую им, или возбуждаемую в них из исходища уже исцеленного и освященного. Как у врачевывается и как хранится это исходище, мы видели перед сим. Теперь надлежит определить, какие должны исходить из него действия, с целительною силою, в том значений, какое указано перед сим. Этим, однако ж, не позволяется самовольное назначение сих деланий, а только то, что они должны быть приняты непринужденным сознанием и свободою, ибо иначе не будет от них и ожидаемого плода.

Итак, вслед за образованием и хранением ревности со всем внутренним устроением должно определить упражнения, указанные в слове Божиим и писаниях свв. отцов, сначала для сил души, как ближайших приемников всего зачинаемого в святилище духа, потом для сил и отправлении тела как приемников созревающего в душе; наконец и для внешнего поведения, как общего стока всей внутренней деятельности или ее поприща и вместе образовать. Все сии упражнения должны быть направляемы так, чтобы не погашали, а возгревали более дух ревности, со всем внутренним устроением.

В душе встречаем три силы: ум, волю, сердце или, как у свв. отцов, силу рассудительную, вожделительную и раздражительную. К каж-

дой из них свв. подвижниками прилагались особые врачевательные упражнения, сродные с ними, и приимательные и проводительные, в отношении к благодати. Их не нужно строить по теории, а только выбрать из испытанных уже подвигов, какие идут к какой силе. Так:

А. К уму:

а) чтение и слушание слова Божия, писаний свв. отцов и житий угодников Божиих.

б) Изучение и напечатление всех истин богоданных в кратких изложениях (катихизис).

в) Вопроснение опытейших и старейших.

г) Взаимное собеседование и совещание дружеское.

Б. К воле:

а) строгое соблюдение всех подвижнических, преднаписываемых теперь правил.

б) Подчинение всему уставу церковному.

в) Подчинение порядку гражданскому, или должностному и семейному, ибо в нем посредствуется воля Божия.

г) Покорность воле Божией в судьбе своей жизни.

д) Внимание к совести в делании добрых дел.

е) Повиновение духу, ревнующему об исполнении обетов.

В. К сердцу:

а) бывание на св. церковных службах.

б) Молитва, церковию определенная, — правило домашнее.

в) Употребление Св. Креста, икон и других священных веществ и вещей.

г) Соблюдение священных обычаев, учрежденных церковию и всегда ею предлагаемых.

Тело, по естеству, чисто. Потому надлежит только устранить от его потребностей неестественное и укрепиться в естественном для него, или, что то же, возратить его к природе. Кроме сего, оно должно быть помощником душе, как всегдашний ее друг, а потому, кроме возвращения к пределам естества, удовлетворение его потребностей должно быть применено еще к пользе души и духа. В удовлетворение сих требований назначается на каждое отправление тела своего рода упражнение, как средство и для врачевания телесности нашей, и для пользы духовной.

Сюда относятся правила, коими предписывается:

а) В отношении к чувствам: хранение чувств вообще, особенно же слуха и глаз (нервное отправление).

б) Хранение уст и языка (мускульное).

в) Бодрость телесная, с трудом и рукоделием (мускульное).

г) Воздержание и пост (брюшное).

д) Мера сна и бдения (брюшное).

е) Телесная чистота (брюшное).

Вообще в отношении к телу: *утруждение* (мускульное), *озлобление* (нервное) и *измождение* (брюшное).

Само собою очевидно, как через такие подвиги мало-помалу тело возвратится к своему естеству, станет живо и крепко (мускульное), светло и чисто (нервное), легко и свободно, и явится приспособленнейшим орудием для духа нашего и достойным храмом Духа Святого.

Внешнее наше — сток наших дел, их поприще, и вместе повод и поддержка — зарождение и окончание. Его можно бы оставить в покое, если б оно не воздействовало на нас обратно. Но на деле оно сильно властвует и даже правит нами. Потому, как выражение образа деятельности сил или характера внутреннего при изменении их, и оно должно быть непременно изменено. Его поприще — семейство, должность, связи. Итак, сюда должно отнести все правила, обязывающие:

а) оставить злые обычаи, все без исключения; затем —

б) очистить связи и сношения, оставляя спасительное и устраняя вредное, и определить поведение или обращение с людьми;

в) по новому порядку распределить или вновь учредить занятия по должности, если они есть;

г) учредить порядок семейных дел, или вообще приспособление дома к духовной жизни.

Необходимо так сделать, чтобы все внешнее, с вещами, лицами, делами, составляло около как бы какую духовную атмосферу, питающую и созидающую, а не разоряющую.

Вот упражнения и подвиги! Употребление их должно быть непрерывное; они должны быть при нас, как повязка с пластырем на разных частях нашего состава. Но приспособленнейшее место для них, где они являться должны в чистейшем и совершеннейшем виде, строжайшем, это есть *говение* — спасительнейшее учреждение Св. Церкви, назначенное к нашему очищению и освящению через таинства. Сим именем означаетя:

1) Прохождение всех подвигов, в совершенном виде, как приготовление к принятию таинств.

2) Самое принятие Таинств Исповеди и Причащения Тела и Крови Христовых.

Это — упражнения, обнимающие всего человека, питающие и дух, и душу, и тело. Их назовем *благодатными средствами воспитания и укрепления духовной жизни*.

Вот несколько *общих замечаний* о всех сих подвигах и упражнениях. Все такие подвиги и упражнения должно проходить каждому подвижнику в особенном, к нему примененном виде, потому что сами по себе они суть еще как бы материалы и рамки для правил. Правила строятся из них — через приложение их ко времени, месту, лицу, обстоятельствам и проч. Это и должно быть сделано каждым подвижающимся или самим, или по руководству своего руководителя и духовного отца — сделано над всяким упражнением, и потом из всей совокупности их построен один всеобъемлющий *порядок духовных упражнений или подвигов*, где всему место и время, большему и малому. Этот порядок, равно как и правила — не могут быть достаточно указаны в писанном руководстве, разве только в началах. Здесь можно только описать каждое упражнение и показать его цельность и общие начала употребления.

Нетрудно заметить, как все такие подвиги и упражнения соответствуют внутреннему деланию. Именно правила внешнего поведения,

с устроением тела, существенно необходимы для сохранения внутри-пребывания и духовного сознания, упражнения же благочестивые — для духовной жизнедеятельности. Потому в жизни духовной сколько существенно внутреннее, столько же существенны и они. У свв. отцов они называются телесным, вещественным деланием, или жизнью деятельною, внутреннее же — жизнью созерцательною, а также духовным и умным деланием. Это — заблуждение, будто внутреннее может стоять, хотя и не приспособлено к нему внешнее; равно как и то неправо, если кто останавливается на одном внешнем, забывая внутреннее, как оно у нас указано, или не заботясь о нем. То и другое должно идти совместно, так что все дело кратко можно выразить так: вошедши в себя и став в духовное сознание, возбуди жизнедеятельность, или строй духовный, и потом ходи в построенном тобою порядке подвижничества.

Должно при этом твердо содержать в мысли, что упражнения, подвиги, поведение, при всей своей существенной необходимости и полной годности, для хранения и образования духовной жизни и восстановления естества, силу к тому имеют не сами от себя — не они созидают дух и очищают природу, а благодать

Божия, проходящая через них и получающая как бы доступ, проток к нашим силам. Потому ходи в них со всем тщанием, ревностью, постоянством; но самое свое преспеяние предавай Господу, чтобы под прикрытием их Он Сам созидал нас, как хочет и ведает. Вступая в подвиг, не на нем останавливай внимание и сердце, но минуй его, как нечто стороннее, — разверзай себя для благодати, как готовый сосуд, полным себя Богу преданием. Кто находит благодать, тот находит ее посредством веры и рачительности, говорит св. Григорий Синаит, а не посредством одной рачительности. Как ни исправно будет наше делание, но коль скоро не предаемся при нем Богу, не привлекаем благодати, оно созидает не дух в нас истинный, а дух лестчий, производит фарисея. Благодать — душа их. Они потолику истинны, поколику питают и хранят самоуничтожение, сокрушение, страх Божий, нужду в помощи Божией и преданность Богу. Сытость и довольство от них — знак неистинного их употребления, или неразумия.

Вот весь порядок названного нами положительного делания, или начала самопринуждения. Следует теперь раскрыть каждое из них в отдельности, хотя в общих чертах.

***Упражнения, способствующие
к образованию душевных сил
по духу христианской жизни***

Сил три: ум, воля и чувство. Соответственно им распределяются и упражнения. Прямо они обращаются на образование сил, но так, чтобы не погасался тем дух, но, напротив, возгорался более и более. Последнее служит мерою и остепенением первого, которое подчиняется ему до безмолвной покорности или совершенного прекращения.

***Упражнения, образующие ум,
с возгреванием к жизни духовной***

Христианское образование ума есть напечатление в нем всех истин веры столь глубоко, чтоб они составляли его существо или чтоб он состоял из них одних, так чтобы, когда он станет рассуждать о чем, рассуждал или поверял все познаваемое по ним и, вообще, без них не мог бы и движения малого сделать. У апостола названо это содержанием *образа здравых словес*.

Упражнения или делания, сюда относящиеся, суть: чтение и слышание слова Божия, отеческих писаний, житий свв. отцов, взаимное собеседование и вопрошение опытных.

Хорошо — читать или слушать, лучше — взаимное собеседование, а еще лучше — слово опытейшего.

Плодоноснее — Слово Божие, а за ним — отеческие писания и жития святых. Впрочем, нужно знать, что жития лучше для начинающих, писания отеческие — для средних, Божие же Слово — для совершенных.

Все эти — и источники истин, и способы почерпать их, очевидно, способствуют и напечатлению их в уме, и, вместе, поддержанию духа ревности.

Часто один текст возгревает дух не на один день; есть жития, о коих одно воспоминание восставляет жар ревности; есть места у свв. отцов всевозбудительные. Посему есть доброе правило: выписывать такие места и хранить на случай нужды для возбуждения духа.

Часто ни внутреннее, ни внешнее делание не помогает — дух остается в усыплении. Спешите читать что-нибудь, из чего-нибудь. Это не поможет, — беги к кому-нибудь на беседу. Последняя с верою редко остается без плода.

Есть два рода чтения: одно — рядовое, почти механическое, а другое — избирательное, по требованию духовных нужд, с совета. Но и

первое бесполезно. Оно, впрочем, приличнее утвердившимся уже, которые как бы только повторяют, а не изучают.

Все необходимо иметь всякому человеку для беседы о вещах духовных, который уже знал бы все наше и которому можно бы смело открывать все, что бывает на душе. Лучше, если такой один, много — два. Бесед же праздных, для одного препровождения времени, всячески должно избегать.

Вот *правила чтения*:

Перед чтением должно упразднить душу от всего.

Возбудить потребность знать то, о чем читается.

Обратиться молитвенно к Богу.

Читаемое следить вниманием и все слагать в отверстое сердце.

Что не дошло до сердца, на том стой, пока дойдет.

Очевидно, что читать должно весьма медленно.

Прекратить чтение, когда душа не хочет уже чтением питаться, — сыта, значит. Если, впрочем, поразит душу какое место, стой на нем и не читай более.

Лучшее время для чтения Слова Божия — утро, житий — после обеда, свв. отцов — незадолго перед сном.

Можно, следовательно, касаться всего понемногу каждый день.

При таких занятиях постоянно должно содержать в мысли главную цель — напечатление истин и возбуждение духа. Если это не приносится чтением или беседою, то они — праздное чесание вкуса и слуха, пустое совопросничество. Если совершается это с умом, то истины и напечатлеваются, и возбуждают, и одно помогает другому; а если отступается от правого образа, то нет ни того, ни другого: истины набиваются в голову, как песок, и дух холодеет и черствеет, надымается и кичит.

Напечатление истин — не то же, что их исследование. Здесь требуется только: уясни истину и держи в уме, пока срастворится с ним, без доводов, ограничений, один лик истины.

Потому легчайшим способом к сему законно можно почесть следующее: истины все — в катихизисе. Каждое утро бери оттуда истину и уясни ее, носи в уме и питайся ею, сколько будет питаться душа — день, два и более; то же сделай с другою, и так — до конца. Способ лег-

кий и общеприложимый. Не умеющий читать, спроси одну истину и ходи с нею.

Видимо, что закон для всех: напечатлевай истины так, чтобы они возбуждали. Способы же выполнения его разнообразны, и одного для всех указать никак нельзя.

Следовательно, чтение, слушание, беседа, не напечатлевающие истин и не возбуждающие духа, должны быть почитаемы неправыми, уклонившимися от истины. Это — болезнь многочтения по одной пытливости, когда одним умом следят за читаемым, не доводя до сердца, не услаждая его вкуса.

Это есть наука мечтать, не созидаящая, не учащая, а разоряющая, всегда ведущая к кичению. Все дело, как сказано, ограничить должно следующим: уясни истину и содержи в уме, пока вкусит сердце. У свв. отцов говорится просто: помни, содержи в уме, имей перед глазами.

Упражнения для образования воли и с обращением на возбуждение духа

Образовать волю — значит напечатлеть в ней добрые расположения или добродетели: смирение, кротость, терпение, воздержание, уступчивость, услужливость и проч. — так, чтобы они, сорастворившись или сросшись с нею, составили как бы ее природу и чтобы, когда

предпринимается что волею, предпринималось по возбуждению их и в их духе, чтобы, то есть, они стали правителями и царствовали над делами нашими.

Такое настроение воли есть самое безопасное, прочное; но поелику оно противоположно настроению греховному, то стяжание его составляет труд и пот. Потому и делания, относящиеся сюда, преимущественно направляются против главной немощи воли, то есть своеволия, непокорности, нетерпения ига.

Недуг этот врачуется покорением воле Божией, с отвержением своей и всякой другой. Воля же Божия открывается в разных видах послушания, лежащих на каждом. Первое и главнейшее требование ее есть хранение законов или заповедей по своей, каждого, должности или званию; затем — хранение устава Церкви, требований порядка гражданственного и семейного, требования обстоятельств, кои от воли промыслительной, требования духа ревнующего, все с рассуждением и советом.

Все это — поприща для дел правых, кои открыты для всякого, и притом все. Потому умей только распоряжаться, и не восчувствуешь скудости средств к образованию воли.

Для сего уясни себе всю сумму дел правых, возможных для тебя, в твоём месте, звании, обстоятельствах, вместе с рассмотрением и того, когда, как, в какой мере и что можно и должно исполнить.

Уяснивши все, определи общий очерк дел и их порядок, чтобы все творимое не было нечаянно, памятуя притом, что этот порядок уместен только вообще, в частности же он может быть изменяем по требованию хода дел. Все с рассуждением твори.

Потому лучше каждодневно перечислять возможные случаи и возможные дела.

Навыкшие в делании правом никогда ничего не определяют, а делают всегда то, что Бог пошлет, ибо все от Бога; случаями Он открывает нам Свои определения.

Все это, впрочем, только дела. Хождение в них делает только исправным. Чтобы через них востечь и к добродетелям, надлежит напряженно держать дух истинного доброделания: именно — со смирением и страхом Божиим все твори по воле Божией и во славу Божию. Кто творит по самонадеянности, со смелостию до дерзости, в самоугодие или человекоугодие, тот, хотя и в правых делах, образует в себе злой дух самоправедности, кичения и фарисейства.

Содержа правый дух, должно памятовать и законы, преимущественно закон постепенности и непрерывности: то есть всегда начинай с меньшего и восходи к высшему и потом, начавши делать, не останавливайся.

Этим избежать можно:

Смущения, что несовершен, ибо не вдруг; придет еще время.

Мысли, что все уже сделал, ибо степеням конца нет.

Заносчивой предприимчивости, подвигов выше сил.

Последний предел — естественность доброделания, когда уже *закон не лежит* бременем.

Успешнее всех достигает сего тот, кто сподобится благодати жить вместе с добродетельным и деющим, а еще успешнее, если он у него под наукою. Не нужно будет делать снова и переделывать допущенное от неумения и не навыкновения. Не читай, не размышляй, как говорится, а найди благоговейного, и тотчас научишься страху Божию. То же можно приложить и ко всякой другой добродетели.

Хорошо, впрочем, судя по себе, своему характеру и месту, избрать преимущественно одно доброделание и держаться его неуклонно — оно будет грунтовое, как канва, — по ней

и на другие переходить. Это спасительно при расслаблении — сильно напоминает и скоро возбуждает. Надежнее всех подаяние милостыни, которая до Царя ведет.

Впрочем, это касается только дел, а не расположений, у которых должен быть свой внутренний строй, зиждущийся в духе, некоторым образом независимо от сознания и свободы, как Господь даст. Началом его всеми святыми признается страх Божий, а концом — любовь; в середине строятся все добродетели одна из другой, хоть и не у всех одинаково, но непременно на смиренном и сокрушенном покаянии и болезновании о грехах. Это соки добродетелей. Изображение каждой добродетели, ее свойства, делания, совершенства степени, уклонения есть предмет особых книг и отеческих наставлений. Все это познавай посредством чтения. Такого рода добродетель прямо образует волю и напечатлевает в ней добродетели; но в то же время оно держит и дух в постоянном напряжении. Как трением возбуждается теплота, так и делами добрыми возгревается усердие. Без них и добрый дух хладеет и испаряется. Этому обыкновенно подвергаются неделатели, или люди, ограничивающиеся неделанием зла и неправд. Нет, надобно на-

значать и избирать и дела добрые. Есть, впрочем, и слишком хлопотливые делатели, которые потому так скоро истощаются и рассеивают дух. Всему — мера.

Образование сердца

Образовать сердце — значит воспитать в нем вкус к вещам святым, Божественным, духовным, чтобы, обращаясь среди них, оно чувствовало себя как бы в своей стихии, находило в том сладость, блаженство, ко всему же другому было равнодушно, не имело вкуса и даже более — имело к тому отвращение. К сердцу сходится вся духовная деятельность человека: в нем отпечатлеваются истины, в него внедряются и добрые расположения; но главное собственное его дело — это показанный нами вкус. Когда ум зрит все строение мира духовного и разные его предметы или в воле спеются разные благие начинания — сердце под ними должно во всем этом ощущать сладость и издавать теплоту. Это соуслаждение духовному есть первый признак оживления умершей души от греха. Потому образование его — очень важный момент даже в начатках.

Делание, направленное к нему, есть все вообще наше священнослужение во всех его видах — и общее и частное, и домашнее и церков-

ное, а главным образом — движущийся в нем дух молитвенный.

Священнослужение, т.е. все дневные службы, со всем устроением храма, иконами, свечами, каждением, пением, чтением, действованием, а также службы на разные потребности, потом служение домашнее, тоже с вещами церковными — освященными иконами, елеем, свечами, водою святою, крестом, ладаном — вся эта совокупность вещей священных, действующая на все чувства — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус — суть *оттиратели* чувств у омертвелой души, сильные и единственно верные. Душа омертвела от духа мира, обдающего ее через живущий в ней грех. Все строение церковнослужения нашего и своим строением, и значением, и силою веры, и особенно сокрытою в нем благодатию — имеет непреодолимую силу отвевать дух мира и, освобождая душу от его тяготящего влияния, дает возможность вздохнуть как бы свободно и вкусить сладость этой духовной свободы. Вступивший в храм вступает совсем в другой мир, влияет от него и соответственно тому изменяется. То же бывает и с тем, кто окружает себя священными вещами. Частость впечатления духовного спешнее проникает

внутри и скорее оканчивает преобразование сердца. Итак:

1) следует учредить возможно частое пребывание в храмах на церковных службах и обыкновенно на утрени, литургии, вечерни. Иметь стремление к тому и, при первой возможности, быть там каждодневно и хоть однажды, а если можно, даже безвыходно. Наш храм есть рай на земле или небо. Спешите в храм по вере, что он — место селения Божия, где Он Сам обещал скорее услышать: пребывая в храме, будь, как перед Богом, в страхе и благоговении, которые вырази терпеливым стоянием, поклонами, вниманием к служению вообще, без расхищения мыслей, ослабления и небрежности.

2) Следует не забывать и других священнослужений, частных, в храме ли то или в доме совершаемых, а равно и своего домашнего молитвования со всем церковным устройством. Должно помнить, что это есть только дополнение некое служения церковного, а не замена его. Апостол, заповедуя не лишать себя собраний, давал знать, что вся сила служения принадлежит служению общему.

3) Следует совершать все церковные торжества, обряды и обычаи, вообще весь устав и обложить себя им во всех исходищах, так чтобы

постоянно пребывать как бы в некоторой особой атмосфере. Это сделать легко. Таково устройство нашей Церкви. Прими только с верою.

Но главным образом, что дает силу церковному служению, это — молитвенный дух. Молитва — это есть как обязанность всеобъемлющая, так и средство вседейственное. Ею и истины веры напечатлеваются в уме, и добрые нравы — в воле; но преимущественно оживляется сердце в чувствах своих. Тогда только спешно идут и первые два, когда есть это одно. Потому образование молитвы должно быть начато прежде всего и продолжаемо постоянно, неутомимо, пока не даст Господь молитву молящемуся.

Начатки молитвы полагаются в самом обращении, ибо молитва есть устремление ума и сердца к Богу, что и есть в обращении. Но невниманием или неумением можно погасить в себе эту искру. Затем тотчас и должно начать известного рода делания с целию возгревать дух молитвенный. Кроме отправления служений и участия в них, о коих было сказано, ближе прямо сюда относится молитвование своеличное, где бы и как бы оно не совершалось. Тут правило одно: навькни молиться! Для сего:

1) Избери правило молитвословия — вечернего, утреннего и дневного.

2) Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшего духа к сему деланию и труду.

3) Но совершать его должно всегда со страхом, тщанием и всем вниманием.

4) Здесь требуется: стояние, поклоны, коленопреклонение, крестное знамение, чтение, иногда пение.

5) Чем чаще становиться на такую молитву, тем лучше. Иные делают это на каждый час: не много, но чаще.

6) Какие читать молитвы, это положено в молитвенниках. Но хорошо навыкнуть к одной какой-либо, чтобы, начав ее, тотчас загорался дух.

7) Правило молитвословия просто: став на молитву, со страхом и трепетом говори ее как в уши Божии, сопровождая крестом, поклонами и падением ниц соответственно движению духа.

8) Правило принятое непременно всегда исполнять должно; но это не препятствует, по требованию сердца, и прибавлять.

9) Чтение и пение вслух, или шепотом, или молча — все одно, ибо Господь близ. Но иног-

да лучше тем, иногда другим способом совершать все молитвословие.

10) Твердо должно содержать в мысли предел молитвы. Та молитва хороша, которая оканчивается припадением к Богу с чувством: *имиже веси судьбами, спаси мя.*

11) Есть степени молитвы. Первая степень — молитва телесная, более в чтании, стоянии, поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет: тут — терпение, труд, пот. Несмотря, однако ж, на то, положи пределы и делай молитву. Это — делательная молитва. Вторая степень — молитва внимательная: ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговорить с сознанием, без расхищения. Внимание срастворяется со словом писанным и говорит как свое. Третья степень — молитва чувства: от внимания согревается сердце, и что там в мысли, то здесь становится чувством. Там — слово сокрушительное, а здесь — сокрушение; там — прошение, а здесь — чувство нужды и потребность. Кто перешел к чувству, тот без слова молится, ибо Бог есть Бог сердца. Потому это и есть предел молитвенного воспитания — став на молитву, переходить от чувства к чувству. При сем чтение может прекращаться, равно как и мышление, а пусть будет толь-

ко пребывание в чувстве с известными молитвенными знаками. Такая молитва сначала приходит помалу. В церкви или дома нападает чувство молитвенное... И вот общий святых совет — не пропускать этого без внимания: то есть, когда чувство есть, прекрати всякое другое дело и стой в нем. Св. Лествичник говорит: «Ангел молится с тобою». Вниманием к этим проявлениям молитвы спеется воспитание молитвы, а невниманием разоряется: в воспитании же и дело.

12) Как бы, впрочем, ни полагал себя кто усовершенствовавшимся в молитве, правила молитвенного оставлять никогда не должно, а творить его, как указано, и всегда начинать с молитвы делательной. С нею должна быть умная, а за ними придет и сердечная. Без этого растеряются сии последние, и человек будет думать, что молится, а на деле этого не будет.

13) Когда молитвенное чувство взойдет до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть дар Духа Божия, молящегося за нас, — последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорят, еще и непостижимая умом молитва, или заходящая за пределы сознания (так у св. Исаака Сирианина).

14) Легчайшее средство восхождения к непрерывности в молитве есть навывковение молитве Иисусовой и вкоренение ее в себе. Опытнейшие мужи в духовной жизни, Богом вразумленные, нашли это одно простое и вместе вседейственное средство к утверждению духа во всех духовных деланиях, равно как и во всей духовной подвижнической жизни, и в наставлениях своих оставили подробные о ней правила.

Трудясь и подвижничествуя, ищем очищения сердца и восстановления духа. К этому два пути: деятельный, то есть хождение в тех подвигах, кои указаны перед сим, и умозрительный — обращение ума к Богу. Там душа очищается и приемлет Бога; здесь Бог зримый сожигает всякую нечистоту и приходит вселиться в очищенную душу. Заклучая последнее в одной молитве Иисусовой, Григорий Синаит говорит: «Бога стяжаваем или деланием и трудом, или художным призыванием имени Иисуса», и потом прилагает, что первый путь длительнее последнего — последний скорее и действеннее. Вследствие сего, иные первое между подвигами место давали молитве Иисусовой. Она просвещает, укрепляет, оживляет, всех врагов, видимых и невидимых, побеждает и к

Богу возводит. Такая всемогущая и вседейственная! Имя Господа Иисуса — сокровище благ, сил и жизни в духе.

Отсюда само собою следует, что всякому покаявшемуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же раз и преподавать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с нею уже вводить и во все другие, потому что этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и войти до мира внутреннего. Не зная сего, иные, или большая часть, останавливаются на телесных и душевных деланиях и почти праздно иждивают труды и время.

Делание это названо «художеством». И оно очень просто. Стоя сознанием и вниманием в сердце, произноси непрестанно: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, без всякого образа и лика, по вере, что Господь зрит тебя и внимает тебе.

Чтобы утвердиться в этом, должно назначать известное время утром или вечером, четверть, полчаса и более, кто сколько может, на то, чтобы только творить эту молитву. Это после утренней и вечерней молитвы, стоя или сидя. Этим положатся начатки навыковенению.

Потом днем поминутно напрягаться творить ее, кто что бы ни делал.

Больше и больше будет стяжеваться навык, и она станет твориться как бы сама, при всяком деле и занятии человека. Чем кто решительнее возьмется, тем скорее успевает.

Непременно должно держать сознание у сердца и во время делания стеснять мало дыхание, в изъявление напряжения, с коим творится.

Но условие высшее — вера, что Бог близ и слышит нас. Говори молитву в слух уха Божия.

Навыкновение это низводит теплоту в дух, а далее просветление, потом и восхищение. Но все это достигается иногда годами.

Сначала молитва эта долго есть только делательная, как и всякое делание, потом переходит в умность и, наконец, внедряется в сердце.

Бывают уклонения от правого пути этой молитвы. Потому надо поучиться ей у того, кто знает ее. Заблуждения больше от того, кто где вниманием — в голове или в груди.

Кто в сердце, тот безопасен. Еще безопаснее, кто болезненно припадает к Богу на всяк час в сокрушении, с молитвою об избавлении от прелестей.

Святые отцы подробно изложили учение о сем делании. Посему принявшемуся за это дело и должно их прочитывать, все же другое кинуть. Лучшие наставления: у Исихия, в предисловиях старца Василия, в жизни Паисия; у Григория Синаита, Филофея Синайского, Феолипта, Симеона нового Богослова, у Нила Сорского, у священноинока Дорофея (русского).

Кто навикнет сему, проходя и все прежде показанное, тот есть муж-делатель христианской жизни. Быстро он будет зреть в очищении себя и христианском совершенстве и достигнет желанного мира в богообщении.

Вот делания для сил души, с приспособлением их вместе и к движениям духа. Здесь видим, как каждое из них приспособлено к жизни духа, или чувствам духовным. Но они же ведут и к укреплению начальных условий внутри-пребывания, а именно: делания умо-вые — к собранию внимания, делания воли — к бодренности, а делания сердца — к трезвению. Молитвование же или молитва покрывает все их и все совмещает; даже в производстве своем она есть не что иное, как внутренняя, прежде изъясненная деятельность.

Все эти делания назначены к образованию сил души, по духу новой жизни. Это то же, что

одуховление души или возвышение ее в дух и сорастворение с ним. В падении они соединены на противное. В обращении восстановлен дух; но душа осталась с жестокою выею непокоривости и нехотения духа и духовного. Эти делания, проникнутые духовными стихиями, сродняют ее с духом и срастворяют. Отсюда очевидно, как существенно они необходимы и как худо делают увольняющие себя от них. Они сами причиною того, что у них труд идет без плода, — потеют, но не видят плода, затем скоро остывают, и всему конец.

Но тут же должно помнить, что весь плод их от духа ревности и искания. Он проводит восстановительную силу благодати через те делания и низводит в душу оживление. Без него все эти делания пусты, хладны, безжизненны, сухи. Малоплодны чтения, поклоны, службы и все другое, когда нет внутреннего духа. Это делание может научить тщеславию и фарисейству и им одним поддерживаться. Посему все опадает, когда встретятся противности у того, кто духа не имеет. Да и сами по себе они утомительны. Дух же передает душе силу, по коей она сытости в сих деланиях не находит и желала бы в них одних и обращаться всегда.

Так-то крайне нужно, при сих деланиях, всегда иметь в виду, чтобы горел дух жизни, со смиренным и болезненным припадением к Богу, Спасителю нашему; а это лучше всего питается и хранится молитвою и деланиями молитвенными. Смотреть надо и блюстись, чтобы на них одних не остановиться, потому что они и для души питательны. Можно потому остаться душевным при них, с ущербом для духа. Более всего это случиться может с чтением и, вообще, познанием и усвоением истины.

Держание тела по духу новой жизни

Отличительная черта здесь есть стеснение плоти. Стеснить плоть — значит не творить ей никакого угодия в похоти, или не творить ничего с услаждением. Ни пищи, ни пития, ни сна, ни движения, ни смотрения, ни слышания, ни других чувств впечатлений не принимать так, как бы это было благо, а принимать, как будто мимоходом, нечто стороннее, без внимания к тому, и прежде и после и даже более — с некоторым лишением, не по мере желания плоти, а по мере разума и благого предложения. Дай телу потребное с малым лишением и, оставя его, весь обратись к душе. У свв. отцов это называется беганием покоя плоти — недуг-

га самого опасного и Богу противного. Кто жалеет плоть, в том не может пребывать Дух Божий. И частное, урывками, от невнимания и разленения происходящее угодие плоти охлаждает. Что же сказать о тех, у коих плотское услаждение стало законом? Упокоение плоти для духа есть то же, что вода для огня. Плоть — седалище всех страстей, как учит Кассиан и как можно поверить всякому опытом, потому и стеснение ее есть иссушение страстей. Кто даже в малом чем угождает плоти, тому нельзя быть внутри; он — в том, чем угождается плоть, потому не собран и, следовательно, хладен. Душа, приникшая к плотскому, срастворяется с ним; от того бременеет, тяготеет к земле, неспособна свободно зреть умом духовное. Напротив, как чисто зрение у стеснившего плоть, как легко он тяготеет внутрь, как бесприютны у него страсти, вообще — как оживает ощутительно духовная в нем жизнь! *Колика внешний сей тлеет, толико внутренний обновляется по вся дни.* Плоть, если крепнет, крепнет на счет духа; и дух если зреет, то зреет не иначе, как на счет упокоения плоти. Ни у одного святого не находим льготной жизни: все жили сурово, в стеснении, ослаблении, иссушении, озлоблении плоти. Затем у св. Исаака

Сирианина стеснение плоти почитается условием спасения. Жалеющий плоть стоит на пути прелестном, скользком, обманчивом, мнительном.

Стеснить плоть должно во всех ее частях, членах и отправлениях, чтобы представить все члены ее орудиями правды.

Из членов телесной нашей жизни одни — животное-душевные, ближайшие орудия душевной деятельности, а другие — чисто животные, орудия животной экономии, питания и рращения. Первые более имеют свободы, менее связаны; последние связнее, плотянее, грубее.

К первым относятся: чувства, язык, движение; к последним: питание, сон, половое отправление и разные накожные впечатления — теплоты, холода, мягкости и проч.

Отсюда следующие правила стеснения плоти:

1) Владей чувствами, особенно зрением и слухом, свяжи подвижность, держи язык. Кто не обуздывает сих трех, того внутреннее — в расхищении, в расслаблении и плене, того даже нет внутри; ибо это суть проходы души изнутри вовне или окна, выстужающие внутреннюю теплоту.

2) Власть свою над ними выражай насильным влечением их к предметам благопотреб-

ным теперь. Прежде они неудержимо стремились туда, где могла питаться самость и более главная страсть. Теперь надобно обращать их туда, что созидает дух.

3) Измерь потребную плоти пищу, простую, здоровую, взвесь ее мерою и весом, определи качеством и часом, и будь в том покоен. То же делай со сном. Умертви половое отправление иссушением плоти. Совне же держи плоть в некоем озлоблении, в холодном, жестоком и проч., чтобы не было нежности.

4) Установив все, борись с плотию пока усмирится и, навывкнув в сем скромном и озлобительном состоянии, станет безгласною рабою. Смирение плоти подается наконец. Его иметь должно в виду и стремиться к нему, как к награде за труды. Подвигами телесными вырабатываются телесные добродетели: уединение, молчание, пощение, бдение, труд, терпеливость в лишениях, чистота, девственность.

5) Должно, впрочем, помнить, что эта содружница приседит нам по гроб. Говорят: не верь плоти — она лукавит. И лишь только, по надежде на ее смирение, послабишь, тотчас схватит тебя и одолеет. Борьба с нею погробная, но все-таки сначала труднейшая, а после легче и легче, пока, наконец, останется одно

внимание к порядку, с легкими ощущениями порывов плоти.

6) Для прочнейшего успеха, если где, то преимущественно в телесных подвигах необходимо соблюдать закон постепенности. Вот общий совет: сначала держи плоть в законе воздержания по всем частям, обратив все внимание на внутреннее делание. Когда начнут умиряться страсти, зачнется теплота в сердце, тогда, по мере возвышения внутреннего жара, потребности тела сами ослабнут и как бы естественно начнутся великие телесные подвиги.

7) Главнейшие телесные подвиги, стесняющие плоть: пощение, бдение, труд, чистота. Последнее действенное всех, нужнее и потребнее. Потому девство есть скорейший путь к христианскому совершенству. Без него ни такой крепости, ни таких даров нельзя стяжать человеку. Должно только помнить, что, кроме телесной, есть душевная чистота, которой может и не быть в сохранившем по гроб телесную. Она значительнее телесной. Посему и супружники, до известной меры, могут приближаться к девственникам через чистоту душевную. Труднику, Богу преданному, благодать помогает. Посему-то и супружников видим обладающих совершенствами духа.

Порядок внешней жизни по духу жизни новой

Все относящееся к порядку внешней жизни, по духу жизни новой, можно назвать удалением от мира, или изгнанием духа мирского из всего течения нашей внешней жизни. *Аз избрах вы от мира*, то есть изъял: это сказал Господь апостолам. То же творит Он Божественною благодатию и со всяким верующим: изъемлет дух его из мира. Да и самое обращение состоит в отвращении сознания от суетного мира и разверстии перед ним мира иного — духовного. Но что в начале совершилось в духе невидимо, то потом, в жизни, должно быть исполняемо делом, стать постоянным правилом. Ищущему Господа надобно удалиться от мира.

Под миром разумеется все страстное, суетное, греховное, вошедшее в жизнь частную, семейную и общественную и ставшее там обычаем и правилом. Потому удалиться от мира не то значит, чтобы бежать от семейства или от общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требования, совершенно противоположные духу Христову, принятому и зреющему в нас. Гражданство и семейство — благословенны у Бога; потому не должно отрешаться от них или презирать, равно как и все,

принадлежащее к их существенному благоустройству. Но все пришлое к ним похотное и страстное, как нарост, вредящий и искажающий их, должно презреть и отвергнуть. Убежать от мира — значит установить себя в истинной семейственности и гражданственности; все же другое сделать так, чтобы оно было как бы не наше, не нас касалось. *Требующие мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7:31).

Почему так должно сделать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо передает в душу нашу то же, возбуждает или прививает страсть. Как ходящий около сажи очерняется или касающийся огня опалается, так участвующий в мирском пропитывается страстным, богопротивным. Потом, попавшись в мир, покаявшийся снова падает, а невинный развращается. Это почти неизбежно. Тотчас омрачается ум, рождается забвение, ослаба, плен и расхищение, а там и уязвление сердца, за ним страсть и дело — и человек пал. Свидетели тому все истории развращений; равно как и свидетели того, сколь неизбежно и необходимо все то оставить, суть все обратившиеся, которые бегут всех этих обычаев, как огня.

А что именно оставить и как, тому учит более опыт, нежели наше писание.

Закон такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгревает страсть, наносит суету и погашает дух; а во всем этом сколько разнообразия!.. Меров тому пусть будет собственное сердце каждого, искренно ищущего спасения без лукавства, не напоказ только. В настоящее время театры, балы, танцы, музыка, пение, разъезды, прогулки, знакомства, шутки, остроты, смех, праздное провождение времени и даже время вставания, сна, вкушения пищи и проч. — все надо отменить и изменить. В другие времена и в других местах может быть и другое. Но мера всегда одна: оставь, что вредно и опасно для жизни, что погашает дух. Но что же именно? У иного может быть самое мелочное, может быть, даже прогулка по известному месту с известным лицом... *Вся ми леть суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6:12).

Отсюда следует, что оставить мир есть не что иное, как перечистить всю свою внешнюю жизнь, устранить из нее все страстное, заменить чистым, не мешающим духовной жизни, а помогающим ей — в жизни семейной, частной, общественной; установить вообще образ внешнего своего поведения дома и вне, с другими и по должности; по требованию духа но-

вой жизни, определить все правилами, установить порядок в доме по всем частям, порядок по должности, порядок знакомства и сношений с кем, когда и как.

Как это сделать? — Как кто может, только сделай, с совета и рассуждения, по руководству отца духовного или того, к кому есть доверие. Иные делают это вдруг и, кажется, лучше, а иные исподволь. Должно только с первой же минуты все мирское и греховное возненавидеть сердцем и быть для него чуждым, не хотеть того и не услаждаться тем. *Не любите мира, ни яже в мире.* За этим внутренним оставлением мира оставление видимое может последовать и вдруг, и исподволь. Человек слабый в духе не снесет продолжительного, не устоит, расслабев и падет. Таковы особенно обладаемые страстями плотскими, кои получают силу второй природы. Посему таким людям неизбежно вдруг отстать от всего, удалиться от того места, где валялись в грехе. Человек с сильным духом ревности снесет, если и исподволь; но все же и для того, и для другого с первой минуты обращения совершенно необходимо прекращение всякого сношения с греховным миром и всем мирским, пока установятся формы новой жизни. Это будет то же,

что пересаженное дерево отгородить от ветра, который, и несильный, может повалить его по причине слабого еще укоренения.

Мысль, будто можно и жить по-христиански, и держаться мира и светскости, есть мысль пустая, прелестная. Кто живет по ней, тот ничему более не научится, как фарисейству и жизни мнительной, то есть только во мнении своем будет христианин, на деле же нет. Сначала он будет разорять одною рукою, что созидал другою, то есть что собрано в удалении от мира, то опять расхитится при первом в него вступлении; а от этого — прямой переход к мнению. Потерянное из сердца может еще оставаться в памяти и воображении. Теперь, припоминая и воображая, как оно было прежде, человек может думать, что и на самом деле оно есть, между тем как оно испарилось, и остался один след его в памяти. И будет мнить, что имеет то, чего на деле нет. Вот ему суд: *еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25:29). От мнения же один шаг к фарисейству. Закаленное же фарисейство есть ужасное состояние.

Страшно, однако же; как же быть, оставя мир? Это страшно только снаружи, внутри же оставление мира есть вступление в рай. Сове — тотчас озлобления, скорби, потери: что

же? — Скрепи себя терпением. Что дороже: мир или душа, время или вечность? Отдай малое — и возьми неизмеримое по всем измерениям. Бывает, впрочем, и так, что сильный натиск от мира бывает только вначале, потом стихает, стихает, и оставивший мир оставляется в покое, ибо в мире редко кем дорожат — поговорят, поговорят, а там и забудут. С оставляющими мир — то же, что и с мертвыми. Поэтому можно и не так страшиться неприязни мира ради его суетливости и гордости, ради того, что он любит наличное, а другое забывает. Он — зрелище: занят только или держит в себе тех, кои в нем, до других же ему мало дела.

Таким образом, то занятиями, обращенными на созидание сил души, то стеснением плоти во всех ее частях, особенно тех, кои суть ближайшие органы души, то перечищением внешнего порядка человек ищущий хорошим и прочным оплотом обезопасит свое внутреннее. Укрепившись внутрь первыми духовными и душевными занятиями в уединении, при стеснении плоти, исходит он к делам семейным или гражданским, или общежительным, к делам чистым и спасительным, по воле Божией, и всем тем создается в духе или, по крайней мере, не расхищается.

Одно еще может его развлекать — это непрестанное видение и слышание вещей — то мирских, то простых, кои потому только, что действуют на душу, извлекают ее через внимание к себе вон и расхищают. Если бы заградить и эти отверстия, то покой внутри был бы ненарушим. Очевидно, надежнейшее и решительнейшее к тому средство есть заграждение чувств; но это не всякому можно и должно. Потому свв. отцами изобретено спасительное средство: и подлежать впечатлению внешних вещей, и не развлекать, а созидать дух. Оно состоит в том, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное знаменование и до того укрепиться в помышлении о сем духовном знаменовании, чтобы при взгляде на вещь не она касалась сознания, а ее знаменование. Кто сделает это для всего встречаемого, тот постоянно будет ходить как в училище... И свет и тьма, и человек и зверь, и камень и растение, и дом и поле, и все, все до малейшего будет уроком ему; надлежит только истолковать себе и укрепиться в том. И как это спасительно!.. «Что ты плачешь?» — спрашивали ученики у старца, увидевшего красивую, разряженную женщину. «Плачу, — отвечал он, — о гибели

твари Божией разумной и о том, что не имею такого радения о душе во спасение, как она о теле на пагубу»... Другой, услышав плач жены на могиле, сказал: «Так христианин должен плакать о грехах своих».

Благодатные средства воспитания и укрепления духовной жизни

Таковы подвиги, коими душа, тело и наше внешнее поведение образуются по духу новой жизни после того, как дух, благодатию Божиею, оживотворяется в обращении, восходя до решимости и обета и запечатления их свв. таинствами. Но как вначале ненадежно бывает обращение к Богу, если его не запечатлеют благодатию через таинства, то и во все последующее время непрочно бывает ревнование, бессильно усердие, слаба воля, жизнь тоща, если кто не обновляется через Божественные таинства исповеди и Св. Причащения. Жизнь христианская, свидетельствуемая усердием, есть жизнь благодатная; следовательно, к хранению, питанию и возгреванию ее самым могущественным средством должно быть привлечение и приятие Божественной благодати. Есть особые стихии, питающие животную нашу жизнь; есть также стихии, питающие и жизнь духовную. Это — таинства.

Собственно к питанию и возвышению духовной нашей жизни дано Господом таинство Тела и Крови. *Аз есмь хлеб животный*, сказал Господь; *плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво*; посему, *ядый хлеб сей жив будет во веки*. Жизнь духовная есть следствие общения с Господом; вне Его и без Него нет у нас жизни истинной. Но Он говорит: *ядый Мою плоть, и пий Мойю кровь, во Мне пребывает и Аз в нем... Аз живу Отца ради, и ядый Мя жив будет Мене ради*: то есть общение с Господом действуется через причастие Тела и Крови. Жизнь духовная истинная — сильна, многодельна и многоплодна. Но без Мене, говорит Господь, *не можете творити ничесоже*. Кто во Мне, *плод мног сотворит*. Во Мне же пребывает ядый Мя. Из всего сего следует, что *аще не снесте плоти Сына Человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе... Ядый хлеб сей, жив будет во веки* (Ин. 6: 35, 53–57; 15:5).

Вот благодатный источник сохранения и укрепления нашей духовной жизни! Посему с самого начала христианства истинные ревнители благочестия поставляли первым благом частое приобщение. При апостолах оно всюду: христиане все пребывают в молитвах и ломле-

нии хлеба, то есть причащаются. Василий Великий в послании своем в Кесарию говорит, что спасительно причащаться Тела и Крови на всяк день, а о своем житии пишет: «Мы причащаемся четыре раза в неделю». И это общее мнение всех святых, что нет спасения без причащения и нет преуспеяния в жизни без частого причащения.*

Но Господь — источник жизни, оживляющий причащающихся Его, есть вместе и огонь поедающий. Достоин причащающийся вкушает жизнь, а причащающийся недостойно вкушает смерть. Хотя смерть эта не последует видимо, но невидимо всегда совершается в духе и сердце человека. Недостойно причащающийся отходит — как головня из огня, или железные выгарки. В самом теле или полагается семя смерти, или она тут же случается, как это было в церкви Коринфской, по замечанию апостола. Посему причащаясь, должно приступать к тому со страхом и трепетом и довольным приготовлением.

Приготовление сие состоит в очищении совести своей от мертвых дел. *Да искушает себе, учит апостол, всяк, и тако от хлеба да яст и*

* Мнение их см. в Славян. Доброт., ч. 2. Кал. и Игн., гл. 92.

от чаши да пьет. Исповедь с возненавидением греха и обетом всячески удаляться от него делает дух человека сосудом, способным вместить невместимого Бога, по Его благодати. Решительность и обет суть место, в коем Господь общится с нами в приобщении, ибо оно только одно и бывает чисто, все же прочее в нас нечисто. Посему никто достойно не приходит, а только Господом, по благодати, считаются достойными, ради исповеди с сокрушением и обетом.

Этим все можно было бы ограничить: исповедайся достойно — и будешь достойный причастник. Но исповедь и сама есть таинство, требующее достойного приготовления и, сверх того, к совершенству своему требует особенных действий, чувств и расположений, которые не могут быть совершены и явлены вдруг, а требуют времени и некоторым образом исключительного ими занятия. Посему оно всегда было совершаемо по известному чину, с предварительными делами и упражнениями, к нему приготовляющими, кои способствуют то к лучшему познаванию грехов, то к возбуждению и явлению сокрушения о них, то к ограждению крепости обета. Все они в совокупности составляют *говение*.

Отсюда следует, что для возвышения и укрепления благодатной жизни через таинства нужно учреждать говение со всеми его принадлежностями — исповедаться и, приготовившись таким образом, достойно причаститься Св. Тайн. Надлежит, то есть, учреждать говение, или, лучше, принимать на себя говение, потому что оно учреждено уже у нас Св. Церковью. Четыре поста с той целью и установлены, чтобы в них ревнующие о благочестии говели, исповедались и причащались. Потому и должно положить правилом — ищущему совершенства четыре раза в год говеть, во все большие посты. Так и написано в «Православном Исповедании». Впрочем, этим не стесняется усердие говеть чаще и даже непрестанно; равно как не налагается, как иго, на немогущих, по обстоятельствам своим, исполнить этого. Только надобно так: все употреби от тебя зависящее, чтобы поговеть четыре раза в год. Для мирян четыре раза — мера скромная, средняя и, как испытано, очень спасительная. Делающий так не выдается из круга других, потому и кичить не будет, как превысивший их. Можно, впрочем, в пост Великий и Рождественский говеть по дважды — в начале и в конце. Вот и составитя всех шесть говений.

Гование должно отличать от пощения, или достойного, по уставу Церкви, провождения постов. Оно есть часть поста, но отличается от него большею строгостию касательно пищи и сна и тем, что всегда соединяется с другими благочестивыми занятиями, каковы: прекращение житейских забот и дел, сколько можно, чтение, кто может, свв. книг, неопустительное хождение в церковь на положенные службы и проч. Вообще, это время исключительно посвящается благочестивым занятиям, кои все направляются к тому, чтобы достодолжно принести покаяние и исповедь и потом причаститься. Таким образом, очевидно, что во всем составе говение есть перечистка всей жизни, восстановление всего ее строя, возочищение целей, возобщение с Господом, обновление духа и всего нашего существа. Это — то же, что измовение зачерневшего платья или омытие в бане после дороги. Христианин — в пути и при всей осторожности не укроется от пыли — помыслов страстных и пятен грехопадений. Как бы ни была мала нечистота, но она то же, что порошок в глазу или песчинка в часах, — глаз не смотрит, часы не идут. Потому неизбежно от времени до времени перечищать себя. Как мудро потому у нас устроено в Церкви и как

спасительно повиноваться со смирением такому учреждению!

Вот значение говения! Оно — средство к питанию, возгреванию и хранению в нас жизни; но, главное, оно — тщательный пересмотр жизни, падений, их причин и установление средств избегать их. Когда грехи познаны, сокрушением и неприязнию извержены из сердца, исповедию с обетом омыты, тогда сосуд готов. В причащении приходит Господь и общится с духом достойного, который чувствовать должен: *не убо есмь един, но с Тобою.*

Приближение к непрерывному говению

Говение однократно, но дух говетельный должно возвести до непрерывно действующего; а для сего нужно употреблять своего рода упражнения, способствующие к укоренению его.

Так как в говении содержатся три дела освящающих: пощение, исповедь и причащение, то сии три и должно возводить к непрерывности возможной, или возможному учащению. Для сего должно:

Касательно говения

1) Соблюдать все посты великие, или время постов проводить в пощении, то есть более чем в воздержании, чтобы сама плоть чувствовала

ущерб, недостаток, приболзненность. На говение назначается известное число дней поста, когда оставляются дела и все обращается исключительно на очищение совести; в пощении дела идут тем же порядком, пост умаляется и другие занятия определяются возможностью. Одно удручение плоти с прекращением всех утех, как прилично времени сетования, то облегчает дух, то привлекает милость Божию. Какое посему в этом сильное средство к одуховлению!

2) Соблюдение поста в среды и пятницы. Это от времени до времени сильно напоминает человеку, что он не на свободе, а в рабстве, под тяготою, укрощает разлив чувственности, отрезвляет и подает бодрость; это есть как бы прерывающееся на малое время обуздание коня ярого уздою и браздами.

3) И, кроме того, произвольное назначение пощения и в другие дни, особенно в понедельник, как это в обычае. Иные отказывают себе в известного рода пище и постоянно вкушают постную, иные через день, и проч. Есть разные виды пощения, и все полезны и советуются по мере сил и усердия.

Касательно Исповеди

1) Всякий грех, тяготящий совесть, надо спешить очистить покаянием, не ожидая опре-

деленного времени говения. Хорошо и дня одного не держать его на душе, а еще лучше ни часа, ибо грех отгоняет благодать, лишает дерзновения и молитвы, черствит и охлаждает тем более, чем более держится. Изверженный же через покаяние оставляет умиляющую росу слез.

2) Всякий день, отходя ко сну, творить частную исповедь ко Господу, в коей все греховное — в помыслах, пожеланиях, чувствах и движениях страстных, равно все нечистое в делах правых открывается Богу, в чувстве покаяния, как такое, что и против будто бы воли творится, однако же есть в нас и делает нас нечистыми и непотребными перед Богом и собственным чувством чистоты и совершенства. Ложась спать, отходить как бы на тот свет; исповедь prepares к тому. Во время сна стяжанное днем обращается в природу нашу — должно перечистить его и непотребное отвергнуть с сокрушением; чисто все затем бывает.

3) Творить ежеминутно исповедь, то есть всякий помысл, всякое пожелание, чувство и движение порочное и нечистое тотчас по сознании исповедать Богу всевидящему с сокрушением духа и просить в том прощения и силы

избежать впредь; равно как и очиститься в эту минуту от скверны. Это делание весьма спасительно. Оно то же, что протирать глаза, идя против пыли; оно требует строгого внимания сердца. Собранный же уже всегда усерден и ревностен. Напротив, оставляя помыслы и пожелания неизверженными сокрушением и покаянием, рану оставляют в сердце. А сколько бывает незамеченных ран, сколько приражений! Не диво, после сего, охлаждение и падение. Помысл к помыслу легче родит пожелание, пожелание к пожеланию — согласие, а там уж и прелюбодейство внутреннее и падение. Непрестанно же кающийся все возочищает себя и расчищает себе дорогу.

4) Иметь откровение, то есть всякое недоумение, смущение или новое разумение свое открывать другому единомысленному или отцу своему духовному с тем, чтобы тот решал и определял достоинство и произносил суд. Этим избегаются застои и уклонения, приобретается навык самолично решать и, следовательно, сохраняется время, истрачиваемое иногда на пустое мечтание. А главное есть непрекращаемая безопасность, твердость убеждения непоколебимая, с которою в связи и твердость воли и прочность действия.

Всеми сими деяниями исповедь действительно становится непрерывною. Дух держится в сокрушении, в умилении, самоуничижении, моельном припадании — стало быть, живет. Это из всех деланий самое пригожее к хранению духа ревности, жара усердия, так что у иных все делание ограничивалось, как для себя, так и для других, одним: кайся поминутно и плачь о грехах.

Касательно Причащения

1) Бывать, сколько возможно чаще, на литургии и во время ее совершения стоять в крепкой и светлой вере в совершаемую тогда Жертву Божию. Таинство Тела и Крови есть Божественная для христиан пища и есть Жертва. Причащаются на литургии не все и не всегда, но Жертва приносится от всех и за всех. Все потому и должны участвовать в ней. Участвуют же верою, болезненным сокрушением о грехах, самоуничиженным припаданием ко Господу, жрущему Себя, как агнца, за живот мира. Одно живое созерцание сего таинства сильно оживляет и возбуждает дух. Вера же и сокрушение всегда приносят очищение грехов, а нередко и сокровенное прикосновение Господа к сердцу христианина, услаждающее его и оживляющее, как бы причащение в Духе.

Подобное прикосновение слаще меда и сота и крепительнее всех крепительных средств духовных. Но должно помнить, что оно вполне есть дар Божий. Когда, кому и как даровать его — это зависит от Самого Господа. Христианину должно принимать его с благоговением и радостью и торжествовать, если подается; но не напрягаться на него, не изобретать способов к тому, даже лучше не доверять, бывает ли оно, или то ли оно, что бывает. Это — для избежания кичения и предотвращения прелести.

2) Если нельзя быть в храме, то не пропусти часа священной и Божественной Жертвы без воздыхания и обращения к Богу; если можно, стань на молитву и сотвори несколько поклонов. Что-либо страшное в природе заставляет содрогаться всю тварь: гром, например, сотрясение земли, буря. В минуту Божественной Жертвы в храме совершается дело страшнейшее, величайшее на земле и на небе; но совершается невидимо, духовно, перед лицом беспредельного Бога Троидного, свв. ангелов, всего сонма небесной церкви, перед оком веры всех подвизающихся и живущих на земле, — невидимо, тем не менее, однако же действительно. Потому-то верующему не должно пропускать этих минут без внимания. Но когда

они помнятся, то самым этим памятованием разогревается дух и восхищается к Богу, чем и привлекается благодать.

Вот как делания говения могут приближаться к непрерывности, чтобы вместе с деланием внутренним в постоянном напряжении и силе содержать жар ревности и дух искательный, а помощью его и все подвиги душевно-телесные претворять в спасительные средства к возвращению и укреплению внутреннего нашего человека.

Таков общий порядок правил руководительных. Будучи основан на существе жизни, он существенно необходим для всякого, кто ищет Господа. Но здесь указаны только начала, дух и сила правил: например, в отношении к телу — неугодие плоти во всех отправлениях тела; или в отношении ко внешнему быту — удаление от всего, духом страстей напитанного, obligation души по всем силам и хождение под влиянием благодатных средств. Это суть существенные точки подвижнической деятельности. Что же касается до приложения сих начал, то, по многообразному состоянию лиц, оно должно быть многообразно и одного в этом случае правила положить никак нельзя. Например, для уврачевания ума надлежит напечатлеть в

нем Божественные истины, по разумению Св. Церкви. Это может быть сделано чтением, слушанием и собеседованием и заимствуемо из слова Божия, учения отеческого, житий святых и проповедей. Духовный отец уже должен смотреть, какой кому приличнее способ и как его можно исполнить. Как кто это может сделать, только сделай. Потому, единичное само по себе, подвижничество вовне является в бесконечно разнообразных формах. Только содержать должно, что тот духовный отец есть губитель души и убийца, который гасит дух ревности различными послаблениями и индульгенциями или успокоивает и усыпляет стоящих в охлаждении, ибо один есть путь — тесный и прискорбный.

Полнейшее всего этого и успешнейшее исполнение принадлежит монашеству. Это образ жизни в лучшем, чистейшем и совершеннейшем виде осуществляющий требования подвижничества, именно по духу. Он есть трудный и покаянный; всегда состоит из руководящих и руководимых; самым делом удален отвне, самым делом связан в потребностях тела; представляет самое большое пространство приложения упражнения, чтений, богослужения, молитвования, послушания; особенно

приспособлен к деятельному искоренению страстей и в общем порядке — через нестяжательность, строгость, непокой, себя-невидение, и в частном — под руководителем. Затем у внимательного монаха скоро зреет внутреннее тяготение к Богу, ради решительнейшего самопожертвования и отрешения от всего, ради большей возможности пребывать в себе и ради многопитания духом молитвы. Посему внимательный скоро восходит здесь к безмолвию, уединению ума и отходит на покой — пустынь или затвор.

Правила брани со страстями, или начала самопротivления

Пребывание в показанном порядке есть сильное и могучее средство к истреблению страстности, очищению и исправлению нашему. Пребывая в нем сознанием и свободою, человек тем самым оставляет как бы в стороне страстность, губит ее, не давая ей пищи или покрывая ее как гнетом, показанными правилами на всем протяжении своих сил и своей деятельности. Заглушаемые таким образом страсти тухнут, как свеча под сосудом. Однако же этою одною положительною деятельностью ограничиваться нет никакой возможности. Установ-

ляются правила как целения для сил попорченных и пропитанных страстностию. Тою же силою, которая во зле, надлежит теперь действовать в *добре*. Потому нельзя не встречаться со злом в самом первом начале и зарождении деятельности, в первом движении сил. Если нельзя быть вместе добру и злу и от нас требуется чистое добро, без всякой примеси зла, то следует во всяком деле прогнать зло, чтобы начать и свершать чистое добро. Таким образом, в непрерывной связи с прямым положительным занятием сил всегда стоит не прямое, направленное к прогнанию зла и страстности, восстающей в них, иначе *борьба со страстями и похотьми*. Самое установление себя в показанных подвигах и приучение к ним достигается через борьбу и брань, через победу искушений и соблазнов. Кто был постник без борьбы с чревом, или истинно детски верующим без одоления своеумия и самопостижения? И это не в чем-либо одном, но на всем протяжении положительной деятельности, начиная от исходища внутреннейшего до последнего края ее в удалении от мира. Всюду брань, так что показанный порядок, будучи восстановителем сил и естества, есть вместе и поприще духовной брани непрерывной. Побе-

ди неестественное в силе, тогда она поступит в естественное; отжени, отрей зло — увидишь добро. Подвижничество есть непрестанная победность.

Возможность, основание, условие всех внутренних побед есть первая победа над собою — в переломе воли и в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Тут зародилась нелюбовь к страстности, ненависть, неприязнь, которая и есть военная духовная сила и одна заменяет собою всю рать. Где нет ее, там без брани победа уже в руках врага; напротив того, где есть, там победа уступается нам нередко без брани. Отсюда видно, что как исходная точка положительной деятельности есть наше внутреннейшее, так оно же есть исходная точка и брани, только другою стороною. Сознание и произволение, переходя на сторону добра, с возлюблением его, поражает ненавистию всякое зло и всю страстность, и притом именно свою. В этом собственно и состоит переход, перелом. Потому сила, борющаяся со страстями, есть также ум или дух, в коем сознание и свобода, дух, держимый и укрепляемый благодатию. Через него, как мы видели, целительная сила проходит к силам сквозь подвиги; через него же сила,

поражающая, разрушительная, проходит к страстям в борении. И обратно: когда страсти восстают, то метят прямо на ум, или дух, то есть на покорение сознания и свободы. Они — во святилище нашего внутреннего, куда враг через страсти пускает свои разженные стрелы из душевно-телесности, как из засад. И пока целы сознание и свобода, то есть стоят на стороне добра, то как бы ни было велико нападение, победа наша.

Этим, однако же, не утверждается, будто вся сила победы от нас, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть наш восстановленный дух; сила же победительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она в нас одно созидает, а другое разоряет — но опять через дух, или сознание и произволение. Борющийся с воплем повергает себя Богу, жалуясь на врагов и ненавидя их, и Бог в нем и через него прогоняет их и поражает.

Дерзайте, говорит Господь, *яко Аз победих мир* (Ин. 16:33). *Вся могу в укрепляющем мя Иисусе Христе*, исповедует апостол (Флп. 4:13), — точно так, как без Него мы ничего не можем. Кто хочет победить сам, тот несомненно падет или в ту страсть, с коею борется, или в побочную. Предавший же себя Богу словно

из ничего стяжывает победу. Этим опять-таки не отвергается свое противодействие, а показывается только, что при всем противодействии успех его или победа никогда не может быть нашею, а если есть она, то всегда от Бога. Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль свою на Бога Живаго, Который говорит: «С тобою есмь в день зол, — не бойся».

Как же должен действовать теперь человек, или какие вообще способы пригодны к покорению страстей? Чтобы определить это, нужно рассмотреть и указать всех врагов его, а равно и то, в каких видах они являются и действуют; отсюда само собою определится и образ брани с ними. Успех в брани много зависит от видения всего ее состава.

Не бывает мирно преспеяние наше в добре, потому что живы еще страсти и сильно подкрепляются подлежащим миром, суетным, видимым, и темными силами, властвующими в нем. Вот источники восстающих в нас против добра движений.

Человек весь страстен до обращения. По обращении дух, исполнясь ревности, является чистым. Душа же и тело остаются страстными. Когда начнется их очищение и врачевание

ние, они упорствуют и восстают за свою жизнь на гонящий их дух. Эти восстания совершаются более через телесные и душевные силы и поражают дух, поколику им усвоятся эти силы. Но бывают движения, прямо устремленные на дух. Это разженные стрелы, кои враг пускает из засад телесно-душевности на избегшего от его тиранства пленника. Отсюда, несмотря на то, что есть в нас часть уврачеванная или целая, — восстания греха и страстей выказываются и ощущаются на всем протяжении нашего существа.

1) *В теле*: источник их начало — плотоугодие, или упокоение плоти, с коим в непосредственной связи состоит взывание телесной жизни и услаждение чувственное. Где они есть, там есть похоть блудная, чревоугодие, сластолюбие, леность, изнеженность, блуждание чувств, говорливость, рассеянность, непоседность, вольность во всем, смехотворство, празднословие, сонливость, дремание зениц, жажда приятного и всякого рода творения угодия плоти в похоти.

2) *В душе*: а) *В умственной части* — своеумие, вера в свой только ум, прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, дмение и кичение, пытливость, расхищение ума, блужда-

ние помыслов; б) *в части желательной* — своеволие, непокоривость, властолюбие, жестокость, предприимчивость, самонадеянность, себеприсвоение, неблагодарность, любообладание, лихоимание; в) *в части чувствующей* — потрясающие покой и мир сердца страсти, или разного рода приятности и неприятности: гнев, зависть, ненависть, злоба, месть, осуждение, презорство, славолубие, тщеславие, гордость, тоска, печаль, скорби, уныние, радости, веселости, страхи, надежды, ожидания.

Источник всех сих душевно-телесных страстей — самолюбие или самость, которая хотя побеждена или отвержена вначале, но часто восстает и, облакаясь какою-либо страстию, вступает в брань с духом. Эта оставшаяся самость, со всем полком страстей, составляет тлеющего теперь плотского человека и именно есть тот *ин закон во удох*, о коем упоминает апостол (Рим. 7:23), от которого всегда восстанет что-нибудь противное тому, что изволяет дух. Свв. отцы, чтобы не развлекать внимания духовного борца-христианина, старались все страсти свести к началам, чтобы видеть, на что должно метить борющемуся. С этою целью около исходища, самости, они помещают три: сласть, любоимание и гордость, а потом дру-

гих еще пять, кои происходят далее от сих. Ограничившись этим, они описывали их восстание и указывали способ борения. Кто отсекает сласть самоозлоблением, любоимание — нестяжательностию, гордость — смирением, тот победил самость, ибо ее легче истреблять в ее детях, нежели самому в себе.

Все это — в душе и теле. Но и дух оживший или, лучше, оживающий, не свободен от приражений, которые тем опаснее, что касаются исходища жизни и нередко бывают незамечаемы по своей тонкости и глубине. И здесь, так же как в душе и теле, против всего состава духовной жизни внутренней есть противный ряд движений и состояний, отгоняющий и заслоняющий его. Так, часто бывает, вместо внутри-пребывания и собранности — извержение из себя, исход в чувства; вместо трех актов внутри-пребывания: внимания, бодренности и трезвения — расхищение ума, внутреннее смятение, суета, ослаба, льгота, опущение себя, вольность, дерзость, плен, пристрастие, уязвление сердца; вместо сознания духовного мира — забвение Бога, смерти, суда, всего духовного.

Как главное в духе — сознание, зиждимое внутри-пребыванием, то, когда оно падает, падает и жизнедеятельность. От этого восстает

вместо страха Божия и чувства зависимости от Него — бесстрашие, вместо избрания и дорожения духовным — равнодушие к нему, вместо отрешения от всего — себя упокоевание (что себя нудить!), вместо покаянных чувств — нечувствие, окаменение сердца, вместо веры в Господа — самооправдание, вместо ревности — охлаждение, вялость, невозбуждение и вместо преданности Богу — самоделание.

Нападши на сознание или свободу, одно какое-нибудь из таковых чувств или заграждает совсем, или сокращает исток духовной нашей жизни и поставляет в крайнюю опасность. Вот когда сторонняя помощь крайне необходима. Эти искусительные движения иногда человек сам и не сознает, ибо они принадлежат к числу тончайших помышлений. Душевные и телесные страсти очевиднее, грубее, хотя и в них есть тонкие, как, например, упокоевание тела или своеумие и прекословие. В слове они понятны, но в делах часто сокрыты.

Вот полчище каждоминутно готовых погасить нашу новую жизнь восстаний греха... Человек ходит по земле существа своего, как по трясине, готовый в каждое мгновение провалиться. Когда идешь — с опасством иди, да не преткнешь о камень ногу твою.

Пребывая, впрочем, внутри под гнетом новых правил и порядка, при деятельности духа — все сии неправые движения не так были бы свирепы, если бы не вспомоществуемы были соседствующими им родителями их — миром и бесами.

Мир есть осуществленный мир страстей, или ходячие страсти в лицах, обычаях, делах. Прикасаясь к нему какою-нибудь частию, нельзя не растревожить и соответственной в себе раны или страсти, по сходству их и подобию настроению. Потому всякий живущий в мире устремляется к ним через посредство живущих в себе страстей, по поводам и соблазнам.

Но есть некоторые возбуждения, собственно принадлежащие миру. Таковы: его прелестный вид и во всем успешность, ужасающая сила — чувство оставления и пустыньство среди многих, во всем — препятствия, колкости, насмешки, презрение, невнимание, мучение незаконными делами. За этим следуют потом притеснения, гонения, озлобления, лишения, скорби всякого рода.

И бесы, как источники всякого зла, своими полчищами всюду окружая людей, научают их на всякий грех, действуя через плоть, особенно чувства, и ту стихию, в коей душа и самые

бесы. Потому-то всякую страсть и всякое восстание греховное можно относить к ним, как к причине. Но есть нечто в греховном круге, что бесы только одни и могут навевать, к чему, при всей порче, естество представляется неспособным: так, помыслы хульные — сомнения, неверия, необыкновенного отвращения, омрачение, разного рода прелести и, вообще, искушения страстные, дмящиеся, например — неукротимая блудная страсть, досмертная и упорная ненависть, и проч. Кроме сих невидимых борений от бесов, есть нападения от них видимые, осязаемые через тело: это — разного рода привидения, простирающиеся даже до власти их над телом. Для распознавания всего коварства бесов полезно прочесть жития Нифонта, Спиридона и другие.

Вот все, восстающее на нового человека внутри и вне. Внимательные говорят, что и минуты не проходит без приражения какого-нибудь из этих движений, что и неизбежно; ибо видим, как внутреннее, ревнующее по добром, лицо окружено враждебным, со всех сторон, полчищем, погружено в нем, как в море. Впрочем, кроме видения сего многовражия, для успеха в брани нужно еще знать и то, в каком виде бывают эти нападения.

Вообразим, где лицо человека по обращении. Оно внутрь, в ином мире, стоит и действует иное. У него духовные предметы в мысли и духовные дела в намерении. Значит, он отошел от страстного, греховного. Когда потом построится благоприятствующий развитию добра порядок в правилах, то можно будет видеть, что он весь стоит в области света духовной, святой. Греховное, страстное устранено из внимания и лежит под гнетом правил. Оно выскакивает изредка, по временам, и опять отбегает, занимая или не занимая внимания. Оно только показывает себя внутреннему оку, напоминает о себе, хочет только, чтобы им занялись, о нем подумали, помыслили. Потому главный вид, в каком является враждебное в нас, есть *помысл*. Когда враг успеет занять нашу мысль худым помыслом, он уже не без прибыли, а нередко может торжествовать и победу, потому что к помыслу скоро может склониться и пожелание, а за пожеланием решение и на дело; а это уже грех и падение. На сем основании свв. отцы, внимавшие себе, виды и степени восстания страстей и увлечения ими замечают такие: набег мысли, помысл, услаждение, пожелание, страсть, влечение, решение, а за ним и дело. В образе явления свое-

го иногда они развиваются постепенно, одно за другим, иногда же каждое является отдельно, как вне порядка, кроме *решения*, которое всегда есть акт не непосредственный, а предшествуемый размышлением и склонением свободы: пока его нет, чистота цела и совесть чиста. Потому все до него акты обозначаются одним словом: *помысл* — просто, или с приложением: помысл простой, страстный, похотный, потому, что он является в нас или как просто помысл, представление только греховного предмета, или как похоть, вожделение, желание, или, наконец, как страсть, как влечение. Все они позывают, искушают ум или дух на страстное, греховное; но это еще не зло, не грех, пока ум не соизволяет на них, вступает с ними в борьбу каждый раз, когда они появляются, пока не изгонит их. Пределы брани — с появления помысла, похоти, страсти, влечения до их исчезновения и вычищение всякого следа их; к тому и направлены все правила этой брани. Правда, мир действует совне, равно как и сатана; но их искусительные действия доходят до нашего сознания не иначе, как в каком-нибудь из этих трех, ибо вся их забота состоит в том, чтобы поколебать внутреннее состояние, склонить на них. Сюда направляются все их

хитрости, так что в этом отношении не способ, не дела, какие они обращают на нас, а то, что они метят возбудить в нас, то важно и ценно в жизни и деятельности. Например, в гонениях не страдание человека — цель, а помысл ропота и отчаяния или оставления добродетели. Вследствие сего, в отношении к духовной брани можно решительно положить: несмотря на то, откуда и как возбуждается греховное, всю силу и все внимание обращай на это самое греховное, с ним начинай дело и борись. Закон этот превеликой важности: он будет держать человека внутрь, следовательно, в силе и, некоторым образом, в безопасности. Потому-то у свв. отцов все правила обращены на помыслы, страсти, пожелания и применяются к их свойству; причины же не упоминаются, или если и упоминаются, то без придания им особенного в этом отношении значения и нередко без разграничения. Ибо и мир, и бесы, и похоть могут возбуждать и возбуждают одну и ту же страсть; но она от того не получает особого характера. Итак, вот куда должно быть обращено все внимание подвижника, внутрь себя: на помыслы, пожелания, страсти, влечения — преимущественно, впрочем, на помыслы, ибо сердце и воля не так подвижны, как

мысль, а страсти и желания редко восстают отдельно, большею же частию рождаются из помыслов. Отсюда правило: отсеки помысл — и все отсечешь.

После сего очень легко сделать общий очерк духовной брани. Он достаточно изображен в «Письмах о христианской жизни». Выписываем его оттуда.*

Из правил брани духовной, составляющих воинское искусство христианина, одни способствуют к предупреждению нападений, другие к легчайшему и успешнейшему окончанию брани, третьи к прочнейшему утверждению за собою плодов победы, или к скорейшему истреблению следствий поражения, — и кои, потому, естественно разделяются на три класса: а) на правила, кои надо наблюдать прежде брани, б) во время самой брани и в) после оной.

Прежде брани воин должен так действовать, чтобы деятельностью своею или предотвратить нападения, или дать себе возможность замечать их в самом начале, или даже приуготовить победу. Посему первее всего он должен стеснить область греховных движений, свести их в одно место, ибо таким образом ему не толь-

* См. «Прибавление» к «Письмам о христианской жизни» (имеются в виду «Поучения» — прим. ред.).

ко будет легче замечать возмущения, но и виднее, куда направлять свои силы.

1) Внешний очерк области греховной вообще таков: утвердившись в центре жизни — сердце, грех проникает в душу и тело по всем их отправлениям, проходит потом во все внешние отношения человека и набрасывает, наконец, свой покров на все окружающее его. Теперь и изгнанный из глубины сердца, он все еще витает в окрестностях его, все еще питается тем, чем питался прежде; лица, вещи, случаи легко могут возбуждать те же мысли и чувства, какие соединял с ними человек, когда работал греху. Благоразумный воин должен теперь преградить это внешнее продовольствие врага. А для сего ему необходимо: а) перестроить все свое внешнее поведение, всему в нем дать новый вид, новые побуждения, новое время и проч. по духу новой жизни; б) распределить время свое так, чтобы не оставалось ни одного часа без должного занятия. Промежутки, свободные от необходимых занятий, должны быть наполняемы не чем-нибудь, но занятиями, способствующими умерщвлению греха и укреплению духа. Сколько в этом отношении полезны некоторые телесные подвиги, противоположные замеченным наклонностям, это может

испытать всякий; в) связать свои чувства, особенно глаза, слух и язык, легчайшие проводники греха из сердца вовне и извне в сердце; г) всему вообще, с чем необходимо встречаться — вещам, лицам, случаям, — дать духовное знаменование и, особенно, место постоянного своего пребывания исполнить вещами поразительнейшими для души, чтобы, таким образом, живя во внешнем, человек жил как бы в некоем Божественном училище. Вообще, всю свою внешность должен так устроить, чтобы она, с одной стороны, не требовала уже особенного внимания и избавляла нас от всякой о себе заботы, а с другой — не только делала нас безопасными от нечаянных восстаний греха, но и питала и укрепляла возникающую новую жизнь по духу. При таком порядке грех будет совершенно отгражден совне, не будет уже получать отсюда себе пищи и подкрепления.

2) Если теперь со внутренней стороны человек употребит все усилие к тому, чтобы сохранить себя, как есть, в таком виде, как вышел из первой победы, — если, то есть, будет постоянно возгревать те чувства и расположения, какие возродились в нем тогда, то грех этим отградится и изнутри и останется здесь уже навсегда без опоры и твердости. Грех же,

лишенный таким образом пищи и опоры, если не уничтожится вдруг, то, по крайней мере, должен слабеть более и более, до совершенного истощения. После сего брань со грехом, очевидно, сократится и вся сосредоточится в брань с помыслами (кои особенно будут клониться к расстройению нового порядка), редко со страстями и наклонностями, где остается только *тщательно блюстись*... Именно два бдительных стража должен иметь постоянно воин Христов: трезвение и благорассмотрение. Первый обращен внутрь, а последний вовне; тот наблюдает за движениями, выходящими из самого сердца, а этот предугадывает движения, имеющие возникнуть в нем по внешнему влиянию. Закон для первого: после того, как памятью о Божием присутствии изгнано из души всякое помышление, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всем входящим в него и выходящим из него, особенно же не давай предупредить действий чувству и желанию, ибо отсюда все зло. Закон для второго: с начала каждого дня сядь и расчисли все возможные встречи и случаи, все возможные чувства и движения, какие могут произойти по их поводу, и предварительно заготовь в себе должный против того оплот, чтобы не смутиться и не

пасть при нечаянном нападении. Для того, впрочем, чтобы успешнее действовать при самом нападении, полезно предварительно устроить намеренную мысленную брань, мысленно поставлять себя в те или другие обстоятельства, с теми или другими чувствами, при тех или других желаниях, и здесь изобретать разные способы, как удержать себя в должных границах, и наблюдать, что особенно помогло нам в том, что — в другом случае. Такое предварительное упражнение образует воинственный дух, приучает без робости встречать врага и без больших трудов побеждать его, как бы по опытно узванным приемам. Сверх того, прежде нежели приступим к сражению, должны предварительно узнать, когда действовать наступательно, когда оборонительно и когда отступательно. Кроме того, что употребление того или другого способа брани соответствует степеням духовного возрастания, сначала лучше всего отступать, то есть укрываться под кров Господа, не противодействуя. Далее, когда опытно уже узнаем врагов и изучим их нападения, не теряя времени, можно отражать их; но намеренно давать свободу возбуждаться в себе страстям или поставлять себя в такие обстоятельства, где они должны действовать во

всей силе, с тем, чтобы иметь случай к брани и победе, не должно. Есть особенные страстные возбуждения, кои можно побеждать исключительно только тем или другим способом. Помыслы непременно надобно прогонять; но не всегда это возможно сделать с наклонностями и страстями, особенно телесными. В том и другом случае можно потерять победу по одному неведению. Наконец, никогда не должно выходить на брань без главной побеждающей мысли — это как бы победоносное знамя. Как прежде она решила дело между добром и злом в пользу первого, так и теперь, во время брани с каждым в частности греховным движением души, она без затруднения сделает нас победителями. С появлением ее должны рассеяться все полчища врагов, все порочные помыслы и желания. Она имеет силу воодушевлять и возносить человека над собою; потому надобно как можно чаще приводить ее в сознание и доводить до чувства — утвердить навсегда на мысленной тверди это светило, прогоняющее мрак. Ничто не может сильнее возгревать рвения к истреблению греха, как эта мысль, — рвения, этого быстрого потока живой воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, делает незаметными все волны от ввержения камней ис-

кушений. С такими предосторожностями и правилами иди, воин Христов, с упованием на брань. Впрочем, и во время самой брани тебе должно действовать по известным правилам, чтобы не уподобиться в обороне беспорядочно нападающим врагам. Часто один порядок действия, без особенного напряжения, может увенчать тебя успехом. Заметив приближение врага — начинающееся возбуждение или помысла, или страсти, или склонности, первое всего спеши осознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая — почитать все, возникающее в нас, кровною собственностью, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделять от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собою, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем. Отделив от себя известное порочное движение и сознав его врагом, передай потом это сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это — самое спасительное средство к прогнанию греха. Всякое греховное движение держится в душе через ощущение некоторой приятности от него; потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою

исчезает. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее — желания, но еще труднее — страсти, ибо они и сами суть сердечные движения. Когда это не помогает и враг не уступает таким образом победы без сражения — мужественно, без самовозношения и самонадеянности вступай в борьбу. Робость приводит душу в смятение, в некоторую подвижность и ослабление, а неутвержденная в себе, она легко может пасть. Самонадеянность и самомнение — сами враги, с коими должно бороться: кто попустил их, тот уже пал и еще предрасположил себя к новым падениям, потому что они поставляют человека в бездейственность и оплошность. Началась брань — храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь. А для сего спешి восставить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысел. Такие противобуждения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы — защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце. С тех пор в том и будет состоять брань, что возникший грех будет постоянно ограждаться мыслями и представле-

ниями, защищающими его, а борющийся будет со своей стороны уничтожать сии оплоты мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многообразных обстоятельств, кои определить совершенно невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага — и победа несомненна, ибо греховное движение, как мы заметили прежде, не имеет в нас твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. Если и после сего, добросовестного, впрочем, действования в защиту себя, враг все еще стоит в душе, как привидение, и не хочет уступить места, то это явный знак, что он поддерживается стороннею силою; посему и тебе должно обратиться к сторонней, земной или небесной, помощи — открыться своему наставнику и в усердной молитве призывать Господа, всех святых и особенно Ангела Хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась постыжденною. Надобно, впрочем, заметить, что иное дело — брань с помыслами, иное — со страстями, иное — с желаниями: и помысл от помысла, и желание от желания, и страсть от страсти разнятся. Во всем этом должно употреблять особые приемы, кои предварительно

должно определить или через размышление, или из подвижнических опытов и наставлений. Но не всегда должно строго браться за сопротивление: иногда одно презрение прогоняет врага, а сопротивление только размножает его и раздражает. Врага должно преследовать до тех пор, пока и следов его не останется; иначе даже простой помысл, оставленный в сердце, как злое семя, принесет свой плод, в неприметном склонении к себе души. Во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее. Придуманные здесь правила всегда бывают очень строги, и потому всегда необходимо бывает их изменить и, следовательно, представлять опыт несостоятельности, столько вредной в духовной брани и соблазнительной для воина.

Брань кончена. Благодарите Господа за избавление от поражения, но не предавайтесь через меру радости спасения, не попускайте беспечности, не ослабляйте ревности — враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаянным нападением тем легче поразить тебя. Поэтому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда бодрым и бдительным воином. Сядь лучше и рас-

числи добычу; осмотри весь ход брани — ее начало, продолжение и, наконец, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними: так стяжается, наконец, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о победе — это сильно раздражит врага, а тебя обессилит. Тщеславие, которого при сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления и после победы над одним врагом должно будет сражаться с целою их толпою. Если же и поражен будешь — сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй; спеши умягчить сердце и довести его до раскаяния. Нельзя не падать, но можно и должно, упавши, восставать. Бегущий спешно если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели — подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы он очень часто спотыкался и падал. Лучше, вместо бездейственного уныния, ободрись к новым подвигам, извлеки из настоящего падения урок смирения и осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не падать. Если не изгладишь греха искренним

раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно грешного моря. Грех возобладает тобою и тебе опять нужно будет начинать с первой брани; но, Бог знает, будет ли возможно это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения; может быть, после уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце; может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение.

Вообще о правилах брани надобно заметить, что они в существе своем суть не что иное, как приложение всеоружия к частным случаям, и что потому их всех изобразить нельзя. Дело внутренней брани непостижимо и сокровенно; случаи к ней чрезвычайно разнообразны, лица воюющие слишком различны, что для одного соблазн, то для другого ничего не значит; что одного поражает, к тому другой совершенно равнодушен. Потому одного для всех установить решительно невозможно. Лучший изобретатель правил брани — каждое лицо само для себя. Опыт всему научит — надобно только иметь ревностное желание побеждать себя. Первые подвижники не учились из книг и од-

нако же представляют собою образцы победителей. Притом не должно слишком полагаться на эти правила — они представляют только внешнее очертание. То, что составляет существо дела, каждый узнает только из опыта, когда станет сражаться самим делом. И в этом деле руководителями ему остаются только собственное благоразумие и предание себя Богу. Внутренний ход христианской жизни в каждом лице приводит на мысль древние подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая в них, испытываемый получает несколько наставлений в общих чертах — там сделать то, там — другое, здесь — по такой-то примете, а здесь — по такой-то, и потом оставляется один среди мрака, иногда со слабым светом лампы. Все дело у него зависит от присутствия духа, благоразумия и осмотрительности и от невидимого руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христианской жизни. Здесь всякий идет один, хотя бы был окружен множеством правил. Только чувства сердца обученные и особенно внушения благодати для него суть всегдашние, необманчивые и неотлучные руководители в брани с собою; все прочее оставляет его. Таков ход брани со всякою страстию, пожеланием и по-

мыслом. Как страсти, пожелания и помыслы, они все равны; следовательно, касаться в частности борения с каждым помыслом нет особенной нужды. Сделаем только несколько замечаний:

1) Есть помыслы *тонкие* и тончайшие, есть грубые и грубейшие. Последние всякий может замечать и сам; первые незаметны в час пребывания своего в сердце, а открываются уже после — из дел, и притом более другим, нежели себе. Вот побуждение не верить своему покою, доброте и чистоте ни на одну йоту, а всегда ее подозревать — внимательно следить за ходом дела и смотреть, какими помыслами они сопровождаются и оканчиваются, чтобы по сему судить потом, что первоначально лежало внутри. Лучше всего, впрочем, иметь другого поверенного — привычный глаз совне тотчас укажет, что внутрь нас кроется, хотя мы этого не замечаем. Когда говорится о тончайших помыслах, то не разумеются одни только духовные: бывают они со стороны тела и души. Отличительное их свойство — незамечаемость, сокровенность в глуби, так что человек думает, что действует чисто, без примеси страсти, а на деле — по страсти. Причина сего — неутвердившаяся еще чистота сердца или,

лучше, необразовавшееся разрешение естественного от пришлого. Когда это будет, тогда тонкое и тончайшее делается грубым и грубейшим, ибо тогда изострится внимание опытностью и обучатся чувства сердца к различию добра и зла.

2) Есть помыслы, пожелания и страсти, приходящие в виде набегов и кратковременных возмущений, и есть постоянные, продолжающиеся дни, месяцы и годы. Первые легки, но и их презирать не должно, а внимательно смотреть не только за ними, но и за порядком их. У врага есть будто закон — не вдруг начинать со страсти, а с помысла и часто повторять его. Прогнанный гневом в первый раз снисходительнее может быть принят во второй, в третий, потом родится желание и страсть, и отсюда — один шаг до согласия и дела. Продолжительные помыслы тяжелы, убийственны; им преимущественно принадлежит название *искушающих*. Знать касательно их надобно то, что они не от природы, хотя и свойственны ей по свойству своему, а всегда от врага; что Господь попускает их с особенным, касательно нашего очищения, намерением, чтоб испытать и утвердить нашу верность, веру, постоянство и умение созидать внутреннего человека, — по-

тому должно благодушно терпеть их, хотя бы они слишком были оскорбительны для нового благодатного сердца, каковы — хулы, отчаяние, неверие. Главное дело — во все время никак не склоняться на них, не усвоить себе и держать сердце в свободе от них, отделяя их от себя и своей свободы мыслию и верою.

3) Помыслы, с которыми должно бороться, не всегда бывают худы, а нередко и добры с виду и очень часто безразличны. Касательно худых один закон — тотчас гнать; последние же должно разбирать, или рассуждать. Сюда относится всеми восхваляемая опытность различать помыслы, какие, то есть, исполнять и какие отвергать. Правила для сего предложить нельзя: всякий пусть учится сам из собственных своих опытов, ибо человек на человека не походит, чтобы, то есть, чужое годилось для нас. Лучше так: заведен порядок дел — и ходи в нем, а все приходящее вновь, как бы благовидно оно ни казалось, гони вон. Если помысл ничего не представляет худого ни в себе, ни в последствии, то и тогда не вдруг склоняться на него, а терпеть до времени, чтобы не быть опрометчивым. Иные пять лет ждали и не исполняли помысла. Главнейший же закон — не доверять своему разуму и сердцу и всякий по-

мысл поверять своему руководителю. Нарушение сего правила всегда было и есть причиною великих падений и прельщений.

4) Худой помысл искушает, а благовидный прельщает. Кто увлекается первым, тот считается согрешившим, падшим, а кто увлекается последним, тот — состоящим в прелести. Изобразить все прельщения в их началах и свойствах возможно ли? К свойству их относится преимущественно то, что человек с уверенностью считает себя таким, каков он не есть, — например, воззванным вразумлять других, способным к необыкновенной жизни и проч. Источники их — тончайшая мысль, что я значу нечто, и значу не малое... Ничтожный мнит о себе нечто. К этой-то тайнейшей гордыне прицепляется враг и опутывает человека. Впрочем, и всякий тонкий худой помысл, нами не замечаемый, держит нас в прелести — когда мы думаем, что водимся помыслом добрым и благочестивым. В этом отношении можно сказать, что минуты не проходит, когда бы мы не были в прелести, ходим словно в призраках, опутаны ими то в том, то в другом виде. Это потому, что зло еще внутри, не испарилось, а добро на поверхности; оттого в глазах у нас точно туман от испарений.

5) Что касается до каждого в частности помысла, то хорошо предварительно собирать о них сведения, иметь, то есть, понятие о них, причинах их происхождения, следствиях и способах прогонять. Это будет запасный магазин, очень годный на случай брани, — именно: когда ненавистью не прогонится помысл и начинает плодиться, соблазняя и убеждая, то надобно и ему противопоставлять что-либо опровержительное. Но чтоб это сделать, надобно иметь мысли в запасе. В этом отношении свв. отцы избрали главнейшие *восемь* страстей и их в образец описали, чем и можно пользоваться всякому ищущему. Впрочем, это не исключительные предметы брани, а только главнейшие. Посему у других находим описания других страстей и правила для них. Богатейшее их собрание у Иоанна Лествичника.

6) Есть помыслы телесные, есть душевные и духовные. Для всякого очевидно, что они все могут быть и во всякое время; но, естественно, вначале заметнее быть телесным, далее открываться душевным и духовным. Соответственно сему должна переходить и брань, или менять свои позиции. Знать это должно для того, чтобы победившему, например, тело не предаться беспечности от чувства безопасности, потому

что он может быть побежден через душу, и умиривший душу может быть поражен в духе. Вообще, пока есть дыхание, брань не прекратится, хотя может стихать, и иногда надолго.

7) У св. Дорофея говорится: «Есть действующая страсть, есть борящая и есть побеждающая». Первый грешит, второй начинает очищаться, третий близок к бесстрастию. Чем решительнее кто восстает на страсти, не уступая им даже помысла, а не только пожелания и наслаждения, или если это случается, спешно исторгая их из сердца под корень, доводя себя всегда до противочувствия, тот тем скорее достигает чистоты. Чем кто уступчивее, снисходительнее к себе, тем долее тянется дело, с остановками, неровностями. Это зависит от саможаления, или неотделения себя от страсти: жалея будто себя, человек лелеет врага и вражит против себя сам.

8) Следствием брани бывает чистота ума от помыслов, сердца — от страстей, воли — от склонностей. Когда она образуется, человек поступает в бесстрастие. Его внутреннее становится чистым зеркалом, отражающим духовные предметы.

9) Мысленная брань с помыслами, похотями и страстями не должна составлять исклю-

чительного, все другие отстраняющего и заменяющего средства к очищению наших скверн, несмотря на всю решительную необходимость, неизбежность и победоносную силу. С нею должно быть поставлено в непрерывной связи *деятельное поборание страстей*, или искоренение, погашение и истнение их посредством противоположных им дел. Причина сему та, что страстность проникала силы наши, и проникала потому, что мы действовали страстно. Каждое дело страстное полагало в силу свою частичку страстности, и совокупностью всех дел переполнилась сила страстию, как губка водою, или как платье — вонью. Следует и обратно, для выжатия сей страстности употреблять противоположные первым дела, чтобы таким образом каждое дело, осаждаясь в силу, вытесняло из нее соответственную часть страстности и множество таких дел, часто и непрерывно делаемых, всю страсть. Такое средство, если только употребляется надлежащим образом, так сильно, что действующие по нему, после нескольких опытов, начинают уже ощущать умаление страстей, льготу и свободу, и некоторый свет в душе. Мысленная брань одна изгоняет страсть из сознания; но она все еще остается живою, а только скрылась. Напротив,

противоположное дело поражает сего змия во главу. Из сего не следует, однако же, чтобы при делании можно было прекращать борение мысленное. Этому должно быть неотлучно при том, иначе оно может остаться без всякого плода и даже расплывать, а не умялять страстность, потому что, при деле против одной страсти, может прилипать другая, например, при посте — тщеславие. Если это оставить без внимания, то, при всем усилии, не будет никакого плода от делания. Брань мысленная в связи с деятельною, поражая страсть извне и изнутри, истребляет ее так же скоро, как скоро погибает враг, когда бывает обойден и побивается и сзади и спереди.

10) В этом деятельном себя-исправлении должно соблюдать известный порядок и чин, в построении которого должно обращать внимание на свойство страстности вообще, на свой характер и на добродетель, о котором упомянуто в положительной деятельности. В первом случае должно метить на главнейшие страсти: удовольственность, любоимание и высокоумие — и, следовательно, главным образом упражнять себя в самоозлоблении и жестокостях, в расточении имущества и погублении вещей, в подчинении и покорении себя другим, или

себя-невменении (см. у Варсонофия). У святых, деятельно взявшихся очищать себя, всегда видны такого рода дела на первом плане. Во втором — на главную свою страсть. Эта главная страсть явится при обращении, во время познания своей греховности и покаяния. Когда дается обет не грешить — больше всего держится во внимании эта страсть. Потому и после она должна составлять ближайший предмет противодействия живущему в нас греху. Она заслоняет собою все страсти, равно как и связывает их около себя, или дает на себе точку опоры. Другие страсти и открыться могут не иначе, как по ослаблении и одолении этой, и вместе с нею быть распуженными. Должно всею силою вооружиться против нее с первого раза, тем более что тут бывает и много ненависти к ней, дающей силу противиться. И к покорению начальных страстей нельзя перейти, не покорив ее. В третьем отношении сам собою виден порядок доброделания. Именно сперва пойдут дела против господствующей страсти, далее против неточных страстей, а потом, когда стихнут та и эти, доброделанию остается свобода добивать остатки враждебного полчища, по своему усмотрению, а более по указанию внутреннему. Какая оживет и выка-

жется страсть, против той и назначать дела. Это — меты борительного действия, и ими должно заниматься по известному закону. Кроме того, что должно соблюдать показанный порядок, в самом противодействии должна быть степенность, ровность, чтобы не перебегать от одного к другому, подобно рассеянному. Плода не будет истинного, а посеется кичение. Действовать решительнее, неослабнее — тем ближе к концу и покою. Терпеть в начатом делании до явления плода, ибо конец венчает дело... И другое, что делателю явит опыт, наблюдать должно. Кажется, так идет дело: прямо за обращением — сейчас деятельное боре-ние страстей; из него или с ним — тотчас и боре-ние внутреннее; потом, далее, они во взаим-но-подкреплении и усилении: растет внутрен-нее, растет и внешнее, — растет внешнее, рас-тет и внутреннее; наконец, когда то и другое довольно окрепнет, человеку приходят помыш-ления о подвигах и делах к решительному по-гашению страстей, к посечению их в корне. Больших подвигов и дел не должно ни самому брать, ни другим советовать. Действовать дол-жно исподволь, постепенно возрастая и уси-ливаясь, чтобы было в подъем и моготу. Иначе наше деяние будет походить на новую зап-

лату на старом платье. Требование подвига должно изыти изнутри, как больному иногда решительно-целительное врачевство указывает позыв и чутье.

11) Мысленное и деятельное борение страстей — и само по себе сильно; но несравненно спешнее, плоднее и скорее идет дело, когда оно ведется под руководством другого. Сам не всегда заметишь врага в мысленной брани, не всегда сумеешь действовать против него и сохранить ревность и решительность к тому, а главное — в том и другом случае не можешь иметь одного плана, предварительного очертания, чтобы по нему вести все воевание. Исполнение этого совершенно невозможно самому. Нужно, чтобы кто-нибудь видел и наше настоящее и наше будущее со стороны. Потому предание себя руководителю должно почитать лучшим и решительным средством к самоисправлению. Он будет употреблять над нами и в нас то же средство — брань деятельно-мысленную, но, главное — по своему усмотрению, начертанию, с усмотрением цели, пути и распутий. Итак, желающий и ищущий очищения, обрети и вымоли у Господа руководителя отца, обретши — Расскажи ему все о себе, что знаешь и что в себе видишь. Потом предай ему

себя всего и внутренне, и внешне — предай, как материал необработанный, чтоб он строил из него дом Господу, человека нового. Поступив таким образом, покинь уже всю заботу о себе и беспопечительно укрывайся под руку отца. Пусть ведет, куда и как хочет, пусть заставляет делать, что, когда и где хочет. С нашей стороны ему — беспрекословное повиновение, не размышляющее, верующее, охотное и полное открытие ему совести или поведание своих помыслов, желаний, страстей, дел, слов — всего, что делаем и что с нами бывает. Этим дается ему способ видеть, где мы и в каком состоянии наше внутреннее устройство, и подается повод соответственно тому давать нам советы и назначать нам дела.* Открывание помыслов и повиновение отцу — это решительные истинители страстей и победители бесов. Всякий раз, как делается откровение и потом исполняется то, что назначено по сему поводу, это то же, что очищение раны и перемена пластыря. Врачевство спешное! Открывшийся извергает вон все нечистое и через послушание берет потом чистое, новую кладь, целительную пищу, сок чистый, — как рвотное кто примет,

* Книга Варсонофия вся и состоит в этом.

и потом хорошую пищу. Но что главное — им подсекается самый корень страстей, именно: самость, я. Ведущий сам собою брань все же ведет ее *сам* и таким образом, в то время, как действует против самости, некоторым образом питает ее. При руководителе же наше я решительно исчезает в воле его с первого раза, а с тем вместе теряют опору и все страсти и после наступают и действуют уже без порядка, в смятении; но и тут все их коварство перехитряется и делается безуспешным посредством откровенности. Вообще, это могущественный способ убивать страсти и востекать скоро к чистоте. Все опыты святых идут сюда; и примеров бесчисленное множество... Надобно еще заметить, что чем скорее, по обращении, найдется и изберется руководитель, тем лучше. Ревность жива и на все готова, и мудрый правитель чего не сделает с нею, особенно когда не успело еще образоваться самоделание, которое наделяет упорством, недоверием, прекословием, поправками... Болящий им, и избрав руководителя, должен быть прежде исцелен от него, чтобы поступить в чин доброго сына, способного к образованию. Беда, когда привыкнет душа все делать по своему разумению и хотению.

12) Наконец, окончательная как бы перечистка всего нашего состава, очищение его как в огне, совершается Самим Господом. Именно: совне — скорбями, изнутри — слезами. Нельзя сказать, чтоб они являлись лишь в конце, а прежде их не бывало. Нет, они начинаются с первого раза с самого начала и сопровождают человека в виде различных неприятностей и сокрушения сердечного, и чем более возрастает человек, тем они более усиливаются. Но там Господь вводит их в нас, попуская и как бы благословляя во благо нам обыкновенное течение дел внешних и внутренних. К концу же Он намеренно устрояет их, дает слезы, наводит скорби — или вместе, или одно за другим, и то одно прежде, то другое, и даже одно у одного, а другое у другого. Скорби — огонь, слезы — вода. Это — крещение *водою* и *огнем*. У св. Исаака Сирианина это изображается взятием на крест, или окончательным распятием внешнего человека. Эта минута, как говорят, искусительнейшая, подобная той, какая была у Авраама, приносившего сына в жертву: в уме — мрак, в сердце — безотрадное томление, свыше — чаяние гнева, снизу — готовый ад; человек зрит себя гибнущим, висящим над бездною. Отсюда одни выходят с торжеством, дру-

гие падают и возвращаются вспять, чтоб опять взбираться на эту гору. Прошедшие эту ступень, как восшедшие на небо, уже не земны, а небесны, берутся Духом Божественным и носятся Им, подобно колесам в видении Иезекииля. Бог в них есть действующий. Состояние их непостижимо для мысли. Его узнают только опытом, потому о нем и не говорят прошедшие его; оно и не полезно, а может быть, даже и не безвредно.

Так это в конце. До того же времени, наряду с другими способами, как сильнейшее средство очищения, должны быть ощущаемы постоянными скорбности и неприятности, Богом устрояемые, и дух сокрушения, Им же подаваемый. По силе оно равняется руководителю и при недостатке его может довольно его заменять, да и заменяет у человека верующего и смиренного. Ибо в таком случае Сам Бог есть руководитель, а Он, без сомнения, премудрее человека. У св. Исаака Сирианина подробно изображается, с какою постепенностью Господь вводит очищаемого все более и более в скорби чистительные и как разогревает в нем дух сокрушения. С нашей стороны требуется только вера в благое промышление и готовое, радостное, благодарное приятие от Него всего

посылаемого. Недостаток сего отнимает очистительную силу у скорбных случаев, не пропускает ее до сердца и глубин наших. Это — в отношении к скорбям. В отношении же к сокрушению — внимательное познание своих грехов, своего расстройства через наблюдение за собою и за тем, что бывает в нас, и потом частое исповедание с искренним раскаянием и болезнованием. Без внешних скорбей трудно устоять человеку против гордости и сомнения, а без слез сокрушения как избавиться от внутреннего эгоизма фарисейской самоправедности?* Тот, кто не имеет первых, почитается у апостола прелюбодейчищем. Так как они не в нашей власти, а в руках Божиих, то, опасаясь просить их по неверию к своим силам и незнанию, устоим ли в них, по крайней мере никак не должно оставаться в небрежении о последнем. Оно в руках наших большею половиною и молиться о нем не воспрещается. Итак, сколько есть способов и мудрости, напрягайся сколько можно чаще сокрушаться перед Богом в раскаянии, падая перед Ним и моля о помиловании. Видя труд, Он подаст и непрестанное сокрушение, и, если нужно, изо-

* У св. Исаака Сирианина внешние скорби, слезы и сокрушения восхваляются по всему пространству его слов.

бильные слезы, коими омоется и очистится, наконец, совершенно лицо души. Благополучие должно вести не к самонадеянности и велехвалению, а к опасению, не оставил ли уже Господь, как ненужного, а потому — к сильнейшему ревнованию о сокрушении сердечном, которое всегда есть жертва Богу приятная. Даже можно сказать, когда нет у тебя внешнего скорбения, то скорби внутренне, ибо к этому как бы призывает тебя Бог. Между тем, и наоборот, тому, кто скорбит внешне, Сам Господь посылает утешения — минуты восхитительного радования, заставляющие забыть скорби, залечивающие раны, при чем сетование и невозможно. Слезы при этом могут быть и не быть: все дело — в болезновании перед Богом о нечистотах своих.

Вот все способы, коими в нас истребляются страсти — то собственным нашим умноделательным трудом, то руководителями, то Самим Господом. Уже было замечено, что без мысленного внутреннего борения борение внешнее не может быть успешным; то же самое должно сказать и о борении под руководством, а также и о промыслительном очищении. Следовательно, внутреннее борение должно быть непрекращаемо и неизменяемо. Само одно оно не так силь-

но; но когда нет его, все другие — бездейственны, не в пользу. И делатели, и страдатели, слезники и послушники гибли и гибнут от недостатка внутреннего борения или хранения ума. Если припомнить при этом и то, что сказано прежде о внутреннем положительном делании, именно что в нем — цель и силы внешнего положительного делания, — то во всей силе откроется все значение делания внутреннего, и всякому будет видно, что оно — исходище, основа и цель всего подвижничества. Все делание наше может быть сокращено в следующую формулу: собравшись внутрь себя, возставь духовное сознание и жизнедеятельность и в этом настроении ходи по начертанному внешнему деланию под руководителем или Промыслом; но при этом со строгим и напряженным вниманием замечай и следи все возникающее внутри. Коль скоро родится страстное восстание — гони его и поражай, и мысленно и деятельно, не забывая возгревать в себе дух сокрушенный и болезнующий о грехах своих.

Сюда должно быть сведено все внимание подвижника, чтобы, подвизаясь, он не рассеивался и был как бы связан или препоясан по чреслам помышлений своих. Хождение с таким внутри-пребыванием и хранением есть хожде-

ние трезвенное, а наука о сем есть наука трезвения. Теперь понятно, почему все подвижники главнейшею из добродетелей подвижнических считали добродетель трезвения и неимеющего ее почитали бесплодным. Потому оно и должно быть отмечено особенно. О нем уже была речь, но то — лишь начало. Там говорено было о нем для того, дабы показать, что исходить на деятельность самопротивления и самопринуждения должно не иначе, как изнутри или, лучше, ходить в ней — утвердившись внутри. Теперь ту же точку изберем для восхождения вверх, ибо там — цель, а внешнее — средство. Должно, то есть, показать существенное тяготение подвизающегося духа к Богу, условия к скорейшему приближению к Нему и состояние приближенного или лучше способного к тому, ибо само приближение — от Бога.

Начатки восхождения к живому богообщению

Утвердившись внутри, обратившийся всю силу ревности своей обращает на дела самоисправления себя от нечистот и страстей, на высвобождение своих сил и укрепление их в деятельности богоугодной. Эта работа поглощает все его внимание, все труды и все время.

По мере приучения себя к этому деланию и, вместе, упорядочения и организации своего внутреннего состояния, он естественно более и более входит в себя, собирается внутрь и полагает начало неисходному в нем пребыванию. Это цель начального подвижания, вступление в себя.

В то же самое время, как человек начинает утверждаться в себе, мало-помалу раскрывается перед ним главная цель, которой должен искать и которая прежде как бы скрывалась за множеством дел. Но и само собою естественно, по мере удаления из области страстей, оказаться главному стремлению и тяготению нашего духа, ради распространения круга коего и предпринимается весь труд. Эта цель и стремление есть тяготение к Богу как верховному благу. Оно возможно под условием ощущения сладости жизни в Боге или вкушения — сколь благ Бог, потому является не вдруг. Сначала страх лежит на человеке: он служит как раб, по долгу, обязанности, которую сознал в минуту пробуждения. Потом страх стихает и, не исчезая, дает место сладости в работе Господу, ощущению в нем приятности. Явление этого есть явление первого оживления души для Бога, узрение светлой своей цели. Когда это тяготение

явится, то начинает расти уже само собою в том же порядке, среди которого и родилось. Не должно, однако же, ждать только его, а самим оставаться недействующими для него, — нет, человек должен сам действовать известным образом, дабы споспешествовать скорейшему раскрытию этого тяготения. К этому в прежнем порядке назначается преимущественно внутреннее положительное делание; но и все дела так совершаемые, поколику будут совершаться, не выходя извнутри, способны подать помощь сему тяготению, возвращать и укреплять, с чаянием всего от Бога и обращением всего во славу Божию. Это должно быть духом всего показанного делания, иначе оно останется бесплодным, и, что особенно, человек не может вынести его тяготы без этой внутренней силы, влагаемой в него. Так прежние подвиги могут развивать тяготение к Богу; но надобно направлять их к тому особым внутренним настроением, какое должно держать, проходя их.

Восхождение к Богу

Восхождение ума к Богу, или тяготение к Нему, образуется по мере укрепления внутренних деланий. Оно в них зарождается, как семя, и зреет на них, как на почве. Храня потому сие внутреннее для того, чтобы возбудить скорее

тяготение к Богу, должно при этом:

1) Навыкать умом хождению перед Богом. Пусть человек напрягается непрестанно зреть Бога, яко одесную есть, и восходить до чувства, что он есть зримый Богом. Навыкновение в этом есть дверь к Богу, отверстие неба уму.

2) Все творить во славу Божию и ни в чем — ни во вне, ни внутри — не иметь в виду ничего кроме сей славы: она должна быть мерою начинаний и налагать на них печать свою.

3) Все делать по сознанию на то воли Божией, ходить в этой воле и ей во всем повиноваться и вседушно покорствовать. Действование по воле Божией обнимает все бывающее от человека, а покорность ей обнимает все бывающее с человеком. Что ни делаешь, напрягайся увидеть, что Бог хочет от тебя сего дела; что ни встретится с тобою, прими то, как от руки Господней. Лицо, вещь, случай, радость, горе — все прими с радостью, всему покорись с охотою, миром, услаждением, несмотря на противность.

Сими духовными деланиями все более и более ум будет прозревать к Богу и утверждаться в богозрении — навыкнет стоять умом в зрении Бога с Его бесконечными совершенствами. Это зрение дается большею частью во

время молитвенного Богу предстояния и зреет посредством сего же молитвенного предстояния Богу. Оно есть начаток восхождения к живому богообщению.

Современно с богозрением является и совершенствуется благоговейное Богу поклонение духом, когда он, в болезненном взывании к Богу, падает перед Ним в самоуничижении, как тварь, не с болезненным, однако же, чувством, что он есть попираемый и отвергаемый, а с сознанием того, что он — приемлемый, милуемый и ущедряемый.

Вследствие сего будут появляться неудержимые влечения внутрь и к Богу восхищение.

Стремление к Богу — цель. Но сначала оно — лишь в намерении, искомое. Должно сделать его действительным, живым, как естественное тяготение, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготение и показывает, что мы — в своем чине, что Бог восприимлет нас, что мы идем к Нему. Когда железо тянется к магниту, это значит, что прикасается к нему сила магнитная; то же и в духовном отношении: тогда только и видно, что Бог касается нас, когда есть это живое стремление, — когда дух, минуя все, устремляется к Богу, восхищается. Сначала не бывает этого — человек

ревнующий весь обращен на себя, хоть и для Бога; но это воззрение на Бога есть только мысленное. Еще Господь не дает вкусить Себя, да и человек неспособен, потому что нечист. Он служит Богу, так сказать, безвкусно. Потом, по мере очищения и исправления сердца начинает ощущать сладость в богоугодной жизни, с любовью и охотою ходить в ней — она становится его улаждающей стихиею. Душа начинает отрываться от всего, как от холода, и тяготеет к Богу, согревающему ее. Полагаются начатки сего тяготения в духе ревнующем Божественною благодатью. Ее же наитиями и руководством и зреет оно среди указанного порядка, коим питается даже без ведома самого действующателя. Знамение сего рождения суть: охотное, тихое, не напряженное внутри-пребывание перед Богом, сопровождаемое чувством благоговения, страха, радости и т.п. Прежде внутри себя втеснял себя дух, а теперь сам устанавливается там и стоит неисходно. Ему радостно быть там одному с Богом в удалении от других, или без внимания ко всему внешнему. Он обретает внутри себя царство Божие, которое есть *мир и радость о Дусе Святе*. Такое погружение внутрь, или погружение в Бога, называется умным безмолвием или вос-

хищением к Богу. Бывает оно преходящим, но должно сделать его постоянным, потому что в этом — цель. Бог в нас, когда дух наш в Боге истинно, ибо это есть не мысленное общение, а живое, безмолвное, отчужденное от всего, погружение в Бога. Как луч солнца уносит каплю росы, так и Господь восхищает дух, прикасаясь к нему. *Взя мя дух*, говорит пророк. Многие из святых бывали постоянно в восхищении к Богу, а на иных дух нападал временно, но часто. Так и начинается, и зреет, и совершенствуется такое тяготение, или вступление в Бога, Божественную благодать в том, кто ищет Бога искренно, добросовестно, усердно.

Существенное условие для сего есть очищение сердца для принятия влекущего Бога: *чистиши сердцем Бога узрят*. Потому все доселе указанные подвиги, упражнения и дела суть необходимое, неминуемое к тому приготовление. Только все они должны быть проходимы должным образом, и именно с направлением к сему. Главное здесь — хранение сердца: хранилище ревнующего духа — внутрь; условие действительности подвигов, упражнений и дел, когда они идут извнутри, успехи борения только извнутри; лучший способ образования тяготения к Богу — внутренний. Следовательно,

внутреннее делание есть центральное исходящее духовной, истинно христианской жизни. Посему у свв. отцов оно одно и поставляется единственным путем к совершенству. *Трезвитесь и бодрствуйте, бдите и молитесь*, говорит Господь. Трезвение, или хранение сердца — главный подвиг. У свв. отцов сюда и направлено все: все — в сердце, ибо что в нем, то и на деле.

Решительный же шаг в восхождении к Богу, самое преддверие богообщения есть совершенное предание Ему себя, после коего Он уже есть действующий, а не человек. В чем вся сила, или чего мы ищем? — богообщения, того, то есть, чтобы Бог вселился в нас и начал ходить в нас, облекся как бы в наш дух, правил и его разумом, и волею, и чувством, чтоб и *еже хотети и еже деяти в нас* было Его делом, чтобы Он был действующий все во всем, а мы сделались бы орудиями Его, или деемыми от Него, и в помышлениях, и хотениях, и чувствах, и словах, и делах. Этого ищет Господь, Владыка всяческих, ибо Он один все в тварях делает через твари же. Того же должен искать и понявший себя дух.

Условие к сему боговселению в нас и воцарению, или приятию вседействия, есть отрече-

чение от своей свободы. Свободная тварь, по своему сознанию и определению, действует сама от себя; но этому не должно быть так. В царстве Божиим не должен быть кто действующий сам, но чтобы во всем действовал Бог; а этого не будет, пока свобода сама стоит, — она отрицает и отвергает силу Божию. И тогда только прекратится это упрямство против силы Божий, когда падет перед Ним наша свобода, или самостоятельная и самоличная деятельность, когда в человеке произносится решительное прошение: «Ты, Господи, твори во мне, что хочешь, а я и слеп, и слаб».

В этот-то момент вступает сила Божия в дух человека и начинает вседействие свое. Итак, условие боговселения в нас есть решительное предание Ему себя.

Предание себя Богу есть внутреннейший, сокровеннейший акт нашего духа, мгновенный, как и все, но не мгновенно достигаемый, а зреющий постепенно, продолжительно или кратко, судя по умению и благоразумию делателя-христианина. Начало его полагается в первом обращении, ибо там кающийся, полагая обет, непременно говорит: «Буду бегать зла и творить благо; только Ты, Господи, не оставь меня Своею благодатною помощью». С этим распо-

ложением он и вступает на поприще подвижничества и ревностно действует в нем, в чаянии приятия Божией помощи. Но видимо, что здесь впереди идет его ревнование, Божие же действие последует за ним. Это необходимо и по настроению начинающего, и по намерению Божию. Начинаящий хочет потрудиться ради Господа, услужить Ему — и трудится. Этим образуется у него благонадежность и как бы смелость воззрения на Бога. Но очевидно, что это не должно так оставаться. Необходимо, чтобы человек последовал влечению Божию, погасив самочинное ревнование. Следовательно, человеку не должно оставаться в первом своем настроении, но, не ослабляя той же ревности, надлежит подчинять себя Богу, вводиться под Его мановение, приучиться последовать Его внушениям и влечениям. Тайно о сем намекается, когда говорится Петру: *«Когда ты был юн, поясался сам и ходил куда хотел, а когда состареешься, **ин тя пояшет и ведет, а може не хощеши**»*. Это и есть акт решительной Богу преданности. Сначала сам ревнует человек, а потом говорит: *«Сам, Господи, **ими же веси судьбами, устрой мое спасение. Как связанный буду идти, куда повелишь**»*. Первый род деятельности так благовиден и красен —

сколько плодов! Потому-то он может привязать к себе навсегда. Но этого должно опасаться, потому что это будет то же, что потеть над неблагодарною землею: много песку и камней, а нет жизненности. Надо стараться, отошедши от нее, перейти в богопреданность. Правда, она некоторым образом и сама может расти в продолжении первого делания, однако же должно следить за этим растением и способствовать ему или, лучше, принимать образуемое и растимое. Собственно, и тогда действующий есть Бог, ибо без Него мы ничто; но человек говорит: «Я избрал, я хотел, я трудился, и Бог помог». И хотение, и избрание, и труды суть тоже добрые дела и, следовательно, Божий; но человеку, за хлопотами и усилиями, думается, что тут его сила. Потому совершающийся внутри переход от ревности к богопреданности ревностной есть не что иное, как раскрытие и явление нашему сознанию действия Божия в нас, или в устроении нашего спасения и очищения. Ревнующий вразумляется о сем частыми неудачами при всем усилии — успехами нечаянными и большими без особого напряжения, ошибками и падениями, особенно вразумительными, как отступлениями благодати. Всеми ими приводится человек к мыс-

ли и вере, что он — ничто, а все — Бог и Его всемогущая благодать. Это — последняя точка подготовительного к богопреданности курса. Она не иначе возможна, как когда человек восчувствует, что он — ничто. Со своей стороны человек может приложить следующее: рассмотрение дел и случаев, как они строятся, чтоб узреть силу Божию в них; углубление с сильною верою в условия оправдания, до воззвания: *«имиже веси судьбами, спаси мя»*; зрение бесчисленного множества врагов, сокрытие пути, мрак перед лицом, неисчетность распутий, сокровенность определений Божиих. Эти мысленные приготовления получают особенную силу от деятельного, именно: раздаяние всего имения, предание себя всеобщему поруганию (в юродстве), затвор, пустынничество. Это такие повороты жизни, после которых некуда более обращаться, как к Богу. Все такие прямо повергают себя в руки Божии и Им приемлются. В этом отношении неоцененна помощь руководителя, если он, невидимо для руководимого, поставляет его в такие обстоятельства, из коих может высвободить одна только невидимая помощь Божия. Древние отцы говорили: должно послушникам доставлять венцы. Лучшее всего это чувство ничто-

жества своего и богопредание образуются непрестанными скорбями и особенно чрезвычайными, Богом посылаемыми, крестами, о коих мы упоминали выше.

Предавший себя Богу, или удостоившийся сего дара, начинает быть действуемый от Бога и пребывать в Нем. Свобода не уничтожается, а существует, ибо самопредание не есть окончательный, утвержденный акт, а непрестанно повторяемый. Человек повергает себя Богу, и Бог возьмет его и действует в нем, или его силами. В этом — жизнь духа нашего истинная, Божественная. Повергающий себя в руки Божии приемлет от Бога и действует тем, что приемлет. Это — живой союз, жизнь в Боге, утверждение в Нем всем существом: мыслию, сердцем, волею. Оно является по самопредании. Но как самопредание растет постепенно и, именно, в продолжение еще первого действия, то, вместе с тем, нельзя не возвышаться и сему богоприятию и пребыванию в нем. Оно так и есть; оно и возвышается само. Но опять-таки и с нашей стороны должно быть нечто в содействие ей или спешнейшее созревание. Поприще богообщения, область, в коей оно образуется и действует, есть умная духовная молитва... Молящийся пребывает в Боге

и, следовательно, очень готов и способен к тому, чтобы и Бог стал пребывать в нем. Но эта молитва не то же, что молитвование; это — особое действие духовное, не столько руководимое, а более безвестно зреющее и для руководимого и для руководящего. В ней, можно сказать, последний предел правил подвижничества.* Ибо, когда станет и утвердится эта молитва, Бог есть едино с духом нашим. И правила касаются только начатков ее; а что бывает в ней по усовершенствовании, то сокрыто, становится невидным, как Моисей за облаком.

***Живое богообщение совершается
в состоянии безмолвия,
приводящего к бесстрастию***

У кого начали появляться эти невольные влечения внутрь и эти восхищения к Богу и особенно у кого начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва, тот готов и способен вступить в безмолвие. Только он и силен вынести этот подвиг и проходить его с плодом. Удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно.

* См. у Симеона Столпника.

Что гнало Арсения Великого от людей? Это тяготение внутрь перед Богом. «Люблю вас, — говорил он, — но не могу быть вместе с Богом и с людьми». «Истинный безмолвник, — говорит Иоанн Лествичник, — не желая лишиться сладости Божией, так удаляется от всех людей, без ненависти к ним, как усердно другие с ними сближаются».

Выписываем нужное к понятию о безмолвии из 27-го Слова «Лествицы»:

«Есть безмолвие внешнее, когда кто, от всех отделившись, живет один; и есть безмолвие внутреннее, когда кто в духе один с Богом пребывает не напряженно, а свободно, как свободно грудь дышит и глаз видит. Они совместны, но первому без последнего нельзя быть. Посему собственно безмолвник тот, кто существо бестелесное, душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Пусть келья безмолвника заключает в себе тело его, а сие последнее имеет в себе храмину разума».

На безмолвие не потянет того, кто не вкусил еще сладости Божией; сладости же сей не вкусит тот, кто не победил еще страстей. Недугующий душевною страстью и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соско-

чил с корабля в пучину и думает безбедно достигнуть берега на доске.

Никто из тех, которые подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы не впасть в исступление ума.

«Вкусивший сладости Божией стремится на безмолвие, чтобы ненасытно насыщаться им, без всяких препон, и непрестанно порождать в себе огонь огнем, рачение рачением и вожделение вожделением. Посему безмолвник есть земной образ ангела; на хартии вожделения, рукописанием тщания, освободил он молитву свою от лености и нерадения... Безмолвник — тот, кто духодвижно вопиет: *готово сердце мое, Боже!* Безмолвник — тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит*».

Таким образом, все занятие безмолвника — быть с Единым Господом, с Коим и беседует он лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо. Это сердцевое делание ограждается и охраняется другим — блюдением безмятежия помыслов. Благочиние помыслов и неокрадываемая мысль о Божественном составляют существо безмолвия и еще беспопечение. Сидя на высоте, наблюдай, если только знаешь это,

и тогда увидишь, как и когда, откуда, сколь многие и какие тати хотят войти и украсть грозди винограда. Когда страж сей утрудится, то встанет и молится, а потом опять садится и принимается за первое дело с новым мужеством.

Возлюбившие блаженное безмолвие проходят делание умных сил и подражают образу их жизни. Не насытятся они во веки веков, восхваляя Творца; так и восшедший на небо безмолвия не насытится, воспевая Создателя.

Но ни молитвы безленостной, ни хранения сердца неокрадомого нельзя возыметь, если не утвердилось наперед в сердце совершенное попечение. Нельзя с разумом проходить первых двух, кто не приобрел последнего, подобно тому, как не выучивши букв, нельзя читать. «Малый волос смущает око и малое попечение губит безмолвие». Кто желает представить Богу чистый ум и смущает себя попечениями, тот подобен крепко сковавшему свои ноги и покушающемуся скоро идти. Посему истинное безмолвие и начинается по предании себя Богу и глубоком убеждении сердца в Его о нас попечении.

Только те, кои сочетались с безмолвием для наслаждения любовью Божией, для утоления жажды этой любви, будучи влекомы сладостью ее, суть настоящие безмолвники. Такие,

если проходят безмолвие с разумом, скоро начинают вкушать и плоды его, кои суть: ум неволнуемый, мысль очищенная, восхищение к Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдашние слезы и проч.

Таким образом влечет на безмолвие влечение внутрь к сладостному стоянию перед Богом; путь к нему пролагает очищение от страстей всеми подвигами, коими укрепляется в нас добро и истощается зло; непосредственное преддверие его есть предание себя Богу в беспечении; существо его — ничем невозмутимое молитвенное стояние перед Богом умом в сердце, от коего огонь к огню прилагается.

Горение духа от Божия прикосновения окончательно очищает человека и возводит его в состояние бесстрастия. В этом огне переплавляется естество наше, как металл неочищенный в горниле, и является сияющим небесной чистотой, делающим его готовым Богу жилищем.

Так, на пути к живому богообщению стоит неминуемо безмолвие, если не всегда как известный образ подвижнического жития, то всегда как состояние, в коем внутри собранный и углубленный дух, огнем Духа Божественного, возводится к серафимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге.

Огонь этот внедряется в минуты обращения и начинает действовать, как только, по обете, вступит человек в труд; но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она действует во все продолжение труда над очищением сердца; иначе не вынести человеку трудов сих. Но всей силы своей она в то время явить не может по причине холода страстей, еще качествующих в человеке. Всю силу свою являет она уже тогда, когда умолкнут страсти. Первая теплота похожа на горение дров сырых и намоченных, а вторая на горение тех же дров, когда огонь иссушит их и проникнет весь их состав. По другому сравнению, первая теплота похожа на ту, которая бывает в воде, содержащей льдину, еще не растаявшую: теплота есть, но вода не вскипает и не вскипит, пока не растает льдина. Когда же растает льдина, теплота, проникая всю массу воды, разгорячает ее все сильнее и сильнее; от этого вода перекипает и перечищается. Вот на это похожа вторая теплота. Последние два образа действия огня изображают действия духовного горения в последних степенях совершенства христианского, возводящего к совершенной чистоте и бесстрастию.

Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественным огнем, потребляется; а по мере

того, как вещество искореняется и душа очищается, отходят и страсти.*

Вот значение бесстрастия, по указанию «Лествицы» в Слове 29-м: «Бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела».

Воскресением души должно называть исшествие из ветхости, именно когда произойдет новый человек, в котором нет ничего от ветхого человека, по сказанному: *и дам вам сердце ново и дух нов* (Иез. 36:26).**

Это полное и между тем всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господе так освящает ум и восхищает его от вещества, что часто от жизни в теле исступлением возносит на небо к видению.

Бесстрастие показал апостол, написав: *ум Господень имамы* (1 Кор. 2:16). Бесстрастие показал и тот сирианин-подвижник, который взывал: «ослаби ми волны благодати Твоя!» (св. Ефрем).

Бесстрастный ко всем предметам, возбуждающим и питающим страсти, стал нечувствителен так, что они никакого действия на него не производят, хотя находятся перед очами его. Это оттого, что он весь соединен с Богом. При-

* Лествица, Сл. 26, 63.

** Исаак Сир., стр. 138.

ходит он в блудилище — и не только не чувствует движений страсти, но и блудницу приводит к чистому и подвижническому житию.*

Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще здесь, обложенный брэнною плотию, бывает храмом Живаго Бога, Который руководствует и наставляет его во всех словах, делах и помышлениях; и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слышал некоторый глас, и, будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *когда прииду и явлюся лицу Божию*, — ибо не могу более сносить действий его вожделения, но ищу той бессмертной доброты, которую Ты даровал мне прежде, нежели я впал в тление. Но что много говорить! Бесстрастный *не к тому живет себе, но живет в нем Христос* (Гал. 2:20), как сказал *подвигом добрым подвизавшийся, течение скончавший и веру православную соблюдоший*.

Бесстрастие есть небесная палата небесного Царя.

И вот, наконец, богообщение и боговселение — последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге и Бог в нем. Ис-

* Леств., Сл. 26.

полняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы как Он в Отце и Отец в Нем, так и всякий верующий едино был с Ним (Ин. 17:21). Исполняется утешительное уверение Его: кто слово Его соблюдет, того возлюбит Отец Его, и Они к тому придут и обитель у него сотворят (Ин. 14:23). Исполняется апостольское определение умерших бесстрашием, что живот их сокровен есть со Христом в Боге (Кол. 3:3). Таковые суть храм Божий (1 Кор. 3:16), и Дух Божий живет в них (Рим. 8:9).

Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов, потому что и они во всем познают волю Божию, слыша как бы некий глас*, и они, совершенно соединив чувства свои с Богом, тайно научаются от Него словам Его.** Знаменуется такое состояние пламенем любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: *кто ны разлучит* (Рим. 8:35)? А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного, который чем более истекает, тем более распаляет жаждущего.***

* Леств., Сл. 26:11.

** Там же 30:31.

*** Там же 30:35.

Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, то не все безмолвники оставляются Богом в безмолвии навсегда. Достигающие через безмолвие бесстрастия и через то удостоивающиеся преискреннего богообщения и боговселения изводятся оттуда на служение ищущим спасения и служат им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других на пути спасения, — и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими.

Выше сего состояния апостольского мы не знаем на земле. Здесь — и конец обозрению порядка богоугодной жизни.*

* Желаящие знать о последних степенях христианского совершенства пусть читают св. Исаака Сирианова, «Лестницу» и «Добротолюбие».

ПИСЬМА
О ХРИСТИАНСКОЙ
ЖИЗНИ

Книга 3

1

Помоги вам Господи сильно укрепиться духом Его, — а заботу о том иметь надобно, и болеть, если нет внутри собранности, и в болезни к Господу припадать. Самodelьно сие не добывается; но и без труда не дается. Оттуда и отсюда надо, — надо. Сначала Бог сотворил свет, а после собрал его в светила. Так и с нами. Есть добро, но рассеяно или разлито. Надобно свести все воедино. И, — кажется, — душа просится на это... да не догадается. А главное — **саможаление** есть. Господи, помилуй нас! Без труда и самопринуждения ни в чем не успеем. Хоть чуточку, да надобно понудить себя, хоть на волосок. Когда есть усердие и ревность, то все пойдет хорошо. Но истинная ревность безжалостна к себе. Есть ли, сверх того, и хороши ли фундамент? Фундамент вот: глубокое чувство грешности и безответности перед Богом. Вся надежда тогда Спаситель; а отсюда непрерывное: *Господи, помилуй!*

2

Вы часто плачете, как заключаю из прежних речей и того случая, который описан вами. Есть

слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя иные на плач, есть слезы и от благодати.

Цена слез не водою, текущею из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них. Не имея благодати слез, не берусь рассуждать о них, догадываюсь только, что благодатные слезы состоят в связи со многими изменениями в сердце. Главное, — сердце должно тогда гореть в огне суда Божия, но без боли и сжения, а с умилением, приносимым надеждою от престола милосердного Бога, судящего грех и милующего грешника. Также думается мне, что слезы сии должны приходить уже под конец трудов, — не внешних, а трудов над очищением сердца, — как последнее омытие или сполоскание души. Еще — бывают они не час, не день и не два, а годы.* Еще — есть, говорят, какой-то плач сердца без слез, но так же ценный и сильный, как и слезы. Последний лучше для живущих с другими, кои могут видеть. Все же строит всех спасающий Господь!

3

Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, — куда как хорошо. Нищий

* Так говорит святой Исаак Сирианин.

и в мороз сильный бегают по окнам и просят. Пошел бы он, если б у него был кусок хлеба?

Когда чувствуется беда, тоже хлопотам и трудам человека конца нет. То же и с сердцем! Когда коснется его чувство беды, нищеты и голода, — покоя не дает ни телу, ни душе. И то сделай, и на другое подвигнись. Тогда уж саможалению нет места, и всякий труд не в труд. А голод и беду Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт, хоть по неделям не ест. Господи, помилуй нас!

Птичка, привязанная короткою ниткою, вспорхнет и падет, вспорхнет и падет. Когда нитка длинна, птичка и высоко взлетит, и далеко пролетит, но все притянется к тому же месту. Если б не нитка, улетела бы птичка на луга красные. И в больших клетках птички летают, но все не на свободе. Как оторваться?

Когда огонь угрожает привязанному, то он так сильно рванется, что железную цепь перервет, а не то что нитку слабую. Так не за большим дело: надо зажечь беду вокруг. Но всему свое время, хоть и в том, почему не время, иногда мы же виноваты.

Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила. Внут-

ренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть. Во сне и Сампсона связали, и остригли, и силы лишили. Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь, все равно. В сердце монастырь вот что: **Бог да душа**. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно идти. Только опять не гадайте о том, что вы там встретите. Вы и вообразить того не можете. Каждый там встречает то, что нужно именно ему. У одного все не походит на другого. Лучше в волю Божию предаться и все принимать как от руки Его.

4

Помоги вам Господи умудриться во спасение! Дело все нетрудно и немногосложно. Главное — доброе начало. Когда положено начало, все само собой пойдет хорошо. А как положить начало, это изъяснить трудно. *Дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет: тако есть всяк (человек) рожденный от Духа* (Ин. 3:8). Молиться надобно, и Господь подаст все, ибо Он благодателен. Мало где отворится дверь сердца, сейчас и Он. Искреннее только и решительное желание надобно иметь и не смешивать дел; а уж одно, так одно. Пророк укоряет: *доколе вы*

храмлете на обе плесне ваши (3 Цар. 18:21)? И апостол: муж двоедушен неустроен во всех путех своих (Иак. 1:8). И Господь: не можете Богу работати и мамоне (Лк. 16:13). Уж одно, так одно. Мария благую часть избра. Едино есть на потребу (ср.: Лк. 10:42). Когда придет эта объединяющая все стремления сила, тогда откуда что возьмется. Все пойдет исправно. Помолимся, чтоб Господь дал нам сию силу.

Много бывает добра у иных людей, но оно разбито, раздроблено, разбросано, как части разбитого стеклянного сосуда. Придет огонь и сольет из них сосуд в честь, разварив их прежде собою.

Вы спрашиваете, что значит: **зажечь беду вокруг себя?** Это глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе. Сие чувство и будет гнать нас к Господу и заставит непрестанно вопиять: помоги, защити! Оно было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое успокаивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. Сыт, — и что еще? Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа.

Вам нечего рассказывать на исповеди?

Это оттого, что вы праведны. Будем молиться, чтоб Господь сделал вас грешницею, то есть чтоб пришел к вам мытарев глас: *Боже, милос- тив буди мне грешной!* Молитесь: *даруй ми зре- ти моя прегрешения...* А между тем трудитесь и навикайте ходить перед Господом. По мере навыка в сем начнете сходить со ступеней праведности к среде, где грешники... и когда вступите в число их, тогда и перечислить не можете всех грехов. Не дело только есть грех; но и мысли, чувства и желания бывают грешные. Последние не видны; ибо нет ока, смотрящего в сердце: вот и праведность. Оку тому нельзя смотреть, когда его засыпают суетою, как пылью. Ходить перед Господом значит не отрывать от Него своего внимания, — это цель. А немного подумать о Нем и бросить, это не то. Когда то придет, то Господь станет судить мысли и помышления. Вот и откроются грехи и тут столько их будет, что беда!

Молитва, размышление, чтение, все это предметы разные.

Молитва, болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении. Она может быть, говорят, и без поклонов. Например, по нужде, в присутствии других, на пути; большею же ча-

стию она неразлучна с поклонами. Поклоны след внутренней молитвы.

Чтение и размышление идут вместе; омогут подготовить к молитве и оставаться праздными. Но сами они не молитва и заменить ее не могут. Чтению предел тот, чтобы дойти до предмета, который бы **оковал внимание** и остановил на себе одном. То же размышлению. И тут переход к молитве или даже молитвенному состоянию надолго. Хорошо утром после молитвы добиваться до сего чтением. Читать понемногу... Чтение с теплотою еще не то... Там, в молитвенном состоянии, прекращается чтение, и ум станет и не колыхнется, и хорошо ему бывает. Понудьте себя читать молитвы, кои показал священник. Они дверь. Как войдешь внутрь, не отворивши двери? Одолейте скуку. Их немного. Помышляйте, что, читая их, вы Господу говорите слово, которое Он слышит. Можно заучить сии молитвы и читать на память, внятно сердцу и Господу. Только надобно одолеть себя. Господь вам помощник!

5

Один Господь есть победитель всех наших немощей, а воспрять Его силу можно только

молитвою. **Она** есть источник всего и всякого преуспевания. Ею испрашивается и приобретается **и хождение перед Господом**.

Действие сие очень просто. Стоять умно перед Богом, как стоят перед Государем, в благоговейном страхе, не отрывая от Него очей ума, — в этом все. Совесть чистая перед Господом и людьми есть условие к тому. И внешний порядок жизни надобно приспособить, чтоб не было развлечений. В церковь Божию ходить; читать писания отцов о внимании и трезвении; бегать покоя телесного; утрудить немного плоть, но Господа ради. Паче же всего Господа молить, чтоб даровал сию силу. С навыком ходить перед Богом, начнется перечистка сердца, чувств, желаний, помышлений, а до того времени в душе великая сумятица... Бывала ли у вас молитва теплая, при коей все убегало из внимания, а оставался только Господь и вопль к Нему из сердца?.. Если бывала, то это состояние есть непрестанное состояние ходящих перед Богом. Понемногу и степенями доходят... и степеням тем конца нет; но доходят ревнующие о преуспевании духовном. Только с ревностью взяться надобно. Трудитесь и не ослабевайте; а в суету что пользы пускаться! Одною рукою строить, а другою разорять, что пользы?

Один труд — и не впрок. Господь да вразумит вас, молитесь!

6

Слава Тебе, Господи! Как я обрадовался вашей тревоге из-за молитвы. Это Ангел Хранитель ваш вас растрожил, чтоб вы узнали, что надобно молиться и читаючи. Ведь в молитвах наших нет многоглаголанья. Там все одно пишется: *Господи, помилуй*, только в разных оборотах, немощи ради нашей. Куда нам за Макарием Египетским! В благодатных состояниях, какие он, с собственного опыта, изображает, и на свет бы не взглянул, забился бы куда-нибудь в угол и млел там от умиления в огне Божиим и в свете. Только любовь к братьям вызвала его, чтоб одного вразумить, другого утешить. Как же он дошел до этого? Ужели взялся прямо за краткую молитву? Нет; не достается даром молитва. Святые Божии точно краткою молитвою молились, а лучше сказать, молитвою без слов. Но это не потому, чтоб не хотели читать молитв, а потому, что внутренняя сила молитвы связывала язык, и они стояли перед Богом, и стояли подолгу, по ночам и по дням, не сходя с места, не утомляясь и не чувствуя потребностей сна и пищи. Если, под-

ражая им, станем держаться их правила: не говорить много (в молитве), то должны подражать и примеру их — стоять долго с краткою молитвою. Где же нам простоять? Когда есть много молитв, еще-таки постоим; коль же скоро молитвенника нет в руках, то поклон, другой, да и довольно.

Чтоб заманить и продержать нас на молитве, попечительная о нас мать наша Церковь и установила нам прочитывать со вниманием и сокрушением разные молитвы. Но у ней же для преуспевающих в духовной жизни есть правило, что коль скоро в молитве сердце согрется и не захочет слов, прекращать чтение и молиться сердцем. Это и есть зачаток молитвы.

Когда Господь пошлет и вам такую молитву, дорожите ею и прекращайте чтение, только заметьте, что связание языка должно идти изнутри, не затем, чтоб прекратить молитву, а чтоб только молиться с глубокою собранною теплотою Богу, сокрушенно и смиренно припадая и воздыхая о своем всеокаянстве. Мы теперь молитвою своею еще как бы одолжение делаем Богу. Надобно добиться, чтоб она создавалась ничтожною, потом грешною; потом на молитве самим быть грешными и стоять на ней, как на суде. Бог ведь всегда есть Судия

наш; но душа не хорошо сознает это, и смелость себе дает являться перед Него праведною. Господь милосерд, — терпит; только бы, хоть такую, да приходила.

7

Да поможет вам Господь и устроит путь ваш к Себе! Есть много дорог, и все в одно место. Чем ближе к сему месту, тем они ближе и к себе взаимно; а вначале как они разны, до противоположности, как из Твери и Рязани в Москву. Потому-то и трудно угадать, что кому и как надо. Потому-то и есть закон неизбежный для идущих к Господу, закон богопреданности. И слово слышим и читаем и рассуждаем, а дело все идет совсем не по расчетам нашим. Господь да умудрит вас!

Заняло меня состояние вашего сердца после причастия Святых Таин. Ведь Святые Тайны прообразованы манною. Она принимала вкус по нуждам каждого. Вот и причастие Святых Таин дало вам вкусить, что вам нужно. Теперь знает сердце ваше, что значит быть с Господом и что без Него. Как хорошо, когда Он близ и греет и услаждает? А что бывает с душою, когда Он отступит! Приходит на мысль сравнение Макария Египетского — действия благодати

Божией с действием матери относительно своего ребенка. Когда ребенок забудется и от неперестанного нянченья матери забудет, как дорога ему мать, тогда мать оставляет его одного и сама прячется. Ребенок начинает кричать, увидев, что он один. Мать тут же и снова берет его. Как крепко прижмется тогда он к груди матерней! А перед этим и в стороны смотрел, рассеивался, смеялся, забывая мать. Вот так и с душою. Наше дело все принимать и о всем благодарить. Буди слава Господня во веки!

Трудно нам сознать умом, а тем паче ощутить сердцем, что такое мы одни. Целую жизнь сему учиться следует, и это главная наука. Успех в ней идет об руку со смирением и самоуничижением. Без сего не поймем даже, как натурально смирение самое глубокое у святых. И страх-то Божий настоящий тем же путем приходит. Страх Божий никогда не должен отходить от сердца. Любовь изгоняет один вид его, а другой рождает. И небесные силы предстоят Богу со страхом и трепетом. В нем нет мучения и боязни, а есть прохлаждение сладкое, но все же это страх, иногда кости сокрушающий. Так надо! И молиться следует: *страх Твой всади в сердце мое.*

Молитва точно есть главное дело. Она и есть путь наш к Богу; все прочее вспомогательные к

тому средства. Скажу только, что небольшое приготовление нужно чинить перед молитвованием. Не вдруг к Господу приступайте; надобно принарядиться духовно. Как делают, когда идут к царю; хоть немного подумать перед тем и о себе, и о Боге. Кто мы и кто Тот, с Коим хотим беседовать? Что нам нужно и по какому праву смеем просить себе нужного? И подобное сему. Главное же, наперед поставить себя самоуничиженно в присутствие Божие и говорить как бы в уши Его, просто, по-детски. Как хорошо творить поклоны, как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа все их в некоем напряжении. Господи, помилуй нас! Да даст Господь нам всем потрудиться, сколько у кого есть сил и усердия. Матерь Божия да осеняет вас покровом Своим!

8

Как хорошо, что Господь привел вас в обитель, и еще такую — к Матери Божией! Теперь можете хорошо обсудить, отчего монахам не скучно, или вообще приметающимся к дому Божию. Там ангелы Господни раздают сладости духовные, чтоб заманивать ими на путь тесный и прискорбный. Ибо в сем вся сила. Сладости и утешения как бы стороннее нечто. Но как мы немощны, то

ими заохочивают нас. Израильтяне перед исходом из Египта ели агнца, а потом что встретили в пустыне? Сию пустыню всякому надобно пройти, чтоб достигнуть земли обетованной. Все же строит Сам Господь. А нам молиться надобно: *имиже веси судьбами спаси мя*. Я только хотел напомнить вам о сем, чтоб вы не сбились в мыслях, бывая иногда в утешительных расположениях. Это еще не дело и не начало дела. Начало, когда страх Божий начнет сокрушать кости. Это не метафора, а дело. О сем молитесь: *страх Твой, Господи, всади в сердце мое*.

Ум наш по природе жив. Суета отяжеляет его. Когда мало-помалу спадет с него это ярмо, он начинает парить всюду, обходит и небо и землю, все видит, все понимает, и легко ему. Ничего тут нет худого; но и проку мало. Эту пташку-ум надобно засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь и пой вот что, а летать туда-сюда не смей: ястреб поймает.

Опять обращаюсь к вашему путешествию и радуюсь и благодарю Господа. Ведь случайностей на свете нет. Все покорствуется манию Божью.

9

Буди воля Божия! И над вами да совершается воля Его благая. Веруйте и глубоко в сердце

содержите, что ничто без Бога не бывает, до самой малости. Все у Него рассчитано. Наш долг все обращать во спасение души и из всего извлекать себе пользу душевную. В этом вся наша мудрость. А как устроить себя, еще никто сам собою не ухитрился. Все как паутина. Плетет, плетет бедный человек; дунет ветер, и все разлетится. А как Господь соткет, так уж прочно. И тонко, да крепко, как канат. Блаженна душа, почившая на руках Божиих! Как младенец у груди матерней, покоится она под кровом Господа. Уразуметь, а паче возчувствовать сие трудно. Господь да поможет вам! Болезненно к Богу припадающий не бывает забыт.

10

Вы пишете: *Бог создал человека для общества*. Поправьте эту мысль: человек создан для общения с Богом. В этом цель его главная. Потому, когда отпал человек от Бога, Единородный Сын Божий благоволил низойти на землю, чтоб опять воссоединить его с Богом. Так значительно и необходимо сие общение с Богом! Но как для того, чтоб вступить в сие общение и укрепиться в нем, человеку нужно прожить коротенький момент на земле, а прожить ему здесь одному трудно, то на время

дано ему расположение и к общественности, не как главное, а придаточное наряду с другими житейскими наклонностями. Всем им седалище в душе... Дух же не земен... Потому, когда он возьмет силу, то заглушает голос душевных потребностей и разрывает все держащие душу узы, которые для ней одной неразрешимы. Тогда человеку легко, просторно: он в своей стихии. Беда обществу, в коем общественность поставляется целию. Тогда передвигается центр, и начинается смятение и неурядица.

Вы восхищались музыкою, но вы слишком возвеличили цену ее. Другая область музыки, и другая — молитвы. Потому переход от одной к другой может быть только случайный. Есть много призраков духовных вещей, кои кажутся, но не суть духовны.

Вы говорите, что иногда так хорошо и легко, а иногда все разлетится... Жизнь идет полосами... Да! Отлетает что-то... Но мне думается, что это всегда по нашей вине. Господь близ есть. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Когда сие есть, и то есть. Как одеждою тогда одеяна душа... а то — голая и на морозе. Что делать, человеки есмы немощные.

А, поняли!.. ревнив Господь! *славы Моея*, говорит, *иному не дам* (Ис. 42:8). Господь требует исключительности решительной. Уклонение сердца измена; и за нее штраф. Чем дольше кто пребывает в любви, тем сильнее укор уклоняющемуся сердцу. Всякое рассеяние, прилагание сердца к чему-либо, кроме Господа, все идет в счет и наказуется.

11

Ныне Неделя мытаря и фарисея! Звук трубы слышали. Готовиться надо на подвиг. Еще прозвучит однажды и еще, — и еще... И потом отворятся двери покаяния... Пойдем все и припадем к милосердому Господу. Объятия Отчи отверсты всем. Ринемся в них с дерзновением и исчезнем в беспредельном море милосердия Божия.

То, что вам говорила N.N., есть софизм самости, саможаления, основанный на действительном опыте, неправильно понятом, или криво толкуемом.

После шума и развлечений душа, не совсем испорченная, тоскует. Сердце, томящееся от удушливости в чуждой атмосфере, собирается в себя и жалуется Богу и самому человеку, что его терзают ни за что. Так, эта молитва —

воплъ больного о врачевании. Господь посылает сии минуты умиления после развлечений и даже во время их, чтоб напомнить человеку, что он неправо действует, убивая понапрасну в суете время и губя душу. А N.N. берет это в основу для поблажек. Это то же, что больной хватит яду и кричит. Затихла боль? Давай ему еще яду... что-де он замолчал? Пусть кричит. Умно это? Спросите ее, какой смысл усердной молитвы после рассеяний и шума праздничного? Что говорит душа: слава Тебе, Господи, что нагулялась, или: согрешила — Господи, помилуй! Первое нелепо; а ко второму надобно прибавить: **не буду**, и следовательно — бросить: ибо Бога обмануть нельзя. Посмотрите, что говорит опыт. Вопль сердца после шума бывает вначале силен, потом слабее и слабее; и еще — сначала часто повторяется, а потом реже и реже... наконец и смолкнет... Стало все спокойно. Дело порешается: так и быть должно... В летах или под старость опомнится, оглянется назад, — много накоплено. Впереди мало времени... Трудно и не к чему начинать. Так и быть... и отчаяние. Кути же... Се конец светской жизни.

А еще — это что за философия: однообразие рождает равнодушие и холодность? Мир свое

переносит и на Божие. В вещах тварных однообразие точно надокучивает, потому что они конечны. стакан воды сладкой хоть понемногу пей, все же выпьешь; так всякое удовольствие мирское. Сердце выпьет из него все сладкое, и конец... далее непитательно и — скука. В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо бесконечное, достаточное для всех и на все века. В будущей жизни все приготовившие себя будут вкушать сие единое благо; и сами будут довольны и его не исчерпают; а все более и более будут жаждать и расширяться в жаждании и во вкушении. Спросите, отчего это отцу Серафиму, отцу Парфению не наскучила такая однообразная, и даже однообразнейшая жизнь? Церковь да келья, церковь да келья... а то еще и затвор... Господи, помилуй! Как можно убивать себя? А они и не думали мучить себя... а напротив, блаженствовали. Бывали у святых Божиих часы, дни охлаждения, как они их называют; но причина тому совсем не однообразие, а одна у Господа, другая в нас.

Теплота духа — от вяния благодати. Но близ ее сидит наше самолюбие. От долготы блаженного сего состояния человек или трубить перед собою начнет, или присвоит себе сие благо, или понадеется слишком: «Ну-де уж

мы теперь, чай, установились». Когда произойдет сие внутри, Господь берет благодать Свою и оставляет человека одного. А у человека что есть? Вот и безвкусие ко всему духовному чувствуется, и тягота, и равнодушие... точь-в-точь, как в отворенное окошко ушла вся теплота. Надобно топить; но дрова не в шуме мирском продаются, а хранятся в магазине Господнем. Отопри магазин, да и возьми... Всякому невозбранно доступ есть. Ключ — плач, покаяние, сокрушение, или просто терпеливый вопль к Господу, хоть без всякого вкуса, с самопринуждением... Тогда Господь опять воротит теплоту... И это называется отступлением благодати **поучительным**.

У нас есть своя причина потери вкуса и охлаждения. Она неизбежна по ходу преуспевания. Походит на пословицу: от одного берега отстал, а к другому не пристал. Состояние как бы раздумья — не первоначального, а после — в дороге уже... временно набегаает... Сердце еще не совсем отстало от чувственного и не совсем внедрилось в духовное. Позывы оттуда и отсюда закружат и отуманят на время... вот и равнодушие и безвкусие... Потерпеть немного и пройдет... Так вот что!.. Будемте-ка понемногу трудиться с терпением и преданием себя

Господу. Немного осталось. Час настанет, станем перед Господом и что скажем? Что умеем танцевать, говорить по-французски, хорошо ценим театральные пьесы? — Ой беда! Ой горе! Тогда будем метаться туда и сюда, да уж поздно... Дай, Господи, минуточку, дай минуточку... покаемся... и не дастся... оттого, что молитву возбуждали балами да театрами...

Когда я, будучи у вас, говорил о перемежающихся состояниях теплоты сердечной, то N.N., сидевшая тоже у вас, сказала: «Ах, я приходила в отчаяние, что не имею прежней теплоты...» Но тогда я иное говорил. К ней идет вот что: в ожидании, что она бросит мирские привычки, Господь посещал ее внутренними утешениями; но как она не вняла и продолжает то же... то и бросил ее... оставайся со своими театрами... и голодай. Это отступление благодати **наказательное**. И это не на пагубу делается, а на вразумление. Итак, да вонмем себе.

Какая это там книга смутила вас?.. Все западные переводные книги о духовной жизни нейдут к нам. В них есть клочок истины; но и самые лучшие из них содержат много мечтательного и ложного; щекочут, а не питают... и выходит: по губам текло, а в рот не попало. Возьмите лучшую и более других хвалимую:

«О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского... Почитайте ее со вниманием и сравните, то же ли дает она, что Макарий Египетский, или Исаак Сирианин, или изречения наших старцев — Серафима, Парфения... Западники сами себя хотят спасти; и попадают только со своими усилиями в покойное состояние сердца, похожее на бездействие при молчании прочих сил. Тут фантазия рисует им образы, и они млеют от них... Бросьте их. Для вас достаточно тех святых, кои есть у вас.

Разве сто истин? Одна истина. Разве сто путей? Один путь. Разве сто Богов? Един Бог, едина вера, едино крещение. Так как же это все равно?.. И то будто равно с нами, где нет священства, нет Святого Причащения и покаяния? Как же разрешатся грехи наши?.. И чем напитается дух наш? Ни на что не похожа вся эта филантропия. Не умеют решить вопроса: да что ж такое другие исповедания? Но из-за того, что мы не можем как следует решить его, не следует нам криво толковать и понимать решительно верное. Посмотрите, что бывает в фотографии? Персона человека натуральная есть самый верный его тип. Снимают фотографии, потом печатают. У одного слишком темно, у другого слишком светло, тот фокус не

угадал, другой позу дал несродную... Но есть и такие снимки, кои очень верны подлиннику. А подрисовка сколько изменяет характеристику черт? Разбирая теперь все сии снимки, неужели можно говорить, что они все равны, когда между ними есть и такие, в которых не узнает себя и сам тот, с кого снят портрет? Моисею говорил Бог: *виждь, да сотвориши* (скинию) *по образу показанному тебе на горе* (Исх. 25:40). И было так до пришествия Христова. Господь, пришедши, снес с неба иную нам скинию — Святую Веру и Церковь, устроенную тоже по тому, что видел и слышал Он у Отца — в предвечном совете Бога Триипостасного. Но явились самовольники фотографы... давай подрисовывать, давай делать новые снимки, — и нагородили... Лик Церкви один; но в самодельных снимках у одного вышло две головы, у другого ни рук, ни ног, там глаза изменены, там одежда совсем не та, — и прочее, и прочее... И у всех одна подпись: церковь... Смотришь, смотришь и вынуждаешься сказать: нет, это не она. Пристало ли после сего нам, хранящим подлинник Церкви, ставить себя в ряд с другими? Да что же другие? Оставим распорядиться с ними Домовладыке. Он дает нам осязательное свидетельство, что подлинник у нас:

это, видимые всеми, дары чудотворений, прозорливости, нетления мощей, чрезвычайных явлений; все это во дни наши видим мы... Чего еще хотеть? Лжецам не станет потворствовать Господь. Господь с нами, и Дух Его в Церкви нашей обитает... Сие осязаем... и стало, наша настоящая есть, с неба сведенная и на земле водворенная Церковь. А те что? Про тех Господь знает. Судов своих не открывает... Будет день, когда во свет приведет Он тайная... А теперь пока достаточно для нас сего луча — непреложного удостоверения в истине.

12

Так ваша душа очень стеснена! Да согреет ее Господь, и — расширится. Терпение, предание всего Господу и ожидание Его решений суть лучшие руководители нашей жизни. А молитва — атмосфера, в коей жить и коею дышать должны. И все тут. Мало-помалу лучше двигаться, нежели навскач. Сидите и ждите.

Но вот и пост: *постимся, братие, постом приятным*. Горе, когда пост ни нам, ни Богу неприятен. Коль немощны стали мы!.. А все от того, что праведны... Грешник не станет себя жалеть; и — когда восчувствует греховность, тогда держись грешная плоть.

13

Завтра начнется пост. Поможет ли Бог попутиться как следует. Вот если б в монастырь, другое дело... Видите, и монастыри нужны, а подчас и монахи... И это не одному, не двум и не трем. А все есть не благоволящие к монашеству, — не есть-де учреждение Самого Спасителя.

Да что такое разумеют под монашеством? Ряса, клобук, четки и прочая внешность, точно, не Спасителем учреждены... А сила и дух монашества указаны Им Самим — в Его собственном лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня и всех, можно сказать, апостолов. Монашество есть, с отрешением от всего, **непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге**. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только и есть Бог, да он, исчезающий в Боге.

Так как сему настроению много мешает семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества, разывают или совсем не вступают в семейные связи... На это есть и указание Самого Спасителя, именно: о безбрачии и совершенном нестяжании. Затем, когда в Коринфе произошли недоумения касательно дев, не желавших выходить замуж, апостол

Павел в послании к ним указал, как поступить. Смысл у него тот: не худо делает, кто женится, но не жениться лучше. В апостольские времена были аскеты, — они же в последующее время **пустынники, монахи...** Церковь дала им только внешнюю организацию, ибо в Церкви все должно быть *благообразно и по чину* (1 Кор. 14:40), а не учредила небылого. Ни политика, ни мировые события не имели в сем участия. Монашество не отвне... оно исходит из **духа христианства и даже из природы духа человеческого.**

Есть, например, посвящающие себя науке, искусству... отчего? Такой талант. Почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ибо и это дар Божий, — настроение духа таково... *Могий вместити, да вместит* (Мф. 19:12).

Говорят: **нет пользы** от монашества. Мало ли было и есть пользы от отца Серафима? А посему судите и о прочих. Расширьте круг полезного далее вещественных интересов... включите сюда **благочестие, добрую нравственность, чистоту сердца** и порешите, от кого ожидать пользы для сих немалых вещей! А христианство чего хочет? *Вышних ищите... горняя мудрствуйте... живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3: 1–3) и прочее. Это

точь-в-точь монашество... Не черная ряса и клобук монашество, даже не жизнь в монастыре... Если б все сие могло измениться, то монашество вовеки пребудет... пока будет на земле человек-христианин.

Когда кто любит Бога, не следует сию любовь называть идеальной созерцательною. Бог предваряет любовь нашу и все объемлет Своею любовью... Мы окружены ею... Если не ощущаем согревающих лучей ее, это от нашей закоснелости в чувственном... Чуть-чуть высвободится душа из сих уз и отвергнется от всего для Бога, и Бог входит в нее... общится... и бывает оживление теплое. Из сего потом источника выходит и доброделание ближним и усовершенствование себя. Начало всему **покаяние**: оно ведет к очистительным трудам подвижничества. По мере очищения сердце зреет любовью к Богу. Совсем чистое сердце совершенно любит Бога. Жаль очень, что наши философы обратили Бога в идею... и всегда забывают, что человек есть существо падшее... Нет ему возстания, как в Господе Иисусе Христе, через Святую Церковь.

Пропишу вам кратко существо нашей веры: «Бог, в Троице поклоняемый Отец, Сын и Святой Дух, все сотворивший и о всем про-

мышляющий, спасает нас, падших и погибающих, и именно мы спасаемся по благоволению Отца в Господе нашем Иисусе Христе благодатию Пресвятаго Духа, во Святой Церкви, через Святые Таинства, здесь предначинательно и приуготовительно, а в будущем веке окончательно». Это семя, ядро богословия и всякой здоровой философии. По сей идее движется вся цепь событий. Господь ведет... Законодатели, воспитатели, если хотят попасть на правый путь, который есть один путь промысления Божия, или направление воли Божией, — с сим должны сообразоваться... Иначе будут толочься, суетиться, а толку все не будет никакого.

Так, падшие мы, и Господь восстанавливает нас в Своей лечебнице — Церкви... Стало, не след нам помышлять об утехах... Больному нужны то резание, то прижигание, то мушки... А это все болезненные приемы, утехи же после выздоровления... Как здоровье полное обещается только в будущей жизни, то на долю настоящей остаются одни болезни и труды. Потрудимся немного. Велика ли настоящая жизнь?.. А той конца нет. Ну, если попадем *ошуюю*... что тогда? Рыдать и кричать, да толку не будет. Лучше здесь немного потрудиться,

во дворе милостивого Владыки нашего и Господа... чем там страдать.

Да что это за рассуждение? Как будто нам теперь в первый раз предложит изобретать и открывать путь спасения потерянный! Все известно. И сколько лиц прошло сим путем... и получили возмездие... Стало, это есть вещь несомненная! Каким путем шли святые Божии?.. Путем ли утех! И есть ли кто в числе их не болезновавший, не трудившийся, не проливавший пота и крови? Все вслед Господа шли... через путь поношений, на Голгофу, и с нее предали дух свой Господу. Примут ли они в свой сонм утешников?.. И Господь пустит ли кого к ним такого?.. Сие имейте в мысли... Широко и легко путь мира... но конец его — дно адово! Проповедующие льготы так говорят от ума плоти своей... Ум омрачен началами, принятыми от плотской светской жизни. Какого света ожидать от такого ума? *Блюдайте убо, како опасно ходите... Не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть* (Еф. 5:15; 1 Ин. 4:1).

14

Вы чувствовали себя мрачною, отчужденною, грустили оттого, что не пришлось погулять на масляной. Да, это чувство самое натуральное,

только не совсем правое, и за него надо побранить свою душу и сердце. Ведь быть отчужденным от мира есть заповедь. Стало быть, не худо, что вы отчужденными себя чувствовали. Прочитайте 64-е Слово Исаака Сирианина. Но зачем чувство сиротства и грусть? Разве мы отстаем от одного берега, а к другому не пристаем! Отчуждаемся мира, чтобы быть с Господом и святыми Его, то есть оставляем одно общество недоброе и вступаем в другое... и оставляем именно затем, чтоб вступить в него. *Приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму Небесному, и тьмам Ангелов, торжеству, и Церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю завета новаго Иисусу* (Евр. 12: 22–24). Видите, какое общество? А душа грустит и кричит: я сирота. Вот и бранить ее надобно... не забывай, не забывай... Оттого и грусть, что душа забыла, а от сердца отошло чувство общения. В подобные минуты надобно оживлять память о мире духовном и шевелить сердце, чтоб возникло сочувствие. Не берет? В церковь Божию пойти... И это не берет? Терпеть, вопия к Богу о помощи бедному сердцу, а все-таки стоять на своем, то есть не пускаться в разгул. Ибо бывает так, что в

грусти иной скажет: пойти разгуляться немного... Сделай только однажды, тогда всякий день будет грустно... и всякий день будет позыв к развлечениям. А там и постоянный разгул. Вот выигрыш! Останется только помин — скучна эта дорога, тяжела, одинока.

Вот в следующем листке уже поправились и стали в свой чин и порядок, и общество Божие нашли... и тепло и любо... Ну вот так. Только не гадайте о себе, а отдайте себя Господу. Степени наши Он пусть разбирает и цену ощущений наших определяет. Мера наша вот какая: когда чувствуем, что кругом нечисты и что спасение нам только от великой милости Божией, то и хорошо. Как скоро начнем присвоять себе хоть малую частичку праведности, это худо. Тут скорее надобно поднимать сварливую брань на себя.

Что-то вы помянули, что не испытали **восторженных молитв**. Избави вас Господи от них. Восторги, сильные движения с волнениями, суть просто кровавые душевные движения от распаленного воображения. Для них Игнатий Лойола много написал руководств. Доходят до сих восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем все это мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха,

мирна; и такова она на всех степенях. У Исаака Сириянина указаны высшие степени молитвы, но не помечены восторги...

Отчего же это вы праведницею ходите на исповедь? Конечно, вы не говорите: *несть, якоже прочие человецы...* это было бы уж слишком. Но общего чувства недостойнства мало. Можно как-нибудь добиться до того, чтоб сказать: и в том грешна, и в том грешна. Ведь говорите же: *согрешила словом, делом, помышлением*. Не бывает ли празднословия? Не бывает ли смеха? Не тратится ли время по пустякам? Не подано ли соблазна кому чем-либо? А помышления всегда ли хороши? Я думаю, если вникнуть в помыслы, то такая куча грехов наберется, что не подымешь. Надо стать у сердца и навязать замечать выходящие из него мысли и чувства. Тогда и узрите, что за смрадная вещь наше доброе будто сердце? — И придет тогда поминутное покаяние и исповедь Богу вездесущему и всезрящему. Помогите вам Господи! В день святого причащения вам было грустно. Что же делать? И за то поблагодарите Господа. За все благодарите. Вот что нам надобно: **не мерять себя**, то есть на сколько аршин поднялись от земли... лучше совсем забыть про эту меру.

Одна пусть будет: никуда не гожи. Стоим ли мы на прямой дороге, свидетельство тому не в теплоте чувств, хоть и это не худо: но в твердости работать и угождать Богу до положения живота, не разбирая, тепло ли на душе или сухо и безвкусно. Переменчивые состояния сердца надобно переносить благодушно и говорить Господу: не стою лучшего... еще мало... прибавь, прибавь томления... и подобное. Что будем делать? Чловецы есмы слабые, неустойчивые... а главное сластолюбивые. Очень хочется все сладости вкушать... а чуть горчички дадут, так и не по нутру... Ведь все это переходчиво. Не смущайтесь и тем, что это было в день причащения. В сей день Господь делает для души, что ей более полезно... Для вас была грусть полезнее, она и оставлена. Скажите же: слава Богу о всем.

Какую индульгенцию вам прописал N.N.: *когда не хочется, и не молись?* Может быть, это ему сходит с рук; но этого нельзя сделать общим правилом. Помните сказание, как одного инока враг одолевал перед началом молитвенного правила. Его в озноб и жар бросало, разболевался, хоть умирать. Что же он сделал? Ну, говорит, душа! Умирать пришло время, давай-ка в последний раз помолимся и поплачем пе-

ред Господом. Стал на молитву и нудил себя. Голова трещит, а он все свое... Кончил правило, и боль прошла... На другой день опять то же... Тогда он понял, откуда идут нападки... и уже никогда не оставлял своего правила, чем бы ни был отклоняем. Если б не было врага, можно бы так... но как есть он, то надобно ухо держать остро.

С трудом и самопринуждением только можно привыкнуть к добру. И много надо пролить пота, пока оно сроднится с нами и сделается нам сручным, обычным, легким...

Так, Господа ради, бегайте индульгенций. Посмотрите у Макария Египетского правило: нудить себя надо на всякое доброе дело... *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают* (Мф. 11:12). У нас ведь смесь добра со злом, и против всякого добра есть свое зло... Надобно задушить последнее — и воскресить первое. Как же это без труда-то сделать, когда с боку на бок перевернуться и то надобно напряжение?

Лучше держаться одних речей, а то как раз запутаться можно. Ниточку потеряете... Общие беседы вести можно со всяким, — а что до дела, то уж одного слушать. А вообще о духовных вещах со всяким можно беседовать... Это хорошо — душу шевелит... и воздух ее очищает.

15

Сейчас развернул св. Исаака Сирианина — сего единственного учителя трезвенной жизни. Где бы вы ни были, возите с собой эту книгу. Начал читать, и первые строки — как раз, что нужно вам. Смотрите, какая похвала зрящим выну (всегда — *прим. ред.*) Господа в сердце. **«У кого помышление всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. Кто ежечасно назирает за своею душою, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе духовную зарю. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутрь сердца своего»** (Слово 8).

Вот отец Серафим всю свою жизнь стоял перед Господом и горел как свечка. Так и все другие. А разве они не были люди? И предназначение их разве другое, чем наше? — *Живот ваш сокровен есть со Христом, в Боге* (Кол. 3:3). Это о всех сказал апостол. — И не говорит, что должен быть сокровенен, а уже *есть* сокровен, чтоб показать, что тот и христианин, что всем существом своим сокрылся в Боге, через Господа нашего Иисуса Христа. А слово апосто-

ла: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5:17) к кому относится?.. К избранникам только, или ко всем без изъятия? — Да! Ко всем... Стало, и исполнять надо сию заповедь... Благослови же вас Господи!

16

Благословен еси Христе Боже наш... и прочее. *Пятидесятницу* празднуем. Духа Божия веяние и осенение да подаст вам Податель всяческих! Теплота Его да согревает сердце ваше паче и паче, — пока возгорится огонь, пополяющий и поядующий! Буди! И будет, если приложите труд усердный и болезненное к Богу припадание. Щедр бо и милостив Господь.

Вот показались поклонники. Все ищут! Хорошо, что ищут. Только не надо думать, что Господь ближе к Киеву или Москве, Афону или Иерусалиму, нежели к другому месту. Место Его — сердце наше! И когда внидет и возвечеряет... вот и Иерусалим, и паче Иерусалима. О сем восхлопочем. Сердце в нас; но есть путешествие до сердца, — и иногда оно длинно-длинно. Сие путешествие и многотруднее, и ценнее перед очами Господа, и многоплоднее. Кто его совершит, не захочет странствовать, а возлюбит сидеть дома один-одине-

хонек. Ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни двигаться не хочет... Есть в нем видение дивное и предивное, которое поглощает все его внимание, всю любовь, всю заботу. Господь да дарует и нам сию благодать, источник всех благодатей!

17

Утешьтесь! Ведь Господь не есть *гнев наводяй на всяк день* (Пс. 7:12). Сердце Божие широко-широко... У нас оно воробьиное. Что делать?.. *Претерпевый до конца спасен будет*, сказал Господь, а не сказывает, когда и какой конец и что будет впереди, — бурька или ураган. А как стоять, не придумаешь, и как другие стоят, не догадаешься. В руке Твои, Господи, предаем дух наш! Обаче разумевая, да разумеваем пути Божии. Покаяние все очищает и гнев Божий утоляет. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Да утешит вас Пречистая Владычица наша! Крепитесь! Поскорбеть не мешает: человеки бо есмы; а скорбеть до изнеможения не следует. Не поможет сия скорбь; а тихое молитвенное упование — милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою... а слезами все можно. Подай, Господи, подай,

Господи! Докучать надобно!.. а права нет... все милость! Есть загородки, Богом поставленные, которых никто не сломит. Усильною молитвою надо ударять в них. Господь, сжалясь, примет их... и тогда радость спасения!.. Но упование мягкое, сокрушенное и смиренное да будет. Прав нет на милости Божии. Господь да утешит вас!

Мне вообще приходит на мысль, что люди являются не совсем хорошими так — невзначай, а на деле они хороши. Потому лучше и вернее всех считать святыми.

Последнее можно предпочесть суду даже верному. Тут есть подвиг, и не попусту; чтоб исполнить доброе правило: **выну зреть чистым лице ближняго**. У нас есть пословица: свое немыто бело; она грешна. Надобно наоборот: свое и мыто черно, а чужое немыто бело.

18

Хорошо, что вы каялись и просили у Господа прощения за помыслы присвоения себе добра... Нет злее вещи! Помысл, схваченный при входе, как разбойник, и прогнанный, еще не беда. Но когда от него отражение падет на сердце и оно усладится им, тогда крепко надо бить сие сердце — за измену. Всему же причина не-

внимание. Не заметит ум, как падет злая искра; а не замечает по развлечению. Хлопотать-таки хлопочите, но Господа не выпускайте из ума и уст. И припадать к Нему не забывайте. Пусть трудно: тем ценнее подвиг и тем скорее подается благодать. При добрых хлопотах, напряжение быть с Господом много приносит пользы.

Будем припадать и вопиять: Господи, помилуй!

Эта небольшая теснота поучительна и спасительна... Есть Господь все устрояющий. Он всякие развалины возставит... А другое дело не здесь конец... Плод жизни обнаружится за чертою жизни... Спаси нас, Господи, в тот страшный час; а здесь довольно одного слова: буди воля Твоя, Господи!

19

Какой назидательный урок от лица прачки! И сколько есть в мире сокровенных слуг Божиих и слуг истинных? А мы-то что? Фольга: вычурно, гладко... а коснись рукой — вяло, слабо, никуда негоже. Сколько тайн в жизни! И как сокровен путь спасения! И как нужно внимать себе, жать сердце и выжимать всякую оттуда дрянь! Помоги, Господи!

Вот вас совсем разволокли дела. Крепитесь; это спасительно. Есть люди, которые хлопочут и не развлекаются. Но пока Бог пошлет сию благодать, будем делать, как можем. Отчего вам грустилось? Грусть, спокойствие тихое, веселие... вещи переменчивые, которых источник угадать трудно... И смотреть на них нечего, ибо не в них сила... Погрустилось, слава Богу; и повеселилось, слава Богу... А свое, — все-таки свое.

Все немощи человеческие! Но покончим начатые дела и займемся своим главным. Есть же люди, которые так установились в Господе, что, несмотря ни на какие разволоки, все пребывают с Господом. Крепость ли духа у них выше, собранность ли более сосредоточена, или жар любви и сердечной теплоты обильнее! Будем молиться, чтоб и нам Господь даровал сию благодать. А Он любобообщителен. Усердие, труд, искание не отщетит. Сам прописал: *ищите и обряцете* (Мф. 7:7). Поищем и обрящем.

Живя между людьми, в сношениях, нельзя, конечно, скоро; но можно. А тут и смерть недалеко. Хорошо умереть в состоянии искания, если не благословит Господь, — в состоянии совершенства. И на том свете будет восход от низшего к высшему.

Но вот мы и забыли про тот свет, — выбили его из головы хлопоты. Покаемся, отрясем усыпление развлечений, войдем в покой трезвости и все пойдет. Лучше бы, конечно, тянуть нить непрерывную; но что делать, когда рвется. Опять скрутим, и потянем ту же нить... Ведь жизнь-то наша вся есть прядение одного початка... Все мотается, мотается и составляется большой клубок. На том свете весь размотают... Начнут строго рассматривать достоинство нити, — по аршинам, четвертям, вершкам. А кто пряд, будет стоять и со страхом ожидать, что скажут наконец — хорошо или худо.

20

Господь да укрепит вас в усердии — молиться и молиться. Молитесь не потому, что приятно, а потому, что должно. Более всего навывайте молитве Иисусовой. Пусть так навязнет на языке, чтоб он сознательно и бессознательно твердил ее. Это не вдруг. Вы, думаю, и не брались еще за сей труд. Он тяжел на первый раз. Но победите себя. Помогите вам Господи!

Ваш вопрос изумил меня... Трудно объяснить его, как трудно объяснить, что есть день. У вас, кажется, есть небольшая ревность угождать Богу. А что до положения живота, то для

мучеников было это самым делом, а для нас значит: не жалея себя работать Господу. В этом смысл широкий-широкий!.. Отчего, например, вам не хочется встать вдруг? Себя жаль. Отчего не хочется стать на молитву? Себя жаль. Отчего не хочется отказать себе в той или другой пище? Себя жаль... И много-много подобного. Тело начинает кричать, как будто его ведут на виселицу. Вот кто одолеет его, тот живот полагает... и это можно каждую минуту, отказывая себе, без жалости к себе.

Конечно, надо всячески хлопотать, чтоб минута смерти была минутой блаженства; но бывает ли и будет ли она для всех такою, этого угадать нельзя... Потому со страхом и трепетом ожидать ее надобно. Благодать Божия беспредельна, — и не хочет нам беды и муки; но что делать, когда мы делаемся недостойными ее? Что сделать с тем, кто говорит: отойди от меня; путей Твоих ведать не хочу? Кто лучше постигал не умом, а сердцем благодать Божию, как святые подвижники? Но страх смерти и суда не отходил от них.

Слава Богу, что у вас есть любовь к Господу и желание угодить Ему. И да сохранит Он в вас сие благое чувство, сей огонек, легкий, конечно, и задуваемый многими ветрами, и да

сотворит возрасти ему в пламень Серафимский. Его-то паче всего берегите. Беда, когда он погаснет. Тьма-тьмущая настанет, и холод, и всякое нестроение. Лучшая ему поддержка труд **доброделания** в связи с трудом молитвенным. Тут весь путь спасения. Кажется, немногосложно и нетрудно.

Труд доброделания обнимает:

1. **Добрые дела**, какие Бог пошлет и какие кому встретятся в каждый день, спросонок до засыпания.

2. **Добрые расположения**: смирение, кротость, воздержание, милосердие и прочее.

3. **Крепкую, как смерть, решимость** и усердие работать Господу всем до положения живота. Все это вместе — совокупно. Первые одни без вторых — плохо, и вторым без третьего не так хорошо.

Есть? — Слава Богу. Нет? — Надобно приобрести, устроить и вести труд доброделания во всех видах.

Труд молитвенный вот в чем состоит: умом в сердце перед Господом зреть выну Господа, ходить перед лицом Его, возносясь к Нему и падая перед Ним в самоуничижении непрестанно, и сидя, и ходя, и беседуя. Да, не легко. За то и называется сие трудом молитвенным.

А иные говорят, что легко... И как услышат о сем, тотчас подумают: ах, да это ничего, я так буду делать. Не нужно ни поклонов, ни чтения молитв, ни хождения в церковь, ни другого какого труда телесного при молитве. Ум и сердце — они в моих руках. Ими и буду молиться. Добрый час! Вот и начинают. Но ум разбегается и мечтает, сердце блажничает, — и ничего не выходит. Нет. При труде доброделания необходим труд подвига молитвенного, телесно совершаемого со вниманием, — с умом и сердцем. И Бог, видя труд сей, даст молитву сердечную, легкую, сладостную, все услаждающую. Воодушевитесь терпением и понудьте себя на труд. То, что вы говорите о разлениении тела, это у Исаака Сириянина называется **покоем тела**, и ему он много зла приписывает. Оно так и есть. Видали ли вы электрическую машину? Если цепь от цилиндра проведена к земле, то сколько ни верти колесо, электричество не будет ощутительно — все будет уходить в землю. Такой же враг и покой тела.

Прогоните его. Рассердитесь на тело и помучьте его немного. Помолитесь о сем — и Господь поможет. А зла в этом покое много.

Ваше время только то, когда вы у себя в комнате. Его потрудитесь распределить так, чтоб

оно все принадлежало Господу, — утренние часы особенно... от просонок до 12 часов. — Тут поместите вашу утреннюю молитву. Лишь проснетесь, вставайте. Не жалейте тела. Если оно блажить хочет, рассердитесь и сгоните себя с кровати. Хорошо, если сей час же и на молитву, чтоб все думали, что вы еще спите. Вы уже знаете, что поклоны умиляют. Да, поклоны весьма важное дело. Ими надо начинать — три, пять, десять... пока посогреется сердце; ибо просонок оно всегда бывает вяло и холодно. Потом прочтите утренние молитвы не спешно, со вниманием, зря Господа перед собою, чтение сопровождайте поклонами поясными или земными, смотря по движению сердца; но чем чаще, тем лучше... Заключите чтение опять поклонами, моля Господа о том, в чем чувствуете нужду, пока насытится сердце. Число поклонов, если нужно, определите себе сами, а то так, сколько душе угодно... хоть сотню. По совершении молитвословия хорошо несколько времени провести в богомыслии, — или в творении молитвы Иисусовой. Сядьте — или стоя и ходя — и говорите: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...* Говорите сию молитву побольше раз... уж не менее сотни. Потом и днем, сколько можно чаще, творите сию

молитву. И к иконе днем-то хорошо почаще подходить и класть поклоны по усердию: пять, десять и более, с молитвою: *Господи помилуй. Боже милостив буди...* вот и все. И перед сном такой же порядок, то есть несколько поклонов вначале, молитвы на сон грядущим, несколько поклонов опять и, по крайней мере, сотню молитв Иисусовых. Как хорошо ходить в церковь для воспитания духа молитвенного! Все это знаете... Устройте же себя бывать чаще в церкви за обеднею, или вечернею, или как можете. Если б всякий день и все службы бывать в церкви, то скорее бы разверзся источник молитвы сердечной...

Бывайте, по крайней мере, по возможности. К сему молитвенному труду надобно приложить **чтение** Слова Божия и святых отцов. Хорошо читать каждый день дневное Евангелие и дневной Апостол. И сделайте так — утром, после молитвы Иисусовой. Но читайте с размышлением, углубляясь в силу слов и, сколько можно, доводя до сердца. Хорошо, когда какое место займет всю душу. С ним можно ходить весь день, держа его в памяти.

Из святых отцов: святых Исаака Сирианна, Ефрема, Макария Египетского, Достопамятные сказания, Лествицу, Варсонофия и

Иоанна и других. Из них каждый день прочитывайте сколько-нибудь. Много не надо читать... Прочитавши что-нибудь, жуйте то, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения! Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное.

По вечеру или после обеда хорошо читать жития святых дневных. Для того под руками имейте Четью-Минею. Есть ли у вас какое рукоделие? Если нет, изобретите. Без рукоделия плохо. Читать и молиться (разумею молитву и вовне выражаемую) нельзя непрестанно. А праздно сидеть — мысли блуждать начнут; так и надобно в помощь себе рукоделие изобрести. Рукоделие продавайте и на милостыню раздавайте, прося Господа о помощи в науке молиться Ему. Как распределить молитву, чтение, рукоделие, вам самим виднее. Только так распределите, чтоб не было праздного времени ни минуты. (Входя в комнату, несколько поклонов; выходя то же всякий раз.)

Кажется, все уже сказал. Господь да благословит вас и вразумит. Помните только, что все дело — сердце, к Богу горящее и непрестанно в сокрушении внутренне к Нему припадающее.

Надобно поболеть, понудить себя, помучить без жалости. А враг не спит и все толкует: то не нужно, другое не надобно. Помощник ему наш ум, или наше умничанье. Господи, помилуй нас!

21

Скорбь от нападков Запада утихла было у меня. Теперь возобновлена и еще с большею силою. Скажу вам наскоро две, три мысли. По виду у нас с римскими католиками много сходства: догматы те же, кроме новых, изобретенных ими о происхождении Святаго Духа и — недавний — о непричастии Божией Матери первородному греху. У них также догмат — и главенство папы. Таинства одни; но они у них почти все изменены в форме и разнятся ею не только от Восточной Церкви, но и от своих древних чиноположений. У них и Вечерня, и Утреня, и Литургия, и другие молитвенные службы церковные, как и у нас. Но если рассмотреть, как все бездушно и даже бессмысленно! Когда проследить подробности, то явно всякому, как далеки они от истины. Лукавые пропагандеры смущают общим обзором, скрывая разности. Те же разности, кои слишком выдаются, они смягчают кривотолкованием. Например, у Гагарина... «У вас, — говорит он, — не

определено соборно, как веровать о происхождении Святого Духа; потому для вас верование об исхождении Святого Духа и от Сына есть частное мнение, которое, принимая кто-нибудь, никак не подлежит суду своей Церкви». Видите ли софизм? А разве постоянное верование Церкви, что Он не исходит от Сына, не есть голос Церкви? Когда не принят их догмат, разве этим не сказала вся Церковь, что не должно верить ему? А собор, бывший при патриархе Фотии и папе Иоанне VIII, разве не анафематствовал принимающих исхождение Святого Духа и от Сына? Потом все писания богословские на Востоке, все катехизисы что значат, как не выражение учения Православной Церкви? По всему сему верить, что Дух Святый исходит от Бога Отца, есть догмат обязательный, а верить по-латински, что он исходит и от Сына, есть уклонение от Церкви, ересь. Утвердитесь против сего софизма.

Говорят еще: «Что мешает верить происхождению Святого Духа и от Сына? Это не уничтожает вашего догмата, а прибавляет к нему новую истину; знать же пять истин, конечно, лучше, нежели знать четыре». Каковы уловки! Хорошо к истине прибавить истину, а если ложь прибавляют, то искажают ее. Горечь,

подлитая к меду, губит мед. Суд написан строгий тем, кои прибавят.

Таковыми и подобными софизмами они сглаживают слишком резкие разности. Я думаю, простого смысла достаточно к тому, чтоб разобрать хитрость. Они сего и говорить не станут знающему, а так наудачу бросают мыльные пузыри на воздух, авось кто-нибудь заглядится.

Оторвали меня и надолго... Забыл, что хотел еще сказать. Да, — вот что! Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции, — с видимою главою. Православная Церковь есть духовный союз всех во Иисусе Христе и через Него взаимно между собою. Церковь невидимо правится Господом и направляется к своему концу. У них ведет ее папа, и куда?!! Довольно пока.

Господа ради, берегитесь духов сих лестчих, и других охраняйте. Потрудитесь прочитать: «Правда вселенской Церкви», «Слово Православного католичества» А. Н. Муравьева.* И

* Святитель имеет в виду книги «Правда Вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах» и «Слово католического Православия римскому католичеству» (Прим. ред.).

на французском: «Question religieuse d'Orient et d'Occident», Москва, 1857. Там все разъяснено хорошо...

Господь да сохранит вас и благословит всех всяким благословением.

22

Удивляюсь и не догадаюсь, что такое с вами было. Благодарение Господу, что прошло. Будем молиться, чтоб не повторялось. Его мрачность, князь века, добирается до вас, пробует, с какой стороны можно сбить с ног. Искушений вокруг много. Подбегите под кров Матери Божией и святых Божиих! От искушений никому не избежать; но можно избежать падений! Самому нельзя, а с Богом и помощью небесною. Она готова, окружает всякого, только надо не разделять себя от ней, не отгонять ее. Отгоняется она страстными помыслами, чувствами и желаниями. В сердце смотрит Господь, и каково оно к Нему, таков и Он к нему. Затем неизбежный закон для всех ищущих Господа: внимать себе, или вести внутренне бодренную и трезвенную жизнь. У вас есть Добротолюбие? Посмотрите там Исихия, Филофея Синаита, Феолипта и еще Диадоба, епископа Фотики, — все о трезвении. С помо-

щью их поймете, что такое трезвение, бдение духовное и бодренность. Есть поговорка: тишина такая, что, муха пролетит, слышно... Так у трезвенного все тихо в душе; как свеча горит возношение сердца к Богу непрерывно. Чуть что стороннее, сейчас видит и прогоняет; и опять покой... и так далее...

Вот этого надобно добиваться. Делайте так. Знакомо вам место молитвы, или место сердца, тепло молящегося?

Там, где бывает тепло во время молитвы, станьте вниманием, и будьте там и не желайте выходить; но будьте не одни, а с мыслию о Господе, сущем и в вас; пекитесь при сем о едином — сохранить непотухаемою сию теплоту ко Господу. Это главное! Когда начнете сей внутренний подвиг, тогда дело научит вас само, как сие делать, — что помогает ему и что мешает. Возьмитесь за это. Только тогда, как теплота установится, начинается внутреннее очищение.

Когда отделяется чистый металл от руды? Когда раскалится руда... Так и здесь... А до того все — не то что ничто, но и не что-нибудь дельное, прочное. Так вот вам и урок! Выучите и скажите, что будет с вами и в вас! Когда будете стоять в сердце с мыслию о Господе, тогда

ум постоит-постоит, и уморится и начнет вилять туда и сюда, как бы убежать. Тогда дайте ему сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, то есть молитву Иисусову, и пусть твердит. Но помните, что страх Божий наперед должен освежать воздух сердца и во все время освежать и очищать... Есть внутреннее благоговейное и уничиженное к Богу припадание, обращающее человека в пыль и прах перед Господом... Сие творите... И будет у нас так: утром с первого сознания страхом освежать все внутри... молитва затем согреет... молитва Иисусова с внутренним к Господу припаданием продлит сию теплоту... и слава Богу! Но добиваться надобно до сего. Не вдруг — то; не то, что вязать иглою, — посмотрел и знаешь. Весьма помощно к сохранению теплоты утреннее чтение, — и из него та мысль, которая привлекает внимание и как лучом падет на сердце и осветит все внутри. Ее чаще потом поминать надо и вращать в уме. Можно и правилом положить, — коль скоро встретится такая мысль при чтении, прекращать чтение. Врагов сему делу много, сами увидите... главные: глаза, уши и движение с языком, то есть многовидение, многослышание, многоглаголение, вольнодвижение. Как пронести стакан воды от-

стоявшейся, чтоб не возмутилась? Чуть-чуть шагать надобно... Но все сами увидите, когда начнете дело. Только начните, а то вам беда будет. Собыетесь с толку. Искушение вас постигло от тщеславных мыслей и внутреннего самодовольства и самохвальства! Вот и возражение: как можно? Уж я ли не смиренна? — Подождите! Потрудитесь делать так, как прописано... И тогда, что окажется, то и есть... А теперь, что говорить? Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает, как следует. Похвалы, как я уже писал, то же, что ногу подставить бегущему... тотчас споткнется... и нос разбит... а у иного и дух вон... Боже упаси! Ну, уморил я вас! Но это урок... Уж как хотите, а трудитесь, если хотите добра себе и любите Господа... Трудитесь. Лишь чуточку окажете успех, тотчас и леность вся пройдет.

Развернул Исаака Сирианина и напал на главу, которую и вам прочитать и усвоить всю сполна не худо. Вся жизнь наша, и внутренняя и внешняя, изъяснена. Это Слово 47.

23

Пересмотрел ваше письмо, и дивился все: что такое было с вами? Но, когда прошло, будем

молиться, чтоб не возвращалось. Очень рад, что вы напали опять на старый лад. Запомните, пожалуйста, что, кто не начинал порядка жизни духовной, для того разорение внутреннее, нехождение по нем, непотрясательно. Но кто начал и бросает, для того это очень пагубно. Зерно, не прозябшее на морозе, не гибнет, — сила жизни хранится в нем; но подмерзший цветок — семя жизни раскрывшееся, гибнет или повреждается по мере мороза. Так и здесь. У кого уже жизнь начала являться, весьма пагубно бросать. Заметьте сие. После каждого бросания силы все будут слабее и слабее. Совсем наконец расслабнут, останется одно имя, внешний порядок жизни без внутреннего соответствия ему. Боже избави от сего... Избави вас Господи легкомысленно обходиться с вещами духовными. Начали? Не бросайте! Хоть понемногу, а все надо. И вот что значат слова Аввы Дорофея, выписанные вами. Они имеют в виду внутреннее разорение. И притча Спасителя то же значит... в нечистом доме один бес... а в очищенный, но оставленный по нерадению, возвращаются уже семь бесов. Тот же вывод, что у вас, — не верен: ибо, делая что хорошее, не благодеяние оказываем Богу, а свой долг исполняем... Да на что лучше доказатель-

ства? Ваше состояние в двадцать дней — каково было, и на что оно похоже! Так вперед *бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26:41).

24

Вы что-то совсем рассеялись. Упокоясь в своей хате и среди окольных льстивых отношений, чай, забыли, что надо ухо остро держать. Враг не дремлет. Закружит немного голову и в ту пору подсунет какую-нибудь фигурку: это в его уловках.

Кажется, я прописал вам однажды нужный урок. Дошел ли он до вас? Поломайте голову и душу свою на то дело. Хорошо, куда как хорошо! А навязло ли вам на язык имя — сладчайшее имя — Господа? Надо добиться до того, чтоб оно само читалось. Хоть и мысль забежит куда... а, опомнясь, найдет на языке то же имя... Добивайтесь до сего. И на сердце еще теплее будет. Вот и рай, — на земле, но небесный! А другого чего искать? Смерть неверная придет, и глаза закроет, и руки свяжет, и ноги подкошит, и червякам отдаст. Какая немилосердная! — А ведь и не узнаешь, как подкрадется... Но потом что! Там уже расчет короткий! Душа бедная, голая, одна-одинехонька — всю на-

сквозь видно... И сама себя видит, все другие ее видят... а спрятаться и убежать некуда. Вот нужда и теснота! Поминайте час сей и минуту сию. И Господь поможет вам подготовиться к ней и с дерзновением предстать пред Господа и сказать: подвигом добрым подвизалась. Покаяние Господь нам дал, как умывальницу небесную. Оно всю душу вычищает, как снег белу делает. Станем плакать и сокрушаться. Грехов много, добра нет. Что сотворим? Господи, помилуй! *Всякого ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим, помилуй нас!* Как сладок Господу глас сей из уст и сердца грешника! Станем в ряд грешников. Небо проходит глас их сокрушенный и Господа оттуда сводит на землю. Вопль нераскаянных на суд низводит Господа, как Содом, а вопль кающихся грешников — на милость, как Ниневия. Уж куда нам в праведники? И беда нам, когда мысль попадет на самоправедность... Какая злая сия мысль! Как она убивает душу! Точно зловредная роса на нежный цветок или страшно холодный ветер, который все окостеневает. То ли дело грешнику кающемуся. Объятия Отчи отверсты ему. *Пад на выю обლობыза его* (ср.: Лк. 15:20). Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит. Давайте так

делать. Когда вкусим сладости покаяния, иной и не похочем.

25

Вот вы начинаете учиться ловить мух. Хорошо. — Разумею осуждение. Только мало сказать, надо пожалеть, сокрушиться и со страхом, как на суде, исповедать Господу греховный помысл. Так и во всяком случае. В сем непрестанное раскаяние, которое есть главное дело внимающих себе. Когда нападают недобрые помыслы, надобно отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысл пошевелит сердце, и сие лукавое мало-помалу усладится им, тогда надобно бранить себя, и умолять Господа о помиловании, и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство; например, вместо осуждения возвеличение другого, или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему. Самохваление и осуждение две самые обычные у нас вещи. Лукавое сердце само дрянь дрянью, а все трубит: *несмь якоже прочии*. И сколько оттенков этого, что перечислить нельзя. Трудитесь усерднее над укреплении себя во внимании ума и увидите, что за сокровище наше сердце. Делайте так: с утра поглуб-

же утвердитесь в помышлении о Господе, станьте перед Ним умом, во время молитвы; и потом весь день напрягайтесь не отступать от него, взявши в пособие сладчайшее имя Его. Делаете ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете, — ум все с Господом да будет. Забудетесь, и опять воротитесь ко Господу и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания. Тогда, при свете Господа, ни один помысл не укроется, и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности. А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому и становиться сильнее. Помните, что было с вами в монастыре. То пустяшные позывы. Вот та тревога, что была во время поста, когда серчание было, — посильнее. Бывают и еще сильнее... Куда тогда деваться? Вот и надобно загодя приготовить в сердце покойное местечко, у ног Господа. Случится тревога?.. сейчас туда, и кричать и кричать, как бы отчитывать черную немочь, и Господь поможет: все стихнет. Опять буря; и опять то же делать. Вот и вся программа жизни.

Господь да поможет вам. Только не ленитесь! Увидит Господь, что вы себя нудите на внимание и память о Нем, и подаст сию благодать... А труд все-таки нужен, хоть он один не порешит

дела. У вас бывает иногда при молитве, что слова говорить или читать не хочется, — и не говорите, и не читайте; а стойте так, или кладите поклоны... Как хорошо не разорять сего состояния и продолжать его сколько можно долее. Но лукавый хитер. Сейчас подсунет какое-нибудь дело, чтоб занять им, и все улетит. Внимайте и не поддавайтесь. Но общим правилом молитву без слов и чтения поставить нельзя, и никто никогда не ставил. Правило свое все же надо исправлять, как следует... и если во время его припадет теплота и свяжет язык, оставить чтение... Но когда есть теплота легкая, которая поддерживается только чтением, тогда надобно все читать не останавливаясь. Также чтение подвижнических книг, для укрепления себя во внимании, есть необходимое условие; но только чтение книг о трезвении, внимании и молитве. Другие книги развлекают.

Будем продолжать нашу беседу. Вы думаете, что напрасно трудитесь над молитвою Иисусовою, приходят такие мысли. Но не думаете ли вы, что в словах вся сила? Слова — пособия немощному уму, который неохотно стоит на одном месте и на одном предмете. А существо сего дела: умное стояние перед лицом Господа, — со страхом и трепетом, непре-

станное, неотходное, сопровождаемое теплою сердца, стягивающею воедино все мысли, и чувства, и расположения. Когда у вас тепло на сердце, есть благоговение, ум зрит Господа, это и есть существо дела... облеките в форму слова это состояние и будет: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* И обратно, когда нет того состояния, сия молитва будет воспроизводить его; только со вниманием, с мыслию и сознанием надобно произносить ее. Читать без сознания какая польза? Ведь это не заговор какой. Вам приятнее молитва Богородице, читайте ее... или *Отче наш...* или другой стишок, который держит ум в порядке. И отцы так делали, не все одну молитву творили. У Иоанникия Великого было: *Упокое мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый...* А потом всеми признана молитва Иисусова, — по чину Марии, у ног Спасителя приседаяще, в чем единое на потребу.

Вы видели в себе раздвоение, и дивитесь, как оно возможно. Оно должно быть. Сначала человек был единичен в себе. По падении пришел другой человек, противоположный первому совершенно. До обращения человека на путь правды страстный — весь составленный из страстей — человек одолевает, заглушает

безстрастного, чистого человека, но не уничтожает. Когда с помощью Божиею пробудится человек от усыпления, то начнет бороться, вырываться из когтей страстного человека, или вырывать себя по частям; один стоит на одной стороне, другой — на другой, и страшная у них пальба. Но сознание у человека одно, хотя внутренние движения раздвоены. Вот и непонятно, что такое: из одного сердца два противоположных голоса. Внимайте себе. И злое отревайте, а к доброму прилегайте. Посмотрите (да вы, чай, читали) у Макария Египетского прекрасно изображено сие раздвоение. Прочитайте и еще... Что писано у апостола Павла: *вижду ин закон во удох моих, противу воюющ закону ума моего и пленяющ мя законом греховным* (Рим. 7:23), это и есть наше двоесоставие. Человек, сознанием и сердцем сущий на стороне страстного, страстен весь и Богу противен. Человек, сущий на стороне безстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, не противен Богу, ради нелюбления страстей и желания делать не по ним, а по воле Божией. Этим благим предложением сердца и решимости угождать Богу он считается невиновным в тех страстях, кои искушают его, ибо он не хочет их. Пока смолкнут, к Богу вопиять силь-

но нужно. На помочах ходим, а под ногами вулкан готов взорваться... Мати Божия! Покрой нас честным Твоим омофором.

Читатъ ли вам другіе статьи в Добролюбии? Довольно и тех, которые указаны. Не смущайтесь тем, что в них прописываются некоторые телесные делания, например, стеснение дыхания, сидение на стульце, примрачность места и прочее. Все это бывает многим нужно, — и не есть существо дела, а обстановка, приспособление внешнего к внутреннему — не бесполезное. Когда встретите что неудобопонятное, пропускайте и давайте знать. Стеснение дыхания не есть прекращение его, а только сжатие гортани. Вы делаете то же, только не замечаете. Когда в скорби умоляете о помощи, речь идет из стесненной гортани и с дыханием сдерживаемым. Так ли?.. Вот это и есть, о чем там говорится. Берется следствие средством к причине. В статье Ксенофонта и Игнатия и, кажется, Никифора много есть о сем, и у Григория Синаита. Попадет на глаза, не смущайтесь. Это обстановка; средство, пособие, а не существо дела.

P.S. Посылаю вам при сем тетрадку — об исправлении сердца и борьбе со грехом. Прочитайте со вниманием. Эти статьи пояснят

вам, что бывает внутри нас, ради живущего в нас греха (см.: Поучения. Б, В).

26

Слава Богу! — Вот вы начали понимать, что нужен страх — верная ограда. Молитесь Господу и Пречистой Владычице, — чтобы он пришел и преисполнил сердце. В нем нет ничего болезненного, — а благоговейное, трезвенное и отрезвляющее и освежающее чувство — как утренний ветерок, — он не отнимает теплоты, а дает ей истинную температуру. Одна любовь смягчит и разблажает. Но есть блажная теплота — от инуды (от иного — *прим. ред.*) — состояние, похожее на состояние любви, где, однако ж, на деле нет сей последней, а только кажущийся призрак ее. Сия последняя вещь делает душу дерзкою хозяйкою, и тогда она дает себе вольности и льготы, как бы по какому-то праву, ни во что их считая и не чая давать в них ответа. Хорошо, если это сходит с рук, и Ангел Хранитель как за руку держит, и все беды отводит, а то может кончиться тем, что послабление за послаблением и — и прощай все. Вот ради сей-то беды — страх великий сопутствовал святым, до самого исхода и по исходе — до решения Божия. Он отрывает (отвергает — *прим. ред.*) вся-

кую чуждую блажь, — и ставит душу в струнку. И надобно молиться! Страх твой, Господи, всади в сердца нас поющих Тя.

Вот каков ваш пост был — в Великую Пятницу! — Только напрасно вы нападаете на пост, — и так рассерчали на него, что уж никогда не будете так поститься. Как Бог даст. Может быть, и неделю пропуститесь, и ничего такого не случится.

Это Господь хотел вам показать, — что вы такое одни — без осеняющей и покрывающей Его благодати. В это время Господь отступил немного от вас, — не бросил, а отступил; вы остались одни — с своими силами, и со всем тем, что есть в вас. Такой закон у премудрой благодати Божией. Сначала обливает душу всякими утешениями, и все легко; и как одеждою какою одеяно сердце теплотою, и ум светлостью созерцания. Но тут близко искусительное помышление: ну, слава Богу... теперь, кажется, уж мы установились (у вас есть в письме это выражение), — не то что прежде... дело идет хорошо... **сердце не худо, да и ум нешто...** Что прежде было хорошо, — это совсем не от ваших сил и трудов, а от Господа, по Его единой благодати; вы же верно помечтали, или понадеялись на себя, или восчувствовали себя

крепкими и безопасными. Господь снял с вас одежду благодати Своей, — вы остались одни... все стало сухо, жестко и примратно... то есть Господь дал ответ на ваше помышление: «На — посмотри, что твое сердце и что твой ум!» — сердце злится, и ум не знает, о чем думает, — и воля потеряла всякое усердие. Так вот вам урок Божий. Заучите его — и иначе себя не знайте, как такую, каковы вы были в тот день. Если бываете лучше, все то воздавайте Господу, — и благодарите Его и со страхом вопийте: Господи, не отыми от меня покровы благодати Твоей; а **себя** все зрите такую, какою были в тот день. Благодать носит душу, как мать дитя свое. Когда дитя зашалится, — и вместо матери начнет засматриваться на другие вещи, тогда мать оставляет дитя одно, — и скрывается. Заметив себя одно, дитя начинает кричать и звать мать... Мать опять приходит, берет дитя... и дитя еще крепче прижимается к груди матерней. Так делает и благодать. Когда душа зазнается и забудет думать, что носится и держится благодатию, благодать отступает... и оставляет душу одну... Зачем? — затем, чтобы образумилась душа, восчувствовала беду отступления благодати, и начала крепче льнуть к ней и искать ее. — Такое отступление — есть

действие не гнева, а любви Божией вразумляющей и называется **отступлением поучительным**. У Макария Великого и у других есть много о сем... и у Диадоба, кажется, на конце.

Как хорошо, что это с вами было. Учитесь. А поста не чуждайтесь. Он вещь прелюбезная. Только помалу... Обычно так, чтоб после еды все в душе оставалось по-прежнему, то есть и та же теплота сердца и та же светлость мысли. Это мерка. Это определит и количество. Особый пост принимать надо тогда, когда есть внутренняя потребность, — душа требует, — совесть обязует... тогда и сила большая будет, ибо тогда душа бывает сердита на свое тело и хочет его умучить.

Я очень порассеялась... Да и то сказать, какое самовластие! Ведь человек; а тут отклонишься немного, и пойдет в душе суд... надоедает это — прежде было мирнее и веселее. Какое страшное слово вырвалось у вас. Это то же что: **отойди**, — **путей твоих ведать не хочу**. Покайтесь и крепко поплачьте перед Господом, чтобы не разгневался за каприз и не сказал: **когда не хочешь — убирайся**... Есть внутренний невидимый Божий суд и Божие отвержение. Ах! Избави нас, Господи, от него. Конечно, мы люди, как и все люди, и не можем

от всего вдруг оторваться, но послабление сие давать себе надобно вынужденно, с самоосуждением, — а не по праву. По праву мы грешники, недостойные никакого утешения... Если Господь оставил еще на земле и внешние, и внутренние утешения, то затем только, чтобы мы не пали в отчаяние, то есть чтоб показать нам, что Он готов нас миловать, а не потому, чтоб мы право имели на утешение. Темничному заключеннику дается льгота иногда — не по праву его, а по милости царя, — это мы.

Прежде было мирнее и веселее. Что прежде было, было не то, чему следует быть. То призраки мира и веселья, в самозабвении, как в опьянении. Если потрудитесь, то Господь подаст прочный и истинный мир. Но потрудиться надобно. **Отклонишься — суд и тревога.** Слава Богу, что есть суд и тревога, и беда, когда стихнет остепеняющий голос. Неужели вам хочется пуститься во вся, без всякой задержки и обуздания?.. **Какое самовластие!** Кому же это вы говорите? Ведь это Господь хочет властвовать над вами, или хочет, чтобы вы Ему воздавали Его право над вами. Да вы разве госпожа какая? Вы раба, купленная ценою крови, вопиющей паче крови Авелевой, — или в оправдание вам, если будете покорны Иску-

пившему, или в осуждение, если будете бунтовать. Заучите это и слушайтесь того голоса, который говорит вам: это нехорошо, оставь; а это хорошо, делай (прочтите 6-ю главу послания к Римлянам). Господа ради со страхом спасение свое содевайте. Не позволяйте себе легкомысленно давать волю своей душе. Ее всегда надобно держать на привязи и в мыслях, и в чувствах, и в хотениях, потому именно, что они нехороши, недоброжелательны нам, они в заговоре с князем века против Господа, за нас распявшегося. Я прежде вас просил и теперь умоляю, слушайтесь того, что говорит вам внутренний голос; и сейчас удовлетворяйте его требованиям. Не давайте свободы душе. О чем же у нас теперь и толк? И что будет проку, когда одною рукою созидаем и другою разоряем? Вы позволяете свободу мыслям, речам, делам, в той мысли, что вынуждают другие. О чем теперь мы и хлопочем, как не о том, чтоб сохранить трезвенный ум, несмотря на все внешние развлечения? Если вы остаетесь собранными, когда одни сидите, когда читаете, рассуждаете, молитесь, то в этом нет никакого подвига. Это само собою. Уж ни на что бы не было похоже, если б ум и при этом бродил. Но то подвиг истинный — стоять умом перед Господом,

несмотря на то, что его все тянет от Него. Вникните в сие дело и сего ищите. Как? Когда начнете, увидите как. Празднословия, шуток, смеха не позволяйте. Надо связать язык. Ибо это колесо, которое большею частью вращается адскими парами (см.: Иак. 3:6). Говорите, когда вынуждены. У вас одна должна быть речь: *Господи, помилуй мя*, — молитва, сладчайшим именем Господа освященная. Это закон неотложный, а не такое дело, которое можно делать и не делать. Не сердитесь, что написал грубо, но так есть, иначе нельзя. Господь да умудрит вас.

Слово не **мерять себя** вам понравилось. Хорошо ли вы поняли, что это значит? Не мерять себя значит не думать, что вот уже с аршин выросла, десять сажень, а вот тот — всего на пол-аршина, а у этого и четверти нет и подобное; а думать, что мы ничто, не останавливаясь, однако же, а паче и паче ревнуя преуспевать, по апостолу, *задняя забывая, в предняя простираясь, дондеже достигнем в меру возраста исполнения Христова* (ср.: Еф. 4:13; Флп. 3:13). Господа ради, не поймите сих слов так: довольно и того, что есть, — что себя нудить? Нет. *Подобни мне бывайте*, говорит апостол, *яко же аз Христу* (1 Кор. 4:16). Эти образцы

преднапишите в мысли и ревнуйте отобразить их в себе; а то, кажется, вы подумали, что вам подушечка подложена мягкая, чтоб спокойнее спать. Боже сохрани! Ретивость да имеете.

Не диво ли, скажите? Что всего известнее нам, кажется, сердца, а вот не знаем, где оно и не умеем обрести места его. А надобно. Благослови вас Господи! Трудитесь, но без особенных напряжений и усилий. Молитесь, чтоб Господь помог и Матерь Божия Пречистая. Помнится мне, что вы писали, что от внимания даже голова болит. Да, если головою только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет, и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся, и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только низойти в сердце — и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти... В сердце жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех начинающих искать Господа. Тогда только и начало жизни, когда в сердце покажется сосредоточенная неугасаемая теплота; а теплота легонькая, весьма непрочна. Сначала

Бог сотворил свет разлитый; а в четвертый день сосредоточил его около солнца. Так и в духовной жизни — и при чтении, и при богомыслии, и при молитве, и в церкви, и при беседе бывает в сердце теплота; но какая-то легкая, наваянная, а не привитая. Надобно, чтоб она сосредоточилась в сердце, привилась к нему, затлела и горела. Тогда любо. Се есть огонь, который Господь пришел воврещи на землю. Благослови вас Господи. Трудитесь; но не думайте, что сами что можете, а с сокрушением взывайте: Господи, помоги. Господи, зажги! — Один старец, Максим Капсокаливит, два года умолял Пречистую Богородицу; и дала ему огонь, и стало, говорит, хорошо. — И вы молитесь и трудитесь, то есть ищите, как установиться в сердце. И Господь, видя труд ваш и то, что вы искренно желаете сего блага, подаст вам благодать горения сердечного. Это ведь значит — в сердце-то стоять. Тогда только и можно стоять, когда оно загорится, а дотоле труд. Не робейте. Воображений разных бегайте. Ничего во всем этом нет особенного. Это общий путь. Крепитесь. Матерь Божия вам помощница... Батюшка отец Серафим научит. Помните, как он однажды во время обедни обнял был огнем сердечным. Вот блаженное со-

стояние! — Оно возможно и в нас. — И небольшого труда требует, — только постоянного. Вот и рай! — *Ищите, и обряцете; толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7:7).

Господа ради внимайте сердцу своему в отношении к делам других. У вас достанет соображения, как извинить их. В сердце у вас бывает сильная тревога. Оставляя в стороне — право или неправо, обращаюсь к одному сердцу, — и вижу там пожар, язву, боль. Обратитесь и вы туда, — и пожалейте себя. Что нам за нужда до других, когда дома пожар?.. Поспешим в свой дом и начнем тушить. Вперед приготовляйтесь к брани, именно — сообразите всевозможные случаи, обсудите их и положите себе, какими мыслями отражать худое в том и другом случае. Такой прием много помогает; ибо не будете застигнуты врасплох. А другое дело время и опыт научит. Только благого намерения очищать себя и поправлять никогда не оставляйте. В решительном намерении — работать Господу до положения живота — корень жизни. Когда это есть — значит есть жизнь, а когда нет, жизни нет. При нем могут быть ошибки, уклонения, даже падения крепкие; но когда оно цело, — все не беда еще. Упал кто — поднимется; зашибся — вылечится. Оно

нить, на которую нанизываются все доброты; но оно же и нож, которым отрезывается все недоброе. Храните сию сердечную ревность, посвящая себя Господу поминутно. А то, что по обстоятельствам иногда невольно бывают опущения, отступления, даже кривые шаги... что делать? — Только не оправдывайте себя в них. Осудите себя перед Господом, сокрушитесь и исповедайтесь Ему. И еще — никогда не допускайте себя до чего-либо произвольно сознательно. Терпите Господа при всех разволочках, при всех помехах и неудобствах. Он видит все и правою мерою смерит — что вы? А нам, грешным, где догадаться, что мы? Земля и пепел. В молитве укрепляйтесь мало-помалу. Царствие Божие не приходит с усмотрением. — Как дождь на руно сойдет оно в час ночи неподмечаемый. И не вдруг, а надобно трудиться. По труду и покою, мир Божий, превосходящий всякий ум. У батюшки отца Серафима это названо мирным устройением сердца. Да сохранит вас Господь! Благодать вам и мир от Господа. Молите Бога о мне.

27

Спаси вас Господи, и помилуй! Неделя трудов наших прошла, далее будут полутруды. Вот и

я попал — в чин исповедающих. — *Аз точно свидетель есмь.* Но как осязательно дается знать, сколько широки объятия премилосердного Спасителя, приемлющего всякого грешника. Пять ран Господа распятого невелики; но за ними лежат необъятные вместилища. С какою кучею грехов ни приди и сколько лиц ни приди, все там упрчется.

Пишите все, что у вас бывает на душе, только не думайте, что вы, или я, или другой кто хорошо может понять силу и значение бывающего. Один Бог то знает. С нашей стороны только требуется совершенная преданность в волю Божию и глубокое вопияние: *имиже веси судьбами спаси мя.*

Вы боитесь придти к эгоизму от внимания к себе. Я прошлый раз писал вам о практике сего внимания. Примитесь делать так и не бойтесь. Эгоизм образуется от внешних подвигов без внимания к помыслам. Кто же начнет внимать себе истинно и установится в сем внимании, тот начнет поминутно получать от себя самого самые убедительные уроки в смирении. Ибо тогда раскроется, сколько нечистоты лежит на дне сердца. Поминутно выходящие из сердца мысли, движения, желания — не всегда правые — дадут знать, что сердце есть не что иное,

как гнойный струп, издающий отвратительный смрад. Ощущение сие глубоко западет в душу, — и где тут до эгоизма? Путь внимания к себе есть путь истинного смирения — и единственный к тому путь. Вот вы сами пишете: *возникает противное добру*. Откуда оно? Из души же. Стало, внутри души есть запас противного добру. Какою же надобно считать эту душу? Уж, конечно, не святою. Кто же делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот как раз попадет в эгоизм. Положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну, ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта — и думает: так и все святые; то есть хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное.

Существенно необходимы внешние подвиги; но останавливаться на них одних — беда! Встречали ли вы у святых отцов выражение: **деяние и разум**, в которых они совмещают весь труд о спасении души? Это то же, что сказать: **подвиг и внимание**.

Простите! Желаю вам всего доброго. Господь да сохранит вас!

28

Спасайтесь! Воздадим благодарение Богу за все бывшее с вами и за текущие дела! Всякое

даяние благо от Него — Отца светов! Но какие это около вас начались призраки? Меня страх берет из-за них. Потрудитесь погашать память о них. Сколько подобным образом попались в сети вражии и из подвижников всеми уважаемых! Беда. — Долго ли запутаться? Одному нужно было что-то найти в келье, а темно было, — явился огонек и указал вещь. С этого началось, а дошло до вознесения себя выше Господа Иисуса Христа и кончилось сумасшествием. Посмотрите в Лавсаике, сколько примеров! Затем, у отцов прописано строгое правило: не верь чудесностям, — какому-либо свету и прочему. Греха не будет, если из опасения не поверим истинному явлению; но беды много, если поверим ложному. Ибо тогда уже враг вцепится и потянет все кверху и кверху — и оттуда сбросит. Помолитесь, чтоб никаких около вас чудесностей не было. Для вас они не нужны. Они нужны там, где нет веры. А вам на что они? Молитесь Господу, чтоб отвел память о том. А сказывайте всегда. — Избави вас Господи! Все внешнее в жизни духовной весьма неважно. В сердце — все дело. — Что касается до урока о памяти Божией, — надобно потрудиться. Вы говорите — уж начинать ли? Разве это на произвол оставляется? Нет. — Это

дело неизбежное. Бог везде, и душа наша вся перед Ним насквозь. Надобно и сознанием своим стоять перед Ним. Как все ангелы и святые зрят Его и очей своих от Него не отрывают, так и нам, в теле еще сущим, надобно зреть Его. Как солнце держит планеты и водит их за собою, так весь духовный мир, стало, и наши души, должны держаться Бога и водиться Им. И это не час или два, а непрестанно, с минуты пробуждения до самозабвения во сне. Вдруг поставить себя в это состояние нельзя. Нужен подвиг. — Вот он-то и требуется теперь. — Возьмитесь! Бояться нечего. — Для пояснения дела читайте в Добротолубии статьи о трезвении. Вниманием надо стать над сердцем. Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышления о Боге в голове, а сам Бог как бы вне, — и выходит, что это работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно и все будут мястись, как снег или толкашки комарей летние. По мере вхождения вниманием в сердце мысли начнут улегаться, а потом и совсем улягутся, — и станет атмосфера души чистая-чистая. Тогда и муха пролетит, заметите, а до того все тьма-тьмущая. Начало плода — сосредоточенная и непрестанная теплота в сердце. И все тут. Только фамильярность с Господом

надо оставить. Страх великий потребен. Как перед царем в струнку стоят великие вельможи, так пусть и душа будет перед Богом. Что неприличное положение тела перед лицом царя, то неисправные мысли души перед Богом; а забвение о Боге, хоть на минуту — то же, что стать спиною к царю.

Вы когда-то сказали, что ревнивость есть в духовных подвигах. Есть, — и великая! Узрите сами. — Страхом пропитайте душу вашу. Он не болезнен, а освежителен. Он есть начало; но и во всю дорогу не оставляет, только все чище и чище становится. Уединение да чтение — два крыла в сем занятии. Но начинайте — и узрите сами все. Что помогает и что разоряет, откроется сейчас. Но надо уже и строго исполнять узнанное. Совесть вступит в свои права — и начнет журить. Слушайтесь. Сколько придировок будет! Исполняйте. После все уравнивается и пойдет гладко. Помогите вам Господи! Ангел Хранитель да осенит вас! Покров Владычицы буди на вас!

29

Ну, слава, Богу, что вы начали учить урок. Благослови, Господи, славы ради имени Его святого. Трудно вначале, и кажется какою-то

нелепостью, вычурностью и сколько невыгодных мыслей о сем деле! — Главное — **надо стать умом в сердце перед Господом** и стоять перед Ним неотходно и день и ночь до конца жизни. Употребите небольшой труд. Длительность изучения урока и долга и коротка, смотря по вере и усердию. Не ослабевайте. — Будет и подозрение к советуемому, и неблаговоление к самому делу молитвы, — хула на нее, изнеможение, желание бросить — именно потому, что мудрено. Опасно! Не слушайте, держите свое дело. Враг паче всего всевает хулы на сию молитву. Ибо тогда огонь палит его и отгоняет. Ему приступа нет к тому лицу, в сердце которого внедрена молитва Иисусова. Сладчайшее имя Господа, непрестанно звучащее и глаголющееся в сердце, даже без вашего ведома, будет бить его. Ибо бывает так, что душа — по небрежению и неразумию — забудется и замечтается, — но, опомнясь и возвращаясь к себе, находит, что в сердце поется одно и то же: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* — Ваша мысль о повержении себя в прах перед Господом есть сердцевина сего делания. Будьте так непрестанно, и все тут. **На молитве надо стоять, как на Страшном суде.** — Так! — В струнку! Это и

есть не допускать **вольнодвижений и покоя телу не давать**. Всякий покой телу ущерб для души. После все сами узнаете... Только положите мерю — теплое припадание к Богу. В сем блаженство. Все, что мешает, считайте врагом.

Завтра Лазарева суббота, вы будете читать сии строки, верно, на Пасхе. — Христос воскрес! Повторите сие от меня и всем знаемым. — Но прежде страсти пройдем и углубимся в них и поучимся любви у Господа, всего Себя истощившего ради нас, — и тому, как себя приносить Ему в жертву всесожжения! — Благослови, Господи! Мира вам от Господа желаю.

P.S. Давно я собирался переслать вам одну тетрадку. Посылаю наконец. Прочитайте (см.: Поучения. Г).

30

Кончился чин **страстей!** Нужен был Крест Господень, чтоб сдержал все наши немощи, грехи и беззакония. Господи, помилуй и привлеки нас ко Кресту Твоему! — Иногда Господь оставляет нас ходить в волях сердца до времени. Гуляйте себе — гуляйте. Но, Господи, даруй же и благодать сокрушения. Стукни в голову, чтоб опомнился и отрезвился ум немного. Но что и говорить? Тесный путь никому не

нравится. — Придут утеснения совне? — Ропот. — А самим себя утеснить не хочется. — Приволья ищем. Сколько Господь страдал, и что осталось в Нем не страждущим, и что не предано ради нас, — весь истощен, — любовь неудержима... *тако подобаше*. Вот точность сообразности с волею Триипостасного Божества. И нам заповедь, делом данная. На все надо говорить: так подобает. И конец всем помышлениям и всем возражениям. Сказано: *отвергнись себя* (Мф. 16:24), так и подобает. Сказано: *Бога бойся* (1 Пет. 2:17), так и подобает. Сказано: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3:3), так и подобает. Сказано: *препоиайте чресла помышлений, трезвитесь, бодрствуйте* (ср.: 1 Пет. 1:13; 5:8), так и подобает. — А главное, что подобает? — Уж браться за дело так браться, а урывочками ничего не будет. Когда запружают пруд, — как делают? Вдруг спешат завалить проход. А если положить ком земли и бросить дело, то вода разнесет его. Опять положить ком и оставить, — опять вода разнесет. И так — труд без конца, — а пруд все-таки не состроим. Примените это к душе. Ток помышлений, как река, быстро льется из головы и сердца. Вдруг надобно зажать проходы, — и уж не отпускать. А

если немного подержать и отпустить, — ничего проку не будет. Это то же, что строить да разорять. — Припомните, что, кажется, я уже писал вам: что, коль скоро заметите что-нибудь такое, что разоряет ваше доброе начинание, никак не позволяйте себе поддаваться тому. Таков закон. — Господа ради, преодолевайте себя во многом. Многоглаголания, слышания шуток и смехов бегайте: в них самое большое зло. Вы сами сие видите. Разве можно смеяться и пустословить перед лицом Господа? — Забыли, что вы перед Ним, и пошло все не так. У ног Господа повергаться — самое существенное дело. Храните сие доброе чувство или делание души. Верую, что ради сего Господь не оставит вас вляяться (колебаться, носиться — *прим. ред.*) всяким ветром помышлений и испустит из себя силу в вас, — и станет ток помыслов. А тогда и свет зрится. Ясно станет, как в Светлое Христово Воскресение. — Ибо, то и есть воскресение души, или зародыш сего воскресения. Всюду нужно терпение. — Ибо без него что сделаем? Всякая малость требует его. Но и Господь многомилостивый терпеливому и постоянно добросовестному труду благословение дает; а от лености и нерадения отвращает очи Свои. Напряжение сил, даже малое, во

славу Божию производимое, плодовито; по крайней мере, следы навыка полагает, а навык в добром великое дело. Передам вам как бы слова Господа со Креста. Он говорит: «Я так истощаю Себя, а вы спите». — Да возьмет же и нас утробоязвительная ревность.

Молите Бога о мне. Желаю вам всего доброго!

31

Видите, как Господь щедр! Он дал вам ощутить то, чего вы должны искать и что постоянно должно быть у нас на сердце. Это теплота, горение сердца при мысли о Господе вездесущем и всевидящем, сопровождаемой страхом. — Попеки-тесь добиться сего. Но не мечтайте достигнуть вдруг. Говорят святые старцы: что скоро приобретается, то скоро и теряется. Чего достигнете с трудом, потом и с частыми лишениями, то будете дорого ценить и усерднее беречь. — Только не робейте, а все свое, да свое. Будут мысли приходить разного рода. Не принимайте их, гоните именем Господа. Вот так, как делали, к Господу обращаясь детски. Не останавливайтесь на них и не желайте беседовать с ними. Кажется, у Исихия все объяснено: **прилог** — это помысл, первая ступень; затем **внимание**, вто-

рая ступень, — держание помысла в душе и разговор с ним. Это уже плохо: ибо тут есть разговор и с тем, кто подсовывает помысл. Далее **услаждение** помыслом. Это еще хуже. Далее **сложение** или **склонение воли**: тут недалеко уже и до дела, которым решается падение. Кто отсечет помысл, всему конец положит; а кто займется им, есть опасность, что все далее и далее пойдет. Но что писать? Читайте в Добротолюбии и все увидите. Прочитали Исихия? Читайте Филофея, Феолипта, Никифора. Но не все в Добротолюбии читайте. И тех довольно, что указаны. Взглянул на стену, и батюшка отец Серафим смотрит. — Вот, кстати, и припомнил. Читали ли вы наставления его? Читайте, и увидите, что и он все про то же говорит. Вот и портрет Преосвященного Иннокентия Пензенского... Прочитайте его письма, и увидите, что и он то же. К кому ни обратитесь, все то же.

Так, стало, нечего и отказываться. А просто взяться за дело и трудиться над ним, пока достигнете конца.

Мир свой да пошлет вам Господь наш!

32

Рад, что теперь вы в монастыре. — Там Матерь Божия научит вас всему доброму. Как я

испугался, когда прочитал о противлении молитве. Самый злой из всех духов — дух упорства. Это настоящий сатанинский дух. Он сгубил и губит всех бесов. Они его и нам передают, или влагают и разжигают в нас, чтобы сгубить нас. Но потом очень обрадовался, что вы скоро опомнились и исправились. Слава Богу! Внимайте себе, Господа ради! Прежде, когда вы не брались за дело, все сходило. Теперь весьма вредно всякое отступление и всякий неправый сгиб мыслей и сердца. Да избавит вас Царица Небесная! Что приходят помыслы, еще не беда, но беда, когда сложится с ними сердце и воля. Трудно поправиться. Вот вы немного побыли в этом состоянии упорства сознательного — и смотрите, как трудно было умягчить сердце. И учитесь теперь опытом. Сами видите, как выходить из затруднения. Так, как вы делали. Тереть себя всячески, как трут онемелую часть тела... молитвою, поклонами, церковию, трудом, милостынею.

Скажу вам наперед: может быть, придут еще страшнейшие помыслы, так называемые хульные, — будет идти из сердца хула на Бога и все христианские Таинства... Стойте тогда, и не страшитесь, браня влагающего их. Читайте о сем у святителя Димитрия Ростовского.

Что это вам вздумалось так хлопотать о нарядах. Вот дух мира повеял и наваял по роду своему. Избави вас Господи от всякого уклонения. Наряды вещь невеликая, и беды еще нет. Но видали ли вы, как играют в бильярд? Поставлен шар, взят кий, намечено... только что толкнуть и — покатится вон в левую лузу. Точь-в-точь в такое положение могут поставлять наряды. — Внемлите убо себе. Думаю, монастырь все это уже растолковал вам!

Господь да устроит путь ваш.

33

Не бойтесь! Все, что приходит на мысль вам, пустой набег — искусительный. Сердце, как видите, совершенно чуждо всяких сомнений. Мысли навеваемые не ваши: плюньте на них. Так советует святитель Димитрий Ростовский. Причина вот такая! Слышали вы пустые речи, о них осталась память. Враг берет эти черты памяти и плетет из них сеть перед очами ума вашего, чтоб запутать его. Сходите тогда в сердце, отвратив очи от призрачных образов вражеских и вызывайте ко Господу. Что не видите успехов, это не худо, а хорошо. Беда, когда увидите. Только, не видя успехов, прилагайте ревнование и молитву об успехе, а беспечности не предавай-

тесь. Как же можно все вдруг? Хорошее пришло вам помышление уехать в монастырь, поезжайте поскорее. Вы слышали пустые речи и смутились. — Сравните то состояние, когда вы пребываете в невозмутимой вере и в своем порядке, с тем состоянием, в какое поставляют вас эти пустые речи, — и смотрите, где истина и где ложь. Ведь это то же, что рай и ад. Неужели врагом себе захотите быть, оставя первое и склоняясь на второе. Скажете: «Как же другие-то покойны?» Это призрак покоя. У них дух мертв: жизнь душевная и плотская — есть жизнь мутная — безотрадная. Если б они очнулись хоть немного, тогда пошли бы другие речи. Так, пожалуйста, не колеблитесь ради их. Разве мало вам свидетельств? А внутренние утешения, а близость Матери Божией, а помощь скорая и внезапная и другое многое! Чего же еще? Хотите вдруг на небо! Подождите. Всему свой срок.

А что неровно прядется нить жизни, это у всех так. Так не робейте, пожалуйста. Смятение пройдет. Начнете читать, молиться — и все установится. Между тем пишите, — пишите все... Как напишете, так все и разлетится.

34

Бог в помощь! Спасайтесь! Так вы в безопасном пристанище. Слава Богу! Даруй Господи,

чтоб вам не помешали имеющие наехать. Умудритесь — сидеть дома. Хорошо бы проститься со всем миром и закатиться куда-нибудь так далеко, чтоб и звук мирской не заходил в ваши уши. Вы избрали теперь эту благую часть. Даруй Господи, чтоб это время не прошло для вас даром.

Оно и не пройдет даром — само собою. Но мне хочется, чтоб вы были позавистнее и не позволяли бы и минутки потратить без чего-нибудь прочно-полезного душе. Кто-то когда-то сказал: сделай, чтоб мысли твои не заходили за стены монастыря, и скоро обрящешь сладкий покой монастырского уединения. Это блаженнейшая часть Марии — устроиться так, чтоб и в мысли ничего не было, кроме церкви и кельи. Куда как хорошо! — Я думаю, что блаженство этого состояния и описать нельзя.

Соприкосновение с миром крепко пятнает душу нашу. Сиди, да счищай! — Се весь труд! А тут смерть! — И не оглянись, как пожалует. Будем, по крайней мере, трудиться, сколько можем. Покаяния отверсты двери. Потрудитесь сплакнуть перед Господом, да так — поглубже-поглубже. А другое, что дадим? Если и слез нет, скажем: ничего нет, Господи. Ими же веси судьбами спаси, только спаси.

Для чтения вам святой Исаак... Хорошо, что вы его взяли, там все есть.

Только внимайте! Собирайте, собирайте. Это вам запасец. Ведь вы в гостях у Матери Божией. А Она гостеприимна — очень, очень. Как хорошо, что вы упрятались! Помогите вам Господи во всем. Всех благ вам от Господа!

35

Да благословит Господь ваше пребывание в обители. Матерь Божия да согреет вас и отрет все, навеянное толкотным порядком жизни мира. Отдохнете, успокоитесь, соберетесь в себя, — и потом с новыми силами на новый подвиг, или новую растрату сил. Но, Бог весть, может быть, откроется возможность и новому порядку. Как хорошо будет. Мир в себе и покой совне две ограды потаенному в сердце человеку. Теперь у вас все теребят его, и он не имеет сил установиться. Господь буди вам помощник во всем! Не вдруг; с терпением сеется, терпеливо ожидается прозябение, возрастание и плодоносие, — терпением и хранится все. В этом и мудрость. Хорошо, что взяли с собой приятелей ваших — писания святых подвижников. Под влиянием монастырской тишины и молитвенного настроения наставле-

ния их поближе будут к сердцу и яснее сознаны будут. Вот и собирайте, как пчелка, медок с цветов. Будущее даст место и случаи приложить все к делу. Запасец не мешает. Есть поговорка: береги денежку про черный день. — В жизни много расходов. Собирайте же, не утомляясь. Все пригодится.

Всякого вам благословения от Господа!

36

Спасайтесь! Вы у Матери Божией! Слава Богу! Прочитав письма ваши, только говорил: слава Богу!

В начатом вами деле попятиться назад весьма пагубно. Это начинается с самых невинных будто мелочей, льгот, на какие предъявляет правда душа, немного потрудившаяся. Уповал и уповаю, что Матерь Божия всегда оградит вас.

В терпении вашем стяжите душу вашу. Не смущайтесь безуспешностью. Наше дело — трудиться, искать и гнаться; а когда дело придет, про то один Господь знает. Один старец Афонский (о нем есть в Добротолюбии) два года докучал Матери Божией даровать ему огонь в сердце, и был услышан. Не назначайте сроков, — а делайте и просите, чтоб дающий молитву молящемуся даровал и вам ее. Ищи-

те и обрящете. Видите сами, что некое действие есть. И слава Богу! Но дело еще далеко! — Не изнемогайте. Вот побудете в монастыре — успокойтесь. Только хорошо бы вам более уединяться, сколько найдете возможности.

Господь да благословит вас обильным благословением.

37

Вы говорите, что к вам обращаются с вопросами о некоторых пунктах прибавочных статей, особенно статьи о борьбе со грехом. Собирайте сии вопросы и присылайте ко мне: я буду составлять на них ответы*, если сие окажется нужным.

Лучше бы, конечно, было, если б каждый начал борьбу сию самым делом. Тогда тотчас прояснились бы все пункты. А умствования что суть? Конечно, они не худое дело, но и не слишком важны.

38

Кто это так докучал вам вопросом, как спасаться? — будто он не решен, и нам первым приходится приступить к сему делу! Христианство что есть? Образ спасения падшего. Господь

* Ответы сии, писанные и разное время, напечатаны вместе, с 79-го письма.

Иисус Христос *прииде в мир грешныя спасти...* (1 Тим. 1:15). Дело ясное. Что ж и задумываться? Сколько уж знаем мы спасенных? А как они спаслись? В Церкви Христовой. Пусть живет, как велит Церковь, и спасется. Да верует только всему в простоте невзыскательного сердца, а изыскательность и совопросничество пусть бросит и не возмущает ими тихой области веры. Кому не совсем ясно, чем и как совершается в Церкви Божией спасение, тому вот что надо сказать: «Веруй во все, во что веровать повелевает Святая Церковь, и, приемля благодатные силы через Таинства и возгревая их через участие во всех других священнодействиях и через исполнение всех других постановлений Святой Церкви, иди неуклонно путем заповедей, Господом Иисусом Христом нам прописанных, под руководством законных пастырей, и спасешься». — Если осмотримся кругом, то увидим, что все сие уже действует окрест нас! Смиренно убо да уповаем на принесенную нам благодать откровением Иисус-Христовым, не колеблясь недоумениями и сомнениями.

39

Уже когда в монастырь, то на одиночество. Плохо жить в монастыре тому, кто в общении

со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надо, — настоятеля или духовного отца и старца; а относительно прочих должно быть так расположенным, как будто их нет. Тогда все пойдет хорошо; а без сего сумятица такая, что хуже петербургских балов. Образование, полуобразование для желающих вступить в монастырь суть вещи сторонние. Главное — середка, то есть доброе настроение сердца и благая цель. Светлые о всем понятия придут после сами собою, придет и благородство сердца и даже благородство приемов, как это показал не один пример. Правда, что жизнь монастырская нынешняя, как говорят, не походит на старинную, но когда Бог устроит путь, то приведет туда, где будет хорошо и спасительно. Веруйте сему.

40

Вы напомнили об одном совете, который кто-то дал вам во время последней нашей войны: не ездить в театр только во время той войны. Очень милостиво. Нельзя ли прибавить? Как война призывается забвением Бога во время мира, то во время мира всячески надо бегать всего, что ведет к богозабвению. Не такого ли

свойства театры? Припомните, что бывает с душою в театре и что после? У турок нет театра, его заменяют они опиумом. Опиум и театр — одно и то же. Театр есть вещь вовсе не христианская, и умен человек, который не бывает в нем. Мы его переняли у Запада. Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется. Другая злая у нас вещь — наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Пошли свет Твой и истину Твою!

Что у вас за боязливость? Она не натуральна. Молитесь против нее к милостивому Господу, и Он даст бодрость. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии, ибо Той победит! В монастыре, что на Бородинском поле, в церкви читается непрерывно псалтырь по убиенным воинам. По ночам читают его сестры по очереди. Одна из них сказывала мне, что, когда ей приходила очередь, едва в обморок не падала и часто выбегала из церкви. Но потом отец духовный велел ей молиться именно против страха. Она помолилась с постом, и страх отошел.

41

Каких вы сокровищ себе накупили! В Триоди постной вся сетующая о грехах душа! А Ефрем Сирианин! С ним и самый неплаксивый заплачет. Исаака Сирианина уж вы знаете. Там поглубже все дело прописано, и весь путь Божий выяснен, как на ладони. Он говорит, что коротенькая, малословная и даже бессловесная молитва придет сама, когда очистится сердце.

Вы спрашивали о Святом Причащении. Нисколько не помешает часто причащаться с приготовлением истинным. Хорошо бы — каждый пост, а в Великий и предрождественский и по дважды. Впрочем, как Господь по сердцу положит; только хорошо причащаться. Где же и живот!

Бывают минуты, когда очень нужно слово. Скудность слова есть наказание Божие. Господи, помилуй нас!

Что встретили вы в Петербурге, или как он вас встретил? Чудной этот город! Истинный образ падшего человечества!

Иерусалимлянку N.N. помню. Не думает ли опять махнуть туда? Довольно. Надо дома строить свой Иерусалим; а тому обречено быть *попираему языки, дондеже скончаются времена языков* (Лк. 21:24).

42

Что это вы сказали, что разбиты и душою и телом? У вас там Матерь Божия, потому не верится, что вы расстроены, а может быть, только не замечаете созидания внутреннего в одно время с разорением внешним. Пыль от последнего не дает заметить первого. Господь да укрепит вас! Благодарствую за книгу (иностранный, против Православной Церкви). Вот и нам приходит срок вступать в открытую полемику с Западом. Латины выну высят гордое око свое. Самообольщенная уверенность не дает им внимать истине. Простой смысл видит ложь и главенства их, и мнения о происхождении Святого Духа, и нового их догмата, и прочего всего. Все сии новизны, по сознанию самих латин, сформировались с XI века. И в книге это значит, только с кривотолком. Всего, впрочем, не перескажешь.

В тихой обители вам только молиться. Вы помянули, что отрезаны от мирских уз. Поспешите же связать себя духовными, чтоб не вышло: от одного берега отстали, а к другому не пристали.

43

Не умею объяснить, что у вас за позыв в театр. Толку в театре никакого нет. Вы это знаете.

Зачем же хотеть ехать? А мысли приходят, пусть их! Гоните их и боритесь! Другим посылаются искушения посильнее, а вам легонькое, мысленное. Покажите верность Господу в этом малом. Лукавый чем-нибудь да хочет отрывать душу от Господа, — не прямым злом, так пустяками. Другие, как себе хотят. Всякий за себя даст ответ Богу. Театры правительством придуманы для тех, кои не ищут спасения, чтобы они не предались злейшему какому пороку; для ищущих спасения есть Церковь, где не представительно, а самым делом Господь, ангелы и все святые общаются с нами! Деньги же, которые надо на театр истратить, не лучше ли отдать нуждающимся. Боюсь, как бы вы не поддались внушениям вражиим. Враг ловок. Сначала маленькую уступочку требует, потом поболее, там еще более, и так без конца. Чем дальше в лес, тем больше дров. Хоть бы батюшка отец Серафим погрозил вам! Кто же от молитвы оттягивает, а в театр влечет? Сами видите, кто это? Плакать о грехах и быть в театре, как это не вяжется? Плакать же надобно денно и ночью.

Не помню, что было со мной и где я был, когда вы служили молебен. Это Господь послал вам утешение за вашу заботу о ближнем.

Молитесь почаще о моем окаянстве, чтоб Господь дал мне дух покаяния. Как хорошо с ним и как худо без него! Дыхание христианина должно состоять из покаянных воздыханий, и, когда нет их, это значит, что он задохнулся. Господи помилуй!

Всяких вам благословений от Господа желаю.

44

Вас хвалят. Что ж тут дивного? На безрыбье и рак рыба, как говаривал батюшка отец Парфений. Это, однако ж, очень рекомендует наше общество, что в нем есть сочувствие даже к тени добра... Между тем для вас это очень невыгодно. Капля пробивает камень частым падением. По частичке от каждой похвалы падает на червяка самолюбия и тщеславия и питает его; он растет незаметно для вас, позволяет быть и смиренным чувствам, пока не окреп. А когда созреет, все подьест зараз. Опасно! И еще что? Похвала щекочет сердце, останавливает ревность и расслабляет. Это то же, что бегущему подставить ногу. Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. И это худо! Что же делать? Смирятье сами себя и подавляйте возношение мысли и сердца всякими

смирненными о себе чувствами. Тогда же, как в уши бьют камнями сладких речей, сходите в сердце и уничижайте себя всячески перед Господом и святыми Его. Какие подъяли они подвиги, чтобы угодить Господу! А у нас что? Сходим однажды в церковь, положим дома пять поклонов, прочитаем страницу спасительной книжки — и попали в святые. Куда как верно! Уничиженный труд телесный много помогает. Слуги также хорошие учителя смирения. Желайте оскорблений и паче — неправых; по крайней мере, встречайте их, как спасительный пластырь, Господом прилагаемый на рану тщеславия. Но не думайте сами собою что-нибудь сделать. Прибегайте к Господу, смилившему Себя до рабья зрака. Он научит. Не нерадите только о сем состоянии. Похвалы заморозят вас, и выйдет из вас мраморное изваяние, не некрасивое наружно, но безжизненное. Избави вас, Матерь Божия, от сего! Лучше валяться в грязи и быть попираему всеми, нежели быть так.

Пишете: «Во сне молюсь усердно и горячо, а наяву лениво». Слава Тебе, Господи! Хорошо, что душа молится во сне, когда не даем ей свободы молиться вдоволь днем. Однако же — это доброе напоминание! Дается знать, чтоб вы

прилежали к молитве и молились, не ленясь... Хорошо вам было во сне, когда молились, и днем, когда встали... Сим опытом вам как бы говорится: «Смотри, вот где сладость и блаженство, вот плод молитвы! Так не ленись». Послушаетесь? — благо вам. Не послушаетесь? — еще, может быть, повторится и еще, а потом и бросят. «С нею, — скажут, — ничего не сделаешь. Ясно дается ощутить, как хорошо молиться, и не хочет. Пусть же ее, как знает». Право так. Бог поругаем не бывает. К немощам нашим весьма снисходителен, а непокорства терпеть не может. Но за все слава Богу. О всем благодарите! Господь вам помощник.

45

Все слава Богу! Вам желательно разгадать, чего ради Господь столько времени позволяет иноверцам угнетать православных. Где нам досягать до высоких и зреть глубокие помышления Божии! *Несть наше разумети времена и лета* (Деян. 1:7). Видите, каково наше разумение? Пророчат (в календаре) 15 градусов тепла, а выходит 20 градусов мороза. И это в обычных вещах... А до путей Божиих куда нам? *Егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12:6). Не до-

вольно ли этого для нас? Страдания — знак не отвержения, а милости.

Ваш сон был нужен вам. Напечатлейте в сердце слова, которые некто сказал вам: «Слов нет изобразить то блаженство, которое там»... (см.: 1 Кор. 2:9). О сем заботы все приложим, да достигнем туда, или хоть на ракушках (на четвереньках — *прим. ред.*) доползем. Помогите, Господи!

Еще повторю: остерегайтесь же похвал. Что делать? — Укоряйте сами себя более, а паче Господу молитесь, чтоб поселил глубокое смирение в сердце. Поверьте теперь опытно, что сказал святой Исаак Сирианин в первом Слове: «Едва ли найдется человек, который мог бы вынести честь, без изменения внутреннего». Вот какую вещь выдумал лукавый! А что это он, поверьте свидетельству святого Иоанна Лествичника (Слово 26, п. 8). Потерпите. Это, как видится, последняя уловка, но опасная и долго длящаяся. Помогите вам Господи устоять!

P.S. Вот вам еще две статьи: Маргариты и поучительное слово старца. Чего вы здесь не найдете! И внутренний, и внешний порядок жизни весь растолкован, и притом с разных сторон и в разных оборотах. Питайтесь сим

хлебом и с другими при случае поделитесь! Это затем, чтоб в случае, если самим не придется выполнить прочитанного, Господь помиловал вас за то, что то выполняют другие, которым вы читаете. Пересмотрю, перечищу и скоро пришлю вам и остальное, что есть.

46

Господь да утешит вас! По-моему, лучше все оставить на волю Божию. Он знает един, что кому нужно и как что устроить. Потому не загадывайте об устройении своей участи ничего. Время и обстоятельства все укажут. Ваша приятельница болит душою и скорбит. Да утешит ее Господь! Мучеников очищали и приготовляли в Царствие Божие огнем, строганием, да резанием... А нам другая очистка. Всякому своя: одному большая, другому маленькая. Господи, помилуй нас и вразуми!

Вот и год на исходе! Как скоро течет жизнь, час за часом, день за днем. Глядишь, и дверь гроба перед глазами. Что делать с душою? Великая хитрость нужна, чтоб владеть собою. Старцы Божии одолевали себя, но и то не всегда. Вот тут и толкуй о силе воли и самовласти души! Где она, укажите, философы? Только тому, кто Господу отдаст себя со всем, дает-

ся сила владеть собою, или вливается в него такая сила. И уж как начнет он ворочать душою, только держись. Кряхтит бедная, да делать нечего. Слушайся!

47

Спасайтесь! Мир вам! Чудак N.N. запутался в лютеранской мысли об оправдании (то есть только веруй и спасешься. Дела не помогут). У лютеран большая в отношении к сему пункту путаница. Кто куда! Вот как надо веровать: человек по природе обязан исполнять волю Божию, должен любить Бога и ближних и показывать то делами, но он пал и сделался бессилен. Пришел Господь и учредил на земле путь спасения во Святой Своей Церкви. Здесь снимаются грехи и дается сила творить волю Божию. Зачем же это дается сила, если не на дела? Апостол Павел крещеным заповедует ходить в *обновлении жизни* (Рим. 6:4). В другом месте говорит, что мы избраны и призваны быть святыми и непорочными перед Господом в любви (см.: Еф. 1:4). У апостола Петра: все силы Божественные даны зачем? *К животу и благочестию* (2 Пет. 1:3). Как человек очистит свое сердце? Трудом в исполнении заповедей, противоположных страстям.

Проси помощи, но и сам трудись. Без своего труда и помощь не придет. Но и из труда, если не придет помощь, ничего не выйдет. И то, и другое нужно. В нравственном смысле предложению N.N. можно дать вес. Так: делай, делай, но не опирайся на дела и не засматривайся на них; а, по апостолу, *задняя забывая, в предняя простирайся* (Флп. 3:13). Желаю вам всех благ от Господа.

48

Думал, что N.N. рассердится на меня, а она другое сделала; верно, добрая и смиренная! Спаси, Господи! Без страха Божия ничего сделать нельзя. Врассыпную жить худо. Двум господам работать — что есть? Так уж одно что-нибудь. Кто туда и сюда, — толку не будет. Свет и тьма вместе не уживутся. Мира вам от Господа желаю.

Знаете ли, какие у меня безотрадные есть мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу волтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы, и не злы, но относительно к вере и Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочести-

вы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаяю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше Православие. Что ж? сидеть, поджавши руки? Нет, надо что-нибудь делать!

Злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые, можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужно жаркие книги защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать.

49

Что-то теперь у вас творится? — Учитесь класть земные поклоны. Посмотрели бы, как в благоустроенном монастыре все чинно выступают из своих мест и начинают класть поклоны или стоять, наклонно крестясь. А вы что-то полениваетесь. Восхвалим Господа! Горе нам! запутал нас сатана и не можем выпутаться. Прописал такие тиранские законы, что мочи нет, а следуем им и исполняем их рачительно. Сколько яду! Вы, думаю, все сие знае-

те. Достаётся вам от всего этого. Терпите и молитесь. Господь всесилен. Не заметите, как вышвырнет из сего омута. Только оглянетесь и подивитесь, как все это устроится. Но опять это будет, если только будет нужно. Мы с своими желаниями, рождаемыми самолюбием и саможалением, ничего доброго себе сделать не можем и не умеем. Красно! и берем уголек вместо золота. Увы! какие по временам безотрадные приходят мысли! К чему доведет нас наш образ мыслей, наша литература, наши обычаи! Буди воля Твоя, Господи, на нас. Всесильною десницею Твоею развеяв облегающий нас облак вольномыслия, неверия, равнодушия и самосулаждения всестороннего. Мир Свой да пошлет вам Господь Бог наш!

50

Вот и гадалыщица к вам подроспела, карандашом пишет. Мудрена. Это что-то вроде вертящихся столов. Только не думаю, чтобы это был Божий дар. Чрезвычайные Божии дары трудно достаются, а так, ни с того, ни с сего ничего и не выйдет. Языческие жрицы тоже гадали о многом удачно... а не были истинные пророчицы. Сколько есть духов лестчих! В Киево-Печерской Лавре был один старец, который,

не уча, знал Ветхий Завет на память. Что ни спросят, все знает и прочитает. Но знал он только один Ветхий Завет и ничего из Нового. Оподозрили его, помолились о нем старцы, и все забыл. То же и здесь. Хорошо бы прочитать над нею закликательные молитвы и потом спросить. Думаю даже, что, и стоя при ней в крепком молитвенном духе, можно связать ее пророческую сноровку. Не лучше ли, однако ж, держать себя подальше от таковых? Все нужное Господь сказал нам Сам устно. Чего еще хотеть? Спаси нас, Господи!

51

Вознеслся еси во славе, Христе, Боже наш. С праздником, мир вам!. Но идеже есть Господь одесную Бога сидя... там умом просидеть (просидеть некоторое время — *прим. ред.*) потребно и нам. Сейчас невзначай развернул жизнь отца Серафима в том месте, где помещена «Душеспасительная повесть», а перед сею статьею и «О молитве Иисусовой». Как хорошо то и другое! Потрудитесь прочитать и читать. Тут весь курс, все указано. Господь да благословит труд ваш, пока вещественный, чтоб перейти к умному; навывайте же считать узелки в четках, только с приговором! Матерь Божия буди

вам помощница. Мира вам глубокого желаю. Огонь оный, что Господь пришел воврещи на землю, да внедрится в земле сердца вашего. О сем молитесь и сего ищите! Благослови вас Господи!

P.S. При сем еще шесть статей, от 4-й до 9-й включительно. Не успел всего кончить.

52

Рассеялись вы, пора остепениться, бросить все и сесть у себя при сердце. Припомните пост и сравните его с теперешним состоянием; куда какая большая разница! Но вы, верно, будете в Ивере, когда дойдет до вас письмо это, а там все иное. Возьмитесь за чтение да уклонение от всех. Как губит вас ваша обстановка! Устройте как-нибудь, чтоб молитва, чтение, рукоделие шли невозмутимою чередою. Сношения сократите. Един Бог да вы, как хорошо! Но когда сему быть, предоставим решить Господу, Дело делается лучше, когда делается само собою, ибо тогда оно устроится не человеческим умом, но Божиим изволением. А то вон уж куда! Вы сами начали завязывать знакомства и развлечения. Что шутить-то? Ныне, завтра — смерть. А там не по картам будут раскладывать, какова должна быть участь наша.

53

Кто же это так нелепо говорил о Таинстве Тела и Крови Христовой. Мысль эта кальвинская. А по-православному вот как надо веровать: кто не вкусит Тела Господня и не пьет Крови Его, живота не иметь в себе. Кто в Господе пребывает? Ядый плоть Его и пийй кровь Его (см.: Ин. 6: 53, 56). Тут нет ничего неясного и никакого иносказания. Так веровали все спасшиеся о Господе, так веровать подобает и нам. Мало ли чего не наговорят непонимающие и нехотящие вникнуть! И еще толкуют про какое-то утешение! Откуда же оно зайдет к ним? Господь не взойдет в сердце неверующее, хоть стоит у дверей и толчет, а вне Господа какие утешения? Бедные, бедные!

Но не молчите! нет нужды горячиться; но кратко и просто сказать истину, подать за нее голос есть долг наш. И голос за нее — не малое дело. С ним Господь, а где Господь, там и сила Божия, стало быть, и действие. Говорите ее от сердца. Это будет тогда самая доказательная истина.

Вот вы читали повествование о мытарствах. Где найдете что подобное? И сладостно, и назидательно. В Четьи-Минях вся почти цер-

ковная история и вся она такого свойства. Отрезвляет, умиляет и к Богу обращает.

54

Бог в помощь, спасайтесь! Со страхом и трепетом подобает нам проходить дело свое и житие свое, и служение свое, то, что кому положено, и где и как положено. Как райскую птичку, надо беречь сей страх, чтобы не улетел. Улетит, — трудно поймать. Чтобы не улетел, надо двери клетки затворить: собрать мысли и связать чувства вниманием; в помощь к тому надо устроить домоседство и единоседство. То и другое у вас есть. Стало быть, только беречься надобно, как бы не увлекла какая старая знакомка сначала на беседу, а потом и на гулянье. Уж вы довольно отстали от других. Где догнать их! Не лучше ли же совсем отстать от них и не заглядывать к живущим по духу мира сего? Думается, что лучше. Если затем придется стать с миром лицом к лицу, то всячески подобает держать голову и сердце как должно христианам, не поддаваясь. Великий убыток, что у вас нет того, чем обладают миролюбцы! — и будто это новость для вас! На то уж пошли. И кажется, надо бы несколько

воодушевления возыметь от того, что уже так заметен контраст вашего направления с стремлениями мирскими, ибо это означает, что есть успех в начатом. Да откуда у вас помышление, что отстали? Идет ли это слово к тому, о чем речь? Один ушел вперед, а другой отстал. Это можно сказать о тех, которые идут одною дорогою. А о тех, кои идут разными и даже противоположными путями, сего сказать нельзя. Миролюбцы бегут на Запад, чуждающиеся духа мира идут на Восток; стало быть, всякий своею дорогою. О тех, кои зрят на Восток, даже если б они не шли, а стояли на одном месте, надо сказать, что они успешнее миролюбцев, кои точно стремятся без устали, но во дно адово... Ведь все это истина! Зачем же колебания? Не соблазняйтесь мнимой добротой светских. Прислушайтесь чутьем своим, есть ли у них, то есть у сердца их, какое-либо отношение ко Господу, и увидите, что никакого нет, а изящество их что есть, как не прикраса гроба? Воистину так. Избави же вас Господи склоняться как-нибудь на мысль, будто миролюбцы имеют какие преимущества перед желающими жить по духу Евангелия. Ведь не первые мы! День явит, кто в выигрыше, и день сей не далек для каждого из нас: ныне, завтра. Мужай-

тесъ же, и да крепится сердце ваше. Даруй вам Господи всякое утешение!

55

Что же это с вами? Крепитесь и воодушевляйтесь! Обаче (однако — *прим. ред.*) не думайте, что вы найдете себе помощь в развлечениях. Развлечения и без того тоску наводят, а при тоске от них еще тоскливее. Да, так. В минуты веселости внешней забывается болезнь сердца, но зато, когда по миновании увеселений и развлечений душа останется одна, дает же она знать о себе своему хозяину удвоенным, утроенным и даже удесятеренным гореванием и тоскованием. Ведь это весь свет знает, да не слушает, что ни говори. Вот и вы себе за всеми... Взяло горе, и ну развлечений искать! Бросьте, лучше у Господа просите милости, утешения, и у Пречистой Владычицы. Вот если Они дадут, то уж дадут, как следует, прочные утешения. К Ним и обращайтесь! Для этого, конечно, надо более сидеть дома и молиться, или ходить в церковь и то же творить; и поразмыслить немного, и почитать — хорошо. Вам внятно читается святой Исаак Сирианин, и не бросайте его. Он всему научит. Утешения всякого вам от Господа желаю. Молитесь, и Господь, целитель всяких немощей, уврачуе вас.

56

Вы пишете о N.N. Ну что же это у ней за душа, что она речами своими наводит примрачную тень на всех и на все? На всех степенях бывают грешники, и милость Божия покрывает их, ожидая обращения. Частностей обобщать нельзя, то есть от одного случая заключать к характеру человека и от одного человека к целому классу людей. Пора бы перестать верить ей, шуткою покрывая все. Да и всегда, при речах осуждающих, держите правило: не верить. Один старец, когда к нему пришел кто-то и начал говорить худо о другом, спросил его: «Откуда знаешь о том»? Тот сказал: «Один добрый человек рассказывал». «Ну, нет, не добрый, — отвечал ему старец. — Если бы был добрый, не стал бы худо говорить о другом». Так и нам надо. От видения дел да избавит Господь, а слуху не верить, и будет душа чиста. А с грехом-то осуждения как быть? Ведь, коль скоро суждение о поступках других соединяется с презорством к ним, а не со скорбью о них братскою и с сохранением чести лица их, это будет осуждение — грех великий! Внимайте же себе!

57

Много согрешили вы, соблазнив N.N. дорогою, в среду, есть молоко. Ведь не умирали с голоду! Другое дело, если бы встретили вы такую нужду, что смерть, а нечего достать, кроме молока. Тогда ничего: кушайте на здоровье. А так, как вы сделали, грех. Возрастает сей грех от того, что N.N. ехали в Петербург, где бездна соблазнов. Теперь вы на дороге пошатнули их правила и рассеяли страх нарушать их под каким-нибудь предлогом. От сего малого они могут перенести поблажку и на другое, от другого на третье и так далее, все в возрастающем порядке. Ответ за все весь на вас. Это не натяжка суда, а истинное дело. Да и сами вы разве татарской веры, что не в должное время ели скоромное? Уж не поймешь, что такое!.. Законто о пище от вас, что ли, произошел, что вы можете им располагать, как хотите, а другие не смеют? Диво! И еще больше диво, что это вам кажется делом сторонним... А я думаю иначе, — что в этом деле вы о себе-то и скорбеть более должны. Ведь те N.N. вам поручены были не затем, чтобы вы научили их нарушать пост. Они смотрят на вас, как на добрую

христианку, которой должно подражать, и, может быть, решились вкусить ради вас, чтобы вам не совестно было одним так немилосердно бить в лицо мать свою — Церковь. Бить в лицо мать! Видите, как дело-то есть? А вы очень легко рассуждали о сем. Вы хотите разрешения. Прощаю и разрешаю от сего греха вас и всех властью мне данной, хотя и сам многогрешен есмь. Только что же вам от сего пользы! Заочное разрешение сильно ли? Идите к духовнику своему и перед ним себя осудите и попросите себе епитимий. Господа ради не брезгуйте этим делом... Жернов-то на шею, да в воду — кому это? Тому, кто вводит в соблазн. И так поскорбите, поболите и побейте поклонники, и умиловите всемилостивого Господа. Милосерд есть, обаче кающимся.

Благодарю за дерево и камешек. Не худо, конечно, все сие, но нужнее камешек в середине, тот, на коем подобает твердо стоять ножками ума, не вляясь туда и сюда. Помогите, Господи!

Зачем это вы рассвирепели? Ведь вся вина не на людей падает, а на лукавого — соблазнителя людей. Право так. И не грешите, помышляя и чувствуя иначе.

58

Пусть будет все, как придется. Наше дело — уступать нужде и удовлетворять пользе, а блажь-то что распускать? Владыками нужно быть над самими собою. На то мы созданы, на то и воссозданы Господом! Есть у нас две стороны: неопределенное течение желаний и помышлений и сознательно свободная и разумная деятельность. Последняя должна рассеивать мрак первой. Та, как туман какой, налегает на душу, и если душа не образумится и не станет в свой чин, то может быть увлечена к пустым, бесполезным, а иногда вредным делам и занятиям. Закон-то у нас один: добиваться, сколько можно, того состояния, в коем из души исчезает все, и остается Бог един. О, когда бы помог Господь! помолимся: Он любобообщителен. Отверзем Ему дверь сердца и ума. Связывать Он не связывает. Всякий твори и сам нечто, понудь себя. Сии понуждения не внешних только дел касаются, например, встать, пойти в церковь и прочее; но паче внутренних, именно: к одному себя расположить, а от другого отвлечь, все по указанию заповеди и требованию начатой жизни. Ведь и она учит. На сие только понуждение приходит потом и помощь

Божия и упорядочивает и внутреннюю деятельность, и внешнее поведение. Помогите вам Господи! В церковь ходите, — хорошо; и дома по чину все да будет: когда почитать, когда помолиться, когда поработать. Но развлечений, а паче шумных, всячески бегать надобно: они губят покой души и засеменяют худые желания. Вот то, что вы встретили у N.N., было хорошо. Побольше бы таких случаев! Там вы увидели, что никуда негожи, и были заброшены. Сие чувство надо согреть и возвысить в себе, чтобы воистину соделаться странниками и пришельцами на земле. Как? Вот подобными случаями. Ибо сами-то мы все трубим перед собою и являемся себе в слишком радужном сиянии. А тут поразвеют туманец-то сей!

Так это хорошо; а то, что какая-то философка и какой-то философ познакомились, не знаю, хорошо ли. Теперь не видно, после сами увидите. Если они захотят знать истину, со смирением скажите им, что знаете, а если хотят быть с вами только так, ради приятного препровождения времени, то лучше оставить их. Астрономия — вещь немудреная: можно и посредством чтения узнать доступное для всех. Поищите книгу Наума о мире Божием. Там все написано, — и мужичок поймет. В

выходящих в настоящее время книгах такого рода можно запутаться. То беда, что астрономы наши к фактам приплетают свои теории и большею частию путают и попадают в ложь, противную слову Божию. Сего надобно опасаться.

Дело уже решенное, что заводить знакомство надо только по уверенности в единомыслии и единомыслии, а без этого умножение знакомств есть только разорение. Сколько у вас! N.N., N.N. и прочих, да таких хоть сотню, хоть счету не будь. Тут число ничего не значит: все, как один, и хоть пальца негде поставить, а всем просторно. Не испытавши, в приятели помещать не приходится.

Но это не совсем еще важная вещь; есть поважнее. Пишете: «Молюсь едва только; так, по совести, с нерадением, читаю, книга валится из рук». Что ж это вы заснули? Ведь не надо же сих случаев пропускать небрежно. Страху себе надобно поддать немножко, память пошевелить. Хорошо, что после умягчилась немного душа в церкви, а то до беды недалеко. Со страхом и трепетом соделывайте свое спасение. Конечно, что такого рода состояние, то есть некоторая оголтелость души, и не совсем в вашей власти; всячески, однако ж, не следу-

ет оставаться при нем равнодушною, а, по крайней мере, вопиять Господу и Владычице. Но о сем, кажется, уже была не раз речь!

59

Что у вас там за сумятица в доме? Как прочитал письмо, так и ощущаю, что ветер как бы по комнатам ходит. Это не совсем-то ловко. Конечно, тут не все в вашей воле, но иное и в вашей. Например: держать себя при посещениях собранною, с памятью о Господе и со страхом Божиим, лишнего не говорить, в осуждения не вдаваться и не строить пустых планов; все сие и многое другое в нашей власти. А когда в нашей власти, стало быть, и ответ за то на нас лежит. Когда проводили и остались одни, тут поскорее надо взяться за душу и поспешить вычистить все насеянное, возставить ее опять пред Господа в благоговейное положение и воспринять опять порядок прежних обычных занятий — чтением ли, рукодельем или другим чем. Об отдавании визитов нечего заботиться; пришлось — хорошо, а не пришлось — не беда. Так и сотворите. В церковь только летите, как на крыльях, и собирайте там ароматы молитв и богомыслия. Благослови вас Господи!

Удивляетесь вы тоске или чувству неудовлетворимости N.N.? Это в порядке вещей! Дух ее требует своего — духовного, небесного. А она дает ему не то. Вот он и теребит ее. Пусть переменит жизнь, отбросит суету. Много ли нужно? Переменить только намерения и отбросить некоторые обычаи, ибо жизнь ее незазорна... Но вот не хочет и не хочет; за то и страдает. Кто же виноват?

Вот и вы туда же! О посте по-басурмански стали рассуждать! Посмотрите-ка, как в уставе написано! Там написано: есть помалу, сухоядение или отвар какой постный, и есть поздно. Что тут одно количество берется во внимание или еще что? Не количество только, но и качество. А все метите попасть в православные! Куда годитесь с такою головою?

60

Что у вас там за чтения? И что из сего читаемого вы находите полезным и приложимым к жизни? Последний признак должен быть пробою доброты исследования Писаний. Но есть и другое исследование, никуда негожее — бесплодная пытливость ума. Вот как разбирайте. Если, слушая, видите, что все мысли, как мыльные пузыри, хоть и красны, да пусты и скоро от лег-

кого движения воздуха здорового рассуждения трескаются; знайте, что слышанное есть дело пытливости праздной. А если, слушая, найдете, что слышанное садится на сердце и втесняется в него, и давит его, сокрушая, или расширяет, возвеселя неzemными надеждами; то знайте, что слышанное не есть дело праздной пытливости, а есть опытом дознанная истина. Для иных испытание писаний может быть великим искушением. Вы подивитесь? А так есть. Помните, как авва Серида прибил Досифея за то, что сей последний начал без всякой нужды пытать, что то значит и что это, отчего так написано, а не иначе? Вот и другой пример. В Филиппах была отроковица, имевшая дух пытлив, и апостол Павел изгнал его (см.: Деян. 16: 16–18). Посмотрите еще у Филофея и у Диадокха (в Добролюбии). Там не добрым делом сочтено, когда от внимания и молитвы отвлекает желание или позыв побогословствовать. Да и много найдете подобных советов относительно питания Писаний. Разбирали ли вы, как произошли еретики? Все до единого от питания Писаний. Так выходит, — это меч обоюдоострый! И стало быть, надо с ним осторожно обходиться.

Вот что вам скажу для распознавания духа истинного от духа лестча в сем отношении.

Православный христианин читает Слово Божие; истины, прямо в нем содержимые, печатлеет в своем сердце, не двигая своей мысли за пределы содержимого и не возвышая над ним господственно и самоуправно своего ума, а ему смиренно подчиняя его. Например, *повинуйтесь наставником вашим... всяка душа влаstem предержащим да повинуется* (Евр. 13:17; Рим. 13:11). Дело ясное! Тут нечего и толковать. Печатлей только на сердце, да и все тут... Если встретится что неудобопонятное, православный ищет разрешения не в своем уме, не в своих догадках, а в общей хранильнице всякой истины — Церкви, то есть ищет решения готового, всеми признаваемого и всем предлагаемого в Церкви; например, *ты еси Петр, и на сем камени* и прочее (Мф. 16:18). Непонятно, как Церковь может быть основана на Петре, когда основание ее есть Господь и притом так, что другого основания быть не может. Не мудрствуя для решения сего недоумения, обратитесь к Церкви и возьмите существующее решение, что здесь слово — **Петр** не означает лица апостола Петра, а означает твердое исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа. Эта твердость каждого мученика делала камнем. Колотят, колотят и не

расколотят. А вот католики стали искать решения в своей голове и попали на Папу. Как ни нелепо, а вот и доселе упорствуют.

Если какое-либо место Писания расшевелит мысль, и сия начнет делать выводы, неотразимо теснящиеся в голову, — ничего: православный и от сего не прочь, только обходится с сими выводами, порождениями своими, не как с родными чадами, а как с пасынками, подвергает их немилосердной пытке, именно: вставляет их во всю совокупность истин святой веры (это все истины, в катихизисе содержащиеся) и смотрит, вяжутся ли они с ними, и, если не вяжутся или противоречат им, гонит вон из головы, как незаконнорожденных чад! Если не сможет сделать сие сличение сам, то снова обращается к живым или прежним учителям и их вопрошает. Вот все, как творит православный и как подобает творить.

Неправославный не так делает. Родятся у него в голове какие-нибудь думы (хорошие или худые, ему нужды нет, лишь бы нравились); он начинает рыться в Писании и искать им подтверждения.

При таком настроении, конечно, каждая строка и даже речения, чуть-чуть указываю-

щие на мечты искателя, берутся как доказательство. Вот собрано несколько текстов, к ним преданы произвольные толкования, и затем сделан вывод, то есть та мысль, какая родилась в голове прежде чтения Писания, а наконец и возглас: «Так учит все Писание».

Так образовались все ереси, так протестантство, так папство, с тою разницею от первых, что сии еще роятся у святых отцов и их насилуют (как недавно в новом догмате). Такого рода и то, что вам читал N.N.

61

Вы больны; а я понимал состояние ваше иначе; потому собирался грянуть на вас самую грозною, укорною речью за вспышку великой самости, в серчании на N.N. и еще в чем-то, — забыл: уж прошлое дело. Теперь вижу, что все сие есть следствие раздражительности нервов от болезни! Да укрепит вас Матерь Божия! К сведению только примите, что подобные вспышки — вещь довольно недобродетельная. Вот воистину сатана в виде ангела светлого. По виду, кроме чувства правды, тут ничего нет. Сердце так и кипит — и готово на нож за правду, на языке только и речи, что правда, забытая, нарушенная другим. А уж этот другой, дер-

знувший нарушить ее, куда как нелепым представляется нам и даже злонамеренным. И такой суд в очах наших так прав, что, если бы весь свет был присущ при нем, непременно одобрил бы его. Видите, как все светло и законно! Но так ли в существе дела? В существе дела всегда оказывается, что в основе подобного чувства нарушенной правды всегда лежит чувство оскорбленного самолюбия, унижения нашего достоинства, или неотдание ему должного почтения или должной цены. Жар ревности по правде совсем не оттого, что дорога правда, а оттого, что кто-нибудь дерзнул нарушить сию правду в отношении к нам. Будь это в отношении к другим, еще бы сносно, то есть, может быть, сквозь зубы сказали бы: да, это неловко, и конец; а пожалуй, извинили бы. Замечаете ли, что крик за правду только снаружи, а в середине — война за себя?! Ну вот и видно, кто в ангельской-то одежде! Все сие напомнил я вам про всякий случай! Душа ваша — вещь мудреная. В хорошем ли она состоянии или в худом, это свидетельствуется миром или смятением. Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит. В ту пору ее надоумливает сатана и уж, конечно, не во спасение ей;

а она-то, бедная, из всех сил рвется. *Гнев мужа правды Божией не соделовает* (Иак. 1:20). Божие же все мирно, тихо, сладостно и в душе сию сладость оставляет, и вокруг разливает ее обильно, несмотря на то, что иногда и бранится будто. И в этом случае есть теплота и даже жар, только совсем другого рода: умиленный, нетрескучий. Разобрали ль теперь?

62

Дела свои делайте понемножку, с усердием, а о плодах очевидных менее помышляйте. Оказывать себя должно во всем, во всем. Мысли хорошо беречь, и берегите. Что блуждать по распутиям? Как же солнце-то увидеть, когда пыль столбом и туман вокруг? Разные мечтания заслоняют Господа. Что слаще Его и краше? Зачем же отрываться от Него и смотреть на ничтожность?

63

Как же это? Заехали вы в монастырь, а не знать — что делаете! То смехи, то гулянья, то болтовня. Читать не читаете, в церковь ходите с ленью. Выходит, что поехали туда на потехи. То, что перед отъездом туда было немного крутовато, — не оправдание. Ну те-ка, по-

скорее за дело. Надо немного сокрушиться, всплакнуть и поболеть перед Господом. В этом сокращение всего дела. Исправляющиеся плачут оттого, что неисправны, а исправные плачут оттого, что не так еще исправны, как бы следовало и как бы хотелось. Так все плачь. Господи, помилуй!

64

Спасайтесь! Мира вам от Господа желаю. Буря, сущая в вас, не беда страшная, а обычный почти порядок. Стоять надобно твердо. Все так, как делаете, вопия ко Господу, Пречистой Владычице и всем святым. Пройдет. Отчего это? Не догадаешься, и нужды нет догадываться. Все, идущие путем сим, то испытывают. Верно только, что Господь не бросает, а тут же присутствует и смотрит, как душа будет бороться в допущенной брани. Искуситися паче, нежели можем, не допускает Он. Стойте же. Господь да умирит вас!

65

Отчего это N.N. считала меня угрюмым? Ну, вот теперь разуверилась. Но все же, когда речь коснется дела, поблажек нельзя прописывать. Обычная речь туда и сюда, а правдой Божией

нельзя кривить. Она не наша, — нам дана. Ее исповедать и всем передавать чистою, как она низошла к нам из уст Божиих, есть наш долг. Жить, плохо живем; хоть правду Божию будем проповедывать без примеси, и то хорошо. Ныне всех сбивает с толку распутие помышлений и правил. Трудные времена! Господь блюдет, однако ж, своих и дает им осязательно видеть и ощущать святую правду.

66

Бог в помощь! Благослови вас Господи на доброе дело говения. Но вот что! В какую хотите церковь, ходите, только в одну. А мыкаться по разным церквям, как вам предлагают, нелепо. Разве говение есть время развлечений? Плакать подобает.

Про икону чудотворную я слышал, только мне не так рассказывали начало. Ну, все одно. Дело в том, что близ нас есть Царица Небесная. Ныне крайне нужны явления силы Божией в нас. Благодарение Господу! Стало быть, Он не хочет бросать нас, а хочет держать в истине Своей.

Хорошо, что вы раздумали ехать к Сергию. Чесать слух — не время. У нас в церкви читают хорошо, и слава Богу. Чего еще? Если б и

этого не было, можно самим понемножку привыкать молиться в молчанку. Благослови вас Господи!

67

Вчера N.N. заезжал. Он говеет украдкою. В иных местах в церковь не пойдешь — беда; а у нас за то, что пойдешь, ожидай неприятности. Вот прогресс! Но ведь есть прогресс и во дно адово! Печальное направление умов!

Что у вас за страхи были? С нами крестная сила! Укрепясь упованием и верою, что болий есть, иже в нас, нежели — иже в мире, ограждайтесь крестным знамением. Но, может быть, это так что-нибудь: прошло и не воротится. Там у вас Матерь Божия.

Что вам сказать о молитве? Не молиться ведь нельзя. Потрудите себя на молитве, сколько сможете. Можно остаться с одними поклонами, без чтения молитв, и, сидя, в молитве пребывать можно, когда есть слабость, да и всегда от Господа не отступать умом должно. Помогите вам Господи! Делайте, как сможете, только без труда молитвенного не позволяйте себе быть. Для чтения вам святой Исаак Сирианин. Хорошо, что он есть у вас. Там все есть, только внимайте! Да благословит вас Господь!

68

Спасайтесь! Вы уже по опыту знаете, что все, что говорила вам N.N., есть чистая ложь. И поклоны не пустое, и акафисты не мало значат. Расскажу вам один случай. Покойный Феофан, настоятель Кирилловский, едучи из Петербурга, остановился ночевать. Там собирались его уколотить. Послушник заметил то и сказал старцу, и старец видел признаки, что так есть. Несмотря, однако ж, на то, благонадежно зажег он свечку и начал читать акафист Божией Матери, всегдашнее его правило. И половины не прочитал, как начали стучаться в окно какие-то проезжие — обоз будто, и кричать: «Отец архимандрит! поедem вместе, веселее будет. Запрягай, мы подождем». Наскоро запрягли, выехали и поехали. Когда проехали за черту опасности, обоз пропал, и отец архимандрит доехал благополучно до своей обители. Так вот, акафист-то не напрасно читан.

Мудрствовать станем — на всякой малости станем в тупик, а в простоте сердца принимать все правила — спасительно. Все святые Божии, Богу угодившие, как много били поклонов, — и числа им не было, и сколько молитв читали? Они все пребывали в молитвенном труде и спаслись тем. Что ж N.N., ра-

зняя рот, хочет принять благодать, как квакеры и молокане, кои говорят: Церковь в ребрах, а не в бревнах? Ведь без сего чина молитвенного и подвижнического человек, как на ветре, будет стоять, или, еще больше, как голый на морозе. А ходя в сем чине, он как одет в теплую и безопасную одежду. Вы все это знаете. Стало быть, нечего колебаться пустыми речами. Касательно того, что было, не могу ничего сказать; примите это, как указание от Матери Божией, что путь, коим идете, верен. Подобные знамения или указания даются не святым, а тем, кои ищут спасения и имеют нужду во вразумлении. Сами видите, что это весьма благовременно. И возблагодарите Пречистую Владычицу, столько снисшедшую к вашей немощи, чтобы рассеять ваше сомнение. Так и думайте, что вам, немощным и колеблемым, нужно было вразумление, — оно и дано, а выситься тут нечем. Возблагодарим Пречистую Попечительницу нашу и восплачем, что делаем Ей труд своими колебаниями до того, что Ей нужно то и то делать для нас.

А путь начатый — не пустое, и дело ваше не безуспешно. Враг заволакивает все и шумит. Стойте, мужайтесь, крепитесь!

Ваша холодность и сухость — отчего и давно ли? Терпите и с терпением нудьте себя то на молитву, то на чтение, а лучше на плач, что ничего нет и никуда негожи.

Тревога души вашей, думаю, от рассеяния. Соберетесь — успокойтесь. Ко Господу взывайте, сидя дома. Господь да дарует вам хорошо перенести настоящее ваше положение. Твердо уповайте! Помогите вам Матерь Божия!

P.S. Вот вам, наконец, и остальные статьи, от 10-й до 17-й. Обратите внимание особенно на последние, где говорится о трезвении к молитве и вообще о настроении ума в его обращении к Богу! Сопровождаю все сии статьи одним желанием, чтоб они служили вам в нужный час к отрезвлению ума... и освежали ваше внутреннее, как освежается воздух утреннею прохлагою. Есть и еще несколько подобных статей; но их думаю поместить в большой отечник, в виде прибавления, или внести под статьи соответственного содержания.

Хорошо, что вы находите приятность в домо-
седстве; чем более, тем лучше. Внешние приятности, даже невинные, редко ведут к добру;

а ко злу они — первая дверь. Они душу расслабляют, выводят из своей ограды внутренней. После них человек бывает весь не свой, как разбитый. Когда ненарочно кто упадет и расшибется, жалеют о нем; а когда кто по неосторожности грянется оземь и разобьет себе все кости, то не только не жалеют о нем, но и бранят его. Что же за нужда нам самим на себя наветовать? Великое ли дело было съесть яблочко — красивое, приятное? А после Сыну Божию надлежало быть распяту, чтоб поправить дело.

Какую это музыку собираетесь слушать? Наши музыкальные пиесы большею частию дрянь: щекочут ухо, ничего не давая. Я не вяжу вас, но жаль, если поедете, потому что только рассеетесь и тосковать будете. Внешнюю музыку послушаете, внутренняя на время расстроится. Не любите мира, ни яже в мире. Можете ли вы там быть с Господом? Едва ли, ибо кое общение? Мир искусств есть душевный и даже чувственный мир, а не духовный. Трудно отказаться! — верю; но ведь с Господом пребывание есть самораспятие истинное, а не метафорическое. Когда-то оно совершится? О сем поревнуйте. Ибо тогда из сердца начнет бить источник утешений, кото-

рые погасят всякую жажду к утешениям иного рода.

Слава Богу! Вот и успокоились. Помогите вам Господи никогда не разоряться. Но воля Божия да будет. Тлетворное дыхание духа лестча, действующего в сынах противления, хоть кого смутит.

Леность ваша к духовным занятиям происходит от увлечения, с каким взялись за работу. Не увлекайтесь слишком работою, а то в голове станет мутно. После же мутности в голове и в сердце станет мутно.

70

Великое ли дело, что встретили неприятность! Все это в порядке вещей. Стало быть, нечего смущаться. Подумайте лучше вот о чем: как перенести ударение в ланиту и еще более, как после сего удара подставить другую? А ведь это заповедь Господня! Если случившееся есть удар в ланиту, то подставляйте другую. А вы утекать хотите. Хорошая ученица Христова! Ведь это еще азбука, то есть в начале Евангелия написано, на первых его страницах. Потерпите же! Но, думаю, теперь уже все улеглось; и не разбужайте. Вот и батюшка показал вам внимание, зачем? Затем, чтоб вы благодуше-

ствовали. Благодушествуйте же. По-моему, это преничтожный случай, а что он так растрогал вас, это от тогдашнего состояния вашего духа — временного. Мира вам желаю!

Да и во всякое время в тревожном состоянии ничего предпринимать не должно, ибо это состояние неразумное, тем паче — предпринимать что-либо решительное. Умиритесь!

71

Бог в помощь! Играть в карты и ездить в театр не следует. Что говорят, то поговорят и перестанут, а потом и бросят вас. Если сделаете так, то и к вам с картами поедут и непрестанно будут зазывать вас в театр. Лукавый многое повергнет тогда к вашим услугам, только бы голову разбить вам. Так не следует. Откажитесь! Ведь это будет разлад с собою. Почему не сказать всякому: «Я действую по убеждению. Карты вещь пустая; театр — вредная. Христианину и то и другое неприлично. Так убеждена, так и действую; а вы как хотите!» И пусть себе идут своею дорогою. Ну, если вы так сделаете, будет срам и стыд.

72

Благослови вас Господи потрудиться; только с умом надо. Помышление, будто надобно где-

нибудь бывать вам и будто нужно, чтоб кто-нибудь бывал у вас, не будет давать вам покоя. Потрудитесь так устроиться, чтобы неохотно выходить к кому и неохотно видеть кого у себя. У старцев пишется: пока есть охота **давать и брать**, не жди покоя. Эта фраза: **давать и брать**, обнимает все, всякого рода сношения с другими. Не вдруг-то можно достигнуть сего; но начало надо положить сейчас же. Сладость пребывания с Господом да дарствует вам Его благодать!

73

Спасайтесь! Благодарение Господу, что у вас мирно на душе и что так все стерпели. Храните всегда такой покой при неудовольствиях, в преданности в волю Божию, и не шевелитесь. Молитесь, чтоб с вами все было по Богу, и довольно.

Законом положите ничего не предпринимать в тревожном состоянии духа, равно и не говорить. Как ни благовидна бывает вспышка и как ни правым кажется то, что бы хотелось сказать и сделать в ту пору, все же в сие время душа не может соблюсти меры должной, тем более — чистоты, ибо сие состояние само по себе бывает всегда с примесью самости. Бог вам помощник!

74

Взяли ль вы в толк, что писано в статье: «Начало христианской жизни»? Тут программа целой жизни, хотя изображено только начало. Ибо, по простому закону, доброе начало — половина дела; а в христианстве доброе начало — все дело, ибо там семя будущего целого древа с листьями, цветами и плодами. Потому и начавшему не бесполезно просматривать сию статейку. К проповедям многие не благоволят. Напрасно. Проповедь, излившаяся из души, великое дело. Ищите и найдете!

75

Господа ради не забывайте прочитывать святого Златоустого, какая бы книжка его к вам ни попалась. Он писал просто, без приготовлений, так, как вещи зрелись его духом и мысли о том слагались в сердце. Многое у него с первого раза кажется ничтожным, но продолжайте далее и найдете сокровище, которому нет цены. Иные говорят, что святой Златоуст изображал порядок общей жизни христианской. Большею частью это верно, но не вообще. В каждой почти беседе найдутся изречения, изображающие сокровеннейшую жизнь духа. Сие и изучайте и держите то в сердце на случай беды и нужды.

76

Святой Макарий есть преддверие святого Исаака Сириянина. Когда мысль несобранная потеряет все пути вхождения во внутреннее святилище, развертывайте сию книгу и читайте. Как по ступеням, поведет она вас в царское жилище и представит светлому лику Царя.

Есть искусство различать помыслы. Ему научитесь здесь в тонко-частном распределении их по родам и по взаимном подчинении. Есть высшая сокровенная область духа. Здесь начато изображение ее в выразительных картинах. Хотите ли узнать корни греха, льстивые изменения страстей? — здесь узнаете.

77

Преподобный отче Исаакие! моли Бога о нас и молитвою твоею озари ум наш разумети высокие созерцания, коими преисполнены слова твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои; да, ею окривляемые, возможем свободно тещи путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути, и преодолевая врагов, вооружающихся на нас.

78

В Евангелии каждый день положено прочитывать одно зачало. Это урок Святой Церкви чадам своим. Надо изучать... Утром, когда душа свободна от сторонних впечатлений, с молитвою о вразумлении приникайте вниманием в сию таинницу судов Божиих и смотрите, что речет через сие мертвое будто слово выну живой Господь...

Есть люди, кои мысли, выбиваемые Словом Божиим из сердца, как искры выбиваются огнем из кремня, записывают на память, в той вере, что это суть наставления, предлагаемые Ангелом Хранителем. И действительно так. В час нужный такие мысли будут насущным хлебом для души. И тот, кто не опускает их, делает то же, что тот, кто забирает денежку про черный день. У одного старца были исписаны все стены такими мыслями. В монастыре святого Саввы близ Иерусалима есть много рукописных сборников отеческих изречений. Все они, можно сказать, такого происхождения. Вы уже знакомы с ними. Посмотрите, например, вторую статью Маргариты. Если б и не было надписи, вы могли бы догадаться, что все сии изречения родились в душе при чтении писаний отеческих,

откуда взяты иногда слово в слово, иногда выражены своею речью. В статье одиннадцатой, иерея Божия Леонтия, собраны мысли, возбуждаемые в душе при чтении слова Божия преимущественно. Так поступать ведь всякому можно. За чем же дело? Положить только правилом надо, и пойдет.

79*

У всех ли истинно христианская жизнь начинается таким болезненным переломом, как изображено в «Борьбе со грехом»? И неужели, кто не испытал такого перелома, еще не начинал жить по-христиански?

Нет, не у всех. Те, кои сохранили благодать крещения во всей чистоте, не испытывают такого перелома. Но и для них должен быть ведом момент, когда они сознательно начинают христианскую жизнь. Это именно тот момент, когда они сознательно начинают считать для себя обязательным тот чин жизни, в котором они из детства пребывали по повелению воспитателей, по подражанию и навыку. При сем не может быть никогда болезненного перелома потому, что, дошедши до убеждения, что им

* Отселе начинаются ответы на предложенные недоумения.

для блага своего необходимо быть христианами, и решившись на сие, они находят уже подготовленным и вне и внутри себя все, что требуется к тому, чтобы жить по-христиански; то есть их понятия, чувства и расположения, а равно и внешний порядок жизни, нрав и правила все и дотоле образовались по духу Христову. Ничего нового у них при сем не прибавляется, кроме того, что с сей поры они по сознанию долга начинают делать все, что дотоле делали по обычаю и подражанию. Блаженны сии души! Но как они редки! Большею частию люди, пришедши к мысли, что надобно спастись, находят в себе и в порядке своей жизни очень много такого, что ведет не ко спасению, а к пагубе, то есть или понятия неправые, или чувства и расположения недобрые, или привычки страстные, или связи скверные, и прочее и прочее. Таковым, при решимости жить по-христиански, нельзя миновать болезненного перелома потому, что нельзя им не чувствовать гнева Божия, за произвольное оскорбление Его величия, и потому, что им надобно отрывать сердце свое от того, чем оно услаждалось дотоле, и склонять к тому, что совсем ему кажется неприятным. Чем более кто имеет страстных привычек и чувств и чем

долее он жил в них, тем более болезненности и трудности встречает душа при обращении к Богу. В «Борьбе со грехом» изображено обращение большого грешника.

Есть еще третий класс людей, которые по внешнему порядку жизни совершенные христиане, а внутри у них не знать — что. Таковые не думают, что надо им что-либо переменять в себе, и остаются так. Между тем состояние их плохо. Это девы юродивые! Снаружи и у них тоже светильники, как следует быть, но внутри пусто: ни масла, ни светильни. Боже, избави от сего! Вот и эти, не испытав болезненного перелома, считают себя в ряду христиан, Богу угождающих! Но с первыми у них большая разница. Те имели и помнят момент, когда сознательно возложили на себя благое иго Христово, или сочли обязательным для себя то, что прежде содержали по навыку, и ради знаменательности сего времени в их жизни, и ради того особенно блаженного состояния, какое испытывает тогда душа. А сии не имели сего и не помнят, но как привыкли жить, так и живут по привычке. И это бы еще ничего; но то беда, что, остановившись на одной внешней форме спасительного христианского жития, они не входят внутрь посмотреть, что в сердце и уме, и

позволяют там произрастать всякого рода нечистотам и непотребствам; они как бы застывают вовне. Но главное: считая себя праведными, всех других ставят в ряд грешников, особенно тех, кои не отдают должной справедливости их святости; оттого подозрительность и пересуды, пересыпаемые самовосхвалением, составляют главный их недуг. Боже, избави попасть в сию колею!

80

Если благодать начинает и без нее ничего сделать над собою нельзя, то что и заботиться? Живи, как хочешь, пока придет возбудительная сила. Да разве, если кто сам вздумает искать и начнет искать и искать, не сжалится над ним и не подаст благодати Своей сему просящему Тот, Кто сказал: просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толщьте, и отверзется вам (Мф. 7:7)? Но если сие так, то как же благодать не приходит с усмотрением?

Надобно строго различать две вещи: простое помышление о том, что надобно спасать свою душу или исправлять свою жизнь, и самое начатие дела спасения и самоисправления. До первого еще возможно и самому собою до-

ходить, потому что слово о сем рассеяно всюду окрест нас. Чтение книг и слушание речей спасительных, встреча с человеком, ревнующим о спасении, взор на священные вещи, простая надпись книги и много другого могут наводить на мысль о спасении, заставить даже довольно серьезно подумать о том и речи заводить о самоисправлении. Но все сие не то, что приступ к делу. Пока не пришла благодать — возбудительница от сна греховного, то, как бы сладко и широко ни разглагольствовала душа сама с собою и с другим, коль скоро коснется до самого дела, она сей час отступит назад, ибо связана по рукам и ногам. Она походит на ленивца, который сидит на покойном месте. Охотно и сам с собою рассуждает он и другим говорит, что то и то ему необходимо надо сделать; но, коль скоро до движения, все отлагает до другого времени. Такова и душа одна. Кто ж, видя в себе грех или страсть какую злую, и зная, что она погубит его, не подумает, что надо наконец отстать от ней? Но то беда, что силы недостает, руки опускаются и ноги подламываются. Что же делать? Да вопиет душа всею силою ко Господу, яко да через благодать Духа своего достойну сотворит свободитися от страстей», — говорит Макарий

Великий.* И дома молиться, и в церковь ходить, и всех освяtitельных действий не чуждаться, читать и беседовать, словом, держать себя под осенением благодатных орудий, не канет ли откуда-нибудь искра Божия и не зажжет ли в сердце ревности все подающей, крепкой и мощной свидетельницы о присещении Божией благодати... Видя такой труд и вопияние души, Господь сжалится над душою и пошлет ей благодать. Только в какой час, в каком месте и при каком действии, сказать сего никто не может. Приходит не с усмотрением... почти всегда не тогда и не там, где и когда чают. Видите ли теперь, чего нельзя самому-то сделать! Посмотрите в «Борьбе со грехом» (см. Поучения). Там эти две вещи, кажется, достаточно очерчены.

Одного можно бы бояться: не забыла бы кого Божия благодать! Но это напрасное беспокойство! Мы, можно сказать, облиты ею... Ни от кого не отступает она до самого гроба: все тревожит и будит... Расскажу вам видение одного старца. Видел он поле широкое-широкое. По нему ходило множество людей разного рода. Ходили они по грязи, иной по колено и более,

* Слово 6. О любви, гл. 16.

а думали, что ходят по цветам, сами были в лохмотьях, испачканные и уродливые, а думали, что они красавцы и в нарядах. Ни одного из них не было покойного, все в тревоге и хлопотах, в ладах или спорах и ссорах друг с другом... К востоку от них лежала поляна несколько возвышенная, покрытая травой и цветами, а им казавшаяся сухой, песчаною и каменистою. За сею поляною поднималась гора, прерываемая хребтами в разных направлениях, все выше и выше... Из-за горы виднелся необыкновенной красоты свет, ослепляющий и слепые очи открывающий. Лучи от сего света шли во множестве в шумную толпу, блуждавшую по грязному полю. В каждую голову упирал свой луч. Что же люди? Смотреть на свет из-за горы самим им и в голову не приходило. А что касается до лучей, то одни совсем не чуяли прикосновения их; иные, почувствовав беспокойный удар их, потирали только себе голову и, не поднимая головы, продолжали делать, что делали; иные поднимали голову и обращали взор назад, но тотчас опять закрывали очи и возвращались на прежнее. Некоторые, устремив очи свои по направлению луча, долго стояли в наблюдательном рассматривании света и любовались красотою его; но все стояли неподвиж-

но на одном месте и, наконец, то от утомления, то будучи столкнуты другими, опять начинали шагать по той же дороге, по которой шли прежде. Редкие-редкие, покоряясь возбуждению луча и указанию его, оставляли все, направляли шаги к цветистой поляне и шли потом все далее и далее к горе и по горе к свету, осиявшему их из-за горы. Смысл видения понятен сам собою!.. Видите ли, что никого не оставляет возбуждающая благодать; только сами люди пусть не упорничают.

81

Как различить, что есть действие благодати и что собственное желание пребывать в добре?

Нет нужды и различать. Жизнь истинно христианская устроится взаимно — благодатию и своим желанием и свободой, так что благодать, без свободного склонения воли, ничего не сделает с нами, ни свое желание, без укрепления благодатию, не можем иметь ни в чем успеха. Обе они сходятся в одном деле устройства христианского жития; а что в каждом деле принадлежит благодати и что своему желанию, это до тонкости различить трудно, да и нужды нет. Ведайте, что благодать никогда не

насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том. Господь близ! Молитесь! Есть жизнь безблагодатная, похожая на благодатную. Различие их — во внутреннем настроении сердца и крепости нравственной. Где та или другая, распознает одно око Божие. А нам на себя смотреть должно и болезненно ко Господу взывать: **о Господи, спаси же, о Господи, благопоспеши же!**.. Пустое любопытство лучше прочь гнать.

82

У вас написано: иной сам собою начинает отсекаать пороки, но продолжает несколько труд сей и оставляет его опять. Это исправление самодельное, без внутреннего духа жизни. Как же это? Ужели неправда у Бога? Все же человек желал и трудился. Зачем же оставляется без поддержки?

Не беспокойтесь! Господь никого не обидит. Стакан воды не забывается, а не только большой труд. Лишь бы то, что делается, делается было для Него и Ему посвящается сердцем. А то часто бывает так, что на вид делается будто дело Божие, а в существе это

совсем другое. Сколько лукавства скрывается в развращенной воле человека! И кто в силах разгадать все его уклонения и распутия! Расскажу вам один случай, бывший в Москве в 1812 году, как мне рассказывали. Был в Москве один благочестивый человек, постник, богомолец, милостивец. Все его чтили и все были уверены в твердости его добродетели. Но когда русские оставили Москву и, по вступлении в нее французов, все наши порядки там расстроились и всякому было возможно жить, как хочет, то сей человек, оставшийся в Москве по каким-то причинам, предался пьянству и нечистой жизни с такою неудержимостью и бесстыдством, какие редко встречали у постоянных грешников. Единому Господу известно, что сие значит! Но я не в осуждение сему человеку (ибо многи козни у врага, и велики немощи наши), а только в пояснение той мысли, какую намерен предложить вам, вот что думаю. Могло случиться, что в сердце он всегда имел позыв на такие дела и никогда сердцем не отрицался от них. Внешняя обстановка, в какой он находился прежде, удерживала его в исправном поведении. Но когда сей преграды не стало, тогда скрывавшиеся

в сердце расположения выступили наружу и явили себя в соответственных делах. Сколько, может быть, есть на свете такого рода лиц! До времени все исправно, а потом все падает и является никуда негодим. Почему? Потому, что все делалось по внешним причинам, и с устранением их прекратились самые дела. У кого есть такой порядок жизни, сего никто, кроме Господа, не ведает. Всякий сам про себя разумеет, не на таком ли непрочном основании строится его исправное поведение? Но если у кого есть такого рода исправность и она потом падет, какой урон от сего благодати, когда здесь ничего не было сделано для Господа, и какая вина на пути спасенном, когда он совсем не имелся при сем в виду?

83

Что значит: стеснить область греховных движений?

Это то же, что перестроить порядок своей внешней жизни и своих занятий по духу новой жизни. Когда человек бывает предан греху, тогда все силы души и все отправления тела работают сему греху, равно, образ домашней жизни и внешних отношений бывает пропитан

тем же духом. Теперь, если по обращении грешник не оставит прежних своих занятий и прежнего порядка жизни, то они легко увлекут его на старое. Надобно все перестроить и всюду ввести новые порядки. Так — глаз привык смотреть на то, что питало грех, ухо слышать то, что льстило страсти, и прочие чувства тоже были орудиями порочных склонностей. Теперь надо, наоборот, сделать их орудиями правды. Пусть глаз видит вместо дурных картин изображение Страшного суда, или какой образ... Пусть ухо слушает церковное пение вместо соблазнительных песней и прочего. Бывали тоже дружеские беседы, гулянья и прочее тому подобное... надо все то оставить и заменить другими способами взаимных отношений, например, хождением в церковь, беседами с людьми духовной жизни и прочее. Была привычка ложиться и вставать тогда-то, стол держать такой-то, потому что тогда другие были нужды. Теперь всему надо дать другое время и другое содержание... Прежде охотно читались такие и такие книги. Теперь надо бросить их и взять в руки Слово Божие и писания отеческие... Таким образом надо пройти по всему своему поведению и всем занятиям и везде положить правило делать то, чего требует дух новой жизни. Что пластырь на

раны, то такого рода новые занятия для души, израненной грехами и ищущей врачевания!.. Кто, оставаясь в прежних порядках, хочет очиститься от страстей, тот напрасною льстит себя надеждою. Отчего Мария Египетская не воротилась в Египет, чтоб поселиться в пустынях тамошних, а ушла в пустыню за-Иорданскую? Оттого, что прежде, чем дошла бы она до пустыни Египетской, должна была бы встретиться с прежними предметами и едва ли устояла бы против имевших произойти от того возбуждений греха... Так надо поступить и всякому. Положив доброе намерение исправиться, надо отбросить все прежнее и назначить себе новые порядки и правила. Этим порочные склонности и страсти стесняются или ложатся как бы под гнет.

84

Написано у вас: два бдительных стража должен иметь воин Христов: трезвение и благорассмотрение. Трезвение — понятно, Но относительно благорассмотрения, — как узнать, что встретится в продолжении дня, и какие потому движения могут породиться в душе в продолжении дня, при разных встречах?

Всего, конечно, предугадать нельзя, но многое можно предвидеть, особенно тем, у которых дела дня идут более или менее определенным порядком. Идучи в какой-либо дом, можно наперед представлять, кого там придется встретить, о чем может быть речь и прочее, и потому, наверное полагать, тщеславие, или гнев, или другая какая страсть будет там возбуждаема, и вследствие этого готовиться к отпору. Пусть ничто предполагавшееся и не встретится; и одно предположение нападения будет держать душу в бдительной осторожности, а это много значит. Иной может подумать, что тогда и придумает, как поступить, когда встретится то или другое. Конечно, так: но может случиться и то, что прежде, чем возьмется за соображение, сердце уже загорится страстию, и одолеть ее, может быть, уже не будет возможности. Последнее обстоятельство более всего и делает необходимым предварительное приготовление себя ко встрече разного рода случаев. Много испытавшие и во многих случаях оставшиеся победителями легко выдерживают себя, что бы ни встретилось, потому что по многоопытности они на все готовы; а начинающим лучше приготовляться наперед. Для встречи непредвиденных случаев, выходящих из круга

обычных дел, хорошо упражняться в намеренной мысленной брани. Именно при спокойном состоянии души представлять себя под влиянием тех или других чувств и сердечных движений и тут же соображать, какой дать им отпор, или как поворотить душу на добрый лад. Например, в таком-то случае может подняться гнев от речей, взора, суждений и прочего. Его укрощать надо такими и такими представлениями. Там-то может возбудиться зависть; ее прогнать надо так и так... и так далее. Если провесть сквозь такого рода упражнения все неправые чувства и движения, то едва ли какая вспышка страсти может застать нас врасплох или неготовыми. Упражнение такого рода приучает душу к изворотливости, или к сгибам, противоположным порочным наклонностям сердца, так что, приобретши к сему навык, можно без особенных затруднений переходить из страстного состояния в бесстрастное. А в этом и победа или избегание брани.

85

Когда именно надо действовать наступательно и когда оборонительно?

Опыт научит. Иным лучше действовать первым, другим — последним способом или то

тем, то другим. Но вообще известно, что на первых порах лучше действовать оборонительно или убегательно... то есть когда придет искусительная мысль или какое недоброе чувство, не браться прибирать мысли или действия, коими можно прогнать их, а, отстранив от них внимание, обратиться ко Господу и, прилепив к Нему взор ума, умолять Его усердно избавить от нападших врагов, подобно тому, как бессильные дети при виде какой-либо опасности от людей или зверей не вступают в бой с ними, а с криком бегут к отцу или матери, надеясь, что они избавят их от беды. Иные во всю жизнь остаются с одним этим орудием. Вы, кажется, знаете о сем из глав Исихия пресвитера. Если забыли, прочитайте снова. Держитесь сего последнего и никогда не будете в проигрыше.

86

Что значит, что во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее?

Кажется, это очень понятно и не требует объяснений. Возжелавшая чистоты и тем более вкусившая уже сладости внутреннего покоя душа не может не досадовать, когда воз-

буждаются нечистые страсти или чем-нибудь нарушается внутренний покой. Она недовольна бывает тогда собою и гневается на причину неприятного состояния своего. Желая оградить себя на будущее время от подобного случая, конечно, должно положить на себя известные правила, в отвращение причин его. Но делать сие, в сем состоянии недовольства, досады и гнева на себя, не должно; ибо гнев меры не знает и побудит нас наложить на себя такие строгие правила, каких исполнить в точности мы будем не в состоянии и, следовательно, должны будем изменить их. А это изменение есть новое поражение — не безвредное. Поясним это простым примером. Вы проспали лишний час; от того чувствуете расслабление, и холодность, и неустойчивость мыслей. Вам досадно это тем более, что вы проспали час молитвы, или какую-либо церковную службу. Причиною излишнего сна было то, что вы приняли пищи больше против обыкновенного, а это от того, что перед столом кто-то приходил и развлекал ваше внимание, после чего вы кушали, сколько хотели, в рассеянности. Разобрав все сие, в досаде вы полагаете: никого не принимать, к столу подавать одно кушанье, или назначаете сухоядение, спать не на постели, а

сидя в креслах... Отданы приказы, и постель вынесена. На следующий день кто-то приходил, и отказано. Вам рассказывают, что это такой-то или такая-то, лицо нужное, с которым непременно надо было видеться. Досадно, но не воротишь. Пришел час садиться за стол. Покушали. Чувствуете, что очень скудно, и жалеете, что кухарка не нарушила вашей воли и не приготовила лишнего блюда... Наконец, надо спать... Садитесь в кресла... дремлете, но не спите... так проходит долго... Заснули наконец, но скоро проснулись. До рассвета еще далеко, но не спится, хотя нужно бы соснуть еще. Так час-другой. Надобно ж и вставать. Встааете... в голове мутно, поясница болит, ноги едва ходят, руки не служат. Вам кажется, что вы больны. Приказываете принести постель и, заказав вкусный обед, ложитесь спать. Наспавшись вдоволь, обедаете сытно в поздний час; вечером принимаете всех и не наговоритесь, о чем ни попало. Вот до чего дошло! А причина в чем? В том, что не вовремя начали себя предостерегать от падений.

Все статьи, присланные вами, содержат наставления почти исключительно мона-

шеские. К мирянам они нейдут. Передаю вам мнение лиц, которым мне приходилось прочитывать некоторые из сих статей.

Напрасно так думают. По-моему, наставления те могут идти ко всякому ревнующему о спасении. Сия ревность научит их, как воспользоваться всем, как даже прямо монашеские правила применить к себе. А у кого нет сей заботы, к тому никакое назидательное писание нейдет. Говорят: сердце сердцу весть подает. Те, кои давали наставления, давали их от души, так как они сложились у них в сердце собственным рассуждением и опытом. Это отзвук их сердечного настроения. Общий же дух, воодушевлявший их и все расположения их, был дух ревности о спасении себя и всякого человека. Тот же дух отражается и в слове их и проникает всякое их писание. Теперь всякий ревнующий о спасении, читая их наставления, сквозь внешнюю букву пройдет до духа их и, по духу ревности, его снедающей, войдет в подобонастроение с писавшими их и в сочувствие ко всем расположениям, которые исполняли сердце их, от него проникли в писания их и составляют главное почти содержание их. Расположения же ищущих спасения, или те расположения, с коими неизбежно освоиться на пути к

спасению, одинаковы у всех, монах ли кто или не монах. Разница только во внешних делах, коими выражаются сии расположения. Вот почему полагаю, что всякое наставление, составленное отшельником и для отшельников, есть сладостное духовное брашно и для всякого ревнителя о спасении. Там найдет он нужное себе и сумеет приложить то к своему быту, если назначены для выражения его дела, несовместные с порядком его жизни.

Монахи-то ведь христиане, и вступающие в монашество не о другом чем заботятся и поднимают труды, как о том, чтобы быть истинными христианами. И миряне тоже христиане и должны ревновать о том, чтобы быть истинными христианами. Стало быть, монахи с мирянами сходятся в главном деле. Как же теперь наставления монахам могут не идти к мирянам? Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений и духа. Последние должны быть одинаковы у всех, ибо *един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4:5). И вот почему добрые миряне, ревнующие о спасении души, читать не начитаются аскетических отеческих писаний Макария Великого, Исаака Сирианина,

Лествичника, святого Дорофея, Ефрема Сирианянина, Добротолюбия и прочего. А о тех, кои чуждаются наставлений, что в статейках, сами видите, что надо сказать: «Духа Христова не имеют». Жестоко слово сие, да что делать-то!

Пусть сами рассудят... О чем пишется в тех статьях? О том, как победить страсти, как очищать сердце, как насаждать в нем добрые расположения, как молиться и преуспевать в молитве, как благоустраивать свои мысли и хранить постоянно внимание свое нерассеянным и прочее. А это разве не должно быть предметом заботы всякого христианина? Разве не даны о всем этом заповеди Господом и апостолами? Так Господь говорит: *бдите и молитесь* (Мф. 26:41); *бдите, на всяко время молящися* (Лк. 21:36). Это заповедь о внимании к себе, одном из главных подвигов духовных, который иначе именуется также трезвением, со слов апостола, который говорит: *трезвитесь и бодрствуйте* (1 Пет. 5:8). Но чтоб кто не подумал, что это обязательно только для одних апостолов или только для христиан совершенных, подобно им, Господь присовокупил: *а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите* (Мк. 13:37). По какому же это праву все наставления о внимании,

трезвении и бодрствовании духовном — преимущественный предмет писаний аскетических и статей, вам пересланных, будем мы почитать относящимися только к монахам, а не к мирянам! По сему судите и о прочем.

Так, когда говорится, что *узкая врата, и тесный путь ведут в живот* (Мф. 7:14), то дается знать, что они узки и тесны не для одних монахов, а для всех вообще, заботящихся о том, чтоб внити в живот, и что, следовательно, широко живущим не будет там места, монахи ли они или миряне. Пишется также, что подвизающийся *от всех воздержится* (1 Кор. 9:25), что надо *умертвить уды, сущие на земли* (ср.: Кол. 3:5), надо *вышних искать, горняя мудрствовать, а не земная* (ср.: Кол. 3: 1–2), *непрестанно молиться* (ср.: 1 Сол. 5:17) и сделать, чтоб *живот наш сокровен был со Христом в Боге* (ср.: Кол. 3: 3), и тем вменяются в обязанность всем без изъятия подвижничество, умерщвление плоти, отрешение от всего земного, непрестанная молитва, исчезновение в Боге. Но об этом только и говорится в монашеских статьях!

Вот сейчас и слышится: к сим кто доволен? Кто про то не знает и кто того не говорит? Но не о том у нас речь. Ведь не закон Божий надо подклонять под наши склонности, именуемые

обычно немощами, а нашу выю под иго святого и неизменного закона Божия! Не ведомо разве, что Господь, щедрый и милостивый, как ига не налагает выше сил, так и поблажки никакой не допускает? Так что об этом и говорить! Разве не принадлежат ли ваши возражатели к числу тех, кои обычно говорят: «Разве я духовный, разве я монах?» или: «Ведь я мирянин», отговариваясь тем от строгого исполнения евангельских заповедей? Но понимают ли они как следует, что говорят? Отговариваясь не только исполнять некоторые правила, но и слушать об них, по своему качеству мирян, не причисляют ли они себя к области мира, противоположного Евангелию? А это страшно. Мир есть область пагубы. О христианах говорит Господь в лице апостолов: *аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: но якоже от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир* (Ин. 15:19). Так, истинные христиане, хотя и миряне, не принадлежат к этой страшной области христоненавистного и Богом отверженного мира и не считают для себя чуждым ни единого слова, исшедшего из уст Господа Иисуса Христа и святых Его апостолов, не чуждаются никакого учения, содержимого Святою Православ-

ною Церковию, не брезгают им и не уклоняются от него.

Но довольно о сем. Горько, что подобный образ мыслей все более и более распространяется. Истине Божией от этого, конечно, беды никакой нет. Она останется вовек неизменною; но то горько, что удаляющие себя от нее погибнут. Они походят на тех, кои ударом кулака хотят притупить лезвие острого меча. Будет ли успех? Нет. Меч слова Божия несокрушим. И трудно нам противу рожна прати.

88

Да вот что еще беспрестанно говорят у нас: «Господь, сотворив человека, ввел его в рай и наделил всем, чтоб наслаждался вдоволь. По падении хотя человек и был изгнан из рая, но способность наслаждаться и способы к наслаждениям оставлены ему: цветы — услада обоняния, плоды — вкуса, звездное небо — зрения, пение птиц — слуха; далее, по сим мотивам человек изобрел музыку. Да и все в природе говорит о благодати Мироздателя! Но являются люди, которые, вопреки благой воле Его, все хотят стеснить и всему положить преграды. Они насилуют природу и представляют Бога не тем, что Он есть!»

Так вот оно куда пошло! А я, написавши вам прошлый раз о том, что не следует отказываться от строгостей монашеских и мирянам, если они не хотят быть настоящими христианами, думал, что всех уже убедил и все недоумения порешил. Какая тут путаница понятий! Да вы-то что ж стали в тупик, будто уж на их стороне и правда! Сказали бы им: ну, и гуляйте, други! отворяйте настежь все ворота утех и наслаждений! И ликуйте на пиру жизненном... Никто вас не стесняет и никаких преград вам не полагает! Живите, как хотите. Вам только говорят словом Господним, что есть два пути, коими ходят сыны человеческие — путь тесный и путь широкий, и что первый ведет в живот, а последний ведет в пагубу. Не угодно ли самим прочесть, как сказано о сем в Евангелии: *Внидите узкими вратами*, говорит Господь, *яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им; что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7: 13–14)! Хотите послушать, послушайте, а не хотите, как хотите... Ведь это не человеческая выдумка, а заповедь Господня. Да еще как! *Подвизайтесь внити сквозе тесная врата*, говорит Господь в другой раз: *яко мнози, глаголю*

вам, *взыщут внити, и не возмогут* (Лк. 13:24). Подвизайтесь... то есть спешите, как бы наперегонки, споря с другими за сей путь тесный и узкие врата, добиваясь их наперекор другим, отбивая его у других: пустите меня, пустите меня! Как бы опасаясь, чтобы не затворились эти двери... А почему это так, не наше дело рассуждать! Так Господь повелел, вот и все!.. Да и какой Господь?! Такой, Который для спасения нашего Сам впереди нас прошел по сему тесному пути и, после всесторонних страданий, со Креста предал дух Свой Господу, сказав распятому же разбойнику: *днесь со мною будеши в раи* (Лк. 23:43). Ведь Он Спаситель наш!.. И все хотящие быть спасенными должны идти вслед Его... Идти же вслед Его иначе нельзя, как со крестом: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8:34). И вот все возжелавшие спасения потекли вслед Его тесным и прискорбным путем: апостолы, мученики, святители, преподобные и все спасенные, населяющие теперь град Божий, Иерусалим небесный. Ну, что ж делать-то! Верно, нельзя спастись иначе, когда между спасенными нет ни одного, который бы достиг места вечного упокоения не тесным путем. Не лучше ли покориться сей

необходимости, хоть она и не так сладка? Вечно-то мучиться ведь хуже. Уж как-нибудь пусть понудят себя желающие спасения, не отговариваясь. Трудно, да что ж делать! Затем ведь жизнь такая и называется подвигом, как говорит о себе апостол: *подвигом добрым подвизахся* (2 Тим. 4:7). А те, кои не хотят, как хотят... Только пусть ведают, что разные стеснения не суть выдумка человеческая, а заповедь Божия.

Можно бы приложить какое-нибудь пояснение, почему то или другое стеснение нужно... почему, например, нужен пост, уединение, молитвенный труд и прочее. Но оставляю сие... Идущие путем спасительным знают, как сие и другое все необходимо, а удаляющимся от него хоть не говори! Что до прописанных вами кривотолкований, то, чай, я вам об этом уже писал. В рай, точно, много было предметов, могущих доставлять удовольствие человеку, но оные составляли прикрасу жизни райской внешнюю, стороннюю, а не цель человека. Цель была другая; пребывание в общении с Богом через свободное исполнение воли Божией. Если б рай остался навсегда жилищем человека, то все люди, точно, наслаждались бы и внешне, но никто и думать бы не думал и забо-

ты никакой не имел бы о том: это была бы неизбежная тень богоугодной жизни. Так видите, и в раю не толковали бы и не хлопотали бы об удовольствиях; а у нас, потерявши рай, хотят поставить наслаждение главною целию жизни. Ведь если б наслаждения законно могли быть уделом падшего человечества, не стал бы Господь изгонять из рая падших прародителей. А когда изгнал, то тем показал, что утешная жизнь не к лицу падшему. Ведь падением изменился весь порядок! К жизни человека прибавлен краткий срок настоящей жизни, полной скорбей и бед, с целию вразумлять, исправлять и очищать человека, чтоб соделывать его достойным наслаждаться вечно в другом, вечном раю. Истинная жизнь человека за гробом или, вернее, по воскресении, а настоящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней. В порядок ее и вложены Господом разные скорби и беды внешние и предписаны для нее разные стеснительные правила, как меры очищения. Мучеников когтями железными строгали и тем приготавливали их в рай. Это образ настоящей жизни человека, в коей всякий очистительными теснотами, как бы строганиями, приготавливается к блаженной вечности! Отсюда вот что следует: дайте чело-

веку хорошо понять и приложить к сердцу мысль, как коротка настоящая жизнь и как много плода от ее теснот и узкостей для жизни будущей — нескончаемой, и он не только не станет чуждаться их, напротив, будет просить их и домогаться, как какого блага. Так и делают все, надлежащим образом понимающие значение настоящей жизни...

Из того, что и по изгнании из рая оставлены еще некоторые приятные предметы, коими можно наслаждаться, не следует, что уж никакое стеснение неуместно в порядке настоящей жизни. В объяснение на это припомнились мне слова дорогого нашего наставника Я. К. Амфиатрова. Случилось мне ходить с ним по роще. Я будто мимоходом спросил: «Зачем это есть такие неровности между предметами природы и воздушными явлениями, и неровности неприятные. Вот приятный цвет, а сбоку крапива или дурман... и на небе то светло, то пасмурно?» — «Экой ты чудак! — отвечал он. — Эти неровности — великое дело в экономии промысла Божия о нашем спасении. Милосердый Бог говорит тебе сим: следовало бы, чтобы пот никогда не стирался с лица твоего, изможденного и утомленного, но Я даю тебе иногда вкусить радость жизни, позволяю про-

светлиться очам твоим, открыту быть челу твоему и являться улыбке на устах твоих, чтоб не потерял ты надежды и не пал в отчаяние; следовало бы, чтоб земля только терния и волчцы произращала тебе, но вот Я повелеваю иногда земле давать тебе все обильно в наслаждение, чтоб ты не потерял уверенности, что есть еще возможность возвратить потерянное блаженство; следовало бы в воздухе над главою твоею и вокруг тебя быть только бурям с громами и молниями, но вот ты нередко видишь ясное солнце с приятною прохладой утра и с восхитительною тишиною вечера, чтоб ты помнил, что небо не совсем заключено для тебя, что объятия Мои простерты к тебе и Я готов принять тебя в небесные обители».

Так вот зачем оставлены и вне рая некоторые приятности в природе, а не затем, чтоб из сих крупниц составлять веселый пир на всю жизнь, или из сих обломков строить на земле храм счастья! А наши утешники и удовольственники иначе все это понимают. По их мнению, всякое стеснение и всякая преграда утехам есть насилие природе человека и противно воле Божией. Что воле Божией оно не противно, я сказал вначале, ибо Господь заповедал идти тесным путем, а что в этом нет стес-

нения природе человека, уразумеее из следующего. Когда человек пал, то не только стал ниже своего назначения, но и принял в себя некоторые чуждые его природе начала, как бы семена всякого исходящего зла. Стало быть, в человеке падшем надо различать то, что свойственно его природе, от того, что несвойственно ей, хотя тоже есть в человеке. Все стеснительные правила и меры, предписываемые и устрояемые Господом, направляются исключительно против сих пришлых злых семян, чтоб подавить их, заглушить и тем дать свободу истинной человеческой природе.

Так, стеснение — не насилие природы, а благодетельное пособие ей. Они то же, что операция для отрезания вредного члена, или пластырь, вытягивающий вредную материю. Природа наша в плену. Господь стеснением пленивших хочет высвободить ее, а мы кричим: не трогай, не тесни! и таким образом, вместо того, чтоб за себя стоять, наветуем на себя. Утешники-то ведь жалкие люди — пропащие! Не то, чтоб уж никакое утешение не было уместно в жизни; да приемлем все с благодарением от руки Господней; но то, что гоняться за ними не следует, тем менее поставлять их главной целию жизни и еще менее восставать про-

тив всякого стеснительного предписания, и знать не хотя того, что оно предписано Самим Господом. В последнем, кроме непонимания дела, видно даже богоборство. Вот оно куда зашло, дело-то! А они все легко думают. Да теперь пока еще ничего. Что на том свете будет?! Будет же там теснота и, против воли, теснота горькая и безотрадная, ибо бесполезная. Господи, помилуй и спаси нас!

89

Как много толков о посте, как восстают на него и говорят: «Почему же пост и — такой строгий, когда Господь Сам говорит, что не входящее в человека сквернит, но исходящее из сердца (см.: Мф. 15:11), и апостол учит: *не ядый ядущаго да не осуждает* (ср.: Рим. 14:3), и святой Златоуст в день Святой Пасхи призывает к веселию всех, и постившихся и не постившихся?»

Думаю, что после того, что писал прежде, настоящее мудрование не затрудняет уже вас. Бедный пост! Сколько он терпит укоров, наветов, гонений! Но вот все, по милости Божией, стоит. Да и как иначе-то? Подпора крепка! Господь постился. Апостолы постились, и при том — не мало, но как говорит о себе апостол Павел: *в пощених многаши* (2 Кор. 11:27); и

все святые Божии держали строгий пост, так что если б дано было нам обозреть обители райские, мы не нашли бы там ни одного, кто бы чуждался поста. Так и следует. Нарушением поста потерян рай, — подъятие строгого поста должно стоять в числе средств к возвращению потерянного рая. Мать наша, Святая Церковь, сердобольная, разве мачеха нам? Стала ли бы она налагать на нас такое бремя тяжкое и ненужное? А вот налагает! Верно, нельзя иначе. Покоримся же... Да и все, хотящие спастися, покоряются... Посмотрите вокруг. Мало-мальски у кого западет забота о душе, сейчас начинает поститься, и, чем сильнее у него забота, тем строже он постится. Отчего бы это? Оттого, что при посте успешнее идет дело и легче совладать с душою. Кто же отговаривается от поста, верно, тому не дорого спасение. Уж где чрево пишет законы, там Бог — чрево. Кому Бог — чрево, тот враг Креста Христова. Кто враг Креста, тот враг Христа, Спасителя нашего и Бога. Вы вот как вперед поступайте: когда кто станет восставать на какое-нибудь подвижничество Божие, начинайте его спрашивать, какое же принимает он кроме этого отвергаемого? например, кто пост отвергает, спросите: ну, а в Церковь нужно ли ходить?

нужно ли домашнее держать молитвенное правило? нужно ли исповедаться? и прочее... и уж наверно найдете, что он откажется от всего. И ясно будет вам, что не о посте у него толк, а о всякой вообще тесноте... Ему хочется жить широко... Ну, и пусть живет! Только уже непременно прочитайте ему определение суда Божия на широкий путь! Это долг всякого, ведущего сие определение! Ведь, когда все расспросите, окажется, что такого рода мудрец совсем другой будто веры. И скажите ему то; скажите, что у тебя, брат, другой бог, другие законы, другие надежды!.. А у нас Бог — Господь Иисус Христос постившийся, мать у нас — Святая Церковь, уставами требующая поста. Споручники наши — святые апостолы, пастыри и учителя вселенная, все постники и законоположники поста! Так нам иначе нельзя. А ты себе иди своею дорогою. Не думаете ли вы убедить таких?.. Куда нам? Лоб у них медян и выяз железа! Что вы с ними сделаете? Не думайте, что у них есть резоны какие основательные. Нет. У них только упорство сильно. Вот те кривотолкования, что вы слышали, верно, считаются у них высокими идеями. А посмотрите, что тут есть? Говорят: не входящее в уста сквернит... Кто против это-

го спорит? Разве постящиеся воздерживаются от пищи потому, что боятся оскверниться ею? Помилуй Бог! Никто так не думает. А это хитрецы мирские сплетают ложь, чтоб как-нибудь прикрыть себя благовидностию. Нарушающие пост сквернят себя, только не пищею, а нарушением заповеди Божией, непокоривостию и упорством. И те, кои постятся, а не хранят сердца своего чистым, не считаются чистыми. Надобно то и другое: и пост телесный и пост душевный. Так в поучениях говорится, так и в Церкви поется. Кто не исполняет сего, не пост виноват! Зачем же от поста-то отказываться под сим предлогом? Спросить бы тех, кои не хотят поститься, хранят ли они свое сердце чистым? Дело невероятное! Если при посте и других подвигах едва-едва можно управляться с нашим любезным сердцем, то без поста — уж и говорить нечего. Помните, как один старец встретил молодого монаха, выходявшего из харчевни, и сказал ему: «Э, брат! не доброе дело сюда ходить!» Тот отвечал ему: «Поди! лишь бы сердце было чисто...» Тогда старец с изумлением сказал: «Сколько лет живу я в пустыне и пощусь, и молюсь, и редко куда выхожу, но еще не приобрел чистого сердца; а ты, юный, ходя по харчевням, успел при-

обрести чистое сердце. Диво!» Вот то же надо сказать и всякому, отказывающемуся от поста! А то, что там дальше говорится: *не ядый ядущаго да не осуждает*, ни к чему не ведет. Ведь это наставление! Поставляя себя в число постящихся, поблагодарим за совет, или напомним. Но непостящийся через это не освобождается от обязанности поститься и от ответственности за непощение. Кто осуждает непостящегося, тот грешит, но непостящийся через это не становится праведным. И не будем осуждать. Пусть всякий себе как знает. А за правило или закон поста стоять надо и не давать вольникам коварно сплестать ложь. Наконец, снисхождение Златоуста к непостившимся означает только доброту его сердца и желание, чтоб в Светлое Христово Воскресенье все радовались и не было печального лица ни одного. Таково желание святого отца, а сбывается ли оно на деле. Бог весть! Говорите больному: будь здоров, будь здоров... Поздоровится ли ему от сего? То же и там. Всех приглашают радоваться, а все ли истинно радуются? Совесть-то куда девать? Шум да гам не есть радость. Радость бывает на сердце, которое не всегда радуется при внешних увеселениях. Вот святой Златоуст, предполагая, что иного тре-

вожит совесть за непощение, сию самую тревогу принимает за раскаяние и епитимию и всех разрешает на радость и веселие... Так вот эта частичка сокрушающихся о непощении действительно вкусит духовного утешения, или умиления сердечного, а прочие едва ли! Да пусть и так; законность и обязательность поста для всех от этого нисколько не умаляется!

90

Спасайтесь! Смотрите, не попасть бы в беду. Захлопотались вы. Пора остепениться и стать в должный чин, а то расколыхаются все составы. Прочности не будет в делах.

Что вы о промыслении Божиим думали (движения ропота), за то подлежите епитимии. Как можно допускать такие мысли? Тут просто хула и — прямо Господу в глаза. Добро бы вы и аза в глаза не знали, другое дело; а то, кажется, уж и по складам разбираете, между тем такие нелепости пускаете в голову! Шутить ведь этим нельзя. Помышления о Боге — великое дело, ибо они все совершаются перед Его очами. Как тут легкомысленничать! Ну, а это что такое — N.N.? Доброго настроения сердца в ней не предполагаю. Когда навела мрак речами своими, значит, то, что было говорено, исходи-

ло не из хорошего источника. Бросьте ее... или ведите с нею речи, никогда не касаясь личности других. Что за скаредное занятие — пересуды сплетать? Вы же заготовьте себе булавку и всегда носите ее с собою. Как только и ваш язык начнет пересуды, колите его нещадно.

91

Спасайтесь! Ну, совсем, кажется, вы разорились! Или вас разволокли другие, или вы сами себя разбиваете. Пора сесть и усесться. Поспешите установить порядок и устроиться, да и конец делу. А тут подоспела к вам N.N. Начнет теперь собирать странников и странниц!

Спросите ее, разве есть спасение в том, чтоб липнуть к встречному и поперечному? И еще: может ли такое дело быть добрым, когда оно соединено с беспокойством других? Кто нужен, того Бог пошлет, а самим-то что навязываться? Настоящего странника или странницу не дозовешься, да и редко встретишь... Впрочем, у всякого свой склад ума и сердца. Все только надо приносить Богу в жертву.

Вот те хлопоты, что ныне предстоят вам, те позначительнее. Тут самостного ничего нет. Только надо, чтоб все шло законным порядком: не употреблять хитростей и задних обходов.

Устроит Господь, пусть так; не устроит, буди Его святая воля. Какая это там у вас прогрессистка! Она уверена, что действует по началам христианства. Пусть возьмет в толк, что по-христиански прогресс совсем другое дело, нежели, что она думает. Прогресс по духу мира — мечта. То несомненно, что всяк сад, его же не насади Отец Небесный, искоренится, и что тот, кто не во Христе, иссыхает, как ветвь, и бросаем бывает в огонь. Господи, помилуй нас! Сколько ложных призраков, увлекающих нас, вместо истины... Сколько тружеников и тружениц, водотолчением занятых! Да будет над ними воля Божия!

Благослови, Господи, всем нам пройти путь жизни в мире и взаимном утешении, назидая друг друга, а не разоряя.

92

Что это вы все оправдываетесь? Письмо ваше все о том. Верно, на вашу долю достались все брани и свары. Виноват! Другое дело, — так следует. Теперь вы, верно, уже поправились. Что ж, улеглась ли душа? Надо и пора немного успокоиться. Помогите вам Господи! Долго ли закостенеть? На ветре стоять худо. Укройте немного. Можно денек-другой и совсем нико-

го не принимать, чтоб только усесться. А между тем — то почитать, то помолиться да подумать. Вот и сойдет мир, как дождь на руно.

Вам Бог послал нового знакомого. Чувства его достойны уважения. Но заключение его, что, если исполненному необыкновенной доброты N.N. случится какая беда или горе, он усомнится тогда в промыслении Божиим, не верно; ибо нигде Бог не сказал, что добродетели вся награда здесь, на земле. Это было бы унижительно для самой добродетели. Неправду Бог попускает иногда здесь затем, чтоб возвысить терпящего в будущем веке.

Начали ли вы что-нибудь читать? Пора. Начните с Макария Великого и переходите к Исааку Сирианину или еще к кому. А так оставаться не должно. Задохнетесь, ибо без чтения душно, и душа голодает. Но, думаю, теперь наедине, верно, занимаетесь тем. Мира вам желаю.

93

Рад, что вы начинаете входить в свою колею. Поспешите. Да смотрите, не приголубивайте самомнительной мечтательности и не гоните прочь помышлений самоуничтожения. Это самая приличная нам одежда. Почаще бейте

душу свою, чтоб не вознеслась чем-либо, ибо нечем. Станьте-ка, да рассчитайте, что сделано и из сделанного выходит ли какой прок, или все мишура? Господи, помилуй! Все же одно; надо становиться когда-либо на суд, где все будет рассчитано, и слово, и дело, и взгляд, и мысль. Если будете делать сие, как должно, много встречать будете побуждений к плачу и сокрушению, а не к самомнению. Куда как многозначительно окружен человек такою обстановкою, которая возводит до рая и низводит до ада! И это всякий! Стало быть, ухо-то надо держать остро. Бдите на всякое время!

С вами с доверием беседует N.N. Учите его. Хитрости большой не нужно. Говорите ему истину просто, как содержите ее сердцем. Если начнет умствовать, скажите, чтоб шел к философам за умствованиями. В делах веры и спасения не философия требуется, а простое, покорное приятие преподанного. Пусть все молча принимает. Умишко надо под ноги стоптать, вот как на картине Михаил архангел топчет сатану. Михаил архангел, это — ум, покорный истине Божией, а сатана, это — ум возмутительный, суемудренный, от которого все революции и в семействах, и в Церкви... Пусть не думает, что в области веры нет философии...

нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная, утешительная и воодушевительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя взойти вдруг. Надо принимать истину за истинною чисто, как преподается, без суемудрия, и слагать их в сердце... Когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвою изощренное, узрит строй их и будет ими наслаждаться. Эта премудрость — от века сокровенная! Какие-нибудь бредни, например хоть Гегелевские, ведь слушают же с терпением до конца, хотя ничего не понимают в них. Пусть так поступит в отношении к истинам Божиим. Разница будет та, что здесь всякая истина понятна, а в конце воссияет в душе свет великий, которому нет подобного. А там и в продолжении, и в конце — все тьма пребезотрадная.

94

Вы опять рассеялись! Поостепенитесь; смотрите, хитры уловки врага... Замечайте, — первый шаг или удар его есть присвоение себе прав на льготы. Когда есть сие, надо все бросить и всех и, уединясь, осмотреть и стать в свой чин. При повседневных развлоках долго ли совсем ра-

стеряться? И не заметно, как можно рассеяться и остыть. После хватитесь, да трудно будет воротить. Вот видите, что у вас пошло: чтения **пустые** и с беседами **пустыми**... две вещи весьма злые! Смотрите, что читает вам совесть после таких чтений, и дело. Однажды позволено, и довольно, надо прекратить. Бросьте и оградите себя страхом Божиим. Шутить с сердцем нельзя, оно глупо. И не увидишь, как покривится. Молитесь! *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине. Волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит и спасет я* (Пс. 144: 18—19)... Как знать, а может быть, и смерть близка. Надо готовым быть, чтоб предстать перед Господа. Наскучило жить, поскорее бы на покой, пишете вы. Правда, жизнь тяжка и многотрудна. А покой? Да будет ли он? Надо прежде трудиться... Без труда какой покой? Потрудимся убо в вертограде Божиим. Хоть за час, да все заплатит под вечер Домовладыка. Милосерд бо есть. Внимайте себе. Много козней и много обходов у врага... Уж он ловок, знает, какими дорогами провесть.

95

Ваше серчание на N.N. плохой означает прогресс! Ведь и без сердца можно сказать дело.

Прямо судя, вещи на свете нет, за которую следовало бы сердиться. Что дороже души и покоя ее? А серчание отнимает сей покой. Тут себе наветником бывает человек. И сам еще раздувает, увеличивая в душе неправды другого. Все от того, что внимания нет к себе: вот и прорвется. В сердце глубоко лежит присвоение себе прав судить и наказывать за грехи других, вместо себя. Тут все... Когда бы себя грешником видел человек, с чувством всех последствий греха, не стал бы серчать. Хорошо, что от гнева вы перешли к мысли о смерти. Это дело. И не выходите мыслию из гроба. Стойте там и умоляйте Господа о помиловании.

96

Берусь поскорее сказать что-нибудь об N.N. Удивительно, как он хвалится очищенной верою, не имея веры, а только мудрствуя. Да и все подобные берут на себя высокий тон здравомыслия, страдая на деле отступничеством от образа здравых словес, указанного нам святыми апостолами.

Не думаю, чтоб для вас нужно было писать опровержение всех высказанных перед вами мыслей. Вы знаете ложь их, опытом дознали спасительность всего учреждения в Божией

Церкви, во всех подробностях, до ладана кадильницы и простого приношения ко храму Божию. Если все это и выдумка, как говорят они, то спасительная выдумка. Как оградой ограждены и как латами прикрыты мы нашею церковностью. Эти господа-суемудры хотят сделать из нас открытую цель для стрел врага. Положите, что в вас кто-нибудь пускает стрелы. Вы ограждаетесь каким-нибудь щитом. Подходит N.N. и говорит: «Бросьте, это дело рук человеческих». Поди прочь!

Суемудрый! Тут некогда умничать, когда враг перед глазами и получается против него помощь от того, что обращаешь ты суемудренные вопросы. Если б не было опытного дознания спасительности всего, что мы содержим, умствования имели бы еще смысл; а как есть такое дознание, то к чему умствовать? Всякому можно сказать: *прииди и виждь*. Было поверье: *от Назарета может ли что добро быти?* и все так думали, и Нафанаил (см.: Ин. 1:46). А дело показало иное. Вот и умники наши держатся поверья, что ничего нет доброго в Церкви Божией или в том, что они называют самоделием иерархии. А поставил ли хоть один из них себе в долг испытать делом? Если б испытывали, перестали бы суемудрствовать. А испы-

тать не хотят, потому что это требует труда и перемены жизни.

Те вопросы, что вы слышали, суть только верхушки. Глубже лежит целая система заблуждений, самых опасных и губительных для человека и человечества. Тут в споре состоит своеволие ума с непререкаемою властью Бога над умами, выражаемою определяющим образом мыслей в исповедании веры. Умники наши не хотят никого слушать, кроме своего ума. Но как есть сознание, что Божиих повелений нельзя не слушать, то они твердят: «Бога слушать готовы, но людей ни за что. Повеления Божии содержатся в слове Божиим». Вот и есть у них поговорка: слушать только слова Божии, то есть то, что писано, и кроме того — ничего. Но как они слушают сего слова? Так, как понимают. А как понимают? Так, как хотят понимать по своему соображению. И вышло, что и в сем случае они уважают только свой ум и его произвольные соображения. Слово Божие у них только предлог, прикрытие своеволия... а дело — необузданное умничанье. Смотрите, что подобные люди произвели в Германии? Отчего? Оттого, что никому покориться не хотят, кроме Евангелия. А Евангелие не хотят иначе понимать, как так, как на-

ходят сличным по своим соображениям. Конец сего какой? Конец их — Страус*... иначе, отвержение христианства полное, и следственно — пагуба, — ибо без Христа Спасителя нет спасения. Германия все сие оправдала делом.

Во Святой Божией Церкви невозможно такое шатание и колебание мыслей и умничаний. Тут определена однажды навсегда норма умствований во святом Символе, от апостолов еще преданная и содержимая Святою Православною Церковию. У нас есть вот какой закон: **слушай, что все говорят, от святых апостолов до нас на всем пространстве Христовой истинной Церкви, и покоряйся тому.** Видите, какая крепость? Весь сонм спасенных и спасаемых так содержит. Что тут значат единицы, говорящие в противность истине? Каждый из нас крепок, как крепка вся Церковь Божия. И благодарение Господу!

Отсюда уже можете догадываться, как бессмысленна фраза: самодельщина иерархии. Спрашивается, какой? Уж верно не настоящей. Ибо настоящая мы — берем то, что было прежде, и обязанными себя считаем хранить

* Штраус Давид Фридрих (1808–1874) — немецкий теолог и философ, который отрицал историческую достоверность евангельских притчей (*Прим. ред.*).

все, что приняли. Если б живы были предшественники наши, и они то же бы сказали на вопрос сей, и так далее... Да что касается до нас — русских, то мы ничего не придумывали. Мы действуем так, как в уставе написано, а устав взят у греков. Стало быть, если было само-дельничанье, о коем говорят они, то его надо отнести за IX век. Идите далее и спрашивайте греков: откуда вы взяли такие церковные порядки? Ответ один: тоже от предшественников. Посмотрите на соборы, как они решали свои дела? — последующе святым отцам, прежде нас бывшим... И это, начиная с седьмого собора и восходя до первого, все говорят «последующе святым отцам», то есть ни один собор ничего не придумывал, а определял в закон и обнародывал как закон то, что было всегда всеми содержимо. Надо положить потому, что и греческая иерархия времени соборов ничего не самодельничала, а только принимала и хранила... Восходите далее от первого собора до апостолов. Тут два века Церковь гонима и преследуема с ожесточением. Было ли тут время самодельничать? Куда тут! Хоть бы сохранить вверенное. Так сообразив все в спокойном духе, надо положить, что ни наша, ни греческая иерархия не самодельничали. Во

всякое время наличные иерархи принимали переданное и хранили то, как зеницу ока, страшась хоть мало изменить что в заповеданном. Все иерархи — послушные рабы узаконенного порядка. Таким образом, проследя всю цепь событий, яснее узрите, что источник всех церковных учреждений в святых апостолах... Ведь они не все написали, чему учили и что заводили в Церкви. Много, очень много осталось не записанным, а введенным в практику. В практике это сохранилось и дошло до нас. Стало быть, кто похвалится покорностью апостолам, тот должен принимать все содержимое Святою Церковию.

Но довольно. Это я вам кое-что написал, зная, что для вас достаточно и малого... Вы смутились! Нельзя не смутиться. Ведь, что адские пары... вонь и изгарь... Обаче мужайтесь. Болий есть иже в нас, нежели — иже в мире.

97

Прошлый раз писал я вам, что у господ умников дело не о тех частностях, на которые они указывают, а поболее: о **свободе ума от всякой связи авторитетом, даже Божеским**, ибо Писание они все толкуют по-своему. Мало этого. Они ищут еще свободы от всякого обяза-

тельства действовать по духу и устроению веры и от труда вести себя, как следует православному.

Смотрите: наша вера вся и догматами, и заповедями введена в практику; например, вы кладете на себя крестное знамение с словами: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; тут исповедуется таинство Пресвятой Троицы и таинство искупления и воплощения... Говеете: тут догмат о падении, о необходимости очищения себя исповеданием и причащением Святых Тайн. Так и все... А этим господам хочется спастись, но так, чтоб и лба не было нужды перекрестить. Вот они и виляют, крича, что вся практика Церкви есть самоделие человеческое, наросты, рутина. А мы-де хотим очищенно веровать!.. Вот и веруют так чисто, что голо. Чего бы ради так? Того ради, что не хотят Господу отдать ни минуты времени, ни малого напряжения сил. Поди там — вставай к заутрени, иди в Церковь, постись, говей. Жить хотят в свое удовольствие, считаясь вместе и Богу угождающими, внутренно-де, без всякого, впрочем, обращения сердца к Богу. Ибо, коль скоро сие внутреннее есть, то есть и внешнее. Видите, куда они метят?.. Чтоб основать на земле царство лицедеев, мнящихся

службу приносить Богу и отчужденных от Него сердцем.

То, что они говорят, будто строго держатся Евангелия и апостолов, пустая отговорка... Читали ль? — Едва ли! Например, то, что надо в Церковь ходить, по их мнению, есть самоде-
лие иерархов... А по нашему — заповедь апостола, который велел не оставлять собраний (см.: Евр. 10:25). По их мнению, молитвы церковные суть самоде-
лие, а на деле — тоже заповедь апостола, который говорит: *исполняйтесь духом, глаголюще себе во псалмах и пении и песнях духовных* (Еф. 5: 18—19), ибо все наши службы из чего состоят, как не из псалмов и песней?

А об общении со святыми разве не учили апостолы? Смотрите, что говорится:... *приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных* (Евр. 12: 22—23)...

Верующий состоит в живом общении со всем невидимым миром. В чем выражается сие общение? Кроме многого, и в том, в чем общение сие состояло на земле, в молитве. Апостолы о себе просили молиться и всем заповедали мо-

литься друг за друга. Это же должно быть соблюдаемо и в отношении к отшедшим православным и вообще ко всему невидимому миру, с коим союз так же действителен, как и с видимым. Вот мы и просим святых Божиих молиться за нас... а о ком не уверены, что они сильны у Бога, о тех молимся сами... Во всем этом, как видите, мы действуем не по духу только, но и по букве учения апостольского, а не в угодность самоделиям иерархов. Так ли? От сего и о прочем разумевайте. Видите теперь, что эти господа, с очищенною верою, хвалясь, что держатся апостолов, отступают от апостолов и слишком усердно чистят веру — куда зря, как говорится.

Пишите, ежели что-либо осталось в вас от речей N.N.: надо изгнать и след их. Вот, он ноет и тужит! Скажите ему, что это от неудовлетворенности сердца и духа. А удовлетворение им одно — в Господе, Который для нас все. Пока не уверует всем сердцем и не предастся вседушно образу учения приемлемому Церкви, покоя не будет иметь. Душа голодает, просит питательной веры, а он ее стучает в голову долбнею суемудрия. Пусть не думает, что настроение его ума — совопросничество — есть совершенство, и он высок, что дошел до сих вопросов. Это просто задорность. Попросите его по-

думать о себе, да не как-нибудь, а посерьезнее. Ведь есть смерть и суд... На суде будет Господь судить, но не по молоканскому смыслению, а по церковному уставу. Теперь-то мы широки... Пусть поставит себя пред лице неумытного Судии и порешит... может ли там отделаться вопросами? Он не может сказать: я не знал; ибо видел все действующим перед глазами. Как жаль его!.. Знает ли он, что духовно, за образ мыслей, он уже не член Церкви и сам себя отсек от нее, хотя гласно она не отсекает его, ожидая его исправления.

Господь да вразумит его! А вас да предохранит от всех колебаний по случаю таких встреч. Что ж делать? В мире живете. Терпите. А может быть, это на пользу и вам, и ему. Мир вам!

98

Хочу вам пояснить немного, с какими расположениями и чувствами мы должны быть обращены к храму Божию. Ведомо вам, что всемилостивый Господь особенным образом благоволит присутствовать в храмах, освященных молитвенным призыванием благодати Его... Потому таковые храмы справедливо именуются скиниею Божиею с человеки, местом

особенного вселения Бога между людьми, как Сам Он удостоверяет: *вселюся, говорит, в них и похожду и буду им в Бога, и тии будут Мне в людие* (ср.: Лев. 26:12). У древнего Израиля это свидетельствовалось видимым для всех образом. Облак осенял скинию, и слово было из облака. Потом, во все время странствования израильтян по пустыне, столп облачный над скиниею, воздвизаясь и останавливаясь, был руководителем их в их шествии к Ханаану обетованному. Над христианскими храмами не видно чувственного облака, но тем не менее в них истинно присуще благодатное осенение Божие. Не воздвизаются и не движутся храмы сии подобно скинии; но тем не менее они суть верные указатели пути для шествующих в Ханаан небесный.

Это последнее свойство храмов наших приводит на память устройство путного шествия израильтян и наводит на мысль, что, верно, и мы должны окружать храмы свои какими-либо соответственными тому чувствами и расположениями, чтоб они могли быть для нас руководителями на нашем пути жизненном туда, где обитать нам вечно определил Бог.

Когда была устроена и освящена скиния, то Бог повелел Моисею с того времени так рас-

положить шествие, чтоб три колена израильтян шли впереди скинии, три позади, три — по правую и три — по левую сторону, в середине двигалась сама скиния, несомая коленом Левиным. Припоминая это устройство и веря, что наши храмы тоже суть руководители и мы около их идем в Царствие Небесное, невольно понуждаешься поискать, что бы это в наших чувствах и расположениях в отношении к храму могло соответствовать тем **трем** — впереди, **трем** — позади и по **три** — по сторонам. Вот как я себе то представляю.

Три впереди, к востоку. Тут надо поместить **высшие духовные чувства**. Какие бы то? Полагаю: а) **веру**, что Господь воистину присущ в храме особенным Своим благодатным присутствием, что храм есть дом Божий, куда выну обращено око Его и где выну пребывает сердце Его; б) **упование**, что Господь, пребывающий в храме, как отец чадолюбивый, внятно внимает всем воссылаемым к Нему прошениям и готов все исполнить, если того благо наше вечное требует; в) **любовь к храму**, по коей сладостно пребывать в нем, как в доме родного отца, по коей мирно упокоивается в нем дух, как покоится дитя на лоне матери. Это главные, неточные, сокровенные распо-

ложения в отношении к храму Божию, служащие возбудителями и родителями других. Они созревают в духе и обращены, можно сказать, лицом к лицу к Самому Богу — сему умственному Востоку.

На противоположной задней стороне, к западу, надо поместить что-нибудь телесное, управляемое, однако же, духом. Поместим здесь телом подъемлемые труды относительно дома Божия, яко дома молитвы. Их можно тоже подвести под три, кои суть: а) **труд неленостного хождения в храм**, на все службы, по первому зову без отговорок, без саможаления, без возрождения воображаемых препятствий, по следующему правилу: как только услышал звон к богослужению, брось все и спеши в храм; б) **труд терпеливого пребывания в храме** от начала службы до конца, на своем всегда одном месте, без передвижений, без небрежного распускания членов, с некоторым напряжением, придающим бодрость; в) **труд благоговейного стояния** — тихого, с поклонами, с очами, обращенными долу или горе, на иконы или священнодействия, с ушами, устремленными на поемое и читаемое, с молчаливым языком, без озираний, блужданий очами и без разговоров. Все такие действия

выражают телесный труд в молитве, поддерживаемый внутренним духом молитвы и его обратно поддерживающий.

Теперь, что бы вы поместили справа и слева на этой перекрестной линии? Думаю, здесь следует поместить **душевные** труды в молитвенном подвиге. Именно.

По правую сторону станут три положительных дела. Это: а) **стояние умом в сердце в присутствии Божиим**, сопровождаемое страхом отрезвляющим, сообщающим бодрость и освежающим внутреннюю нашу храмину, подобно утреннему свежему воздуху; б) **углубленное вникание** в силу и значение всего поемого, читаемого и действуемого, с сердцем, отверстым на принятие имеющих родиться от того чувств и расположений, с готовностью навсегда удерживать их в себе и действовать по ним, как по внушениям Божиим; в) **мирное расположение** доброжелательного духа ко всем людям, не исключая самых врагов, по заповеди Господа, что, если помянешь в Церкви, что брат твой имеет нечто на тя, оставь дар твой перед алтарем и поди — помирись с братом (см.: Мф. 5:23).

По левую сторону станут три отрицательных дела. Именно: а) **нерасхищение мыслей**, или непозволение уму блуждать по разным местам

и предметам, когда стоишь в храме, и возвращение его вспять к своему делу всякий раз, как он самовольно предается мечтам; б) **необременение сердца заботами житейскими**, нещадно гонящими преданного им все далее и далее и не оставляющими ему свободного времени для занятия небом; в) **непривязанность ни к чему земному**, или свобода от всех пристрастий, влекущих долу и не дающих уму восклониться горе.

Смотрите: вышел крест молитвенный, духовно устрояющийся в нашем естестве, когда ходим в храмы и молимся, как должно. Под осенением сего креста или под влиянием чувств и расположений, его образующих, действует сама молитва, и как молитвословие с поклонами, и как мирное устремление чувств к Богу, и как сокровенное Богу предстояние, или погружение в Бога духом. Как скиния, помещаясь среди 12 колен, ими ограждалась и вместе и им давала строй, так и молитва, во всех своих видах, ограждается помянутыми расположениями и трудами молитвенными и, в свою очередь, сама их оживляет и устрояет.

Вот вам и все! Кто настроит себя так в отношении к храму, тот в самом сем настроении найдет верное руководство и способ к достижению небесного отечества (ибо с этого ведь и

начата у нас речь). Таковой, можно сказать, уже парит к нему. Замечаете ли, как показанные чувства и дела молитвенные, будучи расположены в соответственном порядке, представляют собою парящую птицу?.. Напишите, и увидите, что так.

Поместите там, где следует быть главе, действия духа в молитве, то есть **веру**, что Господь в храме, **упование**, что услышит молящегося, и **любовь** к храму, как к дому отца. Где следует быть правому крылу, пишите там положительные занятия души в молитве, именно: **стояние в присутствии Божиим, внимание ко всему** в храме, с сердцем, отверстым для принятия внушений Божиих, и **мир со всеми**. На месте левого крыла ставьте то, чего не должна делать душа во время молитвы, именно: **нерассеянность**, или трезвение, **беспопечение и беспристрастие**. После сего для хвоста останутся телесные труды в молитве: труд **хождения** в храм, труд **стояния** в нем и труд **производства** молитвы телом. А тело птицы сей составит сама **молитва** во всех ее видах.

Вот вам и молитвенная птица! Не подумайте, что тут натяжки или произвольная выдумка. Придуман только образ, а дело молитвенное таково по существу своему. Как птица,

вдыхая и выдыхая воздух, приводя в движение крылья, голову и другие части, успешно летит, или только тогда и летит, когда действует всем этим: так и молитвенное к Богу восхождение не иначе возможно, как тогда, когда есть в нас все помянутые дела и расположения. Не будь чего-нибудь, дело молитвы затруднится или даже прекратится. Всякий трудящийся в молитве знает то по опыту, а о немощащемся — что и толковать!

99

Вам желательно было иметь проповеди, слышанные вами. Прилагаю их при сем в полное ваше распоряжение: это вам подарок ко дню вашего ангела. Наскоро они составились, желалось бы и можно было бы сказать еще более. Мало времени... Чего недостает по вашему суду, подумайте сами: всего с церковной кафедры не проговоришь. И то надо сказать, что и потребности слушающих разнообразны. Одному нужно рассуждение, другому одно живописное изображение предмета — всякому свое, но цель говорящего и слушающих одна, — проникнитесь ею и читайте, воодушевляясь исполнять делом читанное.

ПОУЧЕНИЯ

А

Семь слов в недели, приготовительные к посту и на первую неделю поста

1. В неделю мытаря и фарисея

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче! Та-кую умиленную молитвенную песнь влагает нам в уста Святая Церковь, начиная готовить нас к покаянию. Три еще недели до поста, и о нем, может быть, никто и не думает; но она издали указывает нам двери его и заранее хочет предрасположить к входу в нее. Хотя и нехотя, мы должны же встретить время поста; но она хочет, чтоб мы встретили и проводили сие время, как следует. И вот, в нынешний день, в следующее воскресенье и далее она внушает нам одно за другим назидательные правила в двух притчах и двух разительнейших происшествиях, из коих одним началась нынешняя история человечества, а другим кончится. Будем учиться и внимать урокам матери своей!

Ныне притчею о мытаре и фарисее говорится каждому из нас: «Не полагайся на свою праведность, подобно фарисею, но всю надежду своего спасения возлагай на беспредельную милость Божию, вопия, подобно мытарю: *Боже, милостив буди мне грешному*. Ибо вот фарисей, кажется, и доброго был поведения, а не был оправдан пред Богом».

Непостижимо для нас, как так — творение добрых дел, или праведность, для нас обязательны, как необходимое условие спасения, а между тем мы не можем основывать на них сей надежды своей; но сколько бы ни было у нас правых дел, все их должны счесть недостаточными и для восполнения их прибегать к другим средствам. Непостижимо сие для нас; но так есть. Христианин в чувстве сердца своего должен носить глубокое убеждение в своем не потребстве при всей праведности, или при всем обилии добрых дел, о которых, однако ж, должен ревновать неусыпно. Так спасались все, которые спаслись, и оставили нам в своем примере указание возможности таких чувств и побуждение к возгреванию их в себе самих. Посмотрите на покаянные молитвы, кои суть излияние душ святых Божиих, прославленных Церковью. Как они там осуждают себя пред

Господом!.. А между тем все окружавшие их почитали их чистыми и непорочными пред Богом!.. Думаете ли, что тут была неискренность? Нет! Это был искренний вопль души к Богу! И следовательно, есть возможность в глубине души сознавать себя непотребным, несмотря на всю видимую чистоту души или исправность и честность поведения. Да и как быть иначе? Положите себе в мысли, что Бог требует от нас праведности полной, или добродетели всеобъемлющей, и что только такая праведность и такая добродетель могут быть положены в основание нашего спасения и питать нас благонадежностью. Посмотрите же, чего сие требует!

Полная праведность, или всеобъемлющая добродетель, складывается из следующих трех частей:

1) Из **добрых дел**, видимо для всех телом совершаемых, в свое время и в своем месте. Это вот что: просит кто милостыни, подай ему. Причинил кто обиду, прости ему. Пришел враг, ухлеби (накорми, напитай — *прим. ред.*) его. Сел за стол, вкушай пищу по уставу и воздержно. Настало время молитвы, молись благоговейно и как велено... Идешь на должность, трудись усердно, и так далее, и далее. Всякая

минута и всякое место имеют свои добрые дела, которые непременно должен исполнять всякий вступающий в них. В сем отношении вся жизнь человека должна быть непрерывною цепью добрых дел, с той минуты, как он приходит в сознание в сем мире, и до той, как выйдет из него... Как те, кои вышивают картины бисером, ряд за рядом прикрепляют бисеринки к своим местам и именно такие, а не другие бисеринки к тому или другому месту, и только тогда, как соблюдут все сие, не спутают бисеринок и не допустят перерывов и пропусков, картина получает приличный ей вид и свое имя: так и в отношении к нам, тогда только и сочтет Господь кого-либо добродетельным, когда он всю картину жизни своей будет развивать так, что не пропустит ни одного места и ни одного момента времени без того, чтоб не сделать обязательного для него тогда дела. Стань же теперь здесь, опирающийся на свою праведность, и скажи: так ли живешь ты, чтоб всегда творил добро и никогда не опускал дела, обязательного для тебя, и не допускал дела полудоброго, или даже совсем недоброго. Если так, опирайся на свою праведность; а если нет, ищи другой опоры для своего спасения!

2) Другую часть, входящую в состав полной праведности, составляют **добрые чувства и расположения**, скрывающиеся под видимо совершаемыми делами. Это суть любовь, мир, терпение, кротость, милосердие, воздержание, смирение, благоговение, отрешение от всего и прочее, и прочее. Добрые дела, видимо совершаемые, чтоб быть добрыми истинно и служить ко спасению, должны быть непременно выражением какого-либо из внутренних добрых чувств; так что, коль скоро в основе их нет доброго чувства, которым они должны быть воодушевлены, то они негодны и богопротивны. Так, например, благоговейное к Богу обращение ума и сердца есть доброе, богоугодное внутреннее настроение. Когда оно есть на душе, то требует неотложно и соответственных себе дел, которые и бывают, именно: домашняя молитва, долгие поклоны, хождение в храм Божий к службам, посещение святых мест, чествование икон, возжжение лампад и фимиама и прочее. Подобная же сумма видимых дел есть и для выражения каждого внутреннего чувства; например, для выражения милосердия есть семь дел телесного и семь дел душевного милосердия. Но всегда надобно помнить, что последние, то есть дела видимые, тогда

только и имеют цену, когда они служат выражением первых, то есть внутренних чувств. Так, все видимые дела благочестия: поклоны, молитвословия, хождение в храм и прочее, тогда только будут истинно добрыми делами, когда служат выражением внутреннего благочестия, или благоговейного к Богу обращения нашего ума и сердца, а без сего последнего они ничто. То же должно сказать и обо всех делах милосердия, что они тогда только и суть истинно добры, когда служат выражением искренней ко всем братской любви во славу Божию, а не каким-нибудь приспособлением к другим, желанием выказаться или, как ныне часто говорят, желанием обнаружить гуманность; это — язычество в христианской одежде. То же надо сказать и обо всех других внешних делах, — что истинная цена их определяется внутренним расположением... Ибо иначе можно, например, телом быть в храме, а душою — в блудилище, языком снисходительно извинять, а в сердце осуждать, положением тела показывать почтительность, а внутри питать презрение, глазами не смотреть будто на лица, а в душе распаляться похотью и прочее, и прочее. Внешне все сии дела и хороши, но цена их пред Богом уничтожается чувствами,

кои питают при совершении их в душе. И следовательно, на праведности можно основывать свое спасение только тогда, когда можно быть уверенными, что все чувства и расположения наши исправны и богоугодны — и притом не час или два, а всю жизнь и непрерывно. Итак, приди сюда, хотящий основать свое спасение на своем добром поведении, и скажи: не проскользало ли когда под видимыми добрыми делами твоими неправых чувств, оскверняющих их... Если не проскользало (но кто может сказать сие?), то успокоивайся на своей праведности; а если проскользало, как это всякий должен сознать, то смирись и ищи другой основы своему благонадежию во спасении.

3) Третью часть полной праведности составляет крепкая, **как смерть, ревность о славе Божией**, воодушевленная пламенной любовью к Богу и воодушевляющая все добрые чувства сердца и все добрые дела видимые.

Когда в сердце есть добрые расположения, можно бы, кажется, и успокоиваться на счет своей участи. Но вот что, братие, возьмите во внимание. Мы созданы Богом, созданы по образу и подобию Божию, созданы для того, чтоб славилось нами имя Божие во Вселенной, или для того, чтоб всех себя всецело посвятили мы

Богу... А между тем вот что может быть! Иной сердоболен и сердолюбие свое обнаруживает делами, но и помышления не имеет о Боге, при всех делах и чувствах сердобольных. Сердобolie такого не помянется перед Богом, ибо оно не от Него принято, как заповедь, и не Ему посвящено, как служение и жертва. Иной кроток и безгневен и сие расположение обнаруживает делами, не позволяя себе увлекаться чувствами раздора и мщения; но при сем он следует какому-то инстинктивному расположению к уступчивости, образуемому сознанием бессилия и робостию, а не заповеди Господа, Который говорит: прости! *Мне отмщение — Аз воздам!* (Рим. 12:19). Кротость такого не имеет цены пред Богом. Иной воздержен и крайне воздержен: мало спит, почти не ест и не пьет, редко видят его вне, он всегда дома и за делом; но не Богу посвящает он труды свои, а или корысти, или пустой славе человеческой. Воздержности и трудолюбия такого не признает Господь достойными награды. Так и во всем прочем! Недостаточно иметь добрые чувства и расположения (кои могут быть и естественные — прирожденные), надобно еще, чтоб они возглавлены были одним коренным расположением — ревностию о славе Божией, ею были про-

никнуты и служили ее выражением. Коль скоро сего нет, или нет в должной степени и мере, вся доброта наша ни во что вменится пред лицом Господа, Который скажет некогда: *отойдите от Мене, не вею вас...* (Мф. 7:23; 25:12). Не вею вас потому, что вы в продолжении жизни своей не давали Мне знать о себе посвящением Мне ваших добрых чувств и дел!

Итак, прииди, чающий себе спасения от праведности, и скажи, всегда ли и в должной ли мере всегда была в тебе ревность о славе Божией и всегда ли она одна воодушевляла твои добрые чувства и дела? Если так (а это кто может сказать?), то успокоивайся на своей праведности, а если нет, ищи другого способа к оправданию себя пред Богом и другого основания спасению своему!

Итак, может, кто хочет, основывать надежду спасения своего и на праведности, только уж пусть сделает так, чтоб сия праведность была совершенная, полная и всесторонняя... то есть чтоб вся жизнь его была непрерывною цепью добрых дел, без перерыва и опущений, чтоб под сими делами скрывались всегда добрые чувства и расположения, которых они должны быть только видимыми выражениями, и чтоб все сии чувства и расположения были

воодушевлены одною ревностию о славе Божией, или были жертвою Богу... Потому, у кого есть все сие, тот приди, стань дерзновенно пред лицом Господа и скажи Ему, если смеешь и если позволит то совесть твоя: *несмь, яко же прочий человецы*. А если нет чего-нибудь, умолкни и не смей очес возвести на небо и отверзть уст своих, из глубины души взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди мне грешному*. Не заглядывайся на то, что есть сколько-нибудь добрые дела и добрые чувства и что иногда чувствуется припадок жаркой ревности по Богу. Бог требует не кое-чего, а всего, всей полноты праведности и доброты, и когда недостает каких-либо частей ее в человеке, то отвергает всего человека, как непотребного. Возьмете ли вы одежду от портного, когда в ней все есть и хорошо сделано, а недостает полы или рукава? Или когда столяр принесет вам стол, чисто обделанный, только без ноги или другой какой-нибудь части, скажете ли вы ему: хорошо, оставь? Так и в отношении к нам, не может Бог признать кого-либо праведным, если в нем недостает каких-либо частей праведности. Но если никто не может похвалиться, чтоб он и дела все добрые делал неопустительно, и чувства все имел добрые, и ревнос-

тию Божию всегда воодушевлен был во всей силе, то пусть лучше и не помышляет основывать свое спасение на праведности, чтоб в час нужный не обмануться в сей надежде; пусть лучше забудет о сей праведности и, сколько б ни делал добра, пусть держит на сердце чувство непотребства своего пред Богом и ищет других способов к оправданию своему, образец коего представляет мытарь! Приди, припади и восплачься пред Господом, сотворившим нас, с верою в Господа нашего Иисуса Христа, Своею бесценною кровию, пролитою на Кресте, омывающего все грехи наши и Своею безпредельною святостию восполняющего все недостатки наши. Ревнуй о добродетели, сна не давай очам, чтоб не пропустить случая к добру, не допустить недоброго чувства и не ослабнуть в ревности; но надежду спасения всю полагай в Господе, *Иже бысть нам... от Бога правда, и освящение, и избавление* (1 Кор. 1:30). Аминь.

2. В неделю блудного сына

В прошедшее воскресенье словом евангельской притчи внушала нам Святая Церковь не полагаться на свою праведность. И мы видели, что и возможности никакой нет как-нибудь

основать на ней надежду своего спасения. Ибо где нам так жить, чтоб вся жизнь наша представляла непрерывную цепь добрых дел, и притом так, чтоб под сими добрыми делами всегда были добрые чувства и расположения сердца, а далее — все сии чувства и расположения со всеми делами были воодушевляемы одною ревностью по славе Божией? Где нам так жить? А между тем все сие, и все сие только в совокупности, составляет полную праведность, так что, коль скоро недостает чего, праведность та же уже не праведность и не имеет силы отворить нам вход в Царство Небесное.

Но, с другой стороны, только праведные, чистые и святые могут наследовать Царствие Божие, потому что в него не войдет ничего нечистого. Так как же нам быть-то? Как неправедную жизнь свою сделать праведною? Чем оправдать неправды свои? Куда девать нам грехи свои и чем убелить нечистоты и скверны души нашей? Ибо, если при недостатке правды еще и сего недоищемся и не сделаем того, что следует по сему, нет нам надежды спасения! Погибли мы! У Бога правды — нет по блажки и нет на лица зрения: или будь прав, или ищи неложного оправдания пред лицом праведного и нелицеприятного Судии.

Увы! тесно нам от обою (тех и других — *прим. ред.*) и эту тесноту неизбежно проходит всякая душа, взывающая спасения! Не видя правды в себе, она поражается чувством гнева Божия и готова бывает пасть в отчаяние. Но, благодарение Господу, вот слышится ей утешительный глас к разбойнику с креста: *днесь со Мною будеши в рай!* (Лк. 23:43) и она оживает благонадежием... Ах, братие! если бы не было креста, не было бы никогда никакой отрады ни в какой душе; была бы одна скорбь и теснота и в сей жизни, и в будущей.

Слышали ли вы, братие, сердцем сей призыв от Господа: приидите ко Мне вси труждающиеся в чувствах нечаяния и обременные грехами, и Аз упокою вы: возьму вас под кров Свой, умирю, облегчу и насыщу душу вашу благонадежием!

Приидите же, все ищущие спасения! приидите, поклонимся и припадем ко Христу, из глубины души вопия к Нему: спаси ны, Сыне Божий, спаси ны! разве Тебе иного Спасителя не знаем!

Итак, вот прямой и незаблудный путь спасения, а не праведность! Поэтому Новый Завет так начинается: *покайтесь и веруйте во Евангелие* (Мк. 1:15). *Покайтесь*: сознайте себя

грешными, безответными пред Богом, и плачьте о том в горести души; *веруйте во Евангелие*: веруйте, что Господом на кресте пригвождены все грехи наши и раздрано рукописание их и что всякий грешник, верующий в Него, получает прощение и объявляется правым пред лицом правды Божией.

Токи слез покаяния и сердечного сокрушения во грехах, растворяемые и умягчаемые верою в крестную смерть Господа, это — основа нашего оправдания и, следовательно, нашего спасения. Вот почему Иоанн Предтеча, готовляя народ к сретению Господа, говорил: *покайтесь...* Вот почему и Сам Господь начал проповедь Свою тем же словом: *покайтесь*, и потом, посылая апостолов на проповедь еще при Себе, заповедал им всюду говорить: *покайтесь*. Вот почему и Святая Церковь, научая нас восхитить спасение в приближающийся пост, влагает такую песнь в уста каждому из нас: *покаяния отверзими двери, Жизнодавче*. Она предложила уже нам притчу о мытаре и фарисее, чтоб научить, что спасение — в мытаревом биении в перси с воплем покаянным: *Боже, милостив буди мне грешному*, а не в самооправдательном самомнении: *несмь, якоже прочии... хвалу Тебе воздаю* и прочее (Лк. 18: 10–14); и

ныне предлагает притчу о блудном сыне, чтоб показать, что Отцу Небесному любезнее тот сын, который, обращаясь к Нему по согрешению, говорит: *несмь достоин нарещися сын Твой...* нежели тот, который, думая, что никогда не нарушает воли Его, говорит: *николиже заповеди Твоя преступих* (Лк. 15: 11–32)...

Приидите же, восплачемся пред Господом, сотворившим нас, Господом праведным, но готовым помиловать нас ради слез наших сокрушительных...

Не подумал бы кто, судя по образцам мытаря и блудного сына, что слезы покаяния нужны тем только, кои запутались в страсти бесчестия и большие грехи, а не тем, кои уже перестали грешить и живут исправно! Нет, нет! Слезы покаяния всем необходимы, и без них никому на свете нет спасения; притом необходимы слезы непрестанные, а не так, что поплакал однажды, исповедался, и довольно... Он то же в жизни, что поле или фон в цветистой материи. Как сие одноцветное поле служит основою цветов и наполняет пустые между ними промежутки, так и слезы покаяния служат основою праведности и восполняют недостатки правых дел в жизни нашей. Итак, нечего отговариваться! Плакать и плакать подобает!

Чтоб для вас яснее было, что такое слезы и как надобно плакать, приведу вам несколько случаев относительно сего из житий святых. Один святой муж, кажется Ефрем Сирианин, шел с учениками своими в город или селение и, проходя мимо кладбища, увидел одну вдову, которая проливала горькие слезы над могилою... и, как ни утешали ее родные, окружавшие ее, она слушать никого не хотела. Она все, кажется, забыла, ничего не видела и не слышала; одно горе поглощало ее сердце и душу. Миновав ее, старец, обратясь к ученикам своим, сказал им: «Как убивается вдова сия на могиле сей, так нам надобно убиваться плачем о душе своей, которую мы уморили грехами своими и похоронили на чуждой ей земле мира и похотей плотских». Сказав сие, старец зарыдал и рыдал всю дорогу, пока пришли к тому месту, где надобно было скрыть слезы свои.

И еще есть сказание об одном старце, который, оставя мир, удалился в пустынные места, но не строил себе келии, а так переходил с места на место, как птица перелетная. Видал ли кто его вкушающим пищу, неведомо: но никто никогда не видал его без слез, рыданий и стенаний. Если случалось, что он, как горлица пустынная, приближался к какому горо-

ду или селению, то не входил внутрь, но садился вне, на каком-либо камне, и, преклонив голову к персям, вопиял со слезами: «О! о! о! увы! ой, горе! ой, беда! Что-то будет? что-то будет?» Случалось, что жители того места выходили к нему и из сострадания брались утешать его, но это еще более растравляло его горе и умножало плач и слезы. Предлагали ему и пищу, и одежду, и деньги, ничто не утешало, ничто его не занимало, и были слезы ему хлеб день и ночь. Иногда обращались к нему с речью, говоря: «О чем плачешь ты и какая беда постигла тебя? Скажи нам; может быть, мы по силе нашей поможем тебе и облегчим горькую участь твою». Но старец от сих слов еще больше начинал плакать, закрывая лицо свое с тем же воем и воплем и не имея сил произнести ни одного членораздельного слова. И только после долгих докучаний, сквозь слезы и всхлипывания, произносил иногда: «Не знаю, можете ли вы мне, но вот беда моя: господин мой вверил мне большое богатство, а я промотал его все на балы, театры, гулянья, на пиршества и роскошную, нечистую жизнь с блудницами. Теперь господин мой ищет меня и, нашедши, предаст суду и позорной казни. И делать не знаю что... что-то будет?.. что-то будет?» — и

опять предавался плачу, рыданию и воплям. Понятно вам, о чем это он плакал? Он плакал о грехах и боялся суда Владыки всех — Бога!.. Вот так восплачем, и может быть, помилует нас Бог!

Не сказал бы кто при сем: «Вот все плач, стоны и слезы! Приятно ли Самому Господу такое ненатуральное состояние!» Да, так. Слезы только и приятны Господу и только с сокрушенным сердцем приходящих к Нему Он принимает милостиво и благосклонно. Относительно одной души, ищущей спасения, вот что показал Господь в сонном видении: виделось ей, будто она, в толпе других многих, находится на просторном дворе святой обители, среди коего стояла преблаготворная церковь. Все чего-то ожидали. Вдруг пронесся говор: «Идет, идет пастырь!..» Народ разступился, и все увидели грядущим Спасителя в пастушеском одеянии. Лице Его было необыкновенной красоты, и радушный взор Его разливал отраду везде, куда ни падал. Он прошел пространство между народом и церковию и стал у двери храма. Очи всех устремлены были на Него... Мановением руки и знаком очес Он начал подзывать к Себе из толпы народа, кто Ему был нужен. Подзываемые облакались светом и, чем

ближе подходили, тем становились светонеснее... Видно, что это были знаки особенной благодати и милости. Но, подозвав двух-трех, Спаситель остановился как бы в недоумении. Видевшая видение душа, не худая по жизни, не чуждавшаяся подвигов и трудов и творившая добро, какое могла, с самого появления Господа помечтала, что, верно, ради такой ее услуги Господу, или ради того, что она не то же, что прочие, Господь покажет ей какой-нибудь знак особенного Своего благоволения. Потому, когда Он перестал подзывать, ей представилось, что теперь за нею черед. Выступив из-за других, обратилась она к Господу: «Не меня ли, Господи?..» Но Господь и не взглянул на нее, а только взор его и движение головы выражали презрение и отвержение. Как стрелою, была поражена душа, видевшая сие, и пала с криком отчаяния. Окружавшие ее бросились было помогать ей, но она отталкивала всех, крича только: «Я грешница... я погибшая... Господь отверг меня... а без Него как жить и где искать спасения!» Но Господь был уже близ, и стенавшая в горести душа едва восклонила главу свою, как узрела Господа, Который стоял над нею с простертыми объятиями, готовый поднять ее. Утешительное слово

изошло из Божественных уст Его: «Вот как ко Мне приходить должно!» И тем видение кончилось.

Вот видите ли, как надобно приходить к Господу! Нечего тут умствовать! Такой путь моления учредил Сам Господь: сим путем и будем идти. Он пришел в мир грешников спасти: грешниками и будем приходить к Нему, только грешниками, плачущими о грехах своих с решимостию не повторять их более. Праведника нет ни одного на земле; все грешники и все оправдываются туне, благодатию Господа Иисуса Христа, ради веры в Него и слез раскаяния и сокрушения! Будем же плакать о грехах, да спасемся! Аминь.

3. В неделю мясопустную

В позапрошлом воскресенье говорила нам мать наша — Святая Церковь: всячески ревнуйте о добродетельном житии, но не гордитесь добрыми делами своими; потому что вы не можете их наделать столько, чтоб на них можно было окончательно основать надежду своего спасения. Потому, не ослабевая в добродетели, не полагайтесь на свою праведность. В прошедшее воскресенье Святая Церковь говорила нам: чистые только и святые войдут в

Царствие Божие... Как вы не представляете себя Господу чистыми в неуклонном исполнении Его заповедей, то поревнуйте очистить себя от всякого греха слезами покаяния. Плачьте о грехах своих: как плачут о мертвом, чтобы выплакать у Бога помилование.

Ныне же что она говорит? Ныне она живописует нам Страшный суд Божий и тем хочет послушных чад своих воодушевить на большие и большие труды, а нерадивых и беспечных пробудить от усыпления. Первым она говорит: трудитесь и не ослабевайте в трудах своих; ибо, когда придет Господь и все святые ангелы с Ним, тогда поставит Он вас одесную Себя и скажет вам: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. 25:34). И с той минуты вы начнете вкушать блаженство, для выражения которого нет слов на языке человеческом. Тогда забудете все труды свои и скорби. А вторым, то есть нерадивым, говорит ныне Святая Церковь: непрестанно внушаю вам, — живите, дети мои, как жить следует истинным христианам, а вы не слушаете... Приглашаю вас к покаянию, а вы уши свои затыкаете от зова моего; говорю вам: плачьте о грехах, а вы не только не плачете, но издеваетесь

над плачущими, издеваетесь даже над самым уставом покаянным, как и над всеми порядками жизни христианской. Убойтесь! Прейдет образ мира сего, явится строгий Судия и поразит вас гневным отвержением Своим: *отыдите от Мене, проклятии, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. 25:41).

Вот нынешний урок! Ясен он и полон, при всей простоте своей и краткости. И мне ничего не остается прибавлять к тому, кроме одного: запечатлейте образ суда Божия в уме и сердце вашем и всегда носите его в себе, не отрывая от него внимания вашего. Сами увидите, каким воодушевлением и какою готовностью на всякого рода труды исполнится дух ваш, если вы хотя малое попечение имеете о спасении души своей! С другой стороны, какой страх и какое сокрушение изольются в сердца тех, кои не совсем исправны, страстям поблажают и вольности предаются. Можно сказать, что, если б каким-нибудь образом можно было глубоко запечатлеть в душе людей сей образ суда Божия, то все в непродолжительном времени сделались бы исправными ревнителями добрых дел. Ибо положите, что верная пришла бы весть с неба, что вот завтра или послезавтра придет Господь! Стал ли бы кто предавать-

ся тогда утехам и забавам? Стал ли бы поглажать страстям своим и творить грехи?.. Стал ли бы еще отлагать покаяние и исправление свое?.. Разве безумный какой стал бы так делать, а все, не потерявшие смысла, бросились бы поспешнее делать все, что еще можно сделать в это короткое время. Как ученики, для которых настает экзамен, о том только и думают, как бы подготовиться к экзамену: иной не спит почти и не ест, а не то, чтоб позволил себе еще и об играх и шалостях подумать, — так было бы и с нами, если б память суда Божия никогда не выходила из головы нашей... Только и заботы было бы у нас, как бы неопустительно исполнить все требуемое Господом и тем угодными явиться Ему в час суда. Но то беда наша, что мы привыкли отдалять от себя сей час суда, привыкли или дали себе на то право. Думает всякий: сколько уж времени я живу, все слышу: вот суд! вот суд!.. и нет доселе суда. Может быть, еще не скоро. Отцы наши, деды и прадеды тоже ждали суда, но вот еще и мы не видим его, спустя столько времени после них. Все сие так. Можно прибавить и еще более того: что вот уж 18 веков, как сказал Господь о суде и как ждут суда, и все нет его. Но что же из этого? Не было его доселе, но, может

быть, не успеем мы выдти из храма сего, как придет Господь. Ибо то несомненно, что Он придет и что никто не может сказать определенно, когда Он придет. И вздоха не проведем, как Он явится. Ной говорил своим согражданам: перестаньте грешить, иначе — потопом потопит вас Господь. Может быть, в начале проповеди иной и остепенялся, но потом, как прошло десять, двадцать, сто и более лет, всякий давал себе право не верить так долго не сбывавшейся угрозе. Но неверие сие ведь не отдалило же события. Пришел же потоп и взял все... Может быть, за минуту до этого повторял проповедь свою Ной, и над ним смеялись, но все же исполнилось то, что положено Господом; иного, может быть, за смехом сим и потоп застал. Так и у нас есть немало людей, кои отдаляют час суда; иные, может быть, и не верят тому; но все это не отстранит суда, и будет минута, когда исполнится положенное Господом, — исполнится, когда не чаем, захватив нас внезапно. Во дни Ноя, говорит Господь, ели, пили, женились, посягали, строились и торговали... Никто и не думал о потопе. Но потоп пришел внезапно и взял все... Вот и мы едим, пьем, веселимся и хлопочем о разных делах, — о суде Божиим и думать не думаем;

но, может быть, он сейчас же придет и застанет нас, в чем есть. Ибо, как молния, показавшись на одном краю неба, в одно мгновение пробегает до другого и охватывает все небо, так будет внезапно и мгновенно явление Сына Человеческого.

А мы отдаляем от себя сие решительное время и отдаляем на неопределенную даль, так что и конца будто не видать, когда сие будет. Но вот что: отдаляйте суд Божий, на сколько хотите. Может быть, и в самом деле не скоро еще придет Господь судить живых и мертвых; но какая же от этого нам льгота или поблажка?.. Все же Он придет и будет судить именно нас и судить без лицепрятия, по закону Евангелия, нами воспринятому. Все же наш долг быть истинными христианами от того нисколько не умалается. Хоть сейчас, хоть через тысячу лет придется нам стать на суд, все же придется, и на суде том мы будем давать отчет в употреблении настоящих часов, дней и лет, действительных, а не будущих, воображаемых. Так не лучше ли нам всякий час держать себя так, как бы Господь сейчас имел явиться, или, лучше, так, как бы мы стояли уже на суде. О, если бы Господь дал нам в такое настроение привести ум свой! какая ревность о святости начала бы

тогда снедать нас? Враг знает силу сего помышления и всячески выбивает его из головы нашей разными благовидными предположениями! Но, братие, умудримся противопоставить всем его козням одно простое рассуждение. Скажем ему: «Пусть не скоро Суд, но ведь если можно отсюда извлекать какую-либо поблажку, то это тем только, кои могут быть уверены, что час смерти их совпадает с часом суда отдаленного; нам же что из того? Вот ныне или завтра придет смерть и покончит все наше и запечатлеет собою участь нашу навсегда, ибо после смерти нет покаяния. В чем застанет нас смерть, в том предстанем мы и на суд. Застанет нас смерть нераскаянными грешниками, грешниками нераскаянными узрит нас и Судия праведный и осудит. Застанет нас смерть кающимися о грехах и ревнующими о добре, — такими признает нас и судящий Господь и помилует. Но когда придет смерть наша, никто того сказать нам не может. Может быть, еще минута, и всему конец... и пойдем мы к престолу Божию, и услышим от него приговор, которого уже никто переменить не может». Такое рассуждение противопоставим лукавому врагу, который мыслию об отдаленности суда Божия покушается затмить в уме нашем картину сего

суда и тем расслабить ревность нашу. И в самом деле, что пользы за горы отдалять время Страшного суда, когда смерть, не меньше его грозная и решительная, стоит у нас за плечами? Покоримся же, как дети послушные, спасительному внушению матери нашей — Церкви! Наполним память свою картиною суда Божия и не будем отрывать от него своего внимания! От суда веет не одним страхом и ужасом... Он может подать и обильное утешение. Ибо там будет сказано не одно: *отыдите... проклятии...* но и другое: *приидите, благословеннии...* и последнее прежде первого. Надобно только, помышляя о суде Божиим, так устроить жизнь свою, чтоб не попасть ошуюю, к козлищам, а одесную, к овцам. А для сего что нужно?.. Заповеди Божии исполнять со всею ревностью, а если в грехи какие впадем, каяться о том и плакать, постоянно уговаривая душу свою такими песнями церковными: «Живущи на земли, душе моя, покайся: персть во гробе не поет, прегрешений не избавляет. Возопий Христу Богу: Сердцеведче, согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя.

Доколе, душе моя, пребываеши в прегрешениях? Доколе приемлещи покаяния преложение? Приими во уме суд грядущий и возопий

Господу: Сердцеведче, согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя!» (тропари по 3-й кафисме).

«Душе, покайся прежде исхода твоего, суд неумытен грешным есть и нестерпимый. Возопий Господу во умилении сердца: согреших Ти в ведении и не в ведении, Щедрый, молитвами Богородицы ущедри и спаси мя» (тропарь по 4-й кафисме). Аминь.

4. В неделю сыропустную

Нынешний день Святая Церковь посвящает воспоминанию падения прародителей наших, и вы слышали, какие жалобные сетования влагает она в уста изгнанных из рая и сидевших прямо против него праотцев наших! Так живо было тогда чувство потери: рай был в виду и из него, может быть, доносились благоухания цветов и деревьев, напоминавших о блаженной жизни, которую так недавно вкушали они в невинности. Нельзя было не сетовать праотцам нашим.

Но то было сетование не Адама и Евы; но сетовала природа человеческая падшая! Все силы души и все части тела издавали плач. Прародители передавали его только словом сетовавшей вместе с ними твари и будущему

потомству. С той минуты сетование, плач и грусть сроднились с природою человеческою и стали составлять основной тон наших сердечных чувств и расположений. И кто из потомков первоизданного, наследников падшей природы человеческой, не засвидетельствует сего собственным опытом?

В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что после самого полного веселия душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей раи. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются. Но, если увидим мать, плачущую над умершим сыном, единственную свою опору, или жену, раздирающуюся над могилою любимого мужа, скорбь глубоко пронизывает душу нашу, и слово и образ сетующих неизгладимыми остаются в памяти нашей. Не значит ли и это, что скорбь ближе и сроднее нам, нежели радость? Вы слушаете пение или музыку; приятно, конечно; отзываются в

душе веселые тона, но они скользят только на поверхности ее, не оставляя заметного в ней следа, между тем как тоны грустные погружают душу в себя и надолго остаются ей памятными. Спросите путешественника, и он скажет вам, что из множества виденного выдаются из-за других у него в голове преимущественно такие предметы и места, которые погружали его в грустную задумчивость.

Этих примеров достаточно, кажется, в пояснение той мысли, что основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае, и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?..

Один язычник подслушал сей плач души человеческой и вот в какое иносказание облек он свою о том мысль! Какой-то мудрец старых лет ходил в уединенном месте, погруженный в размышление о судьбах человечества. Из сей задумчивости он выведен был вопросом: «Ты, верно, видел его; скажи, куда пошел он; я устремлюсь вслед его и, может быть, настигну

его». Обратившись, мудрец увидел девицу. На ней была одежда царских дочерей, но изношенная и изорванная. Лицо ее было мрачно и загорело, но черты его показывали бывшую некогда высокую красоту. Осмотрев странницу, мудрец спросил ее: «Что тебе нужно?» Она опять повторила: «Ты, верно, знаешь его, скажи, где и как мне найти его?» «Но о чем это говоришь ты?» — спросил мудрец. «Ты разве не знаешь об этом? — отвечала дева. — Ох-ма! А я думаю, что нет человека, который бы не знал о горе моем». Мудрец с участием спросил ее: «Скажи, в чем горе твое, и, может быть, я придумаю, как пособить тебе». «Подумай и пособи, — отвечала она. — Вот что я скажу тебе. Я была в стране светлой, исполненной радости. Мне было там хорошо, как хорошо! Готовился брак... Жених мой, не помню черт лица его, был неописанной красоты... Уж все почти я забыла... но помню, что все уже было готово к браку... как вот кто-то пришел и говорил мне такие сладкие речи... Потом дал мне что-то выпить. Я выпила и тотчас впала в безпамятство или заснула. Проснувшись, — ах, лучше бы мне не просыпаться никогда! — проснувшись, я нашла себя на этой земле, мрачной и душной. Где девалось то мое светлое жилище?

Где мой жених и его радостные очи, я того не знала. На первых порах я только бегала в беспамятстве туда и сюда, рвала на себе волосы и била себя в перси от сильной муки, томившей душу мою. Успокоившись немного, я решилась искать потерянное... И вот сколько уже времени хожу по земле и не нахожу того, егоже возлюби душа моя. Днем спрашиваю солнце, а ночью луну и звезды, каждые сутки обходя кругом землю: не видали ль вы где того, кого ищет душа моя? и они не дают мне ответа... Есть ли горы, где бы не слышался голос мой? есть ли леса, где бы не раздавался вопль мой? есть ли долины, которых бы не истоптала нога моя? Но вот сколько уже времени блуждаю, ища потерянного, и не нахожу. Но скажи, не знаешь ли и не слышал ли ты, где то, о чем так тужит душа моя!» Мудрец подумал немного и сказал: «Если б ты назвала мне имя жениха твоего и имя царства его и страны, где было светлое жилище твое, я указал бы тебе туда дорогу, а по тому, как ты говоришь, никто не может поруководить тебя! Разве не сжалится ли над тобою жених твой и не пошлет ли кого указать тебе дорогу в потерянное тобою блаженное жилище, или не придет ли сам за тобою!» Сказав сие, мудрец отвер-

нулся, а дева пошла далее снова искать необретаемого.

Понятно, что значит это иносказание! Оно изображает душу, сетующую о потере рая и общения с Богом, ищущую его и не находящую. Такова и всякая душа, таковы и наши души по естеству! Разница в чем? В том, что языческая душа только искала и искала, но не находила искомого, и язычник не мог далее идти! Разум встречается с ясными признаками — указателями падения и потери рая, но не умеет найти способа к восстановлению падшего и возвращению потерянного. Мы же, братие, не сыны ночи и тьмы, но сыны света и дня. У нас не может быть о том никакого недоумения. Мы знаем, что Господь и Спаситель Сам приходил на землю взыскать и спасти погибшего; Сам всех призывает к Себе: *приидите ко Мне...* и *Аз упокою вы* (Мф. 11:28). Вы потеряли царство.. Вот оно приблизилось! Покайтесь и веруйте во Евангелие, и Я возьму вас к Себе, и будете со Мною в раю, в обителях Отца Моего веселиться и вечеряти. Так, братие, брак снова уготован. Господь Сам предлагает Себя в Женихи кающейся душе, для чего послал в мир невестоводителей, сначала апостолов, а потом преемников их, чтоб они обручали Ему

души человеческие, сетующие о потере тесного общения с Ним, представляя Ему их, посредством освятительных действий Церкви, девами чистыми, неимущими скверны или порока, или нечто от таковых.

Благодарение Господу! Вот и нас призвали ко браку! Вот и мы уже в невестнице Христовой, в Святой Церкви! Вот и наши души получили знак уневещения — обручения Святого Духа в святых таинствах, как бы обручальное кольцо! Что еще остается? Остается ожидать, когда отворится дверь, изыдет Жених и позовет нас к Себе, в вечные обители. Тогда возрадуется сердце наше, и радости нашей никто уже не возьмет от нас. О, даруй, Господи!

Но, братие, вам ведомы условия, на которых все сие — обещаемое — будет действительно нам даровано! Будет возвращен нам рай и брачное общение с Господом, если явимся чистыми и непорочными пред Ним, когда предстанем Ему по исходе от жития сего. Мы уже очищены в крещении и сколько раз очищали себя в покаянии. Но посмотрим на себя поближе: нет ли в нас еще каких пятен, обезображивающих лицо или одежды наши, и поспешим снова омыть их слезами покаяния. *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения!* На-

стают дни очищения! Воспользуемся сим благоприятным временем! Много бо согрешаем все. Если не у всякого есть смертные грехи, но все же есть грехи. Запылившийся в дороге хоть не то же, что упавший в грязь, но все же ему нельзя оставаться так. Надо и лицо умыть и платье вычистить. Так и тем, кои идут путем жизни сей многособлазнительной, нельзя не запятнаться хотя чем-нибудь. Что бы это ни было и как бы малозначительным ни представлялось, нельзя того оставить на себе, — надо очистить. Ибо Господь говорит, что в Царствие Его не войдет ничто нечистое. Когда — ничто нечистое, значит, не только большая, но и малая нечистота преградит нам путь в Царствие Божие...

Имея сие в виду, поревнуем очистить себя от всякия скверны плоти и духа в приближающиеся дни, чтоб не лишиться нам навсегда так благостынно возвращаемого нам блаженного жилища. Аминь.

5. В среду первой недели поста

Вот уже протекли мы половину поприща голения! Еще несколько, и приступим к Таинству покаяния, чтоб, очистившись, как должно, сподобиться причащения Святых Пречис-

тых и Животворящих Христовых Тайн, во исцеление души и тела, а не в суд или осуждение. Господь да сподобит нас сего великого дара Его благодати! И сподобит, если не помещаем Ему сподобить. Ибо Он желанием — желает всем приобщиться и всех приобщить Себе; если сего не бывает, то причиною тому мы сами.

И вот о чем больше всего надобно нам позаботиться в остальное еще время: устранить причины, могущие воспрепятствовать любообщительному Господу приобщиться нам, ибо в этом существо причащения! Что же может воспрепятствовать сему? — главным образом — одно: нечистота сердца. Ибо как войти Чистейшему в храмину сердца, когда сия храмина не чиста? Очистим же ее!

Конечно, лучше бы всего содержать ее чистою и потому всегда быть готовым принимать Господа, или, лучше, быть способными всегда носить Его в себе. Но если мы не так счастливы в сем отношении, если, не остерегшись, пали в грехи, запутались в страсти и осквернили тем внутреннюю храмину свою, поспешим омыть ее в предлежащей нам бане покаяния. Когда Господь требует чистоты и святости, то требует непрерывной святости не не-

пременно; а очищения грехов в покаянии и исповедании требует непременно. Мешают грехи общению с нами Господа, но не грехи соделанные, а грехи, по соделании их, оставленные неоплаканными и неисповеданными. О, даруй нам, Господи, обилие слез сокрушения и откровенного, без жаления себя, исповедания грехов!

Но, братие, понудимся немного и сами умягчить свое сердце! В прошедшие дни мы уже довольно подготовили себя к тому. Пост смирил несколько плоть и облегчил душу; домашнее уединение и хождение в храмы отреяли дым и чад мирской суеты; слушание поемого и читаемого в храме и домашнее молитвословие, с чтением, кто может, спасительных книг, заместили уже много недобрых представлений помышлениями благими. Все сие нужно. Продолжая и далее неопустительно поступать таким образом, приложим еще один труд, или прием, исключительно направленный к тому, чтоб сокрушить окаменелое сердце свое.

В руках естествоиспытателей есть один прибор, состоящий из вогнутой большой тарелки, которая, принимая лучи теплоты, собирает их в одну точку и зажигает там вещество, какое будет подставлено. Вот подобное нечто

можно сделать и над сердцем. Соберем на сводѣ ума нашего все поразительныя истины, какіе представляетъ намъ святая вера, и наведемъ ихъ на сердце. Теснимое и проникаемое ими со всехъ сторонъ, оно, можетъ быть, уступитъ силѣ ихъ, умягчится, согреется, расплавится и породитъ пары воздыханій, и загорится жгучимъ огнемъ сокрушенія.

Не считаю ненужнымъ перечислять сии истины: вы ихъ знаете. Например, вотъ что: грехомъ любовь безпредельная Творца и Промыслителя оскорблена, обеты крещенія нарушены; второе: распятъ Господь и Спаситель нашъ (то есть когда грѣшили, мы продавали Его, подобно Иудѣ, заушали, оплевали, ругались надъ Нимъ и наконецъ распяли), черезъ грѣхъ потеряны все высокіе преимущества христіанскіе и не только христіанскіе, но и человѣческіе, и человекъ уподобился скоту. Къ тому еще: нынѣ — завтра смерть, далее суд, котораго, не покаившись, нѣтъ возможности переменить. Еще: можетъ быть, мы, какъ бесплодная смоковница, оставлены только на это время покаянія, въ надеждѣ, что принесемъ плодъ слезъ, и если сего не будетъ, то посечены будемъ. Сии и подобныя поразительныя мысли собирайте въ душѣ и бейте ими свое сердце... Особенно делайте сие во

время молитвы. Труд без саможаления с молитвою верно увенчается успехом! Одного только не забудьте: не верьте своему сердцу!.. Оно лукаво и есть первый нам изменник. Его надо взять в руки и без жалости жать и бить, как жмут и колотят белье, которое моют; надо бить сие сердце за то, что оно, как жадная губка, впивало в себя всякую встречавшуюся нечистоту, и жать для того, чтоб выжать сию нечистоту.

Когда же умягчится сердце, тогда легко им совладеть: тогда оно готово бывает на все и гибко, подобно шелковой материи. Тогда, что ни скажи, оно все сделает. Скажи ему: плачь, — заплачет; скажи: исповедуй грехи, — исповедует; скажи ему: перестань грешить, — и ответит: перестану, перестану. Тогда останется только одно еще дело сделать над ним: навесить на него зеркало слова Божия, или Божественных заповедей, и заставить его смотреться в нем. Тогда оно отразится в сем зеркале со всеми своими пятнами, морщинами и ранами, то есть со всеми грехами, и большими, и малыми; тут увидит оно и гордость и спесь, блуд и тщеславие, щегольство и сластолюбие, обиды, гнев, зависть и прочее... вообще все, чем чье сердце грешно пред Господом. Спросите его

тогда: ты ли это? и оно охотно ответит: да, это я... несчастное; а в другое время оно спрячется, или укажет на другого. Говорите ему: во всем этом ты виновно? Оно ответит: да, я виновно и само добровольно все сие наделало... а в другое время оно сего не скажет. Говорите ему: ты безответно: да, безответно; а в другое время оно наговорит бездну оправданий и извинений. Прибавьте ему наконец: припади же к стопам милосердия Божия и умоляй Его о помиловании... плачь и сокрушайся, исповедай все грехи свои и положи твердое намерение не поблажать более страстям своим, не грешить и не оскорблять тем Господа своего! И все сие оно совершит, как послушное дитя. А в другое время ему хоть и не говори!

Вот как дорого умягчение и сокрушение сердца!.. Оно одно заменяет все правила и все руководство. Обыкновенно много пишется правил, как готовиться к покаянию и как производить его... Но я скажу вам одно: умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научит вас всему! Как бедный, находящийся в тесноте, является изобретательным к облегчению своей участи или выполнению помощи, — таковым явится и сердце сокрушенное... Ибо оно тогда будет в тесноте, как пойманный и

уличенный преступник. Как начнет оно тогда хлопотать о том, как бы облегчить скорбь свою и избежать близкой опасности! Как радостно ухватится тогда оно за способы, предлагаемые Церковью, такие способы, к коим без того надобно бывает привлекать его ужем (веревкой — *прим. ред.*), как ленивого раба, и ухватится за них тем радостнее, что способы сии так немногосложны: переузнай грехи свои все, то есть все грешные дела, слова, мысли, чувства и расположения, и поди — исповедай их духовному отцу своему! И будешь непорочен, и выйдешь из бани покаяния чист, как волна, и бел, как снег. Вот и все! Видите, как немного! А каков плод? Таков, что его и описать нельзя; ибо того, кто так поступает, Господь не сочтет уже недостойным вселения Своего, но сотворит с ним по обещанию Своему: к нему приидем и обитель у него сотворим с Отцем и Святым Духом через приобщение Крови Моей и Плоти. А тогда — вот и Царствие! Вот и все, чего так ищем и с таким потом добиваемся!

Сотворим же так, братие! Поспешим так устроиться ко времени причащения Святых Тайн, чтоб через то сподобиться быть единым с Господом. О, Господи, помоги нам! О, Господи, благопоспеши нам! Аминь.

6. В пяток первой недели поста

Когда в каком-нибудь городе ожидается прибытие царя, то жители его всячески заботятся о том, чтоб приготовиться к достойному принятию его: выравнивают дороги, исправляют улицы и дома, особенную же заботу прилагают о том, чтоб убрать прилично царскому лицу дом, назначенный для помещения государя. Потом, когда уже все подготовят, то ко времени, назначенному для прибытия его, выходят в сретение ему. Тут, если и говорят, то только о желанном высоком посетителе! Когда же наконец пронесется весть: едет! — все погружаются в глубокое молчание, только очи свои устремляют туда, откуда ожидается прибытие его.

Вот точно то же и у нас теперь. Святая Церковь давно уже возвестила нам: грядет Господь, грядет ко всем, хотящим принять Его. Вступив во святую čtyрeдeсятницy, мы начали готовиться ко сретению Его в несомненной уверенности, что Он придет к нам в святом таинстве Тела и Крови Своей и вселится в нас через причащение. Для сего оставили житейские дела, говели, ходили в храмы, уединялись, молились, читали и слушали читаемое. Потом мы должны были, пересмотрев всю свою жизнь, сделать стропотное правым и острое гладким — испо-

веданием и обетом не портить более пути своего; должны были поставить в должный чин все отправления и нужды тела, эти улицы, где будет проходить Господь; паче же всего позаботиться о том, чтоб убрать храмину сердца возбуждением в нем добрых чувств и расположений, чтоб, пришедши, Господь успокоился в нем и Своим покоем упокоил нас с облаженствованием. Сделано ли все сие, братие, как следует? Если так, то мы совершенно готовы встретить Господа. И он обрадуется нам... и мы будем обрадованы Им. Теперь же что? — Теперь выходите в сретение Его.

Еще несколько, и Господь придет! Будем ждать Его в глубоком молчании, как ждут помянутые граждане государя! Пусть умолкнут у нас все чувства и око ума невозмутимо да зрит туда, откуда чает встретить Желаемого, углубляясь в Таинство Тела и Крови. Случалось ли вам в полночь сидеть в уединенной комнате? Вы, верно, ощущали, как в ту пору на все кладется печать молчания, и по всему миру проходит какая-то величественная тишина, делающая заметным самое легкое движение. Вот в такое состояние поставим и мы себя с сей поры, в чаянии наития на нас пришествия Господа, и в свое время Он снидет на нас, *как*

дождь на руно и как капля, каплющая на землю (ср.: Пс. 71:6). Мудрые девы в полночь встретили Господа и введены были Им в брачный чертог. Полночное молчание устроим и мы в душе и встретим так Господа! Израиль, после трехдневного приготовления приведенный Моисеем к подножию Синая, в неподвижном молчании, в страхе и трепете ждал Бога, имевшего явиться ему на горе и говорить к нему: так устроимся внутренне и мы и благоговейно будем ждать не страшного в громах и молнии явления Бога, но явления Господа, обилие милостей нам приносящего.

Скажет кто: как в глубоком молчании? Уже ли без всяких чувств? Нет, не без всяких чувств, а только без движений суетливых и бурных, с тихим чувством умиления, растворяемого радостною надеждою истинного вкушения Господа. Но — приходит великий Господь. Как не страшиться и не трепетать! Да со страхом и трепетом исходите во сретение Ему, но не с таким, который мучит и заставляет бежать и укрываться, а с таким, с каким херувимы и серафимы предстоят страшному престолу Божию, пия от него блаженство, несмотря на всю престрашность. Но те бесплотны и чисты, а мы с плотию и исполнены грехов! С

грехами нельзя приступать к Господу, и не приступайте. Бог есть огонь поядая и пояст, как Дафана и Авирона всякого, кто придет к Нему во грехах. Только идут ли к вам сии опасения? Если вы сознали все грехи свои, поболели и сокрушились о них, исповедали их духовному отцу и положили твердое намерение не грешить более, — веруйте, что в час разрешения священнического совершенно изглажены все грехи ваши, вы объявлены невинными и облечены в царскую одежду оправдания, в которой дерзновенно можете приступить к брачному пиру Сына Царева. Если точно вы приготовились, как следует, то не оскорбляйте пустою страшливостью Господа, грядущего к вам с обилием милостей. Полные благоговейной любви очи устремите на Него и так исчезайте в Нем теплым возношением к Нему сердца своего, пока приидет и вселится в вас.

Так, братие, еще мало — елико, елико Грядый приидет и не закоснит.* Верую и любовью приступим, да причастницы жизни вечной будем; верую и любовью сретим Его и отверзем Ему двери сердца, да внидет Он и вечеряет с нами. Отселе же позаботимся учредить

* Скоро, скоро Грядущий придет и не замедлит (*Прим. ред.*).

и самую вечерю. На сию вечерю Он Сам Себя принесет, а мы что? — А мы принесем хлеб и соль. Соль — плач и сокрушение о грехах прошедших; хлеб — твердую решимость не грешить более. Вот то, что больше всего Он жаждет вкусить в нас, когда мы причащаемся Его. Это — и должное сретение Его, и покойное ложе, на коем упокоится Он, насытившись нами и нас насытив Собою!

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст вам, по богатству славы Своей, силою утвердиться духом Его во внутреннем человеке, вселиться Христу верою в сердца ваша, через причащение Святых Его Тайн. Аминь.

7. В субботу первой недели поста

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Благодарим Тя, Господи Боже наш, яко не отринул еси с грешных, но общники быти святынь Твоих сподобил еси! Благодарим Тя, яко и нам недостойным причаститься Пречистых Твоих и Небесных Таин даровал еси! Буди же нам по глаголу Твоему, Господи: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6:56).

Так, братие, теперь время не собеседования и поучений, а славословия и благодарения! К

единому Господу, вас Посетившему, да будет обращение ваше. Имеете теперь в себе самих — всех наставников единого Наставника... Ему внимайте! **Внимайте** тому, что будет говорить вам Он в тайне существа вашего, сокровенно, но тем не менее действительно. Не членораздельною речью Он будет беседовать с душою вашею, а так — прямо в сердце напечатлеет нужные для жизни вашей внушения. Крепче храните только тишину внутри, изострите ухо сердца вашего, приложите его к устам Его и внимайте.

Всякому подает Он свое благопотребное: кому мир душевных сил, кому просвещение очей сердца, кому исцеление ран душевных, кому возбуждение ревности на добро, кому готовность на подвиги и самоотвержение, кому убеждение в истине, — всякому свое. Но, чем больше кто окажет внимания и готовности к деятельному послушанию, тем больше получит уроков, таких уроков, кои не памяти предаются, а печатлеются на существе. Не лишите же сами себя сего блага! Не мешайте Господу действовать в духе вашем: заключите их одних в храмине сердца. Пусть останутся вдвоем. Как в притче жених, введши внутрь брачного чертога мудрых дев, заключил двери, и

никто уже из внешних не мог нарушать их взаимного общения, — так и вы, прияв в себя Господа, затворите все входы и исходы, заключитесь и сами с Ним внутри и отстраните всякое внешнее развлечение.

Мы были больны, в большей или меньшей степени; теперь приняли Врача вседейственное врачевство. Дадим врачевству сему вполне воздействовать в нас и, член за членом, проникнуть весь состав существа нашего, пройти во все уды, во утробу, в сердце, душу очистить, освятить помышления, суставы утвердить с костями вкупе, чувств просветить простую пятерицу и показать нас селением единого Духа, а не селением уже греха, показать домом Бога, от Которого да бежит всякий злодей и всякая страсть. Вот сколько надобно еще произвести Врачу! не будем же мешать Ему! Говорят, что сон больного благоприятствует действию врачевства. Успокоимся же, как бы уснем для всего внешнего, чтоб дать свободу принятому Врачу и врачевству действовать беспрепятственно в нас всею Своею силою.

И время ли теперь заниматься чем-нибудь посторонним? Дайте душе нарадоваться Господом и Господу — душою. Давно они не видали друг друга. Грехи разлучали их! О, если б

никогда не повторялись грехи сии! Как тому, кто с дороги, дорог покой, так дорого упокоевание Господу теперь в душах наших. Он утомлен исканием нас и исканием входа к нам. Грехами своими, страстями и мирскими обычаями мы изгнали Его. Вот все время Он искал нас, то, как потерянную драхму, то, как овцу погибшую, и не находил, потому что мы всячески ухищрялись укрываться от Него. Бывало, что Он и захватывал нас где-нибудь, становился у дверей сердца и толкал, чтоб отворили, но мы не отворяли: толкал словами истины, и мы не внимали им; толкал тревогами совести, и мы заглушали их; толкал внешними скорбями, но и то не образумило нас. Наконец вот настало благоприятное время поста. Мы немножко остепенились, потрудились в подвигах молитвы и воздержания пришли в себя, отверзли Ему сердце свое исповеданием и сокрушением, и Он вошел в нас в Святом Причащении. Дадим же Ему насладиться душою нашею! Не возмутим покоя Его скорым возобновлением суетностей и тем паче — страстных дел и обычаев...

Сколько раз уже мы изгоняли Его!.. Дотерпим Его в себе хоть теперь. Правда, милостив Господь! Верно, снова будет искать входа к нам

и снова внидет. Но что, если нынешнее Его снисхождение к нам есть последний предел его долготерпения!.. Что, если, будучи и после сего вынужден отойти от нас, Он произнесет окончательный приговор: *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13:35)! Редко бывает сие, но бывает. Почему знать, не сбудется ли сие над нами, если снова допустим себя — оскорбить Его любовь к нам горящее сердце! Тогда что? тогда семь лютейших бесов внидут и будут витать в нас, муча и терзая. Ах, убоимся сего, братие!

Но страх сей поставим при дверях сердца нашего, как стража и охранителя внешнего, внутри же всею любовью обьемем Господа и в сем сладостном общении пребудем с Ним до гроба, храня твердо положенный ныне с Ним завет и обеты, данные на исповеди: **грешен не буду, грешен не буду**, и, ходя таким образом, как бы теперь только вышли из купели, в обновлении жизни. Аминь.

Б

Об исправлении сердца

Сыны падшего — зачатые в беззаконии вышедшие на свет с растленною природою, — мы в святой купели крещения возрождаемся в святую жизнь и в таинстве миропомазания получаем силу Святого Духа для святой жизни. Потому, если никто не может похвастаться непорочностью и безгрешностью, между тем, без насилия совести, не может отказаться от святого долга представить себя Богу святым: то что другое всякий должен возбудить и согреть в сердце, как не воодушевленную решимость к самоисправлению, как не божественную ревность об очищении сердца своего от всего богопротивного? Но воспитание в себе всего святого так трудно и многосложно, путь к добру пролегает среди такого множества сокровенных распутий, что приступающему к благому подвигу самоисправления непременно должно начертать предварительно в мысли, что и как исправлять, носить сие начертание постоянно в уме и сердце, чтобы с ним, как

с верным путеводителем, беспреткновеннее и надежнее привести к концу начатое дело.

1. Итак, что нам исправлять в себе?

Почти все, что есть в нас. Грех любит полновластие. Если он в любви у нашего сердца, то уже овладевает им всем, и всего человека покрывает своею зловредною силою. Для грешного и человека и человечества надпись одна: *от ног даже до головы несть целости* (Ис. 1:6). В этом каждый легко убедится, если приникнет (пристально всмотрится — прим. ред.) внутрь грешного сердца. Там увидит он коренное семя зла, увидит основные возбуждения греха, равно как и то, в чем он обнаруживается.

Семя всего нравственного зла — самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, — должен бы жить только для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее, как благодарственной жертвы, к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простираť на пользу ближних и на них же изливать все, чтобы ни получил от Щедродавца — Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, — равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жерт-

водить собою славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслию, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того и от ближних; то естественно останавливается на одном себе, — себя поставляет средоточием, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних.

Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но, разрастаясь и подаваясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех стволах, проникнутых его силою, преисполненных его жизнью: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердце своем: кто как я; второе: всем хочу завладеть; третье: хочу жить в свое удовольствие.

Кто как я! — Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общепольное, могут мысленно возноситься над другими. Самовозношение проходит по всем возрастам, званиям и состояниям; следит за человеком через все умственные и нравственные степени усовершенствования; оно

не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человек жил один, в неизвестности и отдалении от всех, он всегда и везде не свободен от искушения — превозношения. С тех пор, как он к сердцу принял первую лесть змия: *будете яко бози* (Быт. 3:5), с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог, — начал ставить себя выше той черты, на которой поставлен природою и обществом — это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслью, что я выше того, другого, третьего? А между тем, смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-нашему, мысли! Мыслью и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает потому, что этого хочется: он своеволен; если приводит в исполнение предпринятое, — всего ожидает от одного себя: он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; поставляя себя в отношении к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по

его мановению: он властолюбив и склонен к насилию; поставляя других в отношении к себе, не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно ни являлось: он презрителен и непокорлив; встречая нарушение своей воли, выходит из себя, обиженный, воспламеняется местью; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душою, дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! — Едва ли кто может не изобличить себя в том или другом.

Хочу, чтобы все было мое, — замышляет своекорыстный — и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы само лично, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица — все, к чему прикасается его рука и мысль, — несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес — это коренная пружина вез-

де и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждению он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших теней достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, — решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжате́лен, или скуп, и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собою, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени — самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми расстаться столь же больно, как потерять самое сердце, — расстаться с счастьем?

Хочу жить в свое удовольствие, — говорит порабощенный плоти, — и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять (см.: Рим. 8:7). Он изведal только разные роды наслаждений; с ними только и умеет обходиться, говорить об

них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная склонность. Отсюда — лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, лень, распутство — склонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет ли он услаждать вкус — делается сластолюбивым; игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков — многословию; потребность питания влечет его к многоядению; потребность самосохранения — к лени; иные потребности — к распутству. Состоя в живой связи с природою через тело, душевно преданный телу столькими каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отправления и вместе с наслаждениями он вливает в себя и коренной дух природы — дух механического произвольного действия. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти.

Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного семени. На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла — самолюбие; от

него идут полные его силою три отрасли зла — три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рожают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое древо зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное древо, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех, с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, а у другого другая сторона его.

Что же за причина, что мы большею частию не замечаем его в себе и нередко держим на мысли и вслух, не стыдясь, говорим: что ж такое я сделал? — Или: чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. — Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Не покровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листвию, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корни и стволы,

даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть рассеянность и многозаботливость. Рассеянный не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда — замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя, — и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в море нужных будто дел. Настоящего для них нет, что собственно характеризует всю их деятельность. Один охотнее живет в самосозданном мире и действительного касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслию и сердцем весь впереди. Каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое и — спешит к третьему; вообще настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и прочее, — а его дума вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

Но грех не довольствуется одним лиственным покровом: сквозь него можно еще как-нибудь проникнуть, можно раздвинуть листья его ветром скорбей и внутренних потрясений совести и открыть скрывающееся под ним бе-

зображение греха: потому грех сам из себя создаст некоторый непроницаемый покров, на подобие стоячей мутной воды, куда погружает свое древо и с его листвию. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. И что бы вы ни предпринимали для вразумления такого грешника, все напрасно. Он глубоко сокрыт в грехе, как в море. Производите сколько можно сильнейшие звуки над водою, — кто в воде, ничего не услышит. Поражайте, чем вам угодно, нерадивого грешника, он не смутится нисколько. Изобразите пред ним его собственное состояние, он скажет: это не я. Представляйте ему крайнюю опасность, от которой он недалеко, он будет уверять вас, что это не до него касается: возбуждайте его от усыпления, он не устыдится провозгласить: я действую. Так крепок покров, которым закрывает наконец себя грех от взоров того, кем обладает!

Вот в общих чертах все, что предлежит нам изменить в себе, вот обширное поприще деятельности в святом подвиге самоисправления! Надобно снять покров с греха — изгнать из души беспечность, нечувствие, самообольще-

ние, рассеянность и многозаботливость; надобно отсечь его ветви — все порочные страсти и наклонности; наконец ископать его с самым корнем, изгнать самолюбие — самоотвержением. Труд немалый и нелегкий! Греховная нечистота, изображенная перед сим, покрывает душу не как пыль, которую можно стряхнуть легким движением воздуха. Нет, она проникла самое существо наше, срослась с ним воедино, стала как бы его частию: потому освобождаться от нее есть то же, что отделять себя от себя, что изымать око, усекать руку. Впрочем, такая трудность не подавлять нас должна, а возбуждать от нерадения. Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия: от них он еще бодреннее воспрянет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

2. Как же совершать сие дело? — С чего начать, что делать потом, что далее, какой вообще ход внутреннего самоисправления. Сердце человека глубоко; как узнать, что в нем происходит, а тем более что должно в нем происходить при известных обстоятельствах. Всякий имеет свой характер, у всякого свое настроенье, свои страсти, наклонности, привычки. У всякого потому ход внутреннего самоисправ-

ления должен быть свой: и одного для всех установить никак невозможно. Самоисправление не есть дело холодных соображений, а живого и ревнивого действования, совершающегося глубоко в сердце. Христианство — тайна, не в основании только, но и в приложении. Ход образования его в сердце подобен пути по сокрытому и запутанному подземному ходу. Вступающему в него скажут: вот путь, — и решившийся идти идет уже сам. *Кто убо может спасен быти*, скажет кто, соображая все трудности самоисправления? Отвечаем ответом Спасителя на подобный вопрос: *от человек сие невозможно, у Бога же вся возможна* (Мф. 19: 25–26). Решившийся начать христианскую жизнь через святыя таинства получает благодать Духа, просвещающую, укрепляющую и утешающую. Пребывая неотлучно с ним, она руководит его во все время опасного, земного странствования самым премудрым и предусмотрительным образом. И кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? — Разве в сем святом деле может ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства? Послушайте, что говорит Господь: *воскроплю на вы воду чисту, и очиститесь от всех нечистот ваших... и очишу вас. И дам вам сердце ново и*

дух нов дам вам, и отъиму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас (Иез. 36: 25–26). Все от Господа. Ему и предадим себя — представим себя Его благодатному действию нечистое и безобразное смещение, да образует из нас, как художник и содетель, *добрые сосуды в честь*, — создания *добрая зело*. С своей стороны мы можем представить Богу только искреннее желание самоисправления и полную готовность повиноваться Его манованиям. Что происходит с тем, кого посетит благодать Господня, как она поведет его по пути очищения в состояние чистоты и непорочности, — это Спаситель изобразил в притче о блудном сыне.

Первее всего благодать поучает человека, как разоблачить и снять с него покровы: ибо иначе как и приступить к труду, не видя, над чем трудиться? В этом действии — спадает с очей ума ослепление, сердцу возвращается чувство и воля пробуждается от усыпительной безопасности. Вместе с тем душа невольно останавливает внимание на себе и сосредоточивается внутрь: скорбь и страх, перенося душу за гроб, к судному престолу, отторгают ее от мира и представляют заботливости ее другой высший вечный предмет. Обнаженное древо

греха стоит теперь пред умным взором грешника, во всей безобразной нагоде, и уже — не по роду своему — плодородит самоосуждение, покрывает стыдом, жжет судом и угрызениями совести. Луч милосердия Божия в смиренной душе рождает теплоту умиления и изводит токи слез раскаяния; обильные непрестанные слезы с самым корнем вымывают наконец из сердца все древо греха. Так совершается все. Человек стоит теперь на чистой земле непорочности и ревнует о святом благочестии.

Коротко и легко дело самоисправления в описании; но не так коротко, а тем менее легко бывает оно на самом деле. Многообразны нужды наши, многообразны и попечительные действия в нас благодати: одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит на пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает, и после многообразных уже странствований проводит туда как утружденного и изможденного путника. *Стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нѣ и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и откроет ему тайны своя* (Сир. 4: 18–20).

Поспешим же в сей благодатный покой, в место веселия духовного, в самые тайники Божественного действования и освящения. Трудно! Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении. *Жена егда рождает, скорбь имать*, но за радость рожденного дитяти забывает все прежние скорби (Ин. 16:21). *Недостойны и страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8:18), — явится и здесь, в духе, и там, во всем нашем существе. И что еще особенно может служить нам в утешение? То, что труд самоисправления не столько тягостен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотоле, пока мы не вступили в него. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу. Спросите у всякого нелицемерно деятельного человека, спросите его о тяжести трудов: он то же скажет вам, что труды его могут исчислять и взвешивать только другие, а для него их нет, он не замечает их. Воодушевление, приводя в быстрое движение все его силы, поглощает все

беспокойства, возносит его над всеми препятствиями и среди неудобств — он идет, как по гладкому и пространному пути. То же в деле спасения; тесен путь к Царствию, тяжким представляется иго Христово: но только до тех пор, пока мы стоим еще вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, — она приносит с собою и воодушевление на на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет вслед Его, радуясь и благословляя иго, воспринятое от Него. Со стороны будут видеть его в труде, в язве и озлоблении, а он, как пред Сердцеведцем, в слух всех исповедует, что он и все подобные ему живут — *незнаемы, и познаваемы... яко скорбяще, присно же радующеся; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6: 9–10). Спросите, где взять такое воодушевление? Будем молиться, и молитва веры низведет сей божественный огонь. Будем молиться о воодушевлении, о решимости и возбуждении от греховного сна. *Ныне ближайшее нам спасение... Ночь прейде, а день приближися* (Рим. 13: 11–12)... *Бог же рекий из тмы свету возсияти, да возсияет в сердцах наших, к просвещению разума, славы Божией о*

лице Иисус Христове (ср.: 2 Кор. 4:6); как Бог упования да исполнит нас всякия радости и мира в вере, избыточествовати нам в уповании, силою Духа Святаго (Рим. 15:13).

В

О борьбе со грехом

После того как человек волею своею воспротивился воле Божией, в угодность воле дьявола, он подпал под власть последнего и потерял данную ему первоначально силу свободно и охотно ходить в воле Божией. Теперь, напротив того, в его душе напечатлелось нехотение повиноваться Богу и хотение жить по своему желанию. Это превратное настроение сердца человеческого от одного перешло во всех, и все стали в этом отношении как один: *грех... во вся человеки вниде* (Рим. 5:12). Сие-то хотение творить волю только свою, не покоряясь воле Божией, с нехотением противиться себе и повиноваться Богу, и есть то, что называется живущим в нас грехом (Рим. 7: 17–20, 23).

Грех, вселившись в самой глубине души, вместе с тем подчинил себе и все силы ее, — ум, волю и чувство, и разложился от сего на множество наклонностей, страстей и греховных помышлений; из души перешел в тело, отсюда в дела и поступки, и таким образом проник все поведение и все отношения человека.

Так, «грех приразился ко всему существу человека, — и к душе, и к мыслям, и к уму, — потряс все телесные члены; и ничто ни в душе, ни в теле несвободно и не удалено от злых влияний сего живущего в нас греха»*. «Весь человек облечен в сей грех, чтобы не мог уже смотреть так, как бы хотелось, но чтобы и видел худо, и слышал худо, чтобы ноги имел скорые к злодеянию, и руки, простерты к беззаконию, и сердце, занятое злыми помыслами».**

Живущий в нас грех, с диаволом — отцом его, точно есть деспот, держащий душу у себя в плену и не дающий человеку делать то, что противно ему. Как инстинкт, влечет он грешника по обычному пути далее и далее, не давая ему времени одуматься и как-нибудь остановить цепь своих греховных желаний. Большею частию грешнику и на мысль не приходит изменить свою жизнь: грешник и не думает о том, что грешит, «вверженный в море забвения и бездну оков, и как бы во вратах ада поселившись»*** «Округ бо сердца завеса некая тьмы обложена лежит, дым, глаголю, ис-

* Прп. Макарий Великий. Беседа о поврежденном и обновленном состоянии человека, п. 4.

** Там же, п. 1–2.

*** Прп. Макарий Великий. Слово 4. О терпении и различении вещей, гл. 18.

ходящий от огня мирского духа, который ниже мысли допускает обращаться с Богом, ниже душе позволяет по соизволению молиться, или веровати, или любить Господа».* Но если и увидит грешник, если и узнает, что того или другого не должно делать, что то или другое желание, та или другая наклонность, безнравственны: то и тогда что пользы? Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу в противность незаконному желанию или незаконной наклонности; потому что ему вообще не хочется не грешить, не хочется воспротивиться себе и покориться Божией правде. Он пленник, увидевший, что связан по рукам и по ногам, и безопасно предавшийся поносной судьбе рабства. Это главный недуг, коренное зло, поддерживающее все душевные недуги, питающее все греховные наклонности — нежелание восстать против греха, нежелание покориться воле Божией. Кто хочет освободиться от рабства греховного, очистить душу свою от всех скверн, тому необходимо прежде всего возненавидеть грех, возжечь желание противиться ему, истребить противление Божию закону и возжечь желание ходить в нем, — необходимо

* Прп. Макарий Великий. Слово 4. О терпении и различении вещей, гл. 5.

переломить волю. Без сего нельзя сделать никакого добра, нельзя победить ни одного греховного движения. Правда, «суть нецыи, — как говорит святой Макарий, — воздерживающийся от всякаго блуда, и татьбы и мшелоимства, и подобных сим грехов, и посему в число святых вносят себя: но в самой истине весьма далеко отстоят от святости. Обитает бо в уме их злоба многажды, и живет, и пресмыкается, и не у (еще не — *прим. ред.*) оставила их».* «Не просто бо воздержание от злых, — говорит он в другом слове, — очищение есть: но истребление тех из совести совершенное есть очищение. Вниди ты, кто-либо еси, через возрастающие в тебе выну помышления, к военнопленной и рабе греха — душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений исследуй: и узриши в недрах души твоя ползающего, и гнездящегося змия, убивающего тебя отравою частей души твоя. Неизмеримая бо бездна есть сердце: но аще убиеши змия сего, похвалися перед Богом о чистоте твоей; аще же ни: смири себе, яко немощный и грешный». ** Сия-то злоба, сей-то змий, кроющийся в сердце — хотение греха и нехотение прав-

* Слово 5. О возвышении ума, гл. 20.

** Слово 1. О хранении сердца.

ды — и должно быть убито первоначально. Без сего невозможен никакой успех: при каждом деле будут как бы отниматься руки.

Не вдруг, без сомнения, заметно очистит себя и тот, в ком совершится решительный перелом воли. Против него будут возставать страсти, наклонности, привычки — все, что он прежде делал с удовольствием и в чем с неприужденностию упражнялся; но, по крайней мере, после сего у него есть возможность противостоять сим восстаниям, есть возможность ослаблять их, умалять и сокращать. За изменением главного расположения последует изменение сил души — чувства, воли и ума, далее ослабление или совершенное погашение страстей и наклонностей, одних за другими, хотя все это не вдруг и не тотчас. Падать легко, но нелегко восставать; легко сбегать под гору, но нелегко подниматься на нее.

После сего очевидно, что свергнуть с себя узы рабства греховного нельзя без борьбы и борьбы напряженной, продолжительной, и что сия борьба имеет два вида, или два приема. **Сначала** надобно восстать против греха вообще возненавидением его, изгнать его из его главного местопребывания переломом воли, возбуждением жажды противления греху и

покорением себя святой воле Божией, — а **потом** уже восставать и против порождений сего греха, поражать остатки его в себе до возможного его истощения. Там совершается генеральная битва, здесь не более как умиряются частные возмущения побежденного; там разоряется главное укрепление врага, а здесь он изгоняется совсем из земли, возвращенной победою законному владельцу, и преследуется до последних пределов ее.

А

И главную победу души над грехом должно отнести вообще к борьбе христианина со грехом, потому что хотя в ней и преимущественно действует благодать, но остается еще довольно места и свободному употреблению собственных сил души, как это увидим из ее описания.

1. Первое в ней действие — пробуждение принадлежит благодати. Грех скрывает узы, в которых держит душу, и она, по ослеплению, привыкает к своему рабству и начинает любить его. Грешник, не подозревая никакой для себя опасности, спит сном смертным. Он не восстанет и не воскреснет, если не возбудит и не оживит его благодать. Посему-то Спаситель стоит при дверях сердца и толчет. Мину-

та, способ, обстоятельства сего возмущения совершенно сокрыты в премудром распоряжении Божией благодати. Она приходит не с усмотрением, исторгает грешника из потока греха и ставит вне его без всякого со стороны человека содействия, хотя и соображаясь всегда с нравственной приемлемостью человека. Для возбужденного благодатию мгновенно, как блеском молнии, освещается все и в нем самом, и вокруг его. С особенною силою раскрываются пред ним свойства Божий, зависимость человека от Бога, его назначение и особенно настоящее состояние. Он как бы вводится теперь в должное отношение и связь со всем, с чем должен стоять в связи. Такое прозрение, отражаясь в сердце, рождает в нем чувство своего расстройств и унижения, тихую грусть о том, что довел себя до того, глубокое убеждение в том, что ему не должно быть таким, потребность выйти из такого беспорядка и некоторое ощущение лучшей жизни и лучшего состояния.

Состояние, в котором бывает душа при благодатном пробуждении, есть такое состояние, которое может быть произведено единственно благодатию. Правда, о всем, что происходит тогда в душе человека, может рассуж-

дать всякий грешник и сам с собою, может даже возбудить и подобные же чувства; но сии действия свободы совсем не то, что благодатное пробуждение. Собственные размышления грешника обыкновенно уклоняются в общность, а благодатное действие ограничивает внимание грешника одним собою; от того свои размышления скользят только у него по поверхности души, не касаясь сердца, а если и касаются иногда, то легко, без углублений; между тем как возбуждения благодатные входят в самую глубину существа человеческого и касаются самых коренных оснований его: ибо Богу свойственно глаголать прямо в сердце. И чувства, какие возбуждает иногда грешник долгим и напряженным размышлением о поразительнейших предметах, совершенно ненадежны. Они силою втесняются в сердце, держатся в нем принужденно и готовы исчезнуть с прекращением напряжения, не оставив по себе приметного следа; но чувства, благодатию возбужденные, доходят до самых оснований сердца, там напечатлеваются, исполняют его, хотя бы напряженным размышлением мы хотели развлечь их, и, когда утихают, всегда оставляют по себе глубокие следы. Потому-то напрасно надеется кто сам себя, без благода-

ти, возбудить от сна греховного. Все, что остается здесь свободе человека, — это молитва о сем возбуждении — усердная, искренняя, сопровождаемая обетами неуклонно следовать призыванию Божию. «Яко же несродна естеству нашему злоба, но преступлением первого человека вкравшуюся отвне оную прияли в себе, и даже как бы в естество наше тая пременилася: тако чрез несродный же естеству нашему, небесный глаголю, Духа дар, паки изгнати оную из естества нашего подобает, и первую возставить в нас чистоту. Но сего многими прошениями и молитвами только может получитьи душа».* «Да вопиет душа всею силою ко Господу, яко да чрез благодать Духа Своего достойну сотворит свободитися от страстей».**

2. *Се, стою при дверех и толку, аще кто услышит* (Апок. 3:20). Пробужденный грешник слышит; но кто слышит, может еще не отверзать входа. Между слышанием и отвержением проходит более или менее времени в колебании слышащего — отверзать ли, или нет. Пробужденный грешник поставлен благода-

* Прп. Макарий Великий. Слово 5. О возвышении ума, гл. 5.

** Его же Слово 6. О любви, гл. 12.

тию на середине между двумя путями — греха и правды, поставлен, впрочем, так, что ему дана возможность избрать жизнь по духу, по правде, не удерживаясь уже насильственно законом плоти или греха, по которому *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7:18). Теперь свободе человека предлежит: склонить себя решительно на сторону добра, сделать сие расположение господствующим и воодушевить себя решимостью сейчас же начать свое исправление, — свободе, говорим: ибо благодать, прежде предварявшая всякое действие, здесь уже последует за расположениями свободы, и не иначе входит в душу, как по возжеланию ее и молитве, не прежде исполняет ее, как уже она сама отверзет уста к приятию ее. «Приходящая благодать действует, — говорит Макарий Великий, — не так, яко бы нудящею своею силою связывала волю, и тако хотяща и не хотяща неподвижно пригвождала к добру: но уступает место самовластию и присутствующая благодать, дабы тем искусити волю и явити: почитает ли душу свою или не почитает; согласна ли с благодатию или несогласна».* Как выполняет и как должна выполнять душа

* Слово 1. О хранении сердца, гл. 12.

сии требования, определить можно только в самых общих чертах.

α) Так, для склонения воли на сторону добра, равно как и для всего последующего, самое первое условие, а вместе и первое средство есть напряженное усилие и молитвенное желание сколько можно долее держать себя в том состоянии, в каком поставлен кто благодатным действием. Посему коль скоро восчувствуешь благодатное действие, не бегай от него, не погашай его рассеянностью или другими какими занятиями, но спеши произвести в себе искреннее согласие на все, что внушает благодать; не отклоняй от нее внимания, а смиренно покорись и предайся ему весь; не умствуй о возможности того состояния, в котором находишься, а лучше к убеждениям, произведенным благодатию, прилагай и еще другие поразительнейшие истины (например, ты унижаешь образ Божий, распинаешь Христа: беда, если еще не послушаешь, — меч над главою, и прочее), или развивай те, кои уже сознаешь. Теперь размышление будет иметь совсем другое действие, нежели в состоянии нечувствия и холодности, обычных грешнику, будет идти прямо к сердцу, по подражанию и соучастию самой благодати, ограничиваясь тобою одним

и обращая к тебе предметы теми сторонами, кои могут произвести в тебе сильнейшее впечатление, и ты будешь не с холодною отвлеченностью мыслить, а при светлой мысли переходить от одного живого ощущения к другому живому ощущению. Быть не может, чтобы при этом не согрелось сердце, не возжелало оставить грех и начать новую жизнь во Христе: Бог увидит твое желание склониться на добро и склонить к нему волю твою. «Принуждати себе подобает к благому, хотя бы для пребывающего в сердце греха и желания к тому не было. Тогда Господь, видя таковое предложение и столь благое тщание, творит милость, избавляет от врагов и живущаго греха, исполняя Духом Святым».*

β) Но тогда как человек душою и сердцем готов воспарить на небо, узы греха всею силою влекут еще его долу. Теперь все, к чему сердце прежде получило постоянное направление, восстает против него, все, что составляет его существенные и коренные возбуждения, начинает противодействовать. Теперь-то, собственно, ему предлежит сильная борьба с самим собою, предлежит то, что мы называли генераль-

* Прп. Макарий Великий. Слово 1. О хранении сердца.

ною битвою. Определить все, что здесь происходит, совершенно невозможно. Это состояние души самое сокровенное и самое непостижимое. Кто видел, как происходит брожение элементов в яйце? Кто скажет, в каком состоянии зародыш в согнивающем зерне? Главнейшие пункты сей брани можно, однако же, определить, основываясь на опытах обращения грешников. На чем преимущественно грех задерживает грешника исправляющегося и против чего ему необходимо напрягать все свое усилие, это суть главные направления греха — коренья страсти грешного сердца. Они суть: выходящее из главного тона отпавшей от Бога души — самоугодие, по которому человек обходится с собою, как мать с единственным сыном; выходящее из главного расстройства существа человеческого — наклонность к чувственному, видимому; выходящее из главного поприща, где раскрывается грех, — сила века (или чело-векоугодие). Самоугодие, внешность, сила века* — вот коренные узы греха. Надобно стряхнуть их. В минуту пробуждения грешника и склонения воли на сторону добра, они буд-

* Иисус Христос указывает на них, когда приглашает идти вслед Себя со крестом, из борьбы с ними и составляет внутренний крест (см.: Мк. 8: 34–38).

то незаметны: ибо здесь душа стоит еще на одном месте; но коль скоро ей нужно приступить к делу, вступить в новый путь, они первые дают себя чувствовать, первые преграждают путь. «Как грешник, благодатию Божиею подвижшись, начинает каяться, — говорит святитель Тихон Воронежский, — то сретаает его различное искушение. Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его женет (преследует — *прим. ред.*) и отвлекает от Христа; начнет работать Христу, и запинаят ему враг и различные простирает сети».* Потому спеша подавить первое их восстание, изгони их из желания особенным напряжением любви к Господу: а теперь дай всю свободу здравому рассуждению и неотступно держи при нем сердце. Просветленное истиною, доставляемою сокровенно действующей благодатию, разумение сначала представит тебе сии предметы в истинном их виде, снимет прелестный (ложный, обманчивый — *прим. ред.*) покров, скрывающий их безобразие, а сердце, если оно не совсем потеряло вкус, почувствует тогда полное к ним отвращение; далее разумение представит тебе всю опасность содружества с ними, а ты поло-

* Наставление для монашествующих.

жи это на сердце, и оно воспламенится ненавистию к сим узам, влекущим его в пагубу; **наконец**, когда разумение изобразит пред твоим сознанием всю красоту духовной жизни, все блаженство общения с Богом и святыми, всю сладость покоя и свободы духовной: тогда сердце побежит от тех скорбных уз, как бегут из огня, и устремится к сим благам, как *елень на источники* (Пс. 41:2). Вообще из сей брани сердце должно вынести решительные расположения, противоположные требованиям греха: жажду злостраданий в противоположность самоугодию, отрешение от видимого — плотского и напряжение к невидимому — духовному в противоположность внешности, предание себя всем неправдам и всему поношению в противоположность человекоугодию и силе века. Потому для счастливого окончания брани он должен с ревностью и возможною быстротою собирать все поразительнейшие представления, могущие воспроизвести их, расположения. Добросовестно действующий несомненно воспроизведет их, благодать укрепит в нем такие расположения, и в душе человека стремление к жизни по духу делается господствующим.

γ) Вот уже душа на самом краю области греховной; уже малая полоса отделяет ее от стра-

ны света, свободы и блаженства! Узы спали, и она готова воспарить туда, как чистая голубица. Но коварство греха и отца его еще не истощилось, еще есть у него стрела, которая дает ему почти всегда верную добычу. Только что напряжет душа силы, чтобы приступить к делу, как вдруг поражает ее внимание жалостный вопль: еще день и довольно; завтра преступишь сию границу. Вопль самый обольстительный! Грех стоит здесь за нас, умаливает, чтобы мы сжалились над собою: но склонись толь мало на его внушение, как вся толпа злых помышлений, прогнанная теперь только из сердца, во мгновение ока, как бы по мановению жезла, охватит тебя отовсюду и подавит своею тяжестью: человек, прежде доходивший до воодушевления, снова не хочет приподнять руки, двинуть ногою. Потому воодушевься мужеством, не почитай сего помышления происходящим от тебя, не давай ему надолго оставаться в душе, и особенно не допускай до сердца. Спешి изгнать его ясным представлением о безрассудстве и опасности отлагательства; будь уверен, что это малое требование есть сокращение всего, есть прелестное представление рабства в виде свободы, есть льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага.

Воодушевься: поразив сего врага, ты приобретешь решительную победу. Скажи: готово сердце мое... восстав, иду...

8) Как идти тебе к Богу правосудному, — осмотришь, сколько грехов нечестия? Ты вместе с Иудею продавал Христа, вместе с Каиафою вел Его на суд, заушал; менял на разбойника, распинал. Как громом поражает душу сей голос лукавого, адское дыхание его охватывает оную и готово пожрать в своем огне. Ты видишь бездну погибели, но обратись и посмотри на бездну милосердия, щадившего тебя доселе. Если прежде, как ты и не помышлял о Боге, Он щадил тебя, то тем более теперь. Там ничего у тебя не было, а теперь есть хоть мало... Мужайся! Спешి из того извлечь врачевство, чем хотят нанести рану; Крест Спасителя всепрощение знаменует. Емлись (ухватись — *прим. ред.*) за него крепкою силою веры; он прикроет тебя от стрел правосудия Божия. Спеши в церковь, там есть утешительный бальзам: Таинство покаяния. Исповедуй грехи, прими разрешение. Как охлаждающая вода освежает жаждущего, так через главу твою сквозь руки священника разольется по тебе струя оправдывающей благодати Божией. Запечатлей навсегда на естестве твоём силу бла-

годати. Как на воске, только растопленном, оттисняется печать, так и здесь. Охладеешь, и все потеряно. А охладеешь: ибо доброе движение, теперь существующее в душе твоей, еще тебе не усвоено. Ты не приобрел еще на него права. Ты еще связан и на земле и на небе. Пусть имеющий власть решить разрешит тебя, тогда выйдешь из книги осуждаемых и впишешься в число спасающихся сынов и друзей Божиих. И благодать обильным потоком низольется на тебя и запечатлеет на тебе сие право сыновства Богу и содружества святым.

3. Таким образом, наконец, в душе все стихает. Пробужденный грешник, освободившись от всех уз, с полною готовностью говорит теперь: восстав, иду, — и благодать, действовавшая доселе сокроважно назирая, как мудрая наставница, первые действия Христова воина-ученика, приемлет его теперь в свое лоно, объемлет и в награду за подвиг исполняет собою. Дверь сердца отверста, Христос входит в душу и вечерает с нею. «Насилие творящим нам себе самим, дабы нескверен сохранить храм Божий, приходит обещающий вселиться в нас и ходити, тогда восприемлет и душа наследие свое и храм Божий быти достойна бывает. Сам бо Бог, воинством Своим изгнав лукава-

го, прочее в нас воцарится»*. Теперь-то она, восхищенная из круга обыкновенных дел, в чувстве совершенной свободы, с пламенным мечом решимости и ревности по чистоте и святости, проходит всю свою жизнь, пересматривает все дела, взвешивает все мысли, желания, все тайные движения сердца и разит все, на чем есть хотя малый след греха. Все зазорное в себе она вызывает теперь пред зеркало совести и поражает проклятием. «Душа, удостоившаяся свыше прияти силу и Божественный оный огонь, от всего пристрастия мирского духа отступает и от уз злобы освобождается, отложив от себе окаменелость грехов и вся ни во что же вменяет и презорствует (пренебрегает. — *прим. ред.*)»**. Здесь совершается скорая, но решительная и воодушевленная перестройка жизни, заключаемая совестным обетом быть всегда верным новому завету сердца с волею Божиею. Как совершенный победитель, душа носится теперь во своей области совершенно свободная, все устрояет по-своему, всему дает новый вид, всюду как бы налагает цепи на побеж-

* Прп. Макарий Великий. Слово 4. О терпении и различии вещей, гл. 19.

** Прп. Макарий Великий. Слово 5. О возвышении ума, гл. 9.

денных, и никто не противоречит. Это благодать дает душе вкусить все блаженство свободы чад своих, и как награду за первое самопринуждение, и как воодушевление к последующим победам. Душа восходит здесь на такую высоту, память о которой потом в продолжении всей жизни служит для нее коренным воодушевляющим началом; глубокая память сердца о ней исполняет жизнь святою тоскою о потере некоего драгоценнейшего бисера, крепким ревнованием отыскать сокровище, сокрытое на селе. «Благодать сначала, — говорит святой Диадокх, — обильно озаряет душу своим светом, так что она может обильно ощущать его, дабы склонить нас с радостию вступить на стезю божественных созерцаний».* «Всесвятый Дух, — говорит он далее, — в начале усовершенствования, если ревностно возлюбим добродетель Божию, дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, для того чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов».** Восхитительное состояние! Но человеку, брэнную плотию обложенному, невозможно навсегда держаться на такой высоте. Благодать скоро сво-

* Слово о ведении и духовном различении, п. 69.

** Там же, п. 90.

дит его опять в обыкновенный круг жизни, где волны греха снова сияются покрыть его отвсюду, и ему предлежат новые брани. «Случается, — говорит Макарий Великий, — что благодать совершенных достигает мер и от всякаго греха свободен человек и непорочен бывает: но потом паки неким образом стесняется благодать, и паки от противныя силы покрывалом задевается».*

Примечание. Так совершается решительный перелом воли — первоначальная главная победа над грехом, живущим в нас.

α) Начало и конец оной равно принадлежит преимущественному действию благодати, только там действие сие есть призывание к подвигу, а здесь награда за оный; там благодать поставляет человека только в состояние среднее между жизнью плотскою и духовною, хотя и с возбуждением от жизни плотской к жизни духовной, а здесь она дает уже ему вкусить всю сладость жизни по духу, всю радость о Духе Святе: середина принадлежит и свободному употреблению сил человека или склонению его произволения. Говорим так не потому, чтобы здесь человек решительно был оставлен самому себе, ибо тогда-то особенно и нужна

* Слово 6. О любви, гл. 9, 10.

ему благодатная помощь, когда во всем существе его происходит коренное изменение; но потому, что благодать здесь всегда последует за движениями произволения: поколику желает человек Духа, потоплику исполняется им, и чем более желает, тем более исполняется, так что когда возжелает всецело, всецело и исполняется; возжелает склониться на добро, и благодать дает сие склонение; возжелает отрешиться от всего, и отрешается; возжелает сейчас начать дело исправления, и благодать воскресляет сию решимость. Если мы иначе будем представлять деятельность души в сие время, то в перемене жизни ничего уже не остается свободе. Это, можно сказать, начало Макария Великого — что благодать дает только то, что желает и чего ищет душа. Особенно оно выражено в Слове о хранении сердца в 12-й и 13-й главах.

β) В общих чертах мы представили здесь внутренний ход к решительной перемене воли, который сколько бы ни разнообразился под разными условиями, но в существе дела остается всегда и для всех один и тот же. Ибо кто не пробужден, тот не станет бороться с собою, — кто не борется, не победит. Напрасны все усилия взойти до решимости угождать Богу иным

путем. Бывает, что иной сам собою без благодати начнет напрягать себя к добру, сам собою отсекает пороки; но продолжает несколько сей труд и оставляет его опять, или если и не оставляет, то успевает им образовать из себя человека, чистого только по внешности: это исправление естественное; в нем нет внутреннего духа жизни. Главное здесь — благодатное пробуждение: оно свидетельствует о божественном избрании и обещает особенное покровительство. О нем потому первое всего надобно молиться и молиться со всею силою веры, со всею крепостию упования.

γ) Произволение, по существу своему, то склоняется к добру, то удаляет препятствия, то приступает к делу, и во всех сих пунктах оно, по существенной связи своей с мыслями, должно быть руководимо и укрепляемо особенными благими помышлениями, коих достоинство определяется приспособленностию к цели. Каковы бы они ни были, но они самые лучшие, коль скоро в настоящем случае или склоняют к добру, или расположение к нему делают господствующим, или возбуждают безотлагательную решимость. Надобно думать, что как каждый человек имеет свое личное настроение: то для каждого должен быть и исключительный

род благих помышлений, особенно поразительных и возбудительных, или даже одно какое-нибудь господственное всепобеждающее помышление. И каждая вещь издает особенный звук, и только по сродному себе звуку дает отзвук, когда, не ударяя по ней, хотят произвести из нее звук. Оттого иного поражает особенно благость Божия, иного строгость Его правосудия, иного превосходство добродетели, иного низость порока, а иного еще что-нибудь и не столь общее и важное. После сего усилие человека занимать себя, во время борьбы с собою, то теми, то другими помышлениями, или, что согласнее с опытом, невольная смена их одних другими, есть не что иное, как стремление души к тому представлению, которое одно может заменить все и которого предначертание как бы носится в душе. Потому вместо всех правил в трех показанных действиях души можно поставить одно: стремительнее перебирай все представления, могущие возбуждать волю, и наиболее останавливайся на том, которое с первого раза стрелою пройдет сквозь твое сердце. Это твое: развивай его со всею живостию; оно спасет тебя. Зажигательное стекло не вдруг зажигает, потому что не вдруг фокус его совпадает с поверхностью зажигаемого вещества, так и ра-

зумение: обращая пред сердцем круг благотворных предметов, поражает его не вдруг, но только тогда, когда впечатлеет в нем главную возбудительную мысль. Тогда оно согревается и воспламеняется во мгновение ока. И здесь-то нисходит на нее огонь Духа, уносящий ее в свои выпренные области и облакающий ее свободою и властью неприкосновенною.

б) Удивительная сокрыта сила в таинстве покаяния. Сознание грехов умом только, без исповеди и разрешения, неудовлетворительно для кающегося и почти всегда остается безплодным для жизни. Здесь точно происходит запечатление христианина — благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Не удивительно после сего, что все мысли и желания спасающихся обращены ко Спасителю... В Нем отрада, в Нем все утешение. Оттого не умолкая вращается в устах и в сердце... сладчайшее имя — **Иисус...**

Б

И после первой главной победы над развращенною волею человеку предлежат новые, хотя не столь трудные, зато более частые брани с собою, или, лучше, одна постоянная брань, которой конец полагается уже смертию.

1. Каков внутренний характер — внутреннее настроение воина, вступающего в брань? С высоты, на которую благодать возводит душу, решившуюся на новую жизнь, душа сносит, как отблеск виденной и ощущенной славы, ревность по чистоте и святости, — ревность воодушевленную, которая, впрочем, вся обращена теперь только на себя. В первые минуты она не может иначе обнаружиться, как ненавистью к злу, замечаемому в себе повсюду, и неуклонным преследованием его. Творение добродетелей с приятностию — любовь к добру — еще, по большей части, только в желании: он хочет, чтобы сердце было также расположено к духовному, как прежде было расположено к чувственному, требует от него такого расположения, и не находит его. Со всем жаром стремится он теперь стяжать его, усиленно противясь злу и принуждая сердце к добру.* **Самопротивление и самопринуждение** — это два полюса одной его воодушевленной ревности. Недовольный собою, он не обращает внимания на то, что такая деятельность будет стоить ему великих трудов, что она непрестанно

* См.: Прп. Макарий Великий. Слово 1. О хранении сердца, гл. 13.

будет поражать скорбию и болезнию его сердце, непривыкшее к прекословиям; что он упадет, может быть, в мнении других, подвергнется их ненависти и преследованию; ибо воодушевлен **жаждою прекословить своему сердцу, умучить себя, обесславить**. Трудности не смущают его: он **предан Божественной благодати** и убежден, что скорбь внутренней брани вскоре сократится, и для него еще здесь настанет блаженный мир души, — состояние, когда он без всякого принуждения и напряжения будет желать добра и любить духовное. Вот внутреннее настроение вступающего в брань! Презрев всякое упование земное, с жаждою скорбей, трудов и прекословия себе, ревнует он о возвращении в себе любви ко всему доброму, воодушевляясь надеждою, что Господь наконец даст ему благодать чистоты и непринужденного, безпрекословного желания добра.

2. В каком состоянии душа у вступающего в брань человека, образовавшего в себе твердую решимость жить, как должно, и в каком отношении ее новое настроение к другим расположениям души? Потому ли, что дух, прежде так глубоко сокрытый под движениями души и даже тела, а теперь высвобожденный

силою благодати из сей темницы, получив свободу действия и независимость жизни, передает сознанию свои высокие требования с такою силою, что и произволение неуклонно подвигается к выполнению их, или потому, что сила благодати соприкасалась душе и проникала сознание и произволение так внутренне и глубоко, что оставила в них неизгладимые следы особенного духовного настроения, только в окончательно решившемся начать новую жизнь, душа, как мы видели, ощущает совершенно новый порядок бытия и жизни и, полагая в нем все свое блаженство, пламенно желает войти в оный, чего бы это ни стоило. Впрочем, на первый раз на ее стороне только и есть. Она жаждет нового порядка; не жалея себя, готова все сделать для водворения его в себе, но между тем сама вся еще объята и как бы покрыта тем, что не только неспособно соответствовать ее преднамерению, но даже положительно противоположно ему. Нет в ней ни одной силы, которая бы сочувствовала ей, нет ни одного движения, которое бы не возставало против нее: хотела бы мыслить по-новому, но ум не умеет соответствовать ее желанию, хотела бы услаждаться духовным, но сердце не имеет еще к тому

вкуса; а там все количество страстей и обычных наклонностей поминутно готовы вспыхнуть и своею адскою силою попалить росток новой жизни. Вообще решившийся все еще таков же, каков был, и прежде только у него коренное начало ново. Это все то же, как если кто примет лекарство, и оно будет воспринято телом. Исцеление здесь начато в центре жизни, но ему остается еще проникнуть и до последних окончностей, кои все еще остаются зараженными болезнию. Впрочем, по самому существу дела и по опытному уверению святых подвижников, здоровое направление к духовному, истинно доброму и святому лежит уже в самом внутреннем основании его души, а направление к чувственному, греховному, эта болезнь души, держится только уже в окрестностях ее, на ее как бы поверхности. Грех изгнан теперь из своих укреплений, занятых добром, и разорен, рассеян в своих силах. «Благодать и грех не вместе сокрываются в уме, — говорит святой Диадокх, — но до крещения (или до таинства покаяния) благодать извне возбуждает душу к благому, а сатана гнездится в глубине ее, стараясь заградить все правые исходы ума; с того же самого часа, в который возрождаемся, демон бывает вне, а

благодать внутри»*. «Когда благодать не обитает в человеке, демоны, как змеи, гнездятся во глубине сердца, совсем не позволяя душе пожелать доброго; когда же в душу войдет благодать, то они, как мрачные какие облака, носятся по частям сердца, преобразуясь в греховные страсти или в различные развлечения, дабы затмить память, отвлечь ум от беседования с благодатию». **

3. Из такого состояния решившегося сама собою вытекает существенная для него необходимость новых браней с собою или одной постоянной брани, имеющей продолжаться, хотя не с равною силою, до тех пор пока ни в одной части его существа не останется заметных следов греховных движений. Он соделается двойственным. Члены сего двойства существенно противоположны в своих направлениях; и, однако ж, каждый из них для своего действия может употреблять только те же силы, какие и другой. Отсюда они необходимо должны встречаться между собою, один против другого напрягаться, один другого преодолевать: ибо каждый ищет власти ис-

* Слово о ведении и духовном различении, п. 76.

** Там же, п. 81.

ключительной, стремится к господству. *Плоть похотствует на дух, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5:17). Дух укрепился теперь в самом корне жизни человеческой, стал здесь твердою ногою, но ему предлежит еще великий труд прогнать врага своего из всех мест, где он может еще укрываться: с другой стороны, и грех, гордый, самонадеянный, пока есть в нем хотя слабейшее движение жизни, никогда не отчаивается в победе и во всякое время восстает и воюет. В минуту воодушевленной решимости благодати возвышенный дух свободно носится в круге своей жизни, и без всякого сопротивления все поражает, все изменяет, всему дает новый вид. Почему бы не держать его постоянно на такой высоте? Стрелы греха не досягают сюда: человек был бы свободен от брани, а вместе и от опасности поражения. Но благодать, устрояющая спасение грешника, большею частию сокращает свое действие на душу и поставляет ее обыкновенное в собственном ей круге. Так действует благодать в отношении к человеку, потому что сего требует его духовное преспеяние. Поучительное отступление благодати испытывает произволение, научает смирению, возгревает боль-

ший жар.* Вообще исправление человека должно быть делом не только благодати, но и свободы. Благодать в сем случае действует, если человек содействует. Возжелай (например, молитвы), напрягись к стяжанию добра, и получишь благодать беспрепятственного исполнения желаемого.** Если бы совместен был с порядком нравственным другой образ действия, то он, без сомнения, был бы избран благодатию. «Она, как искренняя мать, питает нас краткими отступлениями и частыми утешениями»***

4. Итак, необходимо христианину и после решительной перемены воли бороться со грехом, а) Чьею же силою будет совершаться сия борьба? б) в каком вооружении и в) по каким правилам?

а) Сила к ведению внутренней брани подается благодатию Святаго Духа. Под ее влиянием или ее сокровенными манованиями воинствует душа, начавшая через нее новую духовную жизнь.**** Вся вообще Церковь сто-

* См.: Блж. Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 90–100.

** Прп. Макарий Великий во многих местах своих Слов.

*** Блж. Диадок. Сл. о ведении и духов. различении, п. 86.

**** Прп. Исаак Сирианин. Слово 19, о вере и смирении.

ит и воинствует под управлением и распоряжениями Господа Иисуса Христа; но по Его же премудрому устройению Церкви дарован Дух Святый, который воссоединяет со Христом каждый член, образует его по-христиански и исполняет Христовою жизнью. Иисус Христос совершил домоостротельство спасения нашего, а Святый Дух усваивает и прилагает сие спасение к нам, посредствует между Христом и нами, приводит нас к Нему и Его вселяет в нас. Если теперь на пути ко Христу нельзя не встретить искушений, нельзя не бороться, то чьею же, как не благодатною силою будет совершаться сия борьба? О благодати сказано, что она с верным *стропотно ходит... в первых, боязнь же и страх наведет на нѣ и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и откритъ ему тайны своя* (Сир. 4: 18–21). То есть вся сумма испытательно-искусительных внутренних состояний христианина-воина непосредственно зависит от благодати. Участие ее во внутренней брани столь велико, что она не только вливает мужество к сопротивлению и сокровенно внушает способы одолеть врага, но определяет даже и время греховного восстания

и его меру. В сем отношении благодать попускает греху восставать тогда только, как это нужно для руководимого ею, и попускает всегда столько, сколько это необходимо для него в тот или другой момент его образования, и вообще сколько кто может понести. Главное, что требуется здесь со стороны человека, есть совершенная преданность Господу, непрестанное призывание помощи и детская покорность благовременным внушениям к добру, возникающим из сердца. Это одно могло бы заменить и все орудия, и все способы, и все правила брани; но по неопределенности и неустройству внутренних движений необходимо и видимое руководство и укрепление. Воин Христов всегда найдет его в Святой Церкви, в лице пастырей, опытных в брани духовной, старцев-подвижников и в писаниях святых. Пути все уже пройдены и указаны. Испытуй, вразумляйся и стой бодренно, воин Христов!

б) Оружия, коими должен быть облечен воин Христов, выходящий на брань со грехом:

аа) с одной стороны, суть внутренние сокровенные чувства и расположения, не по временам только являющиеся, но постоянно пребывающие в сердце и составляющие его всегдашнее настроение. Основание их он выносит из

первой победы, когда главные усилия и стремления его во время брани, увенчанные успехом, освящаются потом в таинствах Святой Церкви и укрепляются благодатию в сердце, как награда за победу. Вследствие сего у него есть большая часть из тех орудий, в кои облекает воина апостол Павел, или, лучше, они есть и все, но только в зародыше, в первом, так сказать, очертании. Так он уже **стоит**: склонность к чувственному, многозаботливость, упование земное не бременят его: мысль, чувство и всю деятельность свою он направляет теперь к горнему, духовному, единому. Есть у него **броня**, сложенная если еще не из совершенной **правды**, то, по крайней мере, из благодатного основания всех праведных дел — ненависти ко греху и ревностного желания даже принуждать себя к добру. Есть **обувь** — это его готовность, не жалея себя, даже с жаждою страданий, идти путем правды, не возвращаясь, не останавливаясь и не уклоняясь. Есть **шлем** — это живое упование на помощь благодати и несомненная надежда, что еще и здесь ему будет наконец легко желать и делать добро. Другие орудия, также существенно необходимые для успеха в духовной брани, он должен еще приобрести и большею частию отнять у врагов помощью тех

орудий, какие есть. Так, он должен **опоясать** чресла помышлений — стяжать немечтательный ум и способность судить не по видимостям, а между тем его ум каждую минуту порывается к развлечению, а чувства или, лучше, прежний взгляд на вещи — сильно преграждают путь к уразумению того, что значат вещи сами по себе. Только напряженным противлением себе и долгим терпеливым опытом может он стяжать себе препоясание помышлений. Он должен иметь **щит** веры — полную совокупность нравственных убеждений (догматические убеждения составляют веру, которая действует по преимуществу в первой общей брани) и особенно противоубеждений. Каждая страсть, каждая склонность в основании своем имеет известное убеждение, которое прикрывает их от взора совести и холодного размышления или, лучше, которым сердце усыпляет совесть и обманывает рассудок. Например, в основании гнева всегда лежит мысль, что другой намеренно досаждают нам; в основании тщеславия — что все заняты нами; гордости — что мы лучше всех и прочее. Такие убеждения лежат глубоко в сердце и составляют его сокровеннейшие чувства. Пока они есть в сердце, до тех пор нельзя быть свобод-

ным от страстей и наклонностей, нельзя побеждать их: надобно связать их, преградить им исход из сердца, совсем искоренить их. А этого иначе нельзя достигнуть, как противоубеждениями и противочувствиями. Так, для укрощения гнева и оскорблений надобно возродить убеждение: сам во всем виновен, ты стоишь всякого презрения и поношения; против тщеславия: никто на тебя не смотрит; против гордости: нет твари, презреннее тебя и прочее. Такие убеждения и чувства действительно суть самый крепкий щит, который стоит только противопоставить возникающей страсти, и она утихнет: ибо потеряет опору в сердце. Основание сих убеждений положено и прежде — в желании и некотором предначатке способности доходить до убеждений в духовном: но раскрытие их в таком виде, с таким частным применением принадлежит особенному труду — внимательному чтению описания чужих опытов и строгому наблюдению над собою. Особенную силу и крепость получают сии убеждения, когда сражающийся имеет для них готовое основание из Священного Писания. Слова Божии, запрещающие или повелевающие что, имеют чрезвычайно сильное влияние на душу, работающую Господу. По существенной,

сокрытой в них силе и по некоему сродству с внутренним настроением души, они приводят ее в особенное состояние воодушевления, изъемлющего сердце из обыкновенной связи с предметами. В этом отношении слово Божие действительно есть **меч**, пресекающий всякое общение между сражающимся и тем, что вооружается против него, отделяющий его от всего и уединяющий. Кто имеет сей меч, тот или совсем не подпустит к себе врагов, или с первого раза поразит их во главу, если кто дерзнет приблизиться. Но и сей меч надобно стяжать: ибо грешник прежде не знал, даже не хотел знать слова Божия, а решившись поправиться, он возымел только охоту, или даже только намерение изучать его, положил только основание, на котором с терпением надобно еще назидать. Есть в нем твердое основание и последнему орудию — **молитве** в его искренней преданности Богу Спасителю и водительству благодати, надежде на Бога и безнадежности на себя: но держать себя в постоянно молитвенном расположении духа — это требует великих трудов и сильного напряжения мыслей и чувства.

бб) Для возгревания духа молитвенного, равно как для укрепления в сердце всех духов-

ных орудий, нет лучше способа, как участие во всех церковных богослужениях и молитвованиях, говение, исповедь и причащение Святых Тайн, общение с единомышленными ревнителями спасения — в чтении, беседах, взаимной молитве друг о друге. Все сие в совокупности есть как бы атмосфера, которой дышать и зреть свойственно благодатному, потаенному человеку сердца. Вот всеоружие для воина Христова! Облеченный в него, он во внутреннем своем настроении таков: отрехшись от всего земного и обрекши себя на все возможные скорби и страдания, с гневом на всякий грех, вступает он на путь правды, горя ревностью поражает всякое греховное восстание известными убеждениями, словом Божиим и молитвою, пребывая непрестанно под всеми освятельными учреждениями Святой Церкви, блюдя со всем тщанием за всем входящим в сердце и выходящим из него, и всегда одушевляясь в сем многотрудном деле упованием на помощь Божию и надеждою на скорое избавление от сильных волнений греха. Такое изображение снято с воина, вооруженного апостолом Павлом против духов злобы (см.: Еф. 6: 11–18): ибо так как духи злобы не могут иначе действовать на нас, как через грех, живущий в

нас, а с другой стороны, и мы не можем иначе противодействовать им, как противодействуя движениям сего греха; то, указывая орудия против духов злобы, апостол не иное что делал, как предписывал орудия против живущего в нас греха.

в) Облаченный в такое всеоружие, воин Христов вступает в борьбу со всяким врагом, в полной надежде не сам собою, а благодатию Божиею одержать победу и поразить врага. Это, впрочем, не делает излишними известных правил благоразумия, составляющих его воинское искусство, из коих одни способствуют к предупреждению нападений, другие к легчайшему и успешнейшему окончанию брани, третьи к прочнейшему утверждению за собою плодов победы или к скорейшему истреблению следствий поражения, и кои потому естественно разделяются на три класса: а) на правила, кои надобно наблюдать прежде брани, б) во время самой брани и с) после оной.

а) Прежде брани воин должен так действовать, чтобы деятельностию своею или предотвратить нападения, или дать себе возможность замечать их в самом начале, или даже предуготовить победу. Посему первее всего он должен: **аа) стеснить область греховных движений,**

свести их в одно место: ибо таким образом ему не только будет легче замечать возмущения, но и виднее — куда направлять свои силы. 1) Внешний очерк области греховной вообще таков: утвердившись в центре жизни — сердце, грех проникает душу и тело по всем их отправлениям, проходит потом во все внешние отношения человека и набрасывает наконец свой покров на все окружающее его. Теперь и изгнанный из глубины сердца, он все-еще витает в окрестностях его, все еще питается тем, чем питался прежде; лица, вещи, случаи легко могут возбуждать те же мысли и чувства, какие соединял с ними человек, когда работал греху. Благоразумный воин должен теперь преградить это внешнее продовольствие врага. А для сего ему необходимо: α) перестроить все свое внешнее поведение: всему в нем дать новый вид, новые побуждения, новое время и прочее по духу новой жизни; β) распределить время свое так, чтобы не оставалось ни одного часа без должного занятия; промежутки, свободные от необходимых занятий, должны быть наполняемы не чем-нибудь, но занятиями, способствующими умерщвлению греха и укреплению духа: сколько в сем отношении полезны некоторые телесные подвиги, противоположные за-

меченным наклонностям, это может испытать всякий; γ) связать свои чувства, особенно: глаза, слух и язык, легчайшие проводники греха из сердца вовне и извне в сердце; δ) всему вообще, с чем необходимо встречаться, вещам, лицам, случаям, дать духовное знаменование, и особенно место постоянного своего пребывания исполнить вещами, поразительнейшими для души, чтобы таким образом, живя во внешнем, человек жил как бы в некоем божественном училище. Вообще всю свою внешность должно так устроить, чтобы она, с одной стороны, не требовала уже особенного внимания и избавляла нас от всякой о себе заботы, с другой — не только делала нас безопасными от нечаянных восстаний греха, но и питала и укрепляла возникающую новую жизнь по духу. При таком порядке грех будет совершенно отгражден совне, не будет уже получать отсюда себе пищи и подкрепления. 2) Ежели теперь со внутренней стороны человек употребит все усилие к тому, чтобы сохранить себя, как есть, в таком виде, как вышел из первой победы, если то есть будет постоянно возгревать те чувства и расположения, какие возродились в нем тогда, то грех этим отградится и изнутри, и останется здесь уже навсегда без опоры и твердо-

сти. Грех же, лишенный таким образом и пищи и опоры, если не уничтожится вдруг, то, по крайней мере, должен слабеть более и более, до совершенного истощания. После сего брань со грехом, очевидно, сократится и вся сосредоточится в брань с помыслами (кои особенно будут клониться к расстройению нового порядка), редко со страстями и наклонностями, где остается только bb) **тщательно блюсти...** Именно два бдительных стража должен иметь постоянно воин Христов: **трезвение и благорассмотрение**. Первый обращен внутрь, а последний вовне; тот наблюдает за движениями, выходящими из самого сердца, а сей предугадывает движения, имеющие возникнуть в нем по внешнему влиянию; закон для первого: после того как памятью о Божием присутствии изгнано из души всякое помышление, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всем, входящим в него и выходящим из него, особенно же не давай предупреждать действий чувству и желанию: ибо отсюда все зло; закон для второго: с началом каждого дня сядь и расчисли все возможные встречи и случаи, все возможные чувства и движения, какие могут произойти по их поводу, и предварительно заготовь в себе должный против того оплот, чтобы не смутиться и

не пасть при нечаянном нападении. cc) Для того, впрочем, чтобы успешнее действовать при самом нападении, полезно предварительно устраивать намеренную мысленную брань, мысленно поставлять себя в те или другие обстоятельства, с теми или другими чувствами, при тех или других желаниях, и здесь изобретать разные способы, как удержать себя в должных границах, и наблюдать, что особенно помогло нам в том, что — в другом случае. Такое предварительное упражнение и образует воинственный дух, и приучает без робости встречать врага, и без больших трудов побеждать его, как бы по опытно узанным приемам. dd) Сверх того, прежде, нежели приступим к сражению, должны предварительно узнать, когда действовать наступательно, когда оборонительно и когда отступательно. Кроме того, что употребление того или другого способа брани соответствует степеням духовного возрастания (сначала лучше всего отступать, то есть укрываться под кров Господа, не противодействуя; далее, когда опытно уже узнаем врагов и изучим их нападения, не теряя времени, можно отражать их; но намеренно давать свободу возбуждаться в себе страстям, или поставлять себя в такие обстоятельства, где они должны дей-

ствовать во всей силе, с тем чтобы иметь случай к брани и победе, не должно), есть особенные порочные возбуждения, кои можно побеждать исключительно только тем или другим способом. (Помыслы непременно надобно прогонять: но не всегда возможно это сделать с наклонностями и страстями, особенно телесными.) В том и другом случае можно потерять победу по одному неведению. ее) Наконец, никогда не должно выходить на брань без главной побеждающей мысли: это как бы победоносное знамя. Как прежде она решила дело между добром и злом в пользу первого, так и теперь, во время брани с каждым в частности греховным движением души, она без затруднения соделает нас победителями. С появлением ее должны рассеиваться все полчища врагов, все порочные помыслы и желания. Она имеет силу воодушевлять и возносить человека над собою; потому надобно как можно чаще приводить ее в сознание и доводить до чувства, — утвердить навсегда на мысленной тверди сие светило, прогоняющее мрак. Ничто не может сильнее возгревать рвения к истреблению греха, как эта мысль, — рвения — сего быстрого потока живых воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, делает

незаметными все волны от ввержения камней искушений.

б) С такими предосторожностями и правилами иди, воин Христов, с упованием на брань. Впрочем, и во время самой брани тебе должно действовать по известным правилам, чтобы не уподобиться в обороне беспорядочно нападающим врагам. Часто один порядок действия без особенного напряжения может увенчать тебя успехом. аа) Заметив приближение врага — начинающееся возбуждение, или помысла, или страсти, или склонности, первее всего спешి сознать, что это враг. Великая ошибка, и ошибка всеобщая, почитать все, возникающее в нас, кровною собственностью, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделять от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собою, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем. bb) Отделив от себя известное порочное движение и сознав его врагом, передай потом сие сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это самое спасительное средство к прогнанию греха. Всякое греховное движение держится в душе через ощущение некоторой приятности

от него: потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезает. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее — желания, но еще труднее — страсти: ибо сии сами суть сердечные движения. cc) Когда это не помогает и враг не уступает, таким образом, победы без сражения, мужественно, но без самовозношения и самонадеянности, вступай в борьбу: робость приводит душу в смятение — в некоторую подвижность и расслабление, а не утвержденная в себе, она легко может пасть; самонадеянность и самомнение — сами враги, с коими должно бороться: кто попустил их, тот уже пал, и еще предрасположил себя к новым падениям, потому что они поставляют человека в бездейственность и оплошность. dd) Началась брань: храни преимущественно сердце — не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь. А для сего спешి восставить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысл. Такие противоубеждения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы: защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце.

С сих пор в том и будет состоять брань, что возникший грех будет постоянно ограждаться мыслями и представлениями, защищающими его, борющийся будет с своей стороны уничтожать сии оплоты мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многообразных обстоятельств, кои определить совершенно невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага, и победа несомненна: ибо греховное движение, как мы заметили прежде, не имеет в нас твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. ее) Если и после сего, добросовестного, впрочем, действования в защиту себя, враг все еще стоит в душе, как привидение, и не хочет уступить места; то это явный знак, что он поддерживается стороннею силою; посему и тебе должно обратиться к сторонней земной или небесной помощи: открыться своему наставнику и в усердной молитве призывать Господа, всех святых и особенно Ангела Хранителя.

Преданность Богу никогда не оставалась постыжденною. Надобно, впрочем, заметить, что α) иное дело брань с помыслами, иное — со страстями, иное — с желаниями; и помысл

от помысла, и желание от желания, и страсть от страсти разнятся. Во всем этом должно употреблять особые приемы, кои предварительно должно определить или через размышление, или из подвижнических опытов и наставлений; β) что не всегда должно строго браться за сопротивление: иногда одно презрение прогоняет врага, а сопротивление только размножает его и раздражает; γ) что врага должно преследовать до тех пор, пока и следов его не останется: иначе даже простой помысл, оставленный в сердце, как злое семя, принесет свой плод, в неприметном склонении к себе души; δ) во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее. Придуманнные здесь правила всегда бывают очень строги, и потому всегда необходимо бывает их изменять и, следовательно, представлять опыт несостоятельности, столько вредной в духовной брани и соблазнительной для воина.

с) Брань кончена: аа) благодари Господа за избавление от поражения; но α) не предавайся через меру радости спасения, не допускай беспечности, не ослабляй ревности: враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, не-

чаянным нападением тем легче поразить тебя. Потому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда бодрым и бдительным воином. β) Сядь лучше и расчисли добычу: осмотри весь ход брани — ее начало, продолжение и конец, заметь, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними: так стяжывается наконец духовная мудрость и опытность подвижническая. γ) Не говори никому о победе: это сильно раздражит врага, а тебя обессилит. Тщеславие, которого при сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления, и после победы над одним врагом, должно будет сражаться с целюю их толпою. bb) Если же и поражен будешь: α) сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй, спеши умягчить сердце и довести его до раскаяния. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, восставать. Бегущий спешно, если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели: подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы он очень часто спотыкался и падал; β) лучше, вместо бездей-

ственного уныния, ободрись к новым подвигам, извлеки из настоящего падения урок смирения и осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не упадать.

γ) Если не изгладишь греха искренним раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно греховного моря. Грех возобладает тобою, и тебе опять нужно будет начинать с первой брани: но Бог знает, возможно ли это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения; может быть, после не найдется уже ни одной истины, которая бы могла поразить твое сердце; может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение.

Вообще о правилах брани надобно заметить: α) что они в существе своем суть не что иное, как приложение всеоружия к частным случаям и β) потому их всех изобразить нельзя. Дело внутренней брани и непостижимо и сокровенно; случаи к ней чрезвычайно разнообразны; лица воюющие слишком различны: что для одного соблазн, то для другого ничего не значит; что одного поражает, к тому другой совершенно равнодушен. Пото-

му одного для всех постановить решительно невозможно. Лучший изобретатель правил брани — каждое лицо само для себя. Опыт всему научит. Надобно только иметь ревностное желание побеждать себя. Первые подвижники не учились из книг и, однако ж, представляют в себе образцы победителей. γ) Притом не должно слишком полагаться на сии правила. Они представляют только внешнее очертание. То, что составляет существо дела, каждый узнает только из опыта, когда станет сражаться самым делом. И в этом деле руководителями ему остаются только собственное благоразумие и предание себя Богу. Внутренний ход христианской жизни в каждом лице приводит на мысль древние подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая в них, испытываемый получает несколько наставлений в общих чертах — там сделать то, там другое, здесь по такой-то примете, а здесь по такой-то, и потом оставляется один среди мрака, иногда с слабым светом лампы. Все дело у него зависит от присутствия духа, благоразумия и осмотрительности и от невидимого руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христианской жизни. Здесь всякий идет один, хотя бы был ок-

ружен множеством наставников и снабжен множеством правил. Только чувства сердца обученные и особенно внушения благодати для него всегдашние необманчивые и неотлучные руководители в брани с собою, — все прочее оставляет его.

5. В заключение укажем кратко: а) конец брани, б) ее плоды, в) внешний ход и г) продолжение.

а) Чего ищет каждый из борющихся — это есть смерть противника. Между ними невозможно никакое примирение. Они оба, не терпя совместничества, ищут полного единовластительства. В душе наконец или воссияет свет добра, или помрачит ее тьма греховная.

б) Плоды сей духовной брани многообразны. Главнейшие из них: крепость духовная, духовная мудрость не только в отношении к брани, но и вообще к внутренней жизни, чистота сердца: ибо наконец грех так умалется в нем, что делается почти незаметным. Вообще, когда, после более или менее долгой брани с собою, грех приметно слабеет, то христианин во всем существе своем бывает тогда не то уже, что был прежде: он восходит на степень освященных; ничто не препятствует благодати раскрыться теперь в нем в возможной мере.

в) Еще с первого раза брань обращена вообще против всего греховного в человеке; но с продолжением времени грех, естественно, слабеет и сокращается в объеме, а вместе сокращается и поле брани. Вид греха в нас есть вид многоветвистого дерева. Через борьбу постепенно отсекается у него то та, то другая ветвь. Нельзя решительно сказать, какая ветвь прежде отпадает, какая после: ибо здесь очень много значит естественное настроение и прежнее состояние борющегося во грехе. Можно, впрочем, думать, что это отпадение восходит от грубейшего и очевиднейшего к тончайшему и сокровеннейшему. Сначала теряет силу плоть, потом вообще привязанность к видимому, далее наклонности и страсти; долее всех держатся коренные возбуждения и чувства греховного сердца. И они-то составляют камни преткновения для оставляющих бдительность даже на высших степенях духовного совершенства. Впрочем, такая постепенность в сокращении объема и ослаблении напряжения брани имеет место только в общем ее ходе. Что касается до частных битв, то хотя в количестве и они последуют тому же закону, но в силе своей совершенно независимы от него. В сем отношении очень много значат состояния человека естественные

(иногда он бывает мрачен, иногда весел, иногда чрезвычайно благ, а иногда даже человеко-ненавистен) и состояния духовного возрастания (сухость, жар ревности, охлаждение сердца и прочее). Каждое из сих состояний само по себе или умаляет силу греха, или дает ему больший простор; потому и восстание греховное в одном случае бывает слабее, а в другом сильнее, а вместе с тем затрудняется или облегчается и самая брань. Так как сии состояния не подлежат закону постепенности, то исключают из этого закона и силу восстаний греховных.

г) Кончится ли когда сия брань здесь? Вопрос этот всякий пусть решает своим опытом. Вообще — можно только положить: борись в надежде, что сия брань сделается для тебя наконец очень легкою, что из непрерывной она сделается перемежающеюся и что промежутки сии все будут увеличиваться и увеличиваться; но настанет ли на земле для тебя время, когда ты будешь совершенно свободен от возмущений греха, это решишь, когда будешь свободен на самом деле. Макарий Великий (во многих местах своих Слов и Бесед)* советует мужественно вступать в брань с восстаниями гре-

* Например, в Слове 1, о хранении сердца, гл. 12, 13.

ховными, в полной уверенности, что Господь, видя тщание наше, даст, наконец, нам благодать беспрепятственного желания добра и душевного мира; но, стяжав сей мир, никогда не должно думать, что мы уже свободны от нападений и падений. Душа, преданная греху, вся мрачна. Пусть через долгий труд она успела осветить две свои части: другие части остаются еще не освещенными. Надобно беречься: сия тьма легко может покрыть опять всю душу.* Мутная вода отстоялась и кажется чистою: взволнуется вода, и оседшая на дно нечистота опять разойдется по всей воде. Греховные движения прогоняются напряжением в какую-то неведомую область души и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. «Лжет, — говорит Макарий Великий, — сказуяй сердце себе имети чисто: ибо никогда сего не бывает в самой вещи, дабы кто по приятии благодати абие чист стал; предается бо врагам и различным искушениям в наказание и научение. Самые первые и великие люди так суть пред совершенством, как слуга пред господином, или как поток пред Евфратом рекою».** Вообще мысль о совершенном

* См.: Прп. Макарий Великий. Слово 6. О любви, гл. 31.

** Слово 1. О хранении сердца, гл. 12. Еще вся 14-я гл. 5-го Слова.

окончании брани психологически неверна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всем тщанием надлежало бы скрывать ее и от себя и от других, по причине опаснейших обольщений, неизбежных при ней.

Что же остается делать каждому христианину? *Возмогать в Господе и в державе крепости его; воспрять все оружия Божии, да может противитися в день лют (Еф. 6: 10, 13); мужаться, крепиться, стоять; ибо только претерпевый до конца спасен будет (Мф. 10:22), и только побеждающему даст Господь сести с Собою на престоле Своем (Апок. 3:21).*

Г

О благодати Всесвятого Духа

Яко стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нь и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиях своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и откроет ему тайны своя: аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его (Сир. 4: 18–22).

Есть много мест в Священном Писании Ветхого Завета, в которых точно и живо изображается внутреннее состояние членов благодатной Новозаветной Церкви. К лучшим из них относится, без сомнения, выписанное теперь место, — в котором под именем премудрости можно разуметь действия благодати Всесвятаго Духа, премудро устрояющей спасение каждой души.

А. Общие мысли о предмете сих стихов

а) Что именно говорится здесь о благодати Святаго Духа, руководящей человека ко спасению? — То, что сия благодать, когда вселится в открытую для нее душу, сначала действу-

ет в ней более или менее сокровенно, притом обыкновенно или по большей части, — строго и как бы наказательно. Потом уже, если кто при всем том останется верным ей и не перестанет искать ее полного озарения, она обращается к нему прямо, начинает действовать на душу его открытым образом, возвеселяет его и возвещает ему тайны свои: напротив, если кто пренебрежет ее внушениями и заблудит, то и она оставляет такого и предаёт его взысканной им самим гибели. Чтобы не показаться самопроизвольным в таких мыслях о действиях именно благодати, приводим мнение о сем предмете величайшего из подвижников. «Благодать, — говорит святой Макарий Великий, — непрестанно присутствует с человеком (христианином) и еще с младых лет соединившись и укореняся, как бы нечто природное и неотдельное, в сердце его, соделалась с ним как бы одно существо: однако многоразличными образами, по своему произволению, и сообразуясь с пользою, располагает человека».* «Сия сила благодати Божией, бываемая в человеке и дар Святаго Духа, коего верная душа прияти сподобляется, великим трудом,

* Беседа 8, п. 2.

многим ожиданием, долготерпением, искушениями и испытаниями приобретается»^{*}; «с великим долготерпением, премудростию и таинственным ума испытанием, в человеке, уже долгое время в разных случаях подвизавшемся, действовать начинает. И тогда уже дело благодати в нем совершенно показуется, когда его воля, по многом искушении, Святому Духу благоугождающею является и чрез долгое время показывает себя в том терпеливою и непоколебимою»^{**}; «когда душа ни в чем не оскорбляет Духа, но с благодатию во всех заповедях согласна, тогда она от всех страстей свободно быть удостоится, и полное всыновление Духа приемлет».^{***} Сии слова великого подвижника служат полным перифразом приведенного места.

б) Почему же благодать Святаго Духа действует таким образом? Почему с первых минут не излить ей всех утешений на душу, взыскующую Господа, тем более что сии испытательные действия ее служат иногда камнем преткновения для неопытной и слабой души?

^{*} Беседа 9, п. 7.

^{**} Беседа 1, п. 9.

^{***} Беседа 1, п. 7.

аа) На это, обще говоря, один ответ. Верно нельзя иначе действовать при обращении и исправлении грешника, когда премудрая благодать Божия избирает сей именно, а не другой образ действия. У премудрости Божией как будто неперменным законом поставлено исполнять обетования не тотчас, как даются, но после довольно долгого и иногда претрудного испытания. Аврааму дано обетование о размножении потомства, как звезды небесные и как песок вскрай моря, но после повелено самое семя обетования принести в жертву давшему обетование. Сны обещали Иосифу славу и возвышение над братьями, но до того времени он терпит мучения, продается в чужую страну и заключается в темницу. Давид помазан на царство еще в юности, но сколько претерпел он обид, гонений и опасностей до получения царского венца. Тот же закон испытательного медления соблюдает и премудрая благодать, устроая спасение грешной души. Велики благодатные обетования, но для получения их надобно быть под тяжким крестом.

бб) Впрочем, так как Бог, премудрый в действии своем на тварь, соотнобразяется с свойствами самой твари, то, основываясь на понятии о греховном состоянии души, можно дойти до

некоторых оснований, объясняющих, почему благодать Божия, устроая спасение человека, действует сначала сокровенно и строго. Такое действие благодати необходимо: α) по свойству греховного сердца, очищаемого благодатию, β) по главному условию спасения и благодатствования, γ) преимущественно же по целям нравственным.

α) Между обращением и освящением среднее место должно занимать исправление или очищение: ибо иначе кое общение свету ко тьме. Сие очищение бывает более или менее продолжительно, более или менее трудно, смотря по нравственному состоянию приводимого в предначертанное христианское совершенство; но во всяком случае оно мучительно. Грех вошел в самую глубину существа человеческого, оттуда разветвился в разнообразных наклонностях, привычках, страстях и, проникнув все существо его, распространился вне и связал его с чувственными вещами узами, столь же почти крепкими, как крепки узы бытия. Как ни осторожно будешь очищать от греха существо, зараженное им, не можешь не причинить боли, подобно тому как нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу из живого тела. Сердце, пристращенное к чему-

нибудь, как бы входит само в предмет пристрастия; отрывая его от предмета или предмет от него, отрывают как бы часть его самого. Мучительно исправление: оттого душа и не видит утешений благодати, совершающей сие исправление. «Путь добродетели начинающим любить благочестие кажется жестоким и скучным не потому, что будто он действительно таков, но потому, что человек от чрева матерняго живет по воле страстей».*

β) Спасение наше совершено Господом Иисусом Христом, именно Его страданиями и смертью. Ими разрушено средостение, разделявшее человека с Богом, и отверст вход всем благословениям небесным на человеческий род. Крест — основание благодатного Царства Христова. И каждый человек, чтобы удостоиться обетовании сего Царства, непременно должен приобщиться Христовым страстям, не мыслию, но самым делом. Такое приобщение обильно низводит и самую благодать внутрь человека (см.: 1 Пет. 4: 13–14). Потому можно сказать, что благодать спасающая сама производит в душе человека тугу, скорбь, страх,

* Блж. Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 93.

внутренние терзания, чтобы, возведши его на крест (см.: Гал. 5:24; 6:14) и приобщив таким образом Христовым страстям, открыть себе пространнейший вход внутрь и освятить его. «Бог не может иначе облагодетельствовать человека, возжелавшего быть с Ним, как подвергая его искушениям за истину. Ибо от века и от родов стезя к Нему лежит крестом и смертию. Из того и можно узнать, что Бог печется о человеке, когда Он непрестанно посылает на него печали».*

γ) Но, главным образом, благодать Божия попускает скорби и сокрывает свои утешения и свою очевидную помощь, оставляя человека как бы самому себе для образования и утверждения в нем нравственно-христианского характера, и именно:

αα) Для того чтобы искоренить самонадеянность и вкоренить смиренное упование на Бога. Человек естественный обыкновенно уверен, что имеет довольно совершенств и сил. Это постоянное его чувство, которое день от дня утверждается некоторыми успехами в делах недуховных. Такое расположение может возникать в нем и тогда, когда он вступает уже

* Прп. Исаак Сирианин. Слово о любви к миру.

в благодатное царство и начинает жизнь духовную. Так как оно поставляет человека в опасное положение — вблизи к решительным падениям, то благодать Божия печется истребить его в начале, и для того или скрывает от человека всякое утешение, или оставляет его без всякой явной помощи с своей стороны, когда возмутится сердце, восстают помыслы и страсти, и все нечистое явится пред его сознание с напоминаниями о прежнем и с требованиями нового удовлетворения. Здесь-то вполне открывается, что значит человек сам по себе! Он ревностно спешит восстановить внутренний покой; но самым сильным напряжением воли, самым строгим убеждением ума он не может потушить ни одной страсти, не может посечь ни одного помысла греховного. Только уповательное воззвание к Богу утишает внутреннюю бурю страстных помыслов, а вместе показывает человеку, где искать помощи, откуда она приходит и чем он может быть силен. Повторенный несколько раз такой опыт поселяет глубокое убеждение, что человек сам по себе жалок и беден, *и нищ, и слеп, и наг* (Апок. 3:17), что если делал он что доброе, если победил страсть, устоял при искушении, — все это даровано ему было от Бога, в Котором одном

потому и следут искать упокоения. «Научительное отступление благодати, — говорит Диадокх, — приносит душе великую скорбь, унижение и даже умеренное отчаяние, чтоб надлежащим образом унижить ее самолюбие и гордость: впрочем, в то же время благодать подает ей и помощь, — только скрытым образом».* Благодать утаевает «от ума присутствие свое и душу как бы нарочно приближает к лютоści демонов, дабы она, узнавая мало-помалу злость врага своего, с большим страхом и глубоким смирением искала помощи Божией, подобно тому, как мать дитя свое, не хотящее сосать как надобно грудь ее, на короткое время спускает с рук своих, чтобы оно, утрасась каких-нибудь стоящих около безобразных людей или зверей, с воплем, боязнию и слезами возвратилось в материнские недра».**

ββ) Для того чтобы не делать насилия свободе. Нет сомнения, что самоисправление должно быть делом свободы, только вспомооществуемой благодатию. Но если бы благодать, открывшись во всей силе с первого раза, никогда не умаляла своего света и не скрывала

* Слово о ведении и духовном различении, п. 87.

** Там же, п. 86.

своего действия от очей души, тогда душа связывалась бы, так сказать, благодатию и была бы в некоторой необходимости жить не иначе, как по ее влечениям: ибо душа не может не повиноваться Божественной силе благодати, дающей блаженство. «Благодать, — говорит Диадокх, — у крещаемых сперва утаевает свое присутствие, выжидая произвола души, и как человек совершенно обратится к Господу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем дьявольским стрелам достигать до глубокого чувства ее, дабы она с ревностнейшим произволением и смиренным расположением взыскала Бога, дабы свобода наша не совершенно была связана узами благодати.*

γγ) Для того чтобы испытать или, лучше, обезопасить верность души. Душа в настоящем состоянии очень изменчива. На нее решительно положиться ни в чем нельзя. Самые верные и самые надежные обещания ее нетверды. Поэтому благодать не вдруг вверяется всецело душе, не вдруг отдает ей все, опасаясь, чтоб она не забылась и пренебрежением дара не погу-

* Слово о ведении и духовном различении, п. 86.

била себя, утешает ее отчасти, подает явную руку помощи только в редких и опаснейших случаях. Такими посещениями благодати в душе образуется постоянное расположение прибегать в своих нуждах только к благодати Божией и вместе с тем, чтобы удостоиваться ее помощи и благоволения, постоянная и бдительная заботливость быть верною ей, желать и делать только то, что угодно ей, чего она требует. Долгим деланием в таком роде в душе вкореняется такая верность Божественной благодати, по которой даже и в мысль не допускается что-либо оскорбительное для Духа Божия. Что после сего может препятствовать Духу Святому осиять душу всем Своим светом? Ибо можно уже надеяться, что душа не злоупотребит даром. Вообще, что с трудом достается, то дорого ценится и бдительно хранится. Потому-то душа изводится в покой, когда проходит уже огонь и воду (см.: Пс. 65:12).

δδ) Наконец, для того, чтобы истребить мечтательное тщеславие. Есть, по замечанию подвижников, какая-то непреодолимая сила, обращающая душу на саму себя, на свое достоинство и совершенство. Не доброе только дело, одна порядочная мысль, особенно при виде каких-либо недостатков в других людях, воз-

буждают душу хвалить себя пред собою, мечтать о своих трудах и делах духовных. Всем известна опасность такого надмения. Потому благодать Божия, руководствуя ко спасению души, частым оставлением ее себе самой, старается внушить ей, что и она с теми же недостатками, какие видит в других, что и она еще далека от того совершенства, которого ищет и которое теперь несправедливо усваивает себе. «Всесвятый Дух, хотя в начале усовершеня дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов; впрочем, надолго потом скрывает драгоценность сего животворного дара, чтобы, хотя исполним все прочие добродетели, считали себя ничем, потому что не обрели еще святой любви как бы в навык себе».*

Вообще, все действия благодати Святаго Духа, очищающие и исправляющие — скорби, поущение падений, искушения, отступления и утешения, — направляются к тому, чтобы образовать и укрепить внутреннего человека, воз-весть его в состояние освящения и таким

* Блж. Диадокх. Слово о ведении и духовном различении, п. 90.

образом соделать невещественным храмом Бога.

Б. Подробное изъяснение сих стихов

Эта общая мысль о тайном, первоначальном, и явном — окончательном присутствии благодати в душах верующих раскроется яснее, когда подробнее и частнее вникнем в смысл слов премудрого Сираха.

18-й стих. *Яко стропотно ходит с ним в первых.* Дарованная в крещении или восстановленная через покаяние благодать Святаго Духа постоянно присуща душе: ходит с нею во всех путях ее, как друг, блюдет ее, как пестун, печется о благе ее, как мать о покое дитяти. Но самая же сия воспитательная попечительность поставляет ее как бы в необходимость ходить с нею сперва стропотно, то есть или непрямо, не лицом к лицу, скрытно, неощутительно для самой души, или строго, сурово, с некоторою как бы нелюбовию. (Первая мысль подтверждается противоположением слов *стропотно ходит* словам *прямо возвратится*, а последняя — последующими за ними словами *боязнь, страх, помучит.*) Необходимость и цель такого действия объяснена выше.

Боязнь же и страх наведет на нѣ. Вот первое обнаружение в душе действия благодати очищающей! В грешной душе есть какое-то нечувствие, холодность к духовным вещам. Пленяясь и восхищаясь успехами и совершенствами видимыми, она не трогается ничем невидимым. Размышляет или читает о жалком состоянии грешника, о правосудии Божием, о смерти, о Страшном суде, вечных муках, — и все это для нее предметы сторонние, до нее как бы не касающиеся. Такие мысли — спасительные посетители души — держатся иногда несколько времени в уме для интересов познания и потом вытесняются другими приятнейшими, не оставив и следа своего действия в душе. Сердце, не умягченное благодатию, — камень. Все святое или меркнет в нем, или отражается назад, оставляя его холодным по-прежнему. Обращающийся грешник живо чувствует такую окаменелость и потому первее всего просит Господа, чтобы избавил его от окамененного нечувствия и даровал искренние слезы покаяния.* Спасительная благодать в первом действии

* См.: Молитва 7-я на сон грядущим св. Иоанна Златоуста, 4-й стих.

своем на сердце восставляет и очищает духовное чувство. Теперь вошедшая в себя душа видит конечное расстройство свое, помышляет сделать то или другое для своего исправления; но не находит в себе ни сил, ни даже охоты к делам добрым. При сем естественная мысль — не прешла ли она уже ту черту, из которой нет возврата к Богу, не испортила ли она себя до того, что самая сила Божия не может сделать из нее что-либо доброе, — такая мысль поражает ее. В смятении она обращается к Богу милосердому, но угрызающая совесть живее представляет ей Бога правосудным, строгим карателем незаконных. Она протекает всю жизнь свою и не находит в ней ни одного доброго дела, за которое сочла бы себя достойною воззрения Божия. Бога, выше Которого нет никого, ничтожная в таком великом мире тварь дерзала оскорблять противлением Его воле всемогущей. Затем ужасы смерти, суда, вечных мук, представление, что все это может постигнуть ее через несколько минут — даже теперь, довершают поражение. Страх и трепет приходит на нее и покрывает ее тьма (см.: Пс. 54:6). Душа прикасается в сие время некоторым образом вечных мучений. Благодать, приведшая душу в такое подавля-

ющее состояние, блюдет ее между тем от отчаяния и, когда трепет произведет свое действие, возводит ее ко Кресту, и через него вливает в сердце отрадную надежду спасения. Впрочем, сей спасительный страх не оставляет потом души во все время исправления: только сначала он есть необходимый содействователь к перелому в греховной болезни, а потом остается в душе как сберегатель от падений, напоминая ей о том, куда ведет грех. Оттого, когда найдет искушение, когда возродится в неочищенном еще сердце сильный порыв к обычным грехам, в боязни и страхе обращается она тогда к Господу, моля Его, чтоб не попустил ее пасть и избавил от огня вечного. Таким образом благодать наводит на душу спасительный страх за себя во все время исправления, и даже до конца жизни, если душа не успеет взойти до того состояния, в котором страх исчезает в любви. «Когда душа, — говорит Диадокх, — начинает чрез великое внимание очищаться, тогда чувствует, как некое врачевство животворное, страх Божий, как палящий ее в огне бесстрастия действием обличений. Потом, очищаясь мало-помалу, она достигает совершенного очищения, успевая в любви соразмерно тому, как уменьшается

страх, и таким образом приобретает любовь совершенную». *

19-й стих. *И помучит его в наказании своем.* То есть образом руководства своего и воспитания, как-то: попусшением искушений, бед, соблазнов, греховных движений испытает человека и откроет его сознанию, что он значит, каково его состояние, как высок он в духовной жизни, как много успел в исправлении себя (βασιζω** от βασανος — камень, на котором узнают доброту золота). Одного попусшения на движение помыслов достаточно к тому. Здесь вполне открывается, что таится на самом дне с сердца; потому что помышления исходят из глубины его. Оценив достоинство помыслов, человек ясно узнает что он и что остается ему делать. Впрочем, как бы ни производила сие благодать, только главная, можно сказать, цель ее руководства состоит в том, чтобы постоянно держать человека в ясном сознании своих немощей.

Или прямее — *помучит его в наказании своем* — образом руководства своего, — тем то есть, что не вдруг открывает душе весь свой

* Слово о ведении и духовном различении, п. 17.

** Испытывать, пробовать (греч.) — прим. ред.

свет и всю силу своего утешения, — будет долго держать душу в некоторой скорби и туге (βασανίζω, *adficio quocunque modo* — поражать, уязвлять каким-либо образом — *прим. ред.*). Человек обратившийся носит в уме своем начертание совершенства христианского и блаженства от жизни во Христе; с другой стороны, Сам Всесвятый Дух, как заключает Диадох, в самом начале усовершенния дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно. Когда благодать надолго потом скрывает от души драгоценность сего дара, тогда она по необходимости скорбит, памятуя о духовной любви, которая посещала ее, но которой нет теперь в ее чувстве, скорбит, не имея сил возродить в себе то же восхищение, будто по недостатку совершеннейших подвигов. Отсюда можно изъяснить великие труды, необыкновенные бдения, чрезвычайные посты святых подвижников. Они со слезами ищут какое-то неоцененное сокровище, которое имели, но которого нет теперь. Это высокая тоска по отчизне небесной!

Дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиях своих — до тех пор, пока может положиться на душу и сделает ее искусною и опытною во всех путях своих, посредством

которых она низводит в нее оправдание; или иначе — до тех пор, пока возбудит в душе веру или доверенность к себе так, чтобы душа благоговела пред внушениями ее, как пред Божественною святынею; или пока проведет ее по всем путям своим, которыми душа может усвоить себе оправдание. Вот предел испытательных действий благодати, предел воспитания души, за которым, можно сказать, она достигает уже *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13)! У самой благодати есть как бы некоторый чертеж воспитания (без сомнения, видоизменяющийся, смотря по воспитываемым лицам), по которому она не являет открыто лица своего душе, пока не исполнит всего, что нужно для нее, а с другой стороны, и для каждой души есть свой термин (предел, вершина — *прим. ред.*), только с достижением которого она делается достойною полного вселения благодати. Это, как видно, доверенность к душе со стороны благодати, и вера в благодать со стороны души. Действительно, после такого настроения души нет места сомнению, что она останется навсегда верною внушениям благодати. Таковую-то подвижность души, по манию благодати, преимущественно старается образовать воспитыва-

вающий ее Дух, или она-то и составляет в благодатном царстве главное, что должна иметь в себе облагодатствованная душа. «Взыскующий Господа человек пленяет ум в послушание Христово, удостоивается един дух с Господом за то, что никогда не оскорбляет Духа Господня».* «Бог Сам Себя вверяет сердцу, когда человек душу и помышления свои посвящает Ему».** Впрочем, такой предел для нас мало определен. Точнее объясняет его апостол Павел. Он говорит: *стремлюся, не достигну ли я?* (Флп. 3:12). Чего? Того, чтобы приобрести Христа, чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его. Что делает он для сего? *...вменяю вся тщету быти... всех отщесихся, и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, и обращаюся в Нем, не имый моя правда* (Флп. 3: 8, 9). Путь к тому, чтобы живо приобщиться Христа, есть отвержение всего своего, некоторое самозабвение, совершенное отчуждение от себя. В Иисусе Христе нельзя находиться с чем-нибудь своим. Потому-то Диадок говорит: «Когда человек приобретет все добродетели, а наипаче совершенную

* Прп. Макарий Великий. Беседа 9, п. 11.

** Его же Беседа 14, п. 3..

нестяжательность, тогда благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве».* Так, кажется, и быть должно. Ибо что такое нестяжательность? Или что бывает в душе, когда является нестяжательность? Дух человеческий по самой природе своей нестяжателен. Он бывает стяжательным от преобладания над ним души и требований телесных. Теперь, когда он долговременными трудами и подвигами, при помощи благодати, и душу и тело покорит совершенно себе и, восприяв в себя, как бы умертвит их движения в себе самом, и таким образом одухотворит всего человека, тогда в нем не должно оставаться и следа стяжательности, но вместе с тем исчезает и всякая препона к полному вселению в него благодати. Потому Диадокх говорит: «Если кто, живя еще, умрет чрез труды, такой делается уже вполне жилищем Святаго Духа: ибо такой прежде, нежели умер, уже воскрес».** Итак, нестяжательность можно почесть пределом очищения души.

20-й стих. *И паки возвратится прямо к нему...* то есть, говоря словами Макария Вели-

* Слово о ведении и духовном различении, п. 85.

** Там же, п. 82.

кого, «по очищении человека, дело благодати, в нем совершенно является — и он приемлет полное усыновление Духа», или, словами Диадоча: «Благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве, и он делается вполне жилищем Святаго Духа». А вместе с тем, по обетованию Своему, Господь наш Иисус Христос и Бог Отец приходят к нему и в освященном существе его творят Себе обитель (см.: Ин. 14:23). И на человеке знаменается свет лица Божия (см.: Пс. 4:7).

И возвеселит его... Срящет его яко мати, и яко жена девства примет и; ухлебит его хлебом разума и водою премудрости напоит и ...веселие и венец радости, и имя вечно наследит (Сир. 4:20; 15: 1–2, 6). Взыгрался младенец Иоанн в матернем чреве, когда ощутил близость Господа. Радуется и играет дух наш, когда благодать Духа Святаго делает его причастником Божества. Бог наш есть Бог блаженства. Оттого все, кои Его причащаются, исполняются неизъяснимого восхищения. Святые подвижники, причастившиеся сего блаженства, не находят слов к выражению его. «Иногда, — говорит Макарий Великий, — свет, сияющий в сердце человека, так всего его внутренне пронзает, что он весь, погружаясь в сей сладости и приятном

чувствии, находится вне себя, ради преизобилюющая любви и сокровенных таинств собою созерцаемых».* «Душа пламенеет в сем состоянии, — говорит Диадок, — и с неизъяснимою какою-то радостью и любовью стремится тогда выйти из тела и отойти ко Господу, и как бы не знать сей временной жизни».**

21-й стих. *И откроет ему тайны своя.* Какие тайны у благодати? Тайны благодати же, или благодатных действий Духа Святаго на человека. Благодать открывает своему питомцу: а) **таинство воплощения**, страдания, смерти и воскресения Иисуса Христа. Это апостол Павел поставляет целью стремлений для христианина (см.: Флп. 3:10), и она, без сомнения, достигается совершенными, пришедшими в меру возраста исполнения Христова. Быть не может, чтобы Господь не удостоил открыть им Себя во всей полноте, открыть и сердцу, и разумению, которое все в Господе (см.: Евр. 3: 16–19). И что здесь невозможного, когда Сам Господь живет в сем сердце? б) **Тайну оправдания**, или усвоения заслуг Христовых душе, по которому они считаются ее собственными. Апостол

* Беседа 8, п. 3.

** Слово о ведении и духовном различении, п. 13.

Павел средством к сообщению страданий Христовых поставляет соображение со смертию Его (см.: Флп. 3:10), а сие соображение уже совершилось в освященном, как мы видели выше. Тот же апостол оправдание поставляет следствием освящения: *омыстеся, говорит он, освятитеся, оправдистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6:11). А оправданному должно чувствовать приобщение страданиям Господа, которое оправдало его; в) **тайну благодатной жизни:** любовь и через любовь смирение. Бог есть любовь; потому только приобщившийся Ему имеет любовь и постигает ее. «Ум, — говорит Диадокх, — хотя восприимет все добродетели чрез чувство, совершенствуясь с какою-то мерностью и неизъяснимою стройностию, но духовной любви не может стяжать, если не будет во всей полноте просвещен Святым Духом... Божественная благодать, живописующая человека в подобие Божие, просвещением любви показывает, что образ получил вполне благолепие подобия».* «По явлении Креста, — говорит Макарий Великий о своем озарении, — благодать ныне так действует и примиряет все составы и сердце, что душа от великия радости,

* Слово о иедении и духовном различении, п. 89.

яко детище незлобивое является, и человек не осуждает уже более еллина, или иудея, или грешника, или вдававшегося миру; но внутренний человек все зрит оком чистым, и радуется о всем мире, и всевозможно желает почитать и любить еллинов и иудеев».* Вместе с тем он забывает себя от изобилующей любви к Освятителю Богу. «Я знаю, — говорит Диадокх, — такого человека, который так любит Бога, что не знает о себе, что он значит. Он как бы в любви Божией скрывает свои отличия, из ней получаемые, и себе самому всегда представляется рабом непотребным».** «Когда ум, — говорит он в другом месте, — весьма ощутительно и удовлетворительно озарится святою благодатию; тогда душа имеет смирение как бы естественное. Ибо она, будучи питаема Божественною благодатию, уже не может надмеваться тщеславием, хотя бы непрестанно исполняла Господни заповеди, но почитает себя ниже всех: ибо приобщилась Божественной кротости»*** Что касается до веры и упования, то они завершаются и даже поглощаются любовью, которая больше их. Диадокх, объяснив высокую

* Беседа 8, п. 6.

** Слово о ведении и духовном различении, п. 13.

*** Там же, п. 95.

силу любви, присовокупляет: «В ком Бог производит таковую любовь, тот бывает во время сего действия выше самой веры, так как он великою любовию уже содержит Чтимого верою в чувстве сердца своего».* Когда Господь в сердце, то и упование достигает конца: *еже бо видит кто, что и уповает* (Рим. 8:24).

Такие тайны как бы естественно переходят во всякую душу, вполне благодатствованную. Но нет сомнения, что благодать, по временам в видениях или восхищениях, открывает душе и другие сокровенности небесные, как лицу, которое по своим совершенствам достойно того, чтобы видеть их, как они есть. О сих откровениях говорит Макарий Великий так: «Некоторым явилось чрез свет знамение Креста и впечатлелось во внутреннем человеке. В иное же время паки молящийся человек, яко в восхищении быв, обретется стоящ в церкви пред олтарем и принесены были ему три хлеба, аки елем всквашенные; и чем более он их ял, тем паче они умножались и возрастали. Иным же явилось яко одеяние светлое, какого нет на земли в сем веке и какого человеческими руками сделать невозможно. Ибо как, на гору возшедши,

* Там же, п. 91.

Господь со Иоанном и Петром преобразил Свое одеяние и сотворил его блистающим наподобие молнии: таково было и оное одеяние, так что удивился и ужаснулся человек скинувши с себя оное». * «Иногда он, будучи яко сын царев, тако уповает на Сына Божия, яко на Отца, и отверзаются ему двери, и входит внутрь многих обителей. И чем далее он входит, то паки отверзаются ему двери, от ста обителей до иного ста обителей; и богатеет, и елико более богатеет, толико паки вдаль оные новейшия являются ему чудесныя откровения. И поверяются ему, яко сыну и наследнику, таковыя вещи, их же человеческими устами и языком изреци и изобразити не можно». **

Впрочем, хотя такая высота и достижима для человека, предавшего себя Богу; но постоянно держаться на ней ему невозможно. Сего не может снести человеческая природа. Один святой муж молил Господа: «Господи! ослаби ми волны благодати Твоея, иначе умру от полноты блаженства». И Великий Макарий, которому Бог открывал столько тайн (можно думать, что откровения, о которых он говорит,

* Беседа 9, п. 3.

** Беседа 9, п. 6.

даны были ему), полагает, что такое возвышение бывает только по временам. «Если бы чудесные оные знамения, явленные ныне человеку, и кои он самым опытом видел, всегда с ним находились, то не мог бы он ниже служения слова прияти, ни понести каких-либо трудов, ниже слышати что, ниже в нужном случае пещися о себе самом, ни об утрии (о дне завтрашнем — *прим. ред.*), а только бы в едином угле сидел восхищен и как бы упоен. Почему совершенный степень и не дан человеку».*

22-й стих. Аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его. *Аще заблудит* — если позволит себя обольстить. И по получении (в крещении) или возвращении (в покаянии) дара благодати возникают из сердца многообразные греховные помыслы: ибо совершенное умиротворение их совершается не вдруг и, можно сказать, уже по освящении. Но в то же время со стороны благодати через совесть приходят в волю требования законные, которые обыкновенно в первый опыт соблазна бывают сильнее движений порочных или, по крайней мере, равносильны им, если человек обратит всю свою душу к внушениям благода-

* Беседа 8, п. 4.

ти: то обыкновенно порочный помысл, скорее или медленнее, вытесняется из души, и в ней водворяется покой. Но если он позволил предмету соблазна медлить в душе, сначала, может быть, для одной только забавы и умственного развлечения (это первый шаг к падению) то вскоре прилагается к нему сердце и порождает страстное движение (это — второй); слабая воля, которою обыкло (привыкло — *прим. ред.*) управлять сердце, начинает желать (это — третий); между тем голос совести, сначала возбужденный благодатию, все стихает и стихает; является рассудок и под рукою сердца составляет софистические оправдания; голос совести смолкает; все существо загорело желанием; воля решилась и тайна внутреннего беззакония совершена (это — четвертый). За этим естественно последует и самое действие (это — пятый). Человек позволил себя обольстить и пал.* Гораздо удобнее совершается второе падение, тем удобнее третье; и чем более повторяется падение, тем более грех опять сродняется с душою, наконец вселяется в нее и наполняет ее всю. Тяжелый камень, брошенный по скату

* См.: Прп. Филофей Синайский. Сорок глав о трезвении, п. 34–35.

пропасти, не остановится, пока не достигнет дна ее. Растленная душа, как ветхий мех, нового вина неспособна уже вмещать в себя благодать, и она отходит от нее. *Аще заблудит, оставит его, и предаст его в руце падения его.* Грешник теряет свободу. Невольник у греха, он повинуется ему во всем, как животное инстинкту. Тьма ослепила ему очи, и он не видит, куда идет, не видит своей пагубы. Наконец, как глаз света, иная душа снова требует света благодатного. Адом становится ей жизнь во грехе. Воспламенясь ревностию, она опять входит в чин истинных чад Церкви, по духу и жизни. Но иная душа снова падает и снова встает; несколько раз падает и несколько раз встает. Между тем чувство ее все более и более немеет, грубеет, жестеет, тем менее, следовательно, становится способным воспринимать возбуждения и ощущать свое положение. Для иной души возможно окончательное падение — в отчаяние, после которого нет восстановления, нет возможности обновляться покаянием. Тогда благодать навсегда оставляет его в руке падения его.

Так многопопечительна благодать, так многотрудно исправление, так обильны и высоки обетования благодатные, так опасно падение и особенно повторительное! Не можем лучше

заклучить нашего рассмотрения, как словами Макария Великого: «Возлюбленно поистине есть сие, когда душа, всю себя Господу посвящая, и к Нему Единому прилепляясь, и в Его заповедях непорочно жительствуя, и находящий и осеменяющий Дух Христов благоговейно почитая, удостоится с Ним быти единым духом и единым составом, как говорит апостол: *прилепляйся Господеву един дух есть с Господем* (1 Кор. 6:17). Если же кто вдает себя в попечения, или в славу, или властолюбие, или суетится о снискании человеческих честей, и ежели его душа прилепляется и примешивается земным помышлениям, или пленяется кими-либо вещами мира сего, и о снискании оных печется; то таковая душа избежать, удалиться и прогнать тьму страстей, в которой держится лукавыми начальствами, никак не может; потому что она любит и творит волю темного начальника и не гнушается злых начинаний. Потщимся убо всею душою и всею мыслию приступить ко Господу и быти последователями Христовыми, да явимся чрез то достойными вечнаго Царствия и сподобимся небесных благ, славя Отца и Сына и Святаго Духа во вся веки».*

* Беседа 9, п. 12, 13.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О письмах святителя Феофана Затворника

Письменное наследие святителя и духовного писателя епископа Феофана поистине огромно. В своих письмах* святитель живо отзывается на события государственной и общественной жизни, о всем дает свои меткие замечания и определения, следит за ходом Крымской войны, за жизнью ополченцев. В письмах к издателям и редакторам своих обширных литературных и переводческих трудов он высказывает суждения о ходе издания, о рецензентах, говорит о своих удачах или помехах в творческой работе. Кратко, а где нужно и подробно, описывает ход работы над своей замечательной «Евангельской историей»; за этот труд он был удостоен ученой степени доктора богословия. Советуется и о ходе работ над другими духовными книгами, такими как «Что есть духовная жизнь» и др. В своих деловых пись-

* См. Собрание писем Святителя Феофана. Вып. 7, 8. М., 1901.

мах святитель Феофан касается и вопросов духовных, снабжая своих деловых корреспондентов мыслями о тайнах духовной жизни, о делании молитвы Иисусовой и проч.

Для нашей темы наибольшее значение имеют письма святителя как наставника, старца, руководителя в духовной жизни. В них, естественно, отражается дух их автора. Часто они довольно кратки, добросердечны, богаты юмором, назидательностью. Подробный разбор всех писем этого раздела для нас невозможен, да он и не отвечал бы поставленной нами задаче. Существенное, основное для нас — общий тон, дух старческого руководства, который сообщал святитель в своих письмах.

«Я уверен, что внутреннее ваше стоит добре, — пишет святитель Феофан духовной особе, живущей при монастыре, — а если и всколышется когда, то вы умеете приводить его в порядок». «Господь отнимает от вас человеческие опоры <...> чтобы у вас осталась наконец одна опора — Сам Господь. Он хочет возвесть вас в состояние или на высоту пустынников», — пишет владыка в следующих письмах. На вопрос своей духовной дочери, за какие грехи случаются подобные скорби, святитель отвечает: «За какие грехи? — Не

всегда за грехи. Бывает и потому: в венец еще камушек подобран и отшлифовывается <...>. Лучше всего не задаваться такими вопросами, ограничиться одним запечатлением: буди воля Твоя <...> самое мудрое и самое успокоительное».

Ниже в том же письме, чтобы утешить скорбящую, старец пишет: «Мои книги <...> к вашим услугам. Шлю по две поименованных вами. Они все три — игрушки... Но одна игрушечка — револьвер». «Очень рад, — пишет ей владыка в следующем письме, — что <...> молитва ваша стоит. Это молитва в сердце. Она лучше и ценнее молитвословия читательного. Есть ли болячка в сердце? <...> не отходящее от сердца чувство к Богу <...> не помышление, а чувство, служащее <...> источником памяти Божией и всех духовных чувств».

Когда с этой духовной дочерью владыки произошло печальное событие и ей пришлось переходить на жительство в другой монастырь, епископ Феофан писал ей: «Было <...> бы лучше, если бы вы умудрились так устроить, чтобы все забыли или не помнили, что вы среди них живете. Тогда обитель была бы для вас пустынею». К такой высоте смирения звал свою духовную дочь владыка, несомненно на опыте

испытавший крепость подобного состояния среди людей.

Письма святителя Феофана к мирским особам всегда — зов к жизни духовной. «Каждый день надо считать первым днем жизни в страхе Божиим, — пишет владыка матери большого семейства, — заднее все забывая, кроме грехов, о коих всегда надо каяться <...>. Снова начинать — такой закон духовной жизни». «Как только увидите неправость мысли, чувства или слова, — пишет он ей же в следующих письмах, — тотчас и кайтесь <...>. Прибавьте к этому осматривание, как идет падение, и из этого осматривания извлекайте себе урок, как себя одолевать при подобных встречах. Опыты воздержания дадут опытность в самообладании, и падения будут реже и реже. Бог поможет». «Смирения побольше надо, — продолжает владыка дальше. — Речи или порывы слова огорчительные для других не от барства ли? Сознание барства и есть гордость». Владыка в письмах поучает эту мать семейства молитве, говорит ей о смирении. «Лучше всего, если совсем себя забудете, а будете только иметь в мысли, как бы Бога не прогневить чем, неугодным Ему в мыслях, словах и делах». Поучая эту душу в следующих письмах, епис-

коп Феофан пишет: «Вам скорбно смотреть на нарушение заповедей Божиих. Но како Бог Пречистый, Вездесущий, Всевидящий сносит наши грехи... И вот <...> терпит Господь, ожидая, что когда-нибудь опомнимся и начнем направлять душу свою». Советуя терпеть семейные скорби, владыка, глубоко сочувствуя, пишет: «Установитесь в мысли, что без Бога ничего не бывает и потому все бывает во благо нам. От нас зависит только надлежащим образом воспользоваться всем, что случается. Но если и одно только терпение явим — и то доброе себя есть держание пред Богом».

В этой семье святитель определил путь двух молодых девушек, назвав одну Черничкою, а другую — Беличкою. Черничке, согласно склонностям ее души, был определен путь, ведущий в монастырь. Беличке было предоставлено выбирать свое служение среди людей или обзавестись семьей, что впоследствии и исполнилось. Наставления той и другой Владыка давал в течение десятков лет, утверждая каждую на ее жизненном пути и в неизбежных скорбях.

Письма святителя Феофана к лицам, вопрошающим о том, как им строить здание своей жизни, очень содержательны и пространны.

Владыка отвечает на их серьезные вопросы обстоятельно, убеждая рассмотреть внимательно наклонности души. С людьми, решившимися избрать путь монашества или священства, пресвященный Феофан углубленно разбирает их серьезные духовные искушения и дает обстоятельные советы о том, как творить молитву Иисусову. Учит владыка людей этого плана творить и молитву благодарения, составленную из догматов Православной Церкви:

«Слава Тебе, Боже наш, в Троице поклоняемый Отче, Сыне и Душе Святый.

Слава Тебе, создавшему все словом и о всем промысляющему .

Слава Тебе, почтившему нас образом Своим.

Слава Тебе, Сыне Божий, благоволившему воплотиться, пострадать, умереть, воскреснуть, воссесть одесную Отца, и Духа Святаго нам ниспославшему.

Слава Тебе, Боже, народ наш призвавшему в Царство Твое.

Слава Тебе, путь покаяния и обращения мне устроившему.

Слава Тебе за все».

Подробное изучение писем святителя Феофана может составить предмет специального исследования, в котором могли бы быть рас-

смотрены все вопросы, затронутые преосвященным владыкой в своей переписке. Мы же более подробно не сможем углубляться в эту часть его трудов.

Монахиня Игнатия.

Текст печатается по изданию:

Монахиня Игнатия. «Старчество на Руси».

*Издательство Московского подворья
Троице-Сергиевой Лавры. М. 1999.*

СОДЕРЖАНИЕ

Путь ко спасению	3
Введение	5
Отдел 1. О начале христианской жизни через Святое Крещение с указанием, как сохранить сию благодать в период воспитания	10
Как начинается в нас христианская жизнь?	10
Как начинается жизнь христианская в Таинстве Крещения	22
Отдел 2. О начале христианской жизни через покаяние, или о покаянии и обращении грешника к Богу	93
Как начинается христианская жизнь в Таинстве Покаяния?	93
Состояние грешника	97
Действие Божией благодати	105
Пробуждение грешника от греховного сна	106
Чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешников от сна греховного	110
Обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати	136
Восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению	179
<i>а) Восход до решимости оставить грех</i>	<i>179</i>
<i>б) Восход до обета посвятить себя Богу</i>	<i>202</i>
Облечение силою свыше на дело богоугождения в Таинствах Покаяния и Причащения	215
<i>а) Кающемся изрекается всепрощение в Таинстве Покаяния</i>	<i>215</i>
<i>б) Кающийся приступает к Таинству Святого Причащения</i>	<i>227</i>
Отдел 3. О том, как совершается, зреет и крепнет в нас христианская жизнь, или, то же, о порядке богоугодной жизни	235
Как совершается, зреет и крепнет в нас христианская жизнь	235

О хранении духа ревности по Богу	275
<i>а) Внутрь-пребывание</i>	<i>277</i>
<i>б) Зрение другого мира</i>	<i>283</i>
<i>в) Стояние в чувствах, доведших до решимости</i>	<i>292</i>
Указание упражнений, способствующих к утверждению в добре душевных и телесных сил человека	302
<i>Упражнения, способствующие к образованию душевных сил по духу христианской жизни</i>	<i>314</i>
Упражнения, образующие ум, с возгреванием к жизни духовной	314
Упражнения для образования воли и с обращением на возбуждение духа	318
Образование сердца	323
<i>Держание тела по духу новой жизни</i>	<i>335</i>
<i>Порядок внешней жизни по духу жизни новой</i>	<i>340</i>
<i>Благодатные средства воспитания и укрепления духовной жизни</i>	<i>347</i>
<i>Приближение к непрерывному говению</i>	<i>353</i>
Касательно говения	353
Касательно Исповеди	354
Касательно Причащения	357
Правила брани со страстями, или начала самопротивления	361
Начатки восхождения к живому богообщению	406
<i>Восхождение к Богу</i>	<i>408</i>
<i>Живое богообщение совершается в состоянии безмолвия, приводящего к бесстрастию</i>	<i>419</i>

Письма о христианской жизни..... 429

1. О труде самопринуждения	431
2. О слезах	431
3. О предании себя в волю Божию	432
4. О молитве, размышлении и чтении	434
5. О молитве	437
6. То же	439
7. То же	441

8. О парении ума	443
9. О преданности воле Божией	444
10. О цели создания человека	445
11. О приготовлении к покаянию	447
12. О посте	454
13. О монашестве	455
14. О грусти и о покаянии	459
15. О молитве	465
16. О благодати Духа Святого	466
17. О скорби	467
18. О невнимании к себе	468
19. О пребывании с Господом	469
20. О молитве, чтении и рукоделии	471
21. О католическом заблуждении	478
22. О трезвении	481
23. О вреде уклоняться от порядка в жизни духовной ...	484
24. О молитве Иисусовой	486
25. О внимании ума	488
26. О страхе Божиим	494
27. О внимании к себе	504
28. О трезвении	506
29. О молитве Иисусовой	509
30. О тесном пути, ведущем к вечному блаженству ...	511
31. О помысле, внимании и падении	514
32. О упорстве к молитве и о нарядях	515
33. О смятении мыслей	517
34. О монастырском уединении	518
35. То же	520
36. То же	521
37. О присылке ответов на вопросы о борьбе со грехом ...	522
38. О том, как спастись	522
39. Об одиночестве в монастыре	523
40. О вредном влиянии на нас с Запада и о боязливости ...	524
41. О причащении Святых Христовых Тайн	526
42. О книге против Православной Церкви	527
43. О театре	527
44. О самолюбии и тщеславии	528

45. О промысле Божиим и о смирении	531
46. О предании себя в волю Божию	533
47. О вере	534
48. О вольнодумцах	535
49. О земных поклонах	536
50. О лжепророчице	537
51. О статье «О молитве Иисусовой» и житии отца Серафима	538
52. О развлечении и знакомствах	539
53. О Таинстве Причащения Тела и Крови Господних ...	540
54. О миролюбцах	541
55. О развлечениях	543
56. О неосуждении других	544
57. О соблазне	545
58. О провозждении времени и о выборе друзей	547
59. О держании себя в обществе	550
60. О пытливости ума	551
61. О гневе	555
62. О мысли о Боге	557
63. О плаче	557
64. Об искушении	558
65. О святой правде	558
66. О говении	559
67. О молитве	560
68. О молитве и поклонах	561
69. О домоседстве	563
70. Об оскорблении	565
71. О картах и театре	566
72. О затворничестве	566
73. О вспышке сердца	567
74. О статье «Начало христианской жизни»	568
75. О поучениях святителя Иоанна Златоустого	568
76. О книгах свв. Макария и Исаака Сирианова	569
77. О воззвании к св. Исааку Сириану	569
78. О чтении Писаний	570
79. О христианской жизни и неправых понятиях	571
80. О благодати Божией	574
81. То же	578

82. О лукавстве, скрываемом в развращенной воле человека	579
83. Об исправлении греховной жизни	581
84. О трезвении и благорассмотрении	583
85. О искусительной мысли	585
86. О предостережении себя от падения	586
87. О применении мирянам правил спасения, писанных для монахов	588
88. О тесном и просторном пути в жизни сей	594
89. О посте	602
90. О пересудах	607
91. О странниках и странницах	608
92. О брани и сварах	609
93. О самомнении	610
94. О рассеянии	612
95. О гневе	613
96. О суемудровании	614
97. То же	619
98. О храме Божиим	623
99. О цели проповеди	630
Поучения	631
А. Семь слов в недели, приготовительные к посту и на первую неделю поста.	633
1. В неделю мытаря и фарисея	633
2. В неделю блудного сына	643
3. В неделю мясопустную	652
4. В неделю сыропустную	660
5. В среду первой недели поста	667
6. В пяток первой недели поста	674
7. В субботу первой недели поста	678
Б. Об исправлении сердца	683
В. О борьбе со грехом	700
Г. О благодати Всесвятого Духа	757
Приложение: Монахиня Игнатия. О письмах свт. Феофана Затворника	788

Книги издательства
«ЛЕПТА-ПРЕСС»

в Москве (095) 769-61-41, 269-14-14

E-mail: info@lepta-press.ru

Наш сайт: www.lepta-press.ru

Книги издательства «Лепта-Пресс»
и другую православную литературу
вы сможете заказать и получить по почте
в любом уголке России.

Пишите:

115409, Москва, а/я 5

Высылается бесплатный каталог.

Духовно-просветительское издание

Святитель Феофан
Затворник Вышенский

Путь ко спасению

Письма о христианской жизни
Повчения

Ответственный за выпуск **Ю. Захарова**

Редактор **О. Голосова**

Корректор **Т. Кирюхина, Е. Николаева**

Оформление, оригинал-макет **О. Букреева**

Обложка **А. Иванов**

Подписано в печать 15.03.05.

Формат 70 х 100/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».

Объем 25 п.л. Тираж 7000.

Заказ 53947

Издательство ООО «ЛЕПТА-ПРЕСС»
125481 г. Москва, ул. Свободы, д. 89, корп. 5

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии АО «Молодая гвардия»
127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21

ΑΕΤΤΑ